К 70/86
т. 1. ХИМИКИ

K 70/86

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ПУТЕШЕСТВИЯ

ТОМ I

ПОДГОТОВИЛИ К ПЕЧАТИ
И. Н. ВИННИКОВ и А. Б. ПИОТРОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
· 1940 ·

Ответственный редактор акад. *В. В. Струве*

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

41—14348

2020084014

Редактор Издательства В. Х. Чирейкин

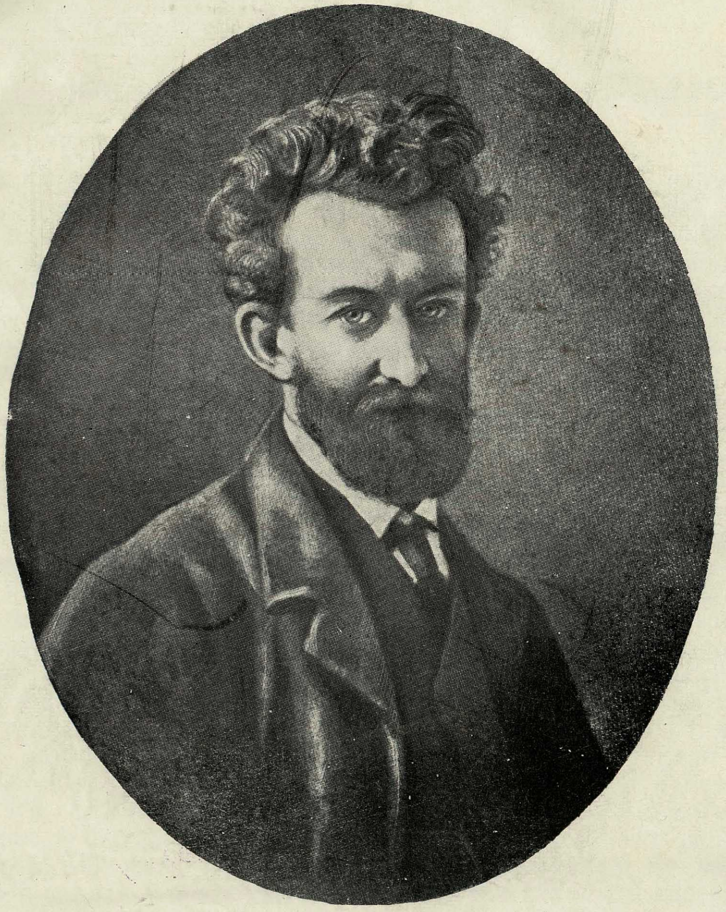
Технический редактор А. В. Смирнова

Корректор О. Г. Крючевская

Сдана в набор 25/II 1940 г. Подписана к печати 14/X 1940 г.
Формат бум. 70×108. АНИ № 603. Печ. л. $22^3/_4$+15 вкл. Уч.-авт. л. 30,76. Тип. зн. в 1 печ. л. 54432.
РИСО № 1064. Ленгорлит № М. 21326 Тираж 3000. Заказ № 813.

Типография Лениздата № 1 им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.
Напечатано с матриц в типографии „Юхиселу", Таллин, ул. Сюгисе 14.

Океания
Новая Гвинея

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ.

С портрета работы К. Е. Маковского (Ленинград, Музей Института этнографии Академии Наук СССР).

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ ДЛЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н. Н. Миклухо-Маклай, как известно, был по специальности зоологом. Его первые шаги в этой области направлял знаменитый Геккель, горячий поборник учения Дарвина о происхождении видов, и это учение легло в основу всех зоологических исследований Миклухо-Маклая. Позже, под влиянием акад. К. М. Бэра, он заинтересовался вопросами антропологии, опять-таки с точки зрения проблемы эволюции. Бэр был одним из первых ученых, обративших внимание на важность для освещения этой проблемы изучения первобытных обитателей Новой Гвинеи и посвятил антропологии папуасов особый мемуар.[1] Под влиянием Бэра Миклухо-Маклай и выбрал главным объектом изучения папуасов. Ради этого изучения он временно отложил свои зоологические исследования, так как считал необходимым спешить с собиранием материалов по антропологии первобытных племен, принимая во внимание их быстрое вымирание в результате соприкосновения с европейской цивилизацией. Сам Миклухо-Маклай говорит об этом в своем письме в Географическое общество в 1877 г. следующее: «... меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечу на это, что хотя я считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными,.. все-таки почел з а б о л е е в а ж н о е: обратить мое внимание, теряя при этом не мало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, полагая, что э т и фазы жизни э т о й части человечества, при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день), в е с ь м а с к о р о п р о х о д я щ и. Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как почти наверное, при повторенных сношениях с белыми, не только нравы и обычаи т е п е р е ш н и х папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса, в его примитивном состоянии, в горах Новой Гвинеи, подобно тому, как я искал Оран-Сакай и Оран-Симанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи — я был прав».[2]

Раз занявшись этим вопросом, Миклухо-Маклай глубоко и всесторонне изучил антропологию папуасов и скоро стал в этой области авторитетом, не превзойденным до сих пор.

[1] Ueber Papuas und Alfuren (Mém. de l'Acad. d. Sc. de St.-Pétersbourg, t. VIII, 1859).

[2] Изв. Географ. общ., г. XIV, 1878.

Он первый опроверг долго господствовавший в науке взгляд на характер роста волос у папуасов, доказав, что волосы у них растут вовсе не пучками, а «совершенно так же, как у европейца» (стр. 210). Точно так же он установил крайнюю вариабильность цвета кожи и широтного индекса папуасов. Он первый доказал неправильность того мнения, что кожа папуасов отличается какой-то особенной жесткостью. «Не только у детей и женщин, — говорит он, — но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев» (стр. 209).

Его исследования сохранили всю свою актуальность и для нашего времени: они являются блестящим доказательством полной несостоятельности полигенетических теорий и утверждений о неравноценности человеческих рас.

Позже Миклухо-Маклай расширил область своих антропологических исследований: они охватили также туземцев о-вов Адмиралтейства и других островов Меланезии, Микронезии, материка Австралии, первобытные племена п-ова Малакки и негритосов Филиппинских о-вов.

Но Миклухо-Маклай не ограничился антропологическим изучением племен Океании и Южной Азии. Целый ряд его трудов посвящен вопросам этнографии. Как этнограф Миклухо-Маклай выгодно отличается не только от многих своих современников, но и от многих позднейших исследователей строгостью и требовательностью к себе, осторожностью в выводах, тщательностью и объективностью описаний.

«Я мог бы на основании собранного материала, — говорил он, — написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их миросозерцании... Такой образ действия, однако, мне противен... Ведь, все догадки и привнесенные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачам дальнейших наблюдений для последующих исследований» (стр. 241).

Но главное в этнографической работе Миклухо-Маклая, давшее ему возможность глубоко и всесторонне изучить культуру папуасов, это то, что он сумел сродниться с народностью, которая служила объектом его исследования. Он стал для папуасов своим человеком, приобрел их доверие и дружбу, все его отношения к ним были проникнуты подлинным гуманизмом. Ведь, именно этот гуманизм является непременным условием для плодотворной этнографической работы, только он позволяет проникнуть в интимные стороны жизни изучаемых племен. И если бы Миклухо-Маклай не был прежде всего человеком в благороднейшем смысле слова, он не только не сумел бы сделать тот вклад в науку, который он сделал, но несомненно погиб бы в один из первых дней своего пребывания на непосещенном до него ни одним европейцем берегу Новой Гвинеи.

Миклухо-Маклаю принадлежит прежде всего та заслуга, что он первый дал характеристику, и притом исчерпывающую, материальной культуры папуасов зал. Астролябии. Он подробно описал их орудия производства, жилища, одежду, утварь. Ему мы обязаны первым описанием техники земледелия у папуасов, гончарства на о. Били-Били, устройства папуасского селения и способов приготовления пищи.

В меньшей степени ему удалось осветить отношения собственности, социальный строй и верования папуасов. Главным препятствием к этому явилось недостаточное знание туземных языков. Сам Миклухо Маклай

рассказывает о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть для того, чтобы узнать названия самых обыкновенных предметов, не говоря уже об отвлеченных понятиях. Нужно принять также во внимание общее состояние этнографической науки того времени. Вопросы общественных отношений у первобытных народов были еще совершенно не разработаны, они еще не стали предметом серьезного научного изучения; здесь царили самые бесчовенные гипотезы и спекулятивные теории, ярым врагом которых всегда был Миклухо-Маклай. Еще не появились в свет книга Моргана «Древнее общество» и классическая работа Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», впервые давшие ключ к пониманию структуры первобытного общества. Этим прежде всего и объясняется то, что Миклухо-Маклай часто не был в состоянии вскрыть социальную сущность описываемых им явлений. Так, говоря о деревне и указывая, что она «. . . состоит из нескольких. . . групп хижин, расположенных кругом площадки и соединенных узкими тропинками» (стр. 229), что деревня владеет плантациями (стр. 232), что предварительная подготовка плантаций, вырубка кустарников, сжигание и рубка деревьев, постройка забора производится обычно всеми жителями деревни совместно (там же), что «в Горенду одни кокосовые пальмы принадлежат отдельным лицам, а другие — всей деревне» (стр. 100), что «есть буамбрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне» (там же), и т. д., — Миклухо-Маклай не разъясняет ни принципа устройства деревни, ни состава ее населения. Остается неясным главный вопрос: построена ли папуасская деревня по родственному или же по территориальному принципу? Но, не имея точного ответа на этот вопрос, нельзя понять, что же именно является основной социально-экономической единицей у папуасов. Между тем, мы теперь хорошо знаем, что население папуасской деревни состояло из членов о д н о г о и т о г о ж е р о д а и что основной единицей общественной организации у папуасов был р о д. Именно род являлся собственником плантаций, и всеми его членами совместно производилась подготовка плантаций под посевы, хотя плантации уже были поделены между отдельными группами близких родственников. Каждая из этих групп, которая занимала определенную часть деревни, вела общее хозяйство и совместно обрабатывала переданный ей родом в пользование участок земли. Более того, мы знаем теперь, что папуасский род был организован на материнском начале. Об этом с полной неоспоримостью свидетельствуют следующие факты:

а) наличие особого термина для обозначения родственников по материнской линии в совокупности — gai;

б) родственники с материнской стороны получают главную долю наследства после умершего; они наследуют наиболее ценную утварь, украшения и оружие покойного;

в) каждый должен отдавать часть урожая родственникам с материнской стороны, делиться с ними при убое свиней и т. д.;

г) обязанность кровной мести лежит на родственниках с материнской стороны;

д) для вступления в брак необходимо прежде всего согласие матери или брата матери;

е) до брака между полами господствует полная свобода;

ж) часто муж поселялся в доме жены;

з) при погребении покойника родственники с материнской стороны роют могилу и укладывают в нее труп.

То же относится и к ряду других явлений, описываемых Миклухо-Маклаем. Так, говоря о празднествах «ай», он даже не подозревает, что мы имеем здесь дело с универсальным в первобытном обществе институтом инициации. Точно так же он не знал, что телумы, прекрасные образцы которых имеются в собранной им коллекции, являются не чем иным, как изображениями умерших членов рода.

Но хотя Миклухо-Маклай не был в состоянии объяснить многое из того, что ему приходилось наблюдать, его описания обыкновенно настолько четки, что при современном состоянии наших знаний мы без труда можем установить истинный смысл описываемых им явлений. Его, обычно немногословные, но глубоко содержательные, описания обработки земли, гончарства, охоты, рыбной ловли, празднеств, обрядов при заключении брака, погребении и т. д. дают в своей совокупности полную картину жизни папуасского общества. Из них совершенно отчетливо видно, что у папуасов как производство, так и потребление носят коллективный характер, что обмен еще очень не развит, обусловлен исключительно различием в природных условиях и не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на структуру общества, что семья еще не является у них социально-экономической единицей, что общественный строй папуасов базируется на принципе полного равенства.

В своей статье «Острова Адмиралтейства» Миклухо-Маклай пишет: «На берегу Маклая в Новой Гвинее нет, собственно говоря, ни родовых, ни выборных начальников; всем взрослым принадлежит одинаково право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы или их мнения». [1]

Приведем еще одно место из той же статьи:

«Уже с первого дня знакомства с этими туземцами (т. е. о-вов Адмиралтейства — *И. В.)* меня интересовал вопрос: есть ли у них какой-нибудь начальник, и если есть, то какова его власть? Но мои наблюдения дали о т р и ц а т е л ь н ы й ответ; как и на Новой Гвинее (на берегу Маклая), у них некоторые туземцы достигают большого влияния лишь вследствие опытности, знания дела и отчасти по старшинству лет. Мореплаватели и путешественники, которые видят страны только несколько дней или часов, руководясь общепринятыми идеями, или тем, что видели в других странах, не стесняются раздачей титулов, каковы: вождь, начальник, король, руководясь часто только тем, что один из туземцев более кричит, чем другие, или имеет какое-нибудь внешнее отличие. Повторяю, что я не мог убедиться в присутствии начальника между жителями посещенных деревень, хотя и знал, что Герланд, основываясь на описании французских мореплавателей, говорит о князьях (?) на о-ве Адмиралтейства, которых туземцы слушаются и которые деспотически обращаются со своими подданными. Я могу так же ошибаться, как и французские мореплаватели, видевшие этих князей, но я, м н о г о м е с я ц е в живши на Новой Гвинее, все-таки не решаюсь утверждать, что начальники там существуют». [2]

Одной этой цитаты вполне достаточно, чтобы убедиться в том, насколько Миклухо-Маклай стоит выше не только своих современников, но и многих новейших буржуазных исследователей. Еще несколько лет

[1] Изв. Географ. общ., т. XIV, вып. 5, 1878, стр. 22, примечание. (Отдельн. оттиск.)

[2] Там же.

тому назад известный исследователь той же Меланезии Турнвальд дал явно искаженную картину общественного строя туземцев Соломоновых о-вов, характеризуя его как «ранний феодальный прекапитализм», и вопреки даже им самим приводимым фактам утверждал, что принцип коллективизма совершенно чужд «примитивной экономике».[1]

Миклухо-Маклай проложил дорогу позднейшим исследователям северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Именно благодаря ему туземцы относились к первым после Миклухо-Маклая белым пришельцам с полным доверием и видели в них своих друзей, что облегчило этнографическое их изучение. Нечего и говорить, что папуасы жестоко поплатились за свою доверчивость: она была широко использована колонизаторами в своих интересах. Вот что говорит по этому поводу немецкий этнограф Хаген, живший на берегу Маклая в девяностых годах XIX века:

«Миклуха-Маклай сумел, однако, завоевать в самых широких размерах доверие, уважение, даже любовь своих папуасов... Этому хорошему впечатлению, которое оставил по себе первый белый посетитель бухты Астролябии, надо приписать, повидимому, по преимуществу то мягкое, дружественное, предупредительное отношение тамошнего населения к позднейшим пришельцам, которым мы, преемники Миклухи-Маклая, впоследствии воспользовались в своих интересах».[2]

Первым после Миклухо-Маклая исследователем папуасов зал. Астролябии был немецкий ученый Финш. Инициатива его экспедиции (1884—1885 гг.) исходила от Адольфа фон-Ганемана, основавшего позже, вместе с некоторыми другими коммерсантами, Новогвинейскую компанию. Экспедиция получила краткую, но очень ясную инструкцию: «Исследовать неизвестные или менее известные берега острова Новой Гвинеи, так же как и северный берег Новой Гвинеи до 141 меридиана, в целях отыскания гаваней, установления дружественных отношений с туземцами и приобретения от них возможно более земель». Со своей задачей экспедиция прекрасно справилась, и в конце 1884 г. был поднят на Новой Гвинее германский флаг, и северо-восточная Новая Гвинея, включая берег Маклая, получила название «Земли императора Вильгельма». Финш, подробно останавливаясь в своих работах „Samoafahrten" (1888) и „Ethnologische Erfahrungen und Belegstücke aus der Südsee" (1888—1893) на материальной культуре папуасов зал. Астролябии, не только не дает ничего нового по сравнению с Миклухо-Маклаем по вопросам социального строя, но почти совершенно игнорирует эти вопросы.

Хаген, о котором мы уже упоминали, автор монографии о папуасах зал. Астролябии „Unter den Papua's" (1899), не только не пролил дополнительного света на социальный строй папуасов, но в значительной мере запутал этот вопрос, так что его монографию в этом отношении очень трудно использовать. Достаточно указать, что на всем протяжении своей книги он ни разу не употребляет термина «род» и, говоря об отдельных институтах родовой организации, даже не подозревает, о чем идет речь.

Столь же слабо освещены вопросы социального строя и в трудах позднейших исследователей зал. Астролябии. Даже в трехтомном труде

[1] R. Thurnwald. Pigs and currency in Buin. Oceania, 1934—1935, vol. V № 2, pp. 119—141.

[2] B. Hagen. Воспоминание о Н. Н. Миклухе-Маклае у жителей бухты Астролябии на Новой Гвинее. Землеведение, 1903, кн. II—III, стр. 247.

R. Neuhauss'а „Deutsch Neu-Guinea“ (1911) мы не находим четкой картины социальной организации папуасов.

Миклухо-Маклай явился также пионером в деле изучения первобытных племен Малакки. Научные результаты двух путешествий по Малакке, предпринятых Миклухо-Маклаем в 1874—1875 гг., изложены им в статьях: 1) „Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel“; 2) „Einiges über die Dialekte der melanesischen Völkerschaften in der Malayischen Halbinsel“; 3) „Sprachrudimente der Orang-Utan von Johor“; 4) „Ueber die Orang-Semang und Orang-Sakai“.

Первая из этих статей содержит антропологическую и этнографическую характеристику семангов, сакаев и якун. Эта статья встретила очень высокую оценку со стороны Вирхова. Такой авторитетный исследователь, как Мартин, в своем капитальном труде «Die Inlandstämme der Malaischen Halbinsel» (1905) также подчеркивает огромное значение наблюдений Миклухо-Маклая: «Антропологическое изучение полуострова, — говорит он, — получило новый импульс, благодаря путешествиям Миклухо-Маклая, которому прежде всего принадлежит та заслуга, что он первый дал сведения о племенах восточного побережья, а также характеристику различных племен внутренней части полуострова... Его сообщения всегда добросовестны, так как почти всецело основаны на собственных наблюдениях, а не на рассказах малайцев, к которым он с самого начала относился с большим недоверием».

Статьи Миклухо-Маклая о племенах Малакки, равно как живо и литературно написанный дневник его путешествий по Малакке с многочисленными зарисовками автора, войдут во второй том настоящего издания.

Большое значение имеют также наблюдения Миклухо-Маклая над туземцами о-вов Адмиралтейства и других островов Меланезии и Микронезии.

Статьи Миклухо-Маклая содержат не только очень ценные антропологические и этнографические данные, но и дают яркую картину грабежа и насилий, «человеческой бесчестности, несправедливости и злости», по выражению Миклухо-Маклая,[1] со стороны европейских колонизаторов по отношению к туземцам. Миклухо-Маклай не только изучал туземцев Океании. Подобно великому американскому этнологу Льюису Г. Моргану, он все силы прилагал к тому, чтобы улучшить их положение, чтобы спасти их от надвигающейся гибели. Он наивно думал, что путем апелляции к колониальным властям он сможет оказать какое-либо влияние на судьбу туземцев и облегчить их участь. Тем же стремлением продиктован его проект организации русской колонии на Новой Гвинее, колонии не в обычном смысле слова, а такой, в которой туземцы пользовались бы полной автономией. С этим проектом он выступил, когда узнал о намерении Германии присоединить берег Маклая к своим владениям, прекрасно отдавая себе отчет в том, чем это грозит туземцам. Как известно, он добился только того, что прослыл утопистом и чудаком, потому что царское правительство, естественно, не могло выступить в роли покровителя угнетенных народов.

Опасения Миклухо-Маклая за судьбу туземцев вполне оправдались. Каждый шаг колониальных захватчиков на Новой Гвинее, как и в других

[1] Миклухо-Маклай. Острова Адмиралтейства. Изв. Географ. общ., т. XIV. вып. 5, 1878, стр. 10. (Отдельн. оттиск.)

странах, отмечен полным порабощением туземцев. Так, напр., все население о. Били-Били в зал. Астролябии, столь часто упоминаемого Миклухо-Маклаем, было изгнано с родного острова в наказание за мятеж против поработителей. [1] В результате колониальной политики империалистов население Океании вообще катастрофически вымирает. Приведем хотя бы несколько примеров. Так, на Гавайских о-вах насчитывалось в 1823 г. 142 000 туземцев, ко времени Миклухо-Маклая, в 1872 г., их осталось 51 531 человек, [2] а в 1929 г. — всего 20 479 человек. На Маркизских о-вах насчитывалось в 1773 г. 100 000 туземцев, ко времени же Маклая, в 1877 г., их осталось 6000 человек, а в 1924 г. — всего 1200 человек. [3]

На о. Пасхи, обитатели которого создали столь своеобразную культуру, на острове, прославленном своими колоссальными статуями и нерасшифрованными до сих пор письменами, насчитывалось в 1774 г. 7000 туземцев, а в 1935 г. их осталось всего лишь 159 человек. [4] Такова приблизительно картина и на других островах Океании.

Возвращаясь к этнографическим исследованиям Миклухо-Маклая, мы должны констатировать, что они сохранили все свое значение до наших дней и сохранят его навсегда. Его наблюдения относятся к тому времени, когда культура изученных им племен еще сохраняла свою примитивность и самобытность и не подверглась еще разрушительному влиянию европейской цивилизации. «На мою долю,— писал Миклухо-Маклай, — выпало редкое счастье наблюдать население, бывшее совершенно обособленным от сношений с другими народами» (стр. 207). Присущие всем его описаниям глубокая искренность, правдивость, точность и объективность обусловливают их непреходящую ценность.

Исследования Миклухо-Маклая имеют не только специальный интерес. Его труды содержат неоспоримые доказательства правильности учения основоположников марксизма о первобытном обществе. Это особенно важно в наше время, когда многие этнографы в капиталистических странах пытаются доказать, что характернейшие для капиталистического общества институты являются исконными, присущими человеческой природе, так как они уже, якобы, существовали на заре истории человечества. Вот почему издание глубоко объективных, насыщенных ценнейшим фактическим материалом, представляющих столь резкий контраст с тенденциозными измышлениями многих и многих современных этнографов Запада, трудов Миклухо-Маклая является вполне своевременным.

Настоящие издание, в которое вошли все этнографические, лингвистические и основные антропологические работы Миклухо-Маклая, состоит из двух томов. Мы признали целесообразным расположить материал не хронологически, а по географическим областям, чтобы таким образом дать более цельную картину того, что сделано Миклухо-Маклаем для изучения каждой из исследованных им областей. Первый том посвящен Новой Гвинее, а во второй том вошли работы Миклухо-Маклая по другим островам Океании, а также по п-ову Малакке.

[1] O. Finsch. Südseearbeiten. 1914, стр. 273, примечание 1.
[2] S. H. Roberts. Population Problems of the Pacific, 1927, p. 91.
[3] Там же.
[4] A. Métraux. Introduction à la connaissance de l'Ile de Pâques. Paris, 1935.

В настоящий том вошли следующие материалы:

1) Дневники пяти путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. Эти дневники были впервые напечатаны в 1923 г. Текст дневников тщательно проверен. Мы разрешили себе там, где это было совершенно необходимо, сделать некоторые стилистические исправления. Мы считаем это тем более допустимым, что сам Миклухо-Маклай находил неудобным опубликование своих дневников в черновом виде, в каком только они до нас и дошли. Он начал подготовку их к печати, но смерть помешала ему довести это дело до конца. Следует отметить, что в издании 1923 г. также имеются редакционные исправления, но они носят чисто случайный характер; кроме того, далеко не все они приемлемы; встречаются даже необъяснимые пропуски, которые мы восстановили. Дневник второго путешествия Миклухо-Маклая на южный берег Новой Гвинеи нами не включен, так как он остался незаконченным. Те восемь страниц рукописи, которые до нас дошли, не содержат никаких существенных данных.

2) Две статьи по антропологии и этнографии папуасов берега Маклая, напечатанные впервые на немецком языке в голландском журнале «Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie»: «Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (XXXIII, 1873, стр. 225—250) и «Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (XXXV, 1875, стр. 66—93; XXXVI, 1876, стр. 294 — 333). Перевод этих статей, помещенный в издании 1923 г., сделан крайне небрежно и для настоящего издания переработан заново.

3) Ряд мелких заметок о папуасах берега Маклая: а) «Отношение числа женщин к числу мужчин у папуасов берега Маклая», б) «О брахикефалии у папуасов Новой Гвинеи», [1] в) «Следы искусства у папуасов берега Маклая на Новой Гвинее», [2] г) «Об употреблении напитка „кеу" папуасами на Новой Гвинее», [3] д) «Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов берега Маклая на Новой Гвинее», [4] е) «Список растений, используемых туземцами берега Маклая на Новой Гвинее». [5]

4) Статья о папуасах берега Ковиай «Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea (1874)» [6] и первое дополнение к этой статье «О папуасско-малайских помесях на восточных Молуккских островах». [7] Второго дополнения «Социально-политическое положение населения Папуа-Ковиай в 1874 г.» мы не печатаем, так как оно по содержанию совпадает с озаглавленным так же и помещенным в настоящем издании меморандумом на французском языке, представленным Миклухо-Маклаем генерал-губернатору Нидерландской Индии и хранящимся в Архиве Академии Наук СССР.

[1] Напечатано впервые в журнале „Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie", XXXIV, 1874, стр. 345—347.

[2] Напечатано в „Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, t. I, 3-e sér., 1878, стр. 524—531.

[3] Изв. Географ. общ., т. X, 1874, № 2, стр. 83—86.

[4] Там же, № 4, стр. 147—149.

[5] Напечатано в „Proceedings of the Linnean Society of New South Wales" vol. X, part 3.

[6] Напечатано впервые на немецком языке в журнале „Natuurkundig Tijdschrift etc.", XXXVI, 1876, стр. 148—175.

[7] Там же, стр. 176—179.

5) Составленные Миклухо-Маклаем списки слов диалектов папуасов берега Маклая[1] и берега Папуа-Ковиай.[2]

В приложении мы даем список предметов этнографической коллекции, собранной Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее. Список предметов этой коллекции по другим островам Океании вошел во второй том настоящего издания. Часть своей коллекции Миклухо-Маклай передал в дар Академии Наук 13 декабря 1886 г., другая часть была передана им Русскому географическому обществу, откуда она поступила в Академию Наук в 1891 г. В настоящее время вся коллекция хранится в Институте Этнографии Академии Наук СССР под №№ 168, 402, 738 и 1103.

Апрель 1938 г.

[1] Напечатано в „Adhandlungen der philologisch-historischen Classe der k. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft" VIII, 1883, стр. 494—503.

[2] Напечатано в „Tijdschrift voor indische Taal-, Land- en Volkenkunde", XXIII, 1876, стр. 372—379.

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ. ВАЖНЕЙШИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАТЫ

17 июля 1846 г. — родился в с. Рождественском близ г. Боровичей б. Новгородской губ. Отец — инженер-капитан Николай Ильич; мать — Екатерина Семеновна, урожденная Беккер.

1857 г. — поступление в школу св. Анны в Петербурге.

1858 г. — перевод во 2-ю С.-Петербургскую гимназию.

1863 г. — переход из 6 класса гимназии вольнослушателем в С.-Петербургский университет на физико-математический факультет, по отделу естественных наук.

1864 г. — исключение из университета без права поступления в другие русские университеты за то, что он, «состоя в числе вольнослушателей С.-Петербургского университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц» (Отношение инспектора университета С.-Петербургскому полицеймейстеру от 15 февраля 1864 г. за № 644).

1865 г. — отъезд в Лейпциг, поступление на медицинский факультет.

1866 г. — переезд в Иену; занятия на медицинском факультете сравнительной анатомией под руководством проф. Карла Гегенбаура и зоологией под руководством проф. Эрнста Геккеля; путешествие с Геккелем, Грефом и Фолем на Канарские о-ва для зоологических исследований, причем были посещены Мадейра, Тенериф, Гран-Канария и около четырех месяцев было посвящено зоологическим исследованиям на о. Лансероте. Н. Н. занимался анатомией губок и изучением мозга хрящевых рыб.

1867 г. — поездка с д-ром Дорном из Иены в Мессину для продолжения сравнительно-анатомических работ.

1868 г. — путешествие на берега Красного моря для исследования морской фауны.

1869 г. — возвращение в Россию; работа в Зоологическом музее Академии Наук по определению и исследованию коллекции губок (напечатано в «Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg», VII sér., t. XV, 1870, № 3). Проект экспедиции в Тихий океан. Представление в совет Географического общества «Программы предполагаемых исследований во время путешествий на острова и прибрежья Тихого океана». Одобрение программы в заседании Отделения физической географии 20 ноября 1869 г. Назначение пособия в 1350 руб. и исходатайствование разрешения «принять путешественника на корвет „Витязь" для совершения путешествия к берегам Тихого океана».

1870—1871 гг. — путешествие на Новую Гвинею на корвете «Витязь». Маршрут: Кронштадт (8 ноября 1870 г.) — Копенгаген — Пли-

рут — о. Мадейра — о. С. Висенте — Рио-де-Жанейро — Пунта Аренас — Магелланов пролив — Талькахуано — Вальпарайсо — о. Пасхи — Питкайрн — Мангарева — Папеити (о. Таити) — Апия (о-ва Самоа) — о. Ротума — Порт Праслин (Новая Ирландия) — зал. Астролябии (19 сентября 1871 г.).

20 сентября 1871 г. — 22 декабря 1872 г. — пребывание на Новой Гвинее, на побережье зал. Астролябии (Гарагаси близ дер. Бонгу).

1872—1873 гг. — отъезд на клипере «Изумруд» в Гонгконг и оттуда на о. Яву. Во время стоянки клипера в Маниле предпринял экскурсию внутрь о. Люсон для изучения негритосов.

Декабрь 1873 г. — июнь 1874 г. — второе путешествие на Новую Гвинею (берег Папуа-Ковиай). Открытие оз. Камака-Валлар. Маршрут: Батавия — Гессир — о. Наматоте — мыс Айва — Амбоина — Макассар — Батавия — Тьипанас. Меморандум генерал-губернатору Нидерландской Индии о разбойничьих нападениях малайцев на туземцев Папуа-Ковиай и о работорговле на этом побережье Новой Гвинеи.

Ноябрь 1874 г. — февраль 1875 г. — первое путешествие по п-ову Малакке. Маршрут: Батавия — Сингапур — Иохор-Бару — р. Муар — устье р. Индау — Иохор-Бару.

Июнь — октябрь 1875 г. — второе путешествие по п-ову Малакке. Маршрут: Сингапур — Иохор-Бару — Пахан — Келантан — Патани — Кеда — г. Малакка — Сингапур.

1876—1877 гг. — путешествие в западную Микронезию и северную Меланезию и второе посещение берега Маклая (на шхуне «Морская Птица»). Маршрут: Черибон (о. Ява) — Бонтхейм (о. Целебес) — о. Гебе — о. Яп — о-ва Палау — о. Яп — о-ва Адмиралтейства — о-ва Агомес — берег Маклая.

1877—1878 гг. — отъезд с Новой Гвинеи в Сингапур. Тяжелая болезнь. Отъезд в Сидней.

1879 г. — путешествие по о-вам Меланезии (на шхуне «Сэди Ф. Келлер»). Маршрут: Сидней — Нумея (Новая Каледония) — о. Лифу — Новые Гебриды — Бэнксовы о-ва — о-ва Адмиралтейства — о-ва Агомес — Ниниго — Тробриановы о-ва — Соломоновы о-ва — о. Базилаки. Письмо верховному комиссару Западной Океании сэру Артуру Гордону о работорговле в Океании.

1880 г. — путешествие на южный берег Новой Гвинеи. Маршрут: о. Базилаки — о. Тесте — порт Моресби — о-ва Торресова пролива — Соммерсет — Брисбэн.

1881 г. — основание зоологической станции в Сиднее. Второе путешествие на южный берег Новой Гвинеи. Маршрут: Сидней — Порт-Моресби — Кало — бухта Кеппель — Порт Моресби — Сидней.

1882 г. — поездка из Сиднея в Россию.

28 сентября 1882 г. — письмо к Н. Н. Миклухо-Маклаю Л. Н. Толстого, в котором он дает восторженную оценку деятельности путешественника с точки зрения своего миросозерцания.

1883 г. — третье посещение берега Маклая (на корвете «Скобелев»). Возвращение в Сидней.

1884 г. — женитьба на Маргарите Робертсон, дочери премьер-министра Нового Южного Уэльса.

1886 г. — поездка в Россию. Выдвижение проекта организации русской колонии на Новой Гвинее. Отклонение проекта царским правительством.

13 декабря 1886 г. — передача в дар Академии Наук этнографических коллекций, собранных во время путешествий 1870—1885 гг.

1887 г. — возвращение в Австралию. Переезд с женой и двумя сыновьями из Сиднея в Петербург. Болезнь (острая невралгия и ревматизм).

14 апреля 1888 г. — смерть.

1923 г. — первое посмертное издание «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая под редакцией Д. Н. Анучина (том I).

БЕРЕГ МАКЛАЯ

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

(с сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

19 сентября (нов. ст.) 1871 г.

Около 10 часов утра показался, наконец,[1] покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи.[2] Корвет «Витязь» шел параллельно северо-восточному берегу Новой Британии из Port Praslin (Новая Ирландия), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс короля Вильяма (King William), находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов). В проходе между о. Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островов, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светлозеленого цвета.[3] Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (до высоты приблизительно 1000 футов) и представляла очень характерный вид. Пра-

[1] Выйдя из Кронштадта 8 ноября нов. ст. 1870 г. и зайдя в Копенгаген, Плимут, о. Мадейру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого Мыса), Рио-де-Жанейро, Пунта-Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпарайзо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апию (на о. Уполу, одном из о-вов Самоа), о. Ротуму и Port Praslin (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о. Новой Гвинеи.

[2] Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты слишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, т. е. в направлении WNW, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-по-малу закрывают часов в 10 или в 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 футов вышины). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

[3] Светлозеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на полянах по скатам гор.

вильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали дальше вглубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 часов вечера показался недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а на берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места (нас пронесло около 90 сажен), мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединяясь с белою пеленой тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября

За ночь попутное течение подвинуло нас к N миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; посередине их тянулись белые strati (слоистые облака). Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта. По мере того, как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10 час. 30 мин., подвигаясь к зал. Астролябии, мы увидали перед собою 2 мыса: южный — мыс Риньи (Rigny) и северный — мыс Дюпере (Duperrey), оба невысокие; второй далеко выдается в море.[1] Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31°Ц. Часам к 12 мы были среди большого зал. Астролябии.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь», капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым, вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский за-

[1] Мыс Дюпере, названный так Дюмон Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

кричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженях в 70 от берега на 27 сажен глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого[1] скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительно занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега, и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам, Ульсону и Бою, спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кое-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу, где я и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собою, никто из них не отваживался подойти к моей шлюпке. Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся

[1] У самого берега глубина была несколько сажен.

очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса. Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов 30 по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темнозеленом фоне окружающей зелени, а яркопунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и *Coleus* оживляли общую картину леса, состоявшего из бананов, пандануссов, хлебных деревьев, арековых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра. Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте 2 футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине темно, — с трудом можно было различить находившиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного глиняного горшка, на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один, без всякого оружия, и знаками прошу его подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ею себе голову. Папуас этот был среднего роста, темношоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти однако же скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из какой-то серой тряпки, шириной около 8 см, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади на талии, и двух плотно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betle*, за другую на левой руке —

род ножа из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля. Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначения гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять. Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под которой сзади спускались на шею крученые пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовалось несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка, толщиной в очень толстый карандаш, с вырезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. д., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами. У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которые были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти что в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиной, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых. Из этих восьми впервые встреченных мною папуасов четыре оказались больными: у двоих элефантиазис изуродовал по ноге; третий представлял интересный случай psoriasis'а, распространенного по всему телу; у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидевшими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов — следы, вероятно, таких же давнишних чирьев.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружавшим меня папуасам сопутствовать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместилось в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу; Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-по-малу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили, и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

21 сентября

Берег зал. Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной вышины тянутся вдоль берега и только на берегу WSW прерываются низменностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5—6 тысяч футов) покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами, а реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобной пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете, на мостике корвета, и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; поэтому я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что я не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шума, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным, как по близости к ручью и уединенности, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили туземцев больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле они то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга. Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишним. Из трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко оттуда обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем посланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев *(Canarium commune).*

22, 23, 24, 25 сентября

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую — для моих слуг Ульсона и Боя. Так как взятых с Таити досок нехватило, то стены были сделаны из дерева только наполовину, в нижней части, для верхней же части, равно как и для двух

дверей, служил брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного на Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и пригонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, напуганные пальбой 21-го числа [1] и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2—3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили 5 или 6 прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, простые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли, между прочим, также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоял на якоре, названа в честь генерал-адмирала и председателя Русского географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом Витязь (впоследствии я узнал, что туземное имя его «Били-Били»).

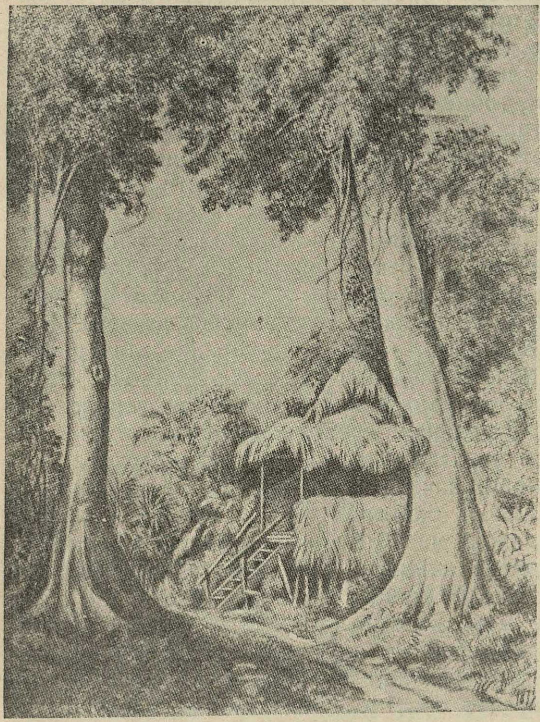

Рис. 1. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси.

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания здесь корвета. Между тем, приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения

[1] Числа в тексте даются по новому стилю. — *Ред.*

он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал о виденной мною пантомиме в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты на случай крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, о которых старался объяснить мне Туй.

26 сентября

Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобрать вещи, часть которых оставлялась на Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет житья, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порте. Я взял кое-что, но так мало, что П. Н. Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев, она же давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перебираться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек 30 матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех — густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарою в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.[1] Место это находилось под боль-

[1] Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета „Витязь" из Кронштадта

шим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на 1 фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов порт Константина — имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, — представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе. шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д.

К моему сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами — пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами, и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которым я очень благодарен за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 сентября

В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около 4 часов

вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправлявшиеся в Тихий океан (корвет „Витязь", клипер „Изумруд", лодки „Ермак" и „Тунгуз"), он при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где, между прочим, спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: „вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия на Новую Гвинею — научное исследование этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. В виду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить на Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нравов туземцев, я из предосторожности запасся несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом, чтобы русское военное судно зашло, через год или несколько лет, в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу". Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни моих рукописей на Новой Гвинее. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам „Витязя".

утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстно оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и к удивлению и негодованию увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожавших рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть ко мне, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет; не с прежним добродушием поглядывал он на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он, действительно, сейчас же удалился, но не прошло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица: даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками: они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад и проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами

я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился. Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я видел сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константина. Я им подарил разные безделушки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на 3 вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от 9 до 12 часов). Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как одни из них разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (7 футов длины и 7 ширины) занимает стол (около 2 футов ширины), другую — две корзины, образующие мою койку (неполных 2 фута ширины). В проходе, шириной около 3 футов, помещается удобное, необходимое мне складное кресло. Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу. Бой (повар) приготовлял нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису. Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября

Спал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих им по ночам покоя насекомых.

30 сентября

Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хит-

рость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам любуюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит всегда мне приятная тишина: не слыхать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует: я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны, и лес с тропической растительностью, с другой, — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели. . .

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону, я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать полученные подарки соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, шедшие за ними несли на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мною; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой моей вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили, из деликатности или боязни — не знаю. Все знали мое имя, обращаясь ко мне, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонике, которая в большом ходу на о-вах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоник, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли: при прощанье они протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитой элефантиазис.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза; дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

1 октября

Проснувшись до рассвета, решил итти в одну из деревень, — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Пустив его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня, но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев, в конце-концов, превозмогут страх перед револьвером.

Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение итти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, напр., сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным ко всем любезностям папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушить все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записной книжки и карандаша.

Я намеревался итти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение.

Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел понятия.

Слышалось несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду глядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имело результатом то, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около барлы, и ко мне подошло несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла попасть в меня пущенные одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там

не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорившие, зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь. Мне самому как-то стало неловко — зачем прихожу я стеснять этих людей. Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем, при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я к этому опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить — лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой итти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрыть глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, растегнуть штиблеты, распустить пояс и найти что-нибудь подложить под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на цыновке или же во сне.

Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жа-

лобная песня «коко» (*Chlamydodera*), напротив, наводила сон; треск цикад также нисколько не мешал, а способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа слишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг цыновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил итти домой, приведя свой костюм в порядок; эта операция очень заняла окружавших меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с N, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в 7 часов; в безлунные ночи темень страшная: шагах в четырех от дома трудно его отличить.

Всю ночь лил дождь ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие раны, применив карболовую кислоту. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого испытания моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попалось.

Папуасы притащили мне 4—5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом, и только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастать подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, еще явилось несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы,

сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производяг еще на туземцев какое-то особенное впечатление—им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления чего-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от ½ до ¾ м ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красной охрой, и на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья *Artocarpus incisa*.

2 октября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом Витязь). Большое число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был не отличим, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами.[1]

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно

[1] Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным общим выражением удивления у туземцев.

было разглядеть общее направление тропинки, однако я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пень. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

3 октября

Отправился утром при отливе за добычей на риф; гуляя по колено в воде, сверх ожидания набрел на несколько интересных *Calcispongia* (известковых губок). Через полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и итти знакомиться с моими соседями в деревню — на О от мыса Обсервации. Отправился туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новизной всего окружающего. . .

Из леса вышел к морю. Следуя морским берегом, не трудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услыхал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми; несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, цыновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей за собою, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня, нахмурившись, и перекидывались словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили

между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне не трудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела — знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, что нелегко будет преодолеть недоверие туземцев и что на это потребуется очень немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны. Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжительного отсутствия; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли 3 свертка: для меня, для Ульсона и Боя. Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако, я остался в сомнении.

4 октября

Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкой своего гнезда. Помещение мое всего в 1 кв. сажень, а вещей тьма.

5 октября

Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

Вечером слышу — кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно повышенная температура.

6 октября

Часу в четвертом из-за мыса Обсервации вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через 5 минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик, или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришло несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же. Мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а»... «е-е-е»..., чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков. У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи *(Sus papuensis)*, связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», повидимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен «буль-ра» нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однако же, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: так, напр., каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня; каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону — значительно менее, а затем Бою — еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и мою шлюпку, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и бананов. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше

почему-то подарил безделушек, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О, Маклай! О, Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

10 октября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки. Как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь — настоящий лазарет. Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеет специальное туземное название; так, напр., небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагаси; мыс Обсервации напротив — Габина и т. д. Деревня, которая была посещена мной вечером в день прихода «Витязя» в порт Константина, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светложелтоватыми кустами и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее, у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, дер. Горима; на О от Гарагаси, деревня, к которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Марагум, еще далее дер. Рай. При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления — с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся. Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам, после вчерашнего пароксизма, еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября

У меня пароксизм повторился. Все больны. Скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом чтобы отделаться от

стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны. Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые кладут на специальный лист, [1] также высушенный над огнем, и свертывают в виде сигары, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу. Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготовлял тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого, вьющегося растения. Сперва он выскабливал одну сторону его, отдирал от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на руках выше biceps'a и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю 2 кокосовых ореха в день.

15 октября

Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг зал. Астролябии весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лежания цвет лица Боя заметно посветлел — побледнел.

16 октября

Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу.

На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебывало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить — дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

[1] Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

17 октября

У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь — сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же, при заходе солнца, выползает и прохлаждается с непокрытой головой, разумеется, украдкой от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дома на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально — бегут.

18 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен, и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы с Таити и кукурузу; не знаю еще, что взойдет, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм; сожалел на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября

Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспрестанно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября

Сегодня визит тринадцати человек с Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей последнего. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно: не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько: четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандой, т. е. переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Задумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

22 октября

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну, и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песку, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песку остается в бороде. Возвращаюсь к дому около 5 час. 45 мин. Уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чая, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапорометре, вынимаю из земли зарытый на 1 м глубины термометр и записываю его показание. Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп, или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11 часов. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кэрри. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 7 часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, напр., приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение. Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»[1] и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен. Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздаю-

[1] Чарки — чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайзо.

щемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 8—9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности очень интересной для меня жизни.

23 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30—иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь...

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копье в правой руке, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал с копьем, как будто стараясь ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

24 октября

Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление, не знаю. Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибков и тому подобных организмов. Один из наиболее курьезных грибов, выросший в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиной и формой, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужной вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежали почти без употребления только два платка. Причина тому—отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

к ночной музыке и созерцая разнообразную растительность, облитую лунным светом... verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimnisvoll-fantastischen Umgebung... Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября

Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело, — не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер — живу и смотрю на все окружающее, точно ничто меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, напр., в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября

Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дома. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимой прелестью природы.

27 октября

Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и, действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя. Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу; тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины. Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла. Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин — инструменты, употребляемые папуасами для реза-

ния — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма) и хорошо сделал, потому что к часу я почувствовал лихорадку, но благодаря приему хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох: ходит и говорит, как больной. Бой не встает. Опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги. . . Везде мокро.

28 октября

Приходил опять Туй, опять я его вначале не узнал — так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью; теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому — выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода, действительно, хорошая маска. Опять часу во втором вдали показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, окончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышей с другими. Это будет в последний раз.

29 октября

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул. Но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчет, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть ничем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу. Ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двухствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагаси. Хотя дождь и прошел, но было пасмурно; однако, благодаря взо-

шедшей, хотя и скрытой облаками, луне, я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того, как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться. Пение или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще поднимался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменил намерение: вместо того чтобы итти вперед, я пошел назад и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал отрывки папуасского концерта.

30 октября

Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флагштока, оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть, преследуемая акулами, которых здесь немало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно, жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал энергический прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другою убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более. Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагаси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиной в руку, была передана мне. Он то же сделал с большим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух — лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну. Не могу сказать, что совершенно здоров; голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал

Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу опять стоны: у Ульсона пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, повидимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который по его словам беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели, вследствие опухоли, которая кончилась нарывом. Вот уж недели две, как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями с ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября

Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги, идущие от дер. Богатим, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями: они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагаси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста. Я не ошибся: две партии туземцев, человек около двадцати, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за своими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы; они часто меняют свое положение: то сидят на корточках; то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах; то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукой, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть. Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздиравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону. Чтобы отделаться от гостей, я роздал каждому по полоске красной материи, которой они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского денди требуется, вероятно, немало времени.

2 ноября

Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсервации), а затем вдоль берега, по на-

правлению к дер. Мале. За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, поднимавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей животных на поверхности моря, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, я вернулся в Гарагаси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно свою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке, на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г., когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Сбиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября

Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?» — спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки. «Это колебание не земли, а ваших колен, — сказал я Ульсону,— так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось, действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал 2 или 3 незначительных, хотя и явственных, колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки; при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало, и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон, действительно, принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не поднимался выше 410 делений, оба эти дня стоял очень высоко и поднялся до 464. После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бо-

роды и брови. Я долго внимательно рассматривал его волосы. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе незаметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками.

4 ноября

Вот скоро 6 недель, как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20 и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября

Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около 2 часов утра опять дом заходил и закачался. Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?» Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше; ночью, во время землетрясения, поднялся до 515. Не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября

Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти беспрерывную молнию, которые в продолжение трех или четырех часов оглушали и ослепляли нас. Дождь падал не. каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя повыползли просушиться. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с длиннейшими задними ногами.

7 ноября

Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотой и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны, — приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкой, принимать непрошенных любопытных, подчас назойливых гостей а главное, сознавать, что связан и должен сидеть дома. . . В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне нехорошо, принужден оставаться на ногах.

8 ноября

Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стонали и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под влиянием могучей силы. Все еще сильная гроза с беспрерывной молнией и сильными раскатами грома. Потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября

Утро было сырое и свежее (всего 22°Ц). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидал перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносную печь, именно — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела была у него более озябшей. Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте; очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень дальней деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом. Все пришедшие имели при себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни, с целью иметь возможность, во время перехода из одного места в другое, зажигать свои сигары. Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их был положительно одинаков с типом приморских жителей, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены; ноги крепкие с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими

бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там, в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября

Нахожу, что туземцы здесь — народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в 1½ длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагаси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагаси.

Другой пример. Приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко, в кустах, они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых. Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чаю.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить, без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя.

12 ноября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до 3 или 4 часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негренгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили: «негренгва». Показываю им печатную бумагу — снова: «негренгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негренгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор. Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился, вспоминая, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я примешал слишком много.

15 ноября

Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу: втаскивать на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но, несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и блоки, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы, наконец, втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит даже при самом высоком приливе.

Устали порядком.

16 ноября

После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь та-

ким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития, но вместе с тем я убедился опытом, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно итти параллельно развитию умственному, а не совершенно отстраняться его преобладанием.

17 ноября

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка etc. etc. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня. . . Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, — единственное средство для удаления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы, при моих посещениях, бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагаси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, дозволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагаси у меня все под рукой: и инструменты для антропологических измерений и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду подмышкой в особых мешках. Я не упускаю случая, при посещении горных жителей, измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять свою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность. Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание

Туя, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, в обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои. Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительный возраст и то место на голове, откуда они были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около дер. Мале, куда я, однакож, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось: было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамбрамру»[1] Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей. Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то много мне говорил, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагаси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу — род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек и, закрыв глаза, повторял: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь в виду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамбрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотой и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагаси. В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом; взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким све-

[1] Буамбрамрами называются большие хижины, особенным образом построенные и назначенные исключительно для мужчин.

том горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьем. Я был невооружен по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел однакож цел и невредим до Гарагаси, где был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду увидеть меня в живых.

22 ноября

На днях я убил голубя *(Carpophaga)* у самой хижины и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как скелет среди белого дня пропал с дерева, в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывшуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром мне удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось не долго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел высказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услыхал голос его, зовущий меня. Я вышел — действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен; темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка из грубой тапы спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему цыновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила; я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая цыновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с цыновкой и одеялом.

23 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя—не что иное, как звукоподражание ее крику «кокониу-кэй». Когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящиков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался итти к ручью мыться, поэтому тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября

Несмотря на значительный прием хины (1—5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильной опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: «да», «нет», «дурно», «хочу», «холодно», «отец», «мать»... Просто смешно, но что я не могу добиться и узнать — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово. Между другими словами, узнанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагаси, я узнал совершенно случайно название звезды: «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири»; луну — «каарам-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября

Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрыть глаза (так опухли его веки) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения о смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он вста-

нет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой. Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти что не осталось. Когда я пробирался через чащу, в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставив дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, и боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол и Вуанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием соединены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагаси. Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однакож, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние 5 минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это может быть сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя ее восход. Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября

Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал; главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

30 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверен-

ным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство не мыслимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря

Ходил в дер. Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление: так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «деґарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы. Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеиспеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно они стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому — кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча. Когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль Маклай», т. е. дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет. Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. С 8 или 9 часов вечера идет дождь, который начался при заходе солнца и будет итти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение итти каждый день. Дождь барабанит по крыше; вода протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего: он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; правда, последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, напр., сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовлять чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагаси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там

по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнии, благодаря которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать с собою фонарь было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным. Надо заметить, что вот уже второй месяц как у нас нет сахара и недель 5 как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с кэрри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразие даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природой, которая так хороша здесь. . . Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться.

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный 10-минутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был получен, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листик, даже шип, который сейчас уколол руку; только одна секунда—и опять все черно, и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратить мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь в красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, — надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

5 декабря

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головою одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытье и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря

Бой очень страдает. Я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу,— при этом он указывал на все пальцы рук и ног, желая этим сказать, что придет много людей, — придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколят копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал: «О, Маклай! О, Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам, как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О, Маклай, О, Маклай!»

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не помешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда-нибудь корвет?» Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю» — я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает 2 дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но должно быть неладно, по крайней мере, другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: «две руки», причем третий папуас загнул 1 палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались при этом довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв 1 из обрезков, я показал 2 пальца, прибавив: «бум-бум» (день, день). Опять пошли толки, но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь. Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем ту-

земцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь побольше туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

8 декабря

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог и след простыл. Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худощавыми, это также неудивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как я это заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно различался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною на Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут!» Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их итти далее». Я знал, что выстрел из одного ствола, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия,[1] и поэтому ждал спокойно, тем более, что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них,

[1] Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, ники», протягивал мне правую руку с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставила меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Э мем, э мем», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

13 декабря

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, так как нахожу, что рассказ выйдет более реален, пока ощущения еще не стушевались несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю, при первой необходимости, мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневники, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О, Бой! О, Бой!» Затем, подойдя ко мне, пристал, чтобы я отпустил Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивании во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях ложиться только в случае самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им — не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника. Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой, но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю, — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще peritonitis (воспаление брюшины). Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как

будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два. Известие подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату. Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него; так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату. Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку и чем больше, тем лучше, для того чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддержали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное, что камней будет достаточно, я отправился сам к шлюпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою посмотреть, в каком он положении. В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до руки умирающего. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мною, несмотря на то, что при жизни Боя он постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение, именно — распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрашивал меня этого не делать. Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде своей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от желания сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю, проф. Г., живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всей мускулатурой ее. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании plexus brachialis рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец, все было кончено, и надо было отправить

труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка; как зашнуровали их, оставив отверстие для камней; как в темноте несли его вниз, к шлюпке; как при спуске к морю, благодаря той же темноте, Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив, как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду. Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в $^1/_4$ мили, из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий... десятый огонек. То были 11 пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство. Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?» — предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее, — сказал я, — может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? Шлюпка не подвигается: мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе. Мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно. Наше глупое положение было для меня очень досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели. Я хотел сделать это даже, несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла в голову счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку. Мы снова взялись за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев. «Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас»,— заметил Ульсон. Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33—по 3 человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: 2 револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиной того, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная. От огней на пирогах ложились длинные столбы света на спокойной поверхности моря. От каждого взмаха весел вода светилась тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть

воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его. Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь. Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять, благодаря темноте и отливу, долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке. Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, тот человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью. Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал: вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал своих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечко несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть, на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я и на них брызну огнем и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще более страшное. Но минут через десять они показались снова и на этот раз уже целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и о. Кар-Кар. Толпа была очень интересна, представляла людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство и многочисленные украшения, материал которых определялся местом их жительства. Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян; между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлей морских животных, были навешены украшения из раковин, костей рыб, щитов черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых

черный цвет был искусственный и что тело жителей о. Кар-Кара в действительности только немногим темнее тела жителей берега. Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы *Hibiscus*. Всех пришедших было не менее сорока чловек, и три-четыре между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым различным образом, — то черной, то красной краской, — в них были воткнуты гребни, украшенные цветными перьями разных попугаев, казуаров, голубей и белых петухов. У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на о-вах Новогебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горящей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двинулись. Они стояли, как вкопанные, оглядываясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушло только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал их отгонять. Я не мог помочь им серьезно, но все-таки облегчил их мучения, облив раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка, лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и хотел непременно надеть его на меня.

15 декабря

Снова больные из Били-Били. Один страдает сильной лихорадкой. Я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль в спине и плечах (вероятно, ревматизм). Я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно, подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при

этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как отнестись к нему, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего диалекта (Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, нисколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые показались мне не темнее жителей Самоа.

18 декабря

Туземцев не видать. Очень часто думаю, как хорошо я сделал, устроившись так, чтобы не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащих мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно было без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце. Многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» — из кости кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

20 декабря

Наша хижина приняла жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не бы-

ло, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно; он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя, за исключением дней, когда у меня бывает лихорадка, вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натыкаюсь на вопросы, которые, вследствие недостаточности моих знаний, не могу объяснить. Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно; ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе; спит около одиннадцати часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит, что здесь все-таки „das Leben sehr miserabel".

В чем я начинаю чувствовать, однако, положительный недостаток— это в животной пище. Вот уже три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все время консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтобы немного разнообразить стол. Свинину, которую я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинья была старая). Смотря на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек — животное плотоядное.

Со шлюпкой много дела, так как якорное место здесь очень плохо. При рисовании мелких объектов, руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности, когда требуются от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире. Руки мои и прежде не отличались особенной нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, порезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые появляются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих. (Я срезал их и мой ноготь для сравнения.) Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого, по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержимое одной из сумок («гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них подмышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших донганов, тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковину *(Cardium)*, имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой (разбитой подобно тапе полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своим целям. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, напр., браслеты («сагю») или повязки для придерживания волос («дю») из различных растительных волокон. Но странно — они не плетут цыновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в цыновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей каждая работа не очень легка; так, напр., над деревцом сантиметров 14 в диаметре двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивого орнамента. Заметив оригинальность и разнообразие последнего, я решил скопировать все виды его, встречающиеся на туземных изделиях.

28 декабря

Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоявшего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов *Hibiscus*. Стоя на платформе пироги, с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотря по сторонам, следя за рыбой, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги, он был каждую минуту готов натянуть тетиву и спустить стрелу; его фигура была, действительно, очень красива. Длинные зеленые и красные листья *Colodracon*, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охрой и поэтому яркокрасный, не мало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида. Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною

с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры молодого папуаса. Она состояла из гирлянды или полувенка пунцовых цветов *Hibiscus*; спереди — три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянды и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами *Hibiscus*, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табаку и отослал курить на кухню, в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу — дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически. Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся взбивать большим гребнем слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосяная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке («гатесси»), которые тоже удлинились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный «парик», посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру. (Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов принимают разнообразный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разноголосице, встречающейся в разных учебниках по антропологии.) Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась, минут через 5 раздергивания и взбивания, в эластичную шапку папуасских волос, так часто описывавшуюся путешественниками, которые видели в ней что-то характерное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне «Э мем» (не знаю все еще, что значит это слово).

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успеваю я немного оправиться, как он заболевает.

29 декабря

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что „тамо русс" (русские люди, матросы „Витязя") срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов».

Зная очень хорошо, что это было большим преувеличением и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочило и побежало указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-по-малу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной — небольшими табирами вместо блюд и половинками скорлуп кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «гаваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях,

1872 г.

1 января

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длиной и 3—4 см толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я измерял температуру воды.

2 января

Ночью свалилось с шумом большое, надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья. Потребовалось много работы, чтобы очистить последний от сучьев и листьев.

3 января

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую полосатую разновидность. Темнобурые полосы сменялись светлорыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные. Да, кусок говядины — важная вещь! Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Особое распределение волос на голове считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось невероятным утверждение, что волосы папуасов растут на теле пучками или группами. Но громадный «парик» моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть. После завтрака, лежа в своем гамаке, я скоро заснул. Свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услыхал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущего, я сейчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны итти. Я с удовольствием подарил им вдвое больше,

чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, а совершенно так же, как и у нас. Это, на взгляд многих, может быть, очень незначительное, наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа. Несколько человек, пришедших из Горенду, снова подали мне повод к наблюдениям. Лялу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить свою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что он сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни. Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие поверхностные ранки оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки — около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит довольно далеко от второго. У Дигу лицо носит следы оспы. Он объяснил мне, что болезнь пришла с NW и что от нее многие умерли. Когда это случилось, и случилось ли это раз или больше, я не сумел узнать. Между прочим я убедился, что язык Бонгу, деревни, отстоящей от Горенду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов; так, напр.: камень называется в Горенду «убу», в Бонгу — «штан», в Били-Били — «пат». У Лялу очень типический en face по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм).

4 января

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от 10 часов утра до 5 часов пополудни. Здесь они являются редкостью в октябре и ноябре, почему днем теперь гораздо свежее. Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбной ловлей. Я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам. Пироги, однако, вернулись, и минуты через две шлюпка была окружена десятком пирог, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы *(Imperata)*. Стоящий на носу пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с юром (острогой), футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только

на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, держась почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

11 января

Целых пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать свое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытье и принимал хину, вероятно, не во-время; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась. Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением притти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посередине. Придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ и оба, достав из своих мешков по яруру *(Cardium)* стали выскребывать ими свежее ядро ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «мунки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шлюпке. Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку невытащенной на берег, так как был прилив, и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое, свесившееся над водой дерево, называемое туземцами «субари» *(Calophyllum inophyllum)*, к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и, таким образом, оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Несколько туземцев, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег. Когда я собрался итти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у кру-

того поворота я увидел крышу первой хижины, стоявшей у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин. В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но, кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки, для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, лежащей на столбах и доходящей почти до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же хранится посуда, помещенная равным образом под крышей, для общественных праздников. Таких общественных домов, — нечто вроде клубов,[1] — было в Бонгу 5 или 6, по одному почти на каждой площадке. Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали: по крайней мере я не видел ни одной. Дер. Бонгу была значительнее Горенду; раза в три, по крайней мере, больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками. Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на 1 фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя крепкими столбами. По сторонам, по 3 с каждой, были вкопаны также столбы в 1 м вышины, к которым была привязана или прикреплена тем или иным образом крыша и на которые опирались главным образом стропила. Крыша была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри частую, тщательно связанную решетку. Можно было быть уверенным, что она устоит против любого ливня и продержится десяток лет. Над нарами, как я уже сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи были скучены под нарами. Все казалось солидным и удобным. Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за меня ответные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были: сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры,[2] была разрисована белой, черной и красной краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется, и людей и т. п. В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже

[1] Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.
[2] Которая оказалась vagina foliorum (влагалищем листа) арековой и других пальм.

давно, а именно — несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более 2 м) стояла по середине барлы около нар, другая (метра в полтора) — около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые расспрашивали, есть ли такие телумы в России и как они там называются. В одной барле укрепленное довольно высоко, так, что я не мог его рассмотреть, висело бревно, вырезанное в виде ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Дорэ и в бухте Гумбольдта на Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов. Я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, обмениваясь рукопожатиями и провожаемый возгласами «Э мем». Когда мы добрались домой и выбрали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой. «Мало дают; кокосы старые, рыба жестка, как дерево, бананы зелены, да и ни одной еще женщины не видали», — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января

Ночью была гроза и ветер (SW), порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти что нет комаров и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что решительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибоя.

Было 5 часов. Начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах: у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить около дома. Записав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который затем сварил, испекши в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилег отдохнуть,

но моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов. Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и нельзя было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь, и тогда шлюпка могла затонуть. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал не менее 23 ведер воды. Занятие с непривычки очень утомительное. Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было около 5 часов. Пришлось итти снова на кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около четырех часов. Сварил снова рису, приготовил кэрри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то неспокойно: пришлось итти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахару уже несколько месяцев, а без него чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник. В 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуру воды ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну. Я описал сегодняшний день, как пример многих других, на тот случай, когда, позабыв подробности своей жизни здесь, буду к досаде своей находить, что мало сделал в научном отношении на Новой Гвинее.

17 января

Вздумал отправиться в Бонгу докончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему итти со мною. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на берег выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я должен был выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали, но, к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек пять, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и галоши. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, но на этот раз (кажется, первый) женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины. Лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от костюма мужчин тем, что вместо пояса спереди и сзади на них болтаются какие-то фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно, испеченных на угольях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачины, но кончил тем, что съел и ее. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о которой свидетельствует Кук, что ее мясо лучше свинины.

25 января

Дней шесть страдал от лихорадки; один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Ходил в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно — в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц своего пребывания здесь, папуасские слова, означающие: «утро», «вечер»; слова «ночь» еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось узнать, как передать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошее». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял его. Очевидно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь сказать, не просто название предмета. Напр., как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-то слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь: «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услыхав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь. Потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением. На слово «дурно» туземец тоже говорит свое. Пробуешь несколько раз с разными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял. Оказалось слово «хорошо» по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли: «казь», «казь». Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось только на 3-й месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я встретил, как мне казалось, в Бонгу очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, около хижины, стоял хороший горшок и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописанную процедуру. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал проверять, показывая на разные предметы, как то:

целый и разорванный башмак, плод годный для пищи и другой негодный, и спрашиваю: «ваб»? (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь» — туземное название табака, а «ваб» означает большой горшок. К тому же у дикарей вообще есть обыкновение повторять ваши слова.

Вы говорите, указывая на хороший предмет, «казь»; туземец вторит вам «казь». И вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, слово для «хорошо» — «ауе» я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собою, и чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом, «нехорошо» выражается словом «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного, которое есть «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т.-е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение — я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго пополняется и вряд ли когда будет значительным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля

По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе итти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится итти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдает ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за 3 куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежащий на земле и окруженный костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки готовы были расстаться с черепами своих земляков, показали

мне, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь врагу и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услыхал, что это был «тамо Бонгу». Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку дозревающих бананов, которую взвалил на плечи. Наконец, с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести мне бананы и пару кокосов. Едва успел я добраться домой и сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был не мало удивлен странным ощущением: при переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг очень странный обман чувств. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и т. д. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их.

То, что я промочил ноги и испытал холод во время утренней прогулки, не прошло мне даром.

8 февраля

Я принял 0.8 г хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и, хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песней цикад. По временам проглядывал луч солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палаццо. Далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами. Потом опять мало-по-малу все тускнело и успокаивалось. Глаз отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня: никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве! Встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто надоедает, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на

своей половине. Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь непрочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности умеренных зон громадным разнообразием паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветви деревьев, теряющих по удалении всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся тогда очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, напр., у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что нехватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

9 февраля

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидал головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду: вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади на них, как и на мужчинах, был надет только пояс, но гораздо более узкий, чем у последних; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за стволами сахарного тростника и не показывались, пока я оставался на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю палок, собственно стволов сахарного тростника; они были посажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен обрубками стволов, сучьев, кусками расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходившиеся один против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе, так что приходилось переступать порог фута в 2 вышины. Это — мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию. Несколько перекрещивающихся дорожек разделяло большое огороженное пространство на участки, на которых возвышались очень аккуратно расположенные, довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 см в диаметре; земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как то: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких

лопаток, я ничего не мог найти. У забора дымился небольшой костер, который главным образом служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят огонь с собою и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова: «говорить». Туй, кажется, начинает интересоваться географией; он повторял за мною имена частей Света и стран, которые я ему показывал на карте. Вероятно, однако, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля

Сегодня был счастливый день для меня. Добыл 6 хорошо сохранившихся, цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако, оказалось неудобным по случаю темноты в хижине. В других хижинах, впрочем, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками — гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате».

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, настаивая, что они имеются, и показал еще раз на кусок табаку, три больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал я туземцам обещанное да еще дал каждому вместо одной две полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на массу муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни у одного черепа не было нижней челюсти, которую туземцы хранят у себя и с трудом с нею расстаются. Она служит им памятью по умершем.

14 февраля

Сегодня в первый раз Туй принес мне испеченное таро. Только что я расположился рисовать пятый череп, явились гости из дальней горной деревни. Ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались, а потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести, с весьма оригинальным орнаментом, на несколько железных безделушек. По их уходе Ульсон заметил, что из нашей кухни пропал нож, и сказал, что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и, именно вследствие этого, я не могу оставить ее без внимания и должен принять меры против повторения подобных оказий. Сегодня, однако, я не мог пойти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь: во многих местах оказались проточины

червей. Я решил, очистив низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить набок, что для двоих было довольно тяжелой работой. Мы, однако, одолели ее.

16 февраля

Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Туй его рубил, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на цыновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом. Видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимыми, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мною, я только раздражал рану. Мелкокурчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору.

Сделав что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сказал, что подозреваю одного из жителей Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Вернувшись позавтракать в Гарагаси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. д., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочим здесь находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мне мой нож». Он очень спокойно, как ни в чем не бывало, вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду. Тую я объяснил, чтобы он лежал, не ходил по солнцу и не снимал повязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток ауся и сахарного тростника, приготовленного для меня; это был, кажется, гонорар за лечение. Туй не хотел взять за это табаку, который я, однако, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожающие падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

17 февраля

Кончил рисование черепов; они все оказались hipsistenocephali (по Велькеру), т. е. длинно-высокоголовые. Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак: все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

18 февраля

Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась, и над глазом и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца притти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в деревню. Пройдя ручей, я услыхал вдруг восклицание Лялу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лялу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лялу указал мне на змею, спокойно лежавшую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака, Маклай моен!» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет!). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню. По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении; я это делал, как уже заметил ранее, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не любят показывать их мне. Я много раз замечал, что туземцам нравится мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины, от мала до велика, прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое. Пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу. Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай «тамо билен» (человек хороший). При этом я услыхал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидал старую женщину, которая добродушно улыбалась — это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, с отвислыми, плоскими, длинными грудями, морщинистым телом, одетая в юбку из каких-то грязных, желто-серых волокон, которая закрывала ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы, спускаясь и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим очень понравилось. При этом из-за хижины и кустов появились женщины разных возрастов и девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки, в очень коротких костюмах, хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другую. Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от обязанности прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежавшего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткой таро. Многие из молодых женщин, как, напр., жена старшего

сына Туя, Бонема, были недурны собою. Лицо и тело имели довольно округлые формы, и небольшие стоячие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа. Здесь, как и там, девочки рано развиваются, почти что дети, они уже начинали иметь вид маленьких женщин. У девушек длинные юбки из бахромы заменялись другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, из коих один закрывал заднюю, а другой — переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе двенадцати лет фартуки имеют вид кисточек, из которых задняя длиннее передней и похожа на хвостик. Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагаси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как меня захватил ливень.

19 февраля

Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через 10, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли он где-нибудь огня. Прибежало несколько девочек, и они вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешил себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь. Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как до сих пор они никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золой или известью: первое — для уничтожения насекомых, второе — чтобы сделать волосы светлыми. Старухи носят их длинными, и «гатеси» (локоны на затылке), густо смазанные черной землей, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин продырявлена. В ушах, кроме обыкновенного отверстия для больших серег, есть еще другое, в верхней части ушей. Через них проходит шнурок, средняя часть которого перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, 7-летний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук оказался новым видом и совершенно целым, почему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

20 февраля

Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Последнее обстоятельство — присутствие женщин — особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали у него сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открывать глаза. Туй едва говорил. Туземцы суетились около него, думая, что он, пожалуй, умрет. Осмотрев больного и найдя, что вся масса флюктуировала, я решил пойти в Гарагаси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости. Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро, без надреза, значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменяя их очень добросовестно. Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии: все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень нелегко, и это все равно не дало бы ясного представления. Главное занятие женщин и девочек — поиски в куафюрах мужчин вшей, которых они раскусывали зубами и, вероятно, глотали. Я роздал сегодня женщинам по нескольку полосок красной материи и по некоторому количеству бисера, который я отмеривал чайной ложкой, давая каждой по две ложки. Раздача женщинам шла гораздо спокойнее, чем раздача чего-нибудь мужчинам. Каждая получала свое и уходила, не прося прибавки, и только улыбкой и хихиканьем выражала удовольствие. Табак, кажется, понравился женщинам больше, чем все другое. За болезнью Туя, жена его с женой сына приготовляли ужин для семьи и меня. Следя внимательно за приготовлением, распределением и уничтожением пищи туземцами, я удивился, как много они едят. Не жадность, а положительная необходимость заставляет есть так много в странах с недостаточной животной пищей. Туземцы, особенно дети, наедаются до того, что им положительно трудно двигаться.

21 февраля

Чувствовал себя очень скверно, но опасение за здоровье Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше и еще уменьшилась, когда я придавил ее пальцами, причем из раны вылилось большое количество материи. Вернувшись домой, я вынужден был пролежать весь день.

Сегодня, когда я пришел в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Тую лучше, они отправились работать на плантации, куда уходят обыкновенно на весь день. Для дикарей женщины более необходимы, чем в нашем цивилизованном мире. У диких женщины более работают для мужчин, у нас — наоборот; с этим обстоятельством связано отсутствие незамужних женщин между дикими и значительное число старых дев у нас. Здесь каждая девушка знает, что будет иметь мужа; они сравнительно мало заботятся о своей внешности.

22 февраля

Сегодня сделал интересное открытие. Проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятие. Перед ним стояла чаша из большого кокосового ореха; другая, с отверстием посередине, — тоже скорлупа ореха, — имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую чашу на первую, он из третьей налил на траву какую-то темнозеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня, — «кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как *Piper mephysticum* или полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

24 февраля

Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более 2 м длины, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки: двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом, тоже разом, поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные удя-сабами — узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля

Достал из Гумбу еще череп, и на этот раз с нижней челюстью. Видел несколько жителей Колику-Мана, которые приглашали притти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

27 февраля

Встал до света. Запасся провизией — вареными бобами и таро — на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня. Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ — ушел в Теньгум-Мана. Где Дигу? — ушел с Бонемом. «Тамо борле», — сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на S, идешь, оказывается, часто на N, затем, идя изви-

линами то на W, то на O, находишь, наконец, настоящее направление. Бывают также такие оказии: тропинка вдруг кончается, перед тобою открывается узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне — сплошная стена зелени. Куда итти, чтобы выйти на дорогу? Тропинка хорошо протоптана, много людей ею прошло, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый в зелени, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень, уже по другой стороне оврага, где тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде, шагов на 100 или 200, чтобы выйти опять на тропинку. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу, и вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли заметить движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) очень самоуверенно, выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил итти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди пришли более для того, чтобы уговорить меня не итти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов на 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачей, подобно вышеописанным. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на S, в глубь леса, а мне надо было итти на SW. Лако подошел к дереву и махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне направление и сам быстро, но осторожно, стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал за ним по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломной, но в действительности была не особенно трудной. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору; в случае, если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут 5 по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Горенду. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мною в Колику-Мана. Сначала шли лесом, затем в брод, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум, по которой спустились к морскому берегу; затем перешли еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодной (25.5°Ц) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего берегового песка, уже накаленного солнцем до 39°Ц, хотя было всего 8 час. 30 мин. утра. Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников,

идущих в Колику-Мана. Скоро, однако, мы вышли на поляну, покрытую высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки через нее почти невозможно пробраться. Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно оживляли своею прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но затем пришлось опять спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали над нею свод; она напоминала мне сицилианские фьюмары. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубиной, со своеобразным рокотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, с очень крутым падением, что объясняет их стремительность; при дожде они скоро делаются совершенно непроходимыми, катят с шумом и пеной большие камни, роют берега и несут оторванные или поломанные деревья.

Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к главному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутой, скользкой от бывших недавно дождей. Солнце сильно пекло, но виды по обе стороны были очень хороши. Мы прошли вдоль забора обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, тщательной обработке земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились. Сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мною на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Из-за тростника я скоро увидел приближавшуюся молодую женщину. Когда она подошла к забору, говорившие с ней туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого. Полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом резко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить. Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я. Бросив ей кусок красной материи, я пошел далее. Тропинка становилась все круче. Наконец, показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление от меня. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: говорили об исцелении Туя, о разных диковинных вещах в моем «таль» и т. п. Отдохнув и раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки, я принялся рассматривать окружавшую местность и хижины. Площадка, на которой мы расположились, составляла вершину одной из возвышенностей хребта и была окружена густой растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на N был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На S и SO вид-

нелся целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те, которые были покрыты не лесом, а унаном *(Imperata)*.

Хижины не особенно отличались по своему характеру от хижин береговых деревень; они были, однако же, меньше, вероятно, вследствие ограниченности места на вершине и трудности переноски строительного материала.

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различий от берегового населения; по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамбрамре я нашел телум, который нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных, и куда пришлось лезть по крутой тропинке. Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о «маб» (вид кускуса), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти двух других мабов. Нам подали, наконец, два табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением кеу. Поданное мне блюдо было громадно, и я, разумеется, не съел и четверти содержимого. Несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто для меня в банановые листья, чтобы кушать «мондон» (потом), а пока повешено в буамбрамре.

В одном месте, где деревья расступались, открывался вид на окрестности (на SO), где мне, между прочим, указали положение деревень Энглам- и Теньгум-Мана, куда я собирался отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и, когда я собрался итти, из каждой хижины хозяйкой было вынесено по нескольку «аян» *(Dioscorea)*, которые были положены к моим ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагаси.

Был четвертый час, и солнце все еще сильно пекло. Особенно утомительна была дорога вниз, по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Когда я вышел к морю, где меня охватил ветер, мне показалось очень холодно, почему я, несмотря на усталость, прибавил шагу, но все-таки не избег пароксизма лихорадки. Придя в Бонгу, я, не говоря ни слова, отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил итти домой, что оказалось возможно вследствие прекрасной лунной ночи.

28 февраля

Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направлявшейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головой лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правой рукой делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим

последовал второй, третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себя в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), и крикнул: «Марагум — Горенду!» Второй последовал за ним. Окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же. Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барума; эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силой остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготовляли оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей спокойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шлюпку, на случай если бы Марагум-Мана тамо оказались слишком многочисленными, и сказал, что если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шлюпку еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие дроби. Я, однако, зарядил свои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Скоро я уснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужен криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать», — говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности,—притом постараться, чтобы руки его не так тряслись. Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двуствольное ружье, заряженное мелкой дробью, я держал в руках. Между деревьями, за ручьем, показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума. Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Марагум тамо, и рассказали мне о причине тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на

холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услыхав шаги бегущих за собою, подумали, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работало несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли тем противного. Жены и дочери подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду. Поэтому они кинулись бежать в Гумбу, где и рассказали слышанную уже мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. п. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть, действительно, жителями Марагум-Мана, и поэтому они все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось то обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и они просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии, действительно, защитить себя и тех, кого возьму под свое покровительство. Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум тамо. Ружье туземцы назвали сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление и здесь.

1 марта

Приходили люди Гумбу просить меня итти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услыхав о приближении Маклая, жители дер. Марагум убегут в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою спокойную жизнь лишним шумом и тревогой.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиной ночи, как вдруг мой слух был поражен сильными и учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: «Люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду», — откуда стали доноситься протяжные, нестройные звуки каких-то инструментов. Это обстоятель-

ство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта

Ночью, сквозь сон, несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывание туземцев. Около половины пятого утра услышал сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, часто спотыкаясь вследствие темноты о корни и лианы.

На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: «Выпей кеу и покушай аяна и буам». По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположилось человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характерна для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около 5 часов утра. Начинало светать, но лес еще покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю сторону представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона была не совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на цыновках и голой земле, вокруг нескольких больших табиров, толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, закинув голову назад, стоя допивали из небольших чаш последние капли кеу; другие уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали в разнообразнейших позах (одни лежа на животе, другие на спине с раскинутыми руками и ногами, третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Иных уже одолела бессонная ночь и кеу; другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, еще весело болтали. Были и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем. Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головой или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в 2 м длины, издавали протяжные, завывающие звуки; другие дули в продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех и производили резкие свистящие звуки. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразной, представляя сцену из жизни дикарей во всей ее первобытности, — одну из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представить значительный интерес разнообразием поз и выражений у туземцев и своеобразным сочетанием света первых лучей солнца, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, с красным отблеском костров.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвало меня от наблюдений и созерцания. (Я часто в своих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего.)

Завтрак должен был быть сейчас готов, о чем возвестили усиленные завывания бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздирающих ухо звуков.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свеже-отколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной с уверениями, что это очень вкусно. То был «буам» (саго) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело, действительно, приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом, но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень — синонимы); ложками служили яруры. Было оригинально видеть это разнообразие инструментов, употребляемых здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна, и послышались приглашения притти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обвернутый листьями; за ними несколько туземцев несло кокосы, а другие пронесли, также на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за ней другую и третью. Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторой торжественностью; припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания. Все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечером.

Не зная наверное, приду ли я к обеду, за мною пришло несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком. По дороге я был остановлен женщинами из трех деревень: «Дай нам табаку!» Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и только служат при чистке съестных припасов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживленной и имела иной характер, чем утром. На одной стороне, на цыновках лежали куски распластанных свиней: кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуко-

выми ножами и своими костяными донганами, а затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1½ в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков, еще большего размера, в которых варился буам. В середине площадки очищали буам от листьев и грязи и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса. Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, — как это делали все гости, — то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест-накрест на дно горшка; затем вынул из большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном; один стоя с полной корзиной по одну сторону ряда горшков, другой — по другую, наполняя их, как можно плотнее, аяном. Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, исполнявшие, как хозяева, роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водой, и стали разливать воду в каждый горшок, причем морской воды они лили приблизительно ¹/₃, доливая ²/₃ пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем гамбой. Это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое происходило и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Костер имел не менее 18 м длины и 1 м ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло. Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребло кокосовый орех, усердно работая своими ярурами. Наскобленный орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главный состоит из бамбука, метра в 2 и более длины; бамбук хорошо очищен, и перегородки внутри него уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя или, вернее, крича в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили. Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из шнурков, с нанизанными на них скорлупами орлана, прикрепленных к ручке. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто-то трясет большими деревянными четками. Затем — «мунки-ай», пустая

скорлупа кокосового ореха с отверстиями наверху и сбоку, которые попеременно закрываются пальцем. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие, туземцы производят резкий звук, который вариирует вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также в зависимости от величины кокосового ореха. Имелось и еще несколько других инструментов, но три описанные были главными. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь временами от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство по возможности более оглушительным образом, чтобы превзойти, если можно, все предшествовавшие, раздиравшие уши звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщипывая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, вырезав себе накануне, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне, прося табаку. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев.

Доступ женщинам на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум», после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько стариков принялось за приготовление кеу.

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня — Туй, а Туя — Маклай. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я заботился о Туе во время болезни, что я исцелил его, и что поэтому Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай — Туй.

Значит и здесь, на Новой Гвинее, существует обычай обмена именами, как и в Полинезии.

Жара, а особенно оглушительная музыка, имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Тую, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести человек в руке. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиной того, что я отнес домой.

3 марта

Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой вчера я принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, чтобы, если кто-нибудь спросит, откуда это, я отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом я узнал значение корзин разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, в ответ на что мне называли имя какой-нибудь деревни.

4 марта

Заперев при помощи палок, гвоздей и веревок обе двери моей хижины и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно à la papoua, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился на Били-Били — островок, отстоящий отсюда миль на пятнадцать.

Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем NW, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ветерок, действительно, потащил нас вперед, хотя и медленно; впрочем, спешить было некуда: перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию хребтов и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед NW, который начинает задувать в 8—9, а иногда только в 10 часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна. Наконец, мы приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа, о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены большие пироги и так высоко, что, казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин; за ними, в свою очередь, высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых ярко выделялась на темнозеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти всем мужским населением Не видя женщин, желая познакомиться с ними, а, главное, избавить их от затруднения — прятаться при моем приближении, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагаси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое предложение. Тогда на зов мужчин из хижин вылезло несколько старух, почти совсем голых, некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся. Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, я направился в довольно обширную буамбрамру, стоявшую по середине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Срисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, но, к сожалению, все вершины гор были покрыты клубами облаков. Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они

громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня утром. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе тринадцати лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди (закрывающей mons Veneris) и более длинной сзади. К поясу, придерживавшему кисточки, по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам, сзади на ягодицах. Уши были продырявлены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях. Перед отъездом я хотел напиться и спросил кокосовых орехов. Мне принесли их несколько, называя их «нуи». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя встречаются и одинаковые слова. Многие жители Били-Били, однако, знают диалект Бонгу.

Рис. 2. Туземец с о. Били-Били.

Шутя я сказал, что, может быть, перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители островка с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что люди Били-Били лучше, чем люди Бонгу, и т. д. Когда я собрался уезжать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, повидимому, к удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке было нельзя, поэтому я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытащенных на берег больших пирог. Эти пироги заслуживают внимания своей постройкой. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 м, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришито» по длинной планке или по две, одна на другой. В борте пироги (в стволе) и в планке сделано по отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежуток, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитой и вымоченной в воде древесиной какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокой, иногда выгнутой доской с различной резьбой. На одной стороне пироги находится вынос, прикрепленный к лодке двумя поперечными перекладинами. На перекладинах выноса находится платформа, на которой, в больших пирогах Били-Били, построена целая хижина, длиной метра в 2, шириной — в 4

и 5 м. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая двух других, которые могут спать на полу, в хижине имелось на ночь или на случай непогоды помещение не менее чем для восьми человек. Верхняя половина хижины имела разборные стены, даже крыша могла быть разобрана в очень короткое время. Вообще все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось напрасно место. У самой мачты, на высо-

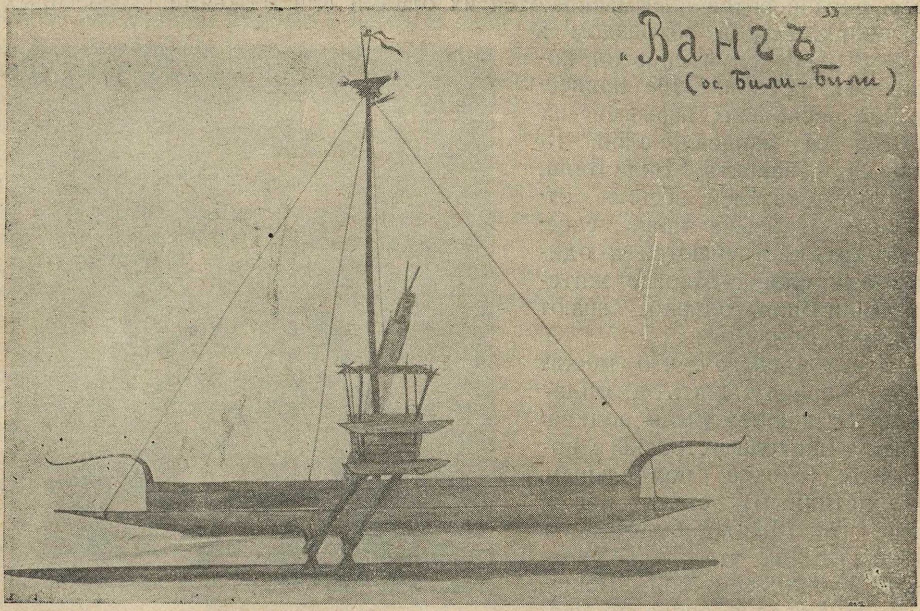

Рис. 3. Туземная парусная лодка. Остров Били-Били.

те сиденья, был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором, в случае надобности, мог быть разложен огонь совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем хижина, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Перед заходом солнца дождь перестал, что позволило мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп крокодила. Как меня уверяли, крокодилов очень много в море.

Затем я имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится по берегу Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Не удивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкой горшков занимается почти каждая семья, и у каждой хижины, под крышей, стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков падает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная со смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного приплюснутых с обеих

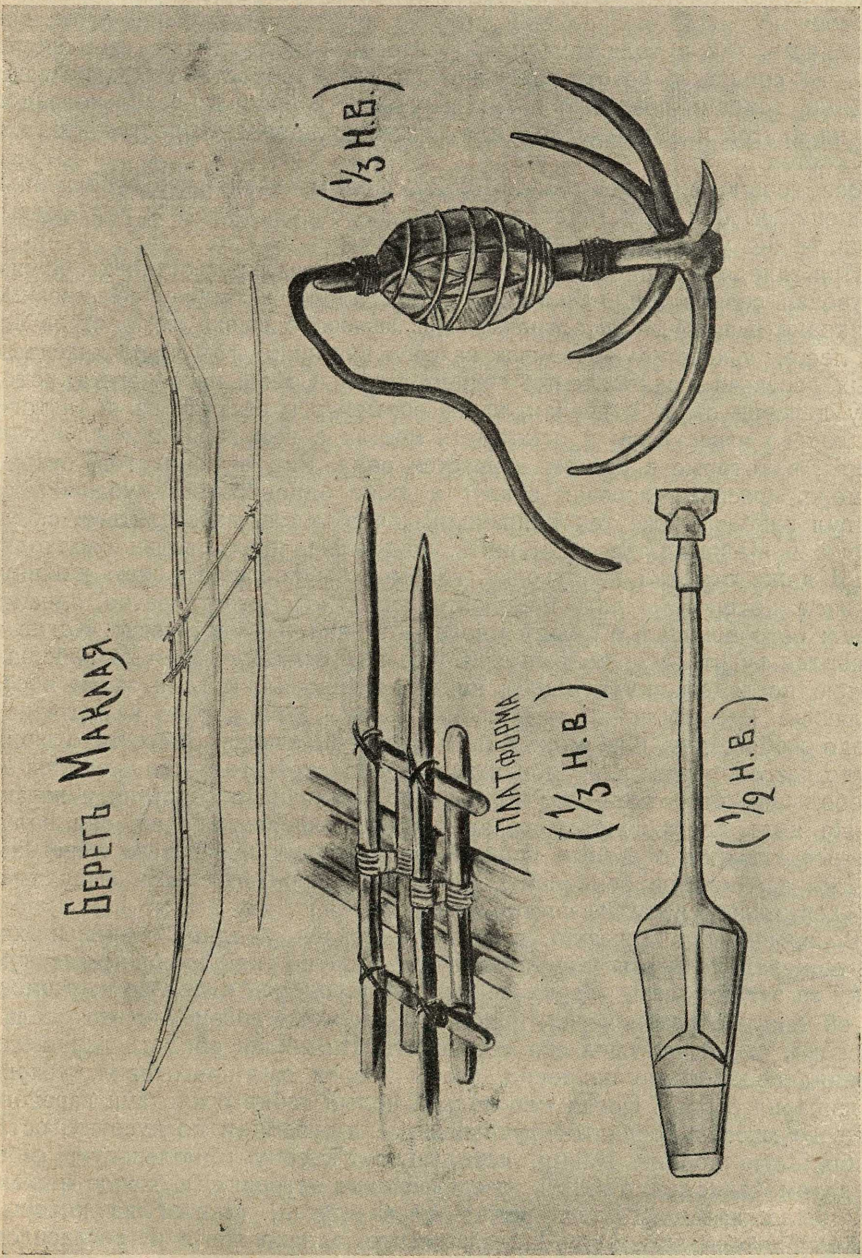

Рис. 4. Папуасская пирога; деталь платформы, якорь, весло.

сторон камней. Сперва, с помощью плоской палочки, делается из глины верхний ободок горшка, который затем сушится на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему постепенно прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку при-

дается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответственному месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста и обкладывают листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер.

Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды, иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг островка. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как дома, и познакомился со многими тропинками и закоулками островка. Как замечено выше, весь остров покрыт лесом, в котором обращают на себя внимание несколько красивых старых деревьев и живописные группы пальм. Самый край берега, который у деревни отлог и песчан, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом вливается вода. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя — мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно подходящей. Я даже отыскал два уголка, где мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать предпочтение. Одно обстоятельство, однако, мешает: островок мал, а людей много, — пожалуй, будет тесно. Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду; никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь зато люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Местожительство туземцев — на небольшом островке — значительно повлияло на их занятия и характер. Не имея достаточно места на острове для земледелия, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирог и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку за задние лапы, ударил ее с размаху головой о дерево и, размозжив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел его остановить. Не желая обидеть дарящего, я принял подарок, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе. Перед тем как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Была также масса детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклай, на что, однако же, я не согласился.

Форма головы (чрезмерно пирамидальная, с покатым лбом) одного из грудных детей обратила на себя мое внимание. Можно было подумать, что такая форма была придана голове искусственно, но я не нашел никаких доказательств искусственной деформации черепа. Впрочем такие конические головы я не раз встречал в Полинезии.

5 марта

Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7—8 часам утра собираются облака и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два горных прохода в береговой цепи, около дер. Мале и около дер. Богати, так и манили возможностью пробраться внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за мною. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправляюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били. На физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее, желание, которое они хорошо скрывали под личиной любезности. Чувство это я нашел вполне естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть — вполне натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шлюпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они и выразили громким: «ай!» — и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей и обещаниями скоро навестить меня. Главной причиной этого желания было то, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных в Били-Били пристали ко мне, прося помочь и им, но, не взяв с собою никаких лекарств, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К 2 часам пополудни мы были уже в виду мыса Гарагаси, и не без нетерпения и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так надолго без присмотра. Все, однако, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «в Били-Били», — сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили подарки из Били-Били; оказалось около 50 кокосов, 4 ветви хороших бананов и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупились.

6 марта

Выйдя утром на веранду, я увидел на своем столе медленно и красиво извивавшуюся змею. Уловив момент, я схватил ее за шею, у самой головы, и, опустив ее в банку со спиртом, держал до тех пор, пока она, наглотавшись спирту, не опустилась бессильно на дно банки.

Явился Туй, и я имел с ним долгий разговор о Били-Били, Кар-Каре, Марагум-Мана и т. д. Между прочим он сообщил мне несколько названий предметов на диалектах девяти ближайших деревень.

Между кокосами из Били-Били было много таких, которые уже пустили ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом. По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду, все ли при-

надлежат деревне или отдельным лицам. Туй сообщил мне, что в Горенду одни кокосовые пальмы принадлежат отдельным лицам, а другие — всей деревне. Так же и большие хижины: есть баумбрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне.

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого, свесившегося над водой дерева. Поверхность моря была очень спокойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, можно было видеть, что они движутся самостоятельно и с различной скоростью. Это зрелище было совершенно иное, чем видимое ночью с судна, движение которого может быть причиной раздражения и испускания света разными морскими животными.

7 марта

Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст. Ульсону пришлось отбирать испорченные бобы, что продолжалось до двух часов. Вечером я отправился в Горенду за аяном и застал Туя опять в лежачем положении: он ходил много по солнцу, вопреки моему запрету, вследствие чего у него появился за ухом нарыв, который причинял сильную боль. Пришлось вернуться за ланцетом и вскрыть нарыв, откуда вытекло много гноя. Туй дал очень скоро понять, что чувствует большое облегчение. Возвращаться пришлось в темноте, но я довольно хорошо пробрался по тропинке, где и днем приходится часто спотыкаться о лианы и корни. Становлюсь немного папуасом: сегодня утром, напр., почувствовал голод во время прогулки и, увидев большого краба, поймал его и съел сырого, т. е. съел то, что можно было в нем съесть.

8 марта

Шлюпка опять сильно течет: в день набирается около 23 ведер воды. Почти по ведру в час.

9 марта

Ходил в Горенду, где хорошо позавтракал аяном и саго.

В середине февраля прекратился дегарголь; в начале марта почти что исчез сахарный тростник; скоро, говорят, не будет и аяна, а вместо него на смену явится «бау», а потом еще один род бобов; аусь тоже с каждым днем становится хуже, так как часть его оказывается черной и изъеденной червями.

14 марта

Встал с сильнейшей головной болью: малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве, к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду (*Microglossus aterrimus* Gm.), этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти прямо над

головой, на высоте по крайней мере 100 футов. Ружье было заряжено очень мелкой дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался в эффекте выстрела, но все-таки выстрелил, чтобы по крайней мере спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Стрелял я, почти не целясь, тем не менее птица с пронзительным криком, сделав несколько кругов, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более 1 м.

К 12 часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал, почти не двигаясь, без еды, до следующего утра.

15 марта

Отпрепарировал мозг птицы и оставил мой первый экземпляр черного какаду для миологических исследований.

Вечером зашел в Горенду и видел на туземцах результаты бывшего угощения в Бонгу. Туземцы так наелись, что их животы, сильно выдававшиеся и натянутые, были настолько нагружены, что им трудно было ходить. Несмотря на то, каждый нес на спине или в руках порядочную порцию еды, с которой они намеревались покончить сегодня. Полный желудок мешал им даже говорить и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство мужчин лежало, растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища.

16 марта

Несколько пришедших из Колику-Мана людей принесли мне в подарок поросенка, за что получили установившуюся уже цену — небольшое зеркало в деревянной рамке. Так как их пришло человек 10, то нужно было каждому дать что-нибудь; дал по небольшой пачке табаку, который здесь начал очень расходиться, так как при каждой встрече все пристают: «табак, табак».

Разговоры о нападении со стороны Марагум-Мана тамо продолжаются. Они так мне надоели, что положительно желаю, чтобы эти люди, наконец, действительно пришли.

17 марта

Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню зла, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Я не пренебрегаю при этом даже мясом попугаев, какаду и других. Попробовал на днях мясо *Corvus senex*, скелет которого был мною отпрепарирован.

Туземцы очень боятся выстрелов; несколько раз они просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне

показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора итти. Часы стоят. Я оделся и пошел развести огонь. Заварил чай, испек в золе аусь и бананы. Позавтракал и стал ожидать первых лучей солнца. Сидел, сидел — все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Заснул, несколько раз просыпался — все еще было темно. Наконец, проснувшись, я вскочил, так как было уже совсем светло. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов. В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на SO. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, итти было удобно. Птиц, однако, почти что не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном, откуда открылась красивая обширная панорама холмов и гор, поросших темным лесом, между которыми в немногих местах проглядывали светло-зеленые лужайки, покрытые унаном. На дальних, высоких вершинах клубились уже облака. Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро спускаться по крутому скату, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава сменилась тростником и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля указывала на частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько вырезанных фигур. Они меня заинтересовали, и я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил, что, вероятно, кто-нибудь из людей Теньгум - или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телумом, на что получил отрицательный ответ. Хотя я здесь уже слишком полгода, но знание языка все-таки оказалось недостаточным, и я не мог дознаться, зачем сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к реке, которая оказалась видной далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет от более высокого внутреннего, течет с S на N и, наконец, впадает около Гумбу в море. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим; несколько отдельных рукавов различной ширины образовало множество островков, покрытых крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петропавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних — вода бежит очень стремительно. Не желая мочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкой: так как я не привык ходить босиком, мне было трудно итти по мелкому булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копью Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через 4 остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал на том, чтобы итти далее, потому что при глубине реки и силе течения, не умея плавать, я не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. На силы Туя, не совсем еще оправившегося от раны, я не мог положиться. Когда я переходил в брод через первый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными голышами (больше куриного яйца), которые неслись

по течению. В средних, более широких и глубоких рукавах камни эти были больше и могли бы, пожалуй, сшибить человека с ног.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не было возможности сделать полный рисунок; пришлось удовольствоваться поверхностным наброском. Булыжники на островке, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые величиной с детскую голову), что свидетельствовало о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежавшие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях масса воды в реке должна быть очень значительной. Туй сказал, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ее ловить.

Я не хотел возвращаться старой дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан, и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет хорошая охота на птиц, но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взяв ничего с собою, я почувствовал, что желудок мой очень пуст. Не находя решительно никакой добычи, я направился домой. Туй попросил подождать, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал его звать, — ответа нет. Употребил в дело свисток — молчание. Прождав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был проложить себе путь сам, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую руками или ногами подчас оказывалось не под силу. Чтобы двигаться дальше в таких местах, я придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог итти далее или должен был снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи компаса, который, к счастью, я захватил с собою, я мог итти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал: так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя вызвали у меня даже опасение солнечного удара: несколько раз я чувствовал головокружение. Наконец, я добрался до леса, но и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагаси. Вернувшись домой, я выпил две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького, и без сахару, тем не менее они значительно освежили меня.

30 марта

Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая. Окончив работу, я из обрезанных мускулов сделал себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусной. Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь на ловлю рыбы. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы

с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценой ловли. Все 4 конечности ловца заняты при этом: в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой туземец держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, тогда как левой по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне поднесли несколько рыбок.

31 марта

Я размерил рис и бобы на следующие 5 месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: NW, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, сменился тихим ветерком, и часто, даже днем, наступают штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются черные тучи.

По деревням я замечаю тоже недостаток провизии.

2 апреля

Около 3 часов почувствовал себя скверно — пароксизм, и должен был пролежать весь вечер, не двигаясь, по причине сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти непрерывная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство: почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, так что самый дальний горизонт был так же ясен, как днем. В то же время меня трясла сильная лихорадка; я чувствовал холод во всем теле. Кроме того, холод и сырость, врывавшиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня. Как раз над головой, в крыше, была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висевшие над крышей, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежавших на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял небольшую дозу морфия и скоро уснул.

3 апреля

После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы дойти туда пока еще сухо. По обыкновению, по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня вышло не особенно удачным: вместо аяна сварили «бау», а саго имело сильный запах плесени. Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломками раковин и бамбуковым ножом. Одна жен-

щина пробовала чистить «бау» ножом, данным мною ее мужу; но можно было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно зарезала слишком глубоко, вероятно, потому, что, работая своими инструментами, она привыкла прилагать гораздо более силы, чем это требовалось для европейских. Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), которые туземцы поджаривают, как мы, напр., жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, что испугало женщину, которая моментально поднялась и удалилась в хижину. Ребенок не переставал, однако, реветь, почему женщина вышла снова из хижины и положила его в большой мешок, который повесила себе на спину так, что шнурок мешка охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед между хижинами. Ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк. Мой ужин был готов, и меня повели в буамбрамру и пригласили сесть на нары, после чего передо мною поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов обычай — оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий, по собственному желанию, присоединился к нам. Когда я собрался итти, почти совсем стемнело, и только на берегу моря можно было различать предметы. В лесу царствовала полная темнота, и только ощупью я мог добраться по узкой тропинке до Горенду, где жители были крайне удивлены моим поздним приходом. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались изредка словами; только в буамбрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дома. Мне хотели дать проводника, но я отказался, полагая, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил полено на полдороге. Несколько раз я сбивался с тропинки, по которой днем проходил много сотен раз, натыкался на пни и сучья и раза два усомнился, дойду ли я в этой темноте до дома. Я уже мирился с мыслью переночевать в лесу, но все же подвигался вперед и, наконец, добрался до дома, где с удивлением убедился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

6 апреля

Приготовился итти в Теньгум-Мана. Думал в шлюпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, итти в Теньгум-Мана, но сильная гроза с проливным дождем заставила меня остаться дома.

7 апреля

Теньгум-Мана, горная деревня, лежащая за р. Габеней, особенно интересует меня, как одна из самых высоких деревень этого горного

хребта, носящего общее название Мана-Боро-Боро. Хотя многих жителей горных деревень я не раз уже видел в Гарагаси, мне хотелось посмотреть, как они живут у себя. Оставив Ульсона в Гарагаси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, еще будучи студентом в Гейдельберге и Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии. Захватив с собою легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако, ноша моя оказалась слишком тяжелой, почему в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал Дигу, который охотно взялся нести мои вещи. Прилив был еще высок; пришлось разуться и, часто по колени в воде, итти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажигать других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, да и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и из-за трудности рубить свежий лес каменными топорами. Когда надо было немного более света, папуасы зажигали пук сухих кокосовых листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две. Туземцы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде, — процесс, который совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражение их, двигаясь по воде, местами освещало пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет восьми или десяти стояли у платформ пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словленных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, физиономиям которых усы, бороды и громадная шевелюра, у всех различные, придавали индивидуальный отпечаток. Мальчики же, благодаря безволосой нижней части лица и выбритой почти у всех голове, были очень типичны. Три особенности

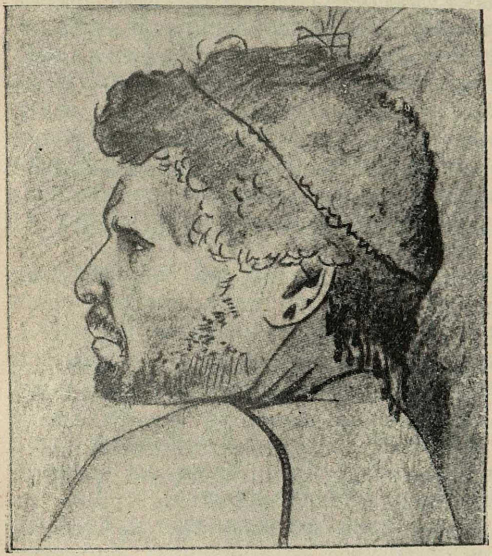

Рис. 5. Далу, из дер. Бонгу.

бросились мне в глаза: высокий, убегающий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, причем верхняя губа выдавалась более вперед, чем конец носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней части, под подбородком. Каждый рыбак принес мне по нескольку рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамбрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек 5 туземцев, которым было любопытно посмотреть, как я лягу спать. Лако, хозяин хижины, сидел у ярко горевшего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины была довольно обширной и производила, при ярком освещении, странное впечатление своей пустотой. Посередине помещался костер, у правой стены — длинные нары; род широкой полки шел вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2—3 копья, лук и стрелы. От конька крыши спускалась веревка, имевшая 4 конца, прикрепленные к четырем углам небольшой висячей бамбуковой корзины, в которой, завернутые в зеленые листья, лежали вареные съестные припасы. Вот и все, что находилось в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2—3 копья, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 маль составляли единственную движимую собственность Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но уже имелась хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не было.

Я приготовил себе постель, разостлал одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец и надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению туземцев, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиной одеяла, между тем как другую половину подостлал под себя. Человек 6 туземцев следили молча, но, видимо, с большим интересом за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля

Проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся через многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер, под нарами, под тем местом, где лежал, так что теплый дым, проходя между расколотым бамбуком, согревал одну сторону его непокрытого тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством: ночь была, действительно, прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь. По временам будил меня также крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горящей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть. Умывшись у ручья и наполнив принесенный бамбук водой, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать,

увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще темно, хотя я уже около часа был на ногах. Не имея с собою часов, я решил снова лечь и дождаться дня. Проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил отпустить людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернуться завтра с людьми Теньгум-Мана. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправились 7 человек.

Перейдя через береговой хребет (около 400 футов), мы спустились к р. Габенеу. Спуск был очень крут; тропинка шла без всяких зигзагов, прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копью, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись, стуча камнями, катившимися по дну. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе; распределив снятые вещи между спутниками, дал один конец линя, который захватил с собою, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил через реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный линь оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревки хватило до другого берега. Таким образом, линь был растянут поперек той части рукава, где течение было особенно стремительным. Я сошел в реку, держась одной рукой за линь. Вода показалась мне очень холодной (хотя термометр показывал 22° Ц); она была мне выше груди, а в одном месте доходила до плеч. Камни бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшие гальки, которые не в состоянии были сбить человека с ног. Я убедился, что и без линя можно было бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие три рукава. Главное неудобство заключалось в неровном, кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть дно.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, хотя и не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги. Вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли, таким образом, около двух часов под палящим солнцем, и, чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана 3 хины. Оба берега реки были высоки, покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть залегающие пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенного сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более по воде не придется итти. Пока я одевался, туземцы курили, жевали бетель и разглядывали мои башмаки, носки, шляпу, причем делали насмешливые замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором и похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Когда мы подошли к правому берегу, мне указали там, где я меньше всего ожидал, узкую тропу вверх: только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх; скажу только, что

дорога была очень плоха и крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии итти без остановки в гору. Обстоятельство это ухудшилось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел итти впереди меня. Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, — пришлось итти далее. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, увидав меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их. Боязливо приблизились они снова, но когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону. После этой церемонии мы отправились в деревню: я впереди, а за мною гуськом человек 25. Мое появление в деревне тоже вызвало панический страх: мужчины убегали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, начинали выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и через короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знакомство с диалектом Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ночевать в деревне и чтобы мне указали хижину, где я мог бы провести ночь; я прибавил, что желал бы достать, в обмен на ножи, по одному экземпляру маба и дюга (казуара). После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпой туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посередине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон ее стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густой зеленью. Между хижинами и за ними поднимались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньших размеров, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стен по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью имелась полукруглая площадка под такой же крышей, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей, готовилось «инги». Прибежали 2 мальчика с известием, что инги готово. За ними следовала процессия: 4 туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции «мунки-ля» и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали представлению о дикарях. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящие!

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники, между тем, наговорили так много страшного обо мне, т. е., что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застращивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить мою репутацию, как очень опасного или очень мощного человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы и выставили меня как их друга и покровителя.

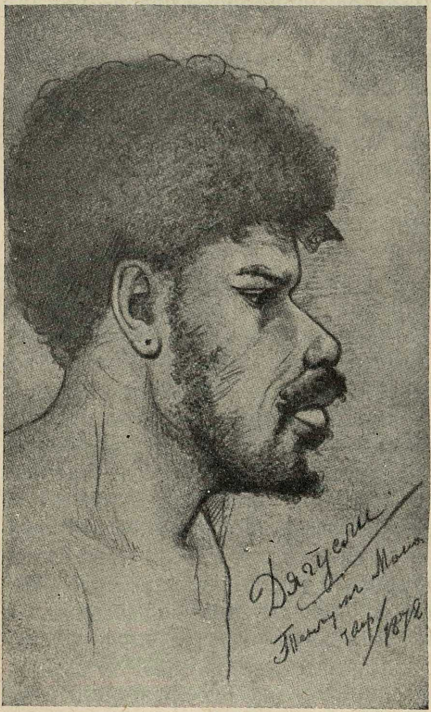

Рис. 6. Дягусли, из дер. Теньгум-Мана.

Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил мое решение — остаться, лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжалась более часа. Сквозь сон я слышал прощанье туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. 5 минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка: выше ее была еще третья, — самая высокая точка в Теньгум-Мана. Вид оттуда должен был быть очень обширный, но его значительно закрывала растительность. На NO вдали расстилалось море, на О отделенная глубокой долиной возвышалась Энглам-Мана, на W, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе р. Коли, на SW тянулся лабиринт гор. Расспросы о них убедили меня, что только Энглам-Мана заселена, что все другие видневшиеся отсюда горы совершенно необитаемы и что туда никто не ходит и там нет нигде тропинок. Возвращаясь, я обратил внимание на хижины. Перед входом во многие из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте, поперек площадки, на растянутой между двумя деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень Энглам-Мана изобилует арековыми пальмами и кеу. Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул протфель с бумагой и камеру-луциду, туземцы, окружавшие меня, сперва попятились, а за-

тем совсем убежали. Не зная их диалекта, я не пытался говорить с ними и молча принялся рисовать одну из хижин. Не видя и не слыша ничего странного, туземцы снова приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать два портрета: один из них был именно того субъекта, о котором я сказал, что он внешностью особенно подходит под наше представление о дикаре. Но так как эта дикость заключается не в чертах лица, а в выражении, в быстрой смене одного выражения другим и в подвижности лицевых мускулов, то, перенеся на бумагу одни линии профиля, я получил очень неудовлетворительную копию оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей.

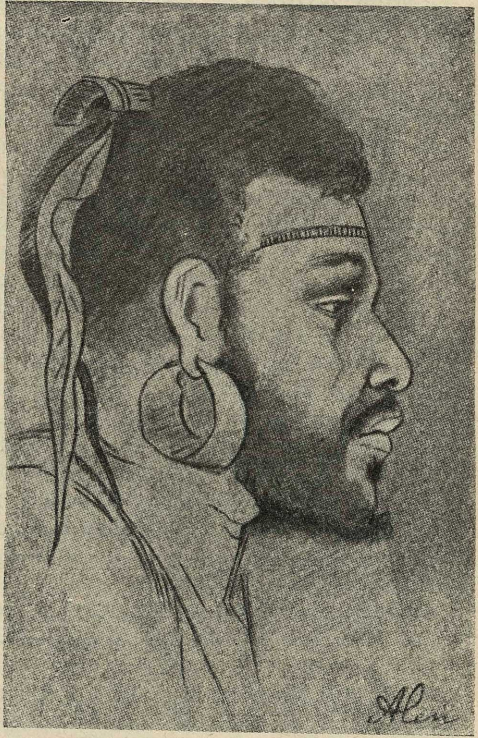

Рис. 7. Ален, из дер. Теньгум-Мана.

Обед и ужин, которые мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного кокосового ореха. Один из туземцев, знавший немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне и не отходил все время от меня. Заметив, что принесенный бау так горяч, что я не могу его есть, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок таро и дуть на него; поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он приготовлял для меня. Это, однако, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только что подносил ко рту, туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав мне, бросил.

Чистотой здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастать. Это отчасти объясняется недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной, лесной тропе.

Когда я спросил воды, мне налили из бамбука, после долгого совещания, такую грязную бурду, что я отказался даже пробовать ее.

Около 6 часов облака опустились и закрыли заходящее солнце: стало сыро и холодно, и скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих угольях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидевшие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте и, принеся целый ворох сухих пальмовых листьев, зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них, около огня, сидел туземец, которого я уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались;

он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, впрочем, насколько мне известно, не имеют особенного названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамбрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть «мун» Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным лечь спать.

9 апреля

Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась; туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника. Только что я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещало группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. Потом ночью сильный кашель в ближайшей хижине часто будил меня; также спавшие на других нарах двое туземцев часто поправляли костер, разложенный посреди хижины, и подкладывали уголья под свои нары. С первыми лучами солнца я встал и обошел снова всю деревню для сбора черепов кускуса и всего интересного, что могло попасться. Приобрел, однако, только два человеческих черепа без нижних челюстей и телум, который туземцы называли «Кария». Этот последний я получил, однако, только после долгих разговоров, крика Минема и обещания с моей стороны, кроме гвоздей, прислать несколько бутылок.

После завтрака, состоявшего снова из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг: посередине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и произнес при общем молчании речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что люди этой деревни снесут ее в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил Минему, причем имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньею, а чтобы видеть людей, их хижины и горы Теньгум-Мана; что хочу достать по экземпляру маба и дюга, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»); что за свинью я также дам в Гарагаси то, что и другим давал, т. е. «гануй» (зеркало) (общее одобрение); что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум Мана — хорошие люди; что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай, то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бу-

тылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши»). После рукопожатий и криков «Э мем» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольной улыбкой повторила свои фокусы со шнурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда и дети в Европе.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьями, луками и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся полено, не открыв, повидимому, до сих пор способа скорого добывания огня. Они повели меня другой дорогой, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера. В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в 1 м в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, было вырублено несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старее последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как начатки письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем или краской или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить известную мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, напр., в Били-Били изображение праздничной процессии было сделано в воспоминание об окончании постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил смысл своих иероглифов.

Я с удовольствием услыхал шум реки, потому что тропинка была утомительна; необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногой за какую-нибудь лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый травой, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков футов вышиной оказалась прогалина, и вид на реку был очень живописен. Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок вида, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я узнал потом, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены, и несколько человек стояли часовыми во время отдыха товарищей. Я так загляделся на эту картину, что по-

забыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось итти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек 10 пустились преследовать ее, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под камышом, но и здесь туземцы отыскали ее. В один миг камыш был выдернут, камни разбросаны и земля быстро раскопана руками. Один туземец схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что показалась кровь, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин. Сегодня пришлось итти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя, наконец, домой часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не во-время принял хину. Я узнал, что в мое отсутствие Туй ночевал в Гарагаси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табак и по куску красной материи моим проводникам, я дал, согласно обещанию, зеркало одному из них за свинью, бутылки и несколько больших гвоздей за телум и отпустил их, очень довольных, обратно в Теньгум. Сам же, не евши в течение десяти часов, с удовольствием выпил чаю без сахару с вареным аяном.

10 апреля

Ночью я почувствовал боль в ноге, и когда встал утром, она оказалась сильно опухшей, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаки и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как мне не хотелось зарезать ее немедленно.

12 апреля

Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги; я оказался в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Теньгум-Мана была, наконец, зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил отдать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Принесенные куски мяса произвели боль-

шой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины с трех площадок, чтобы вычистить и готовить аян и бау.

Отдыхая в прохладной буамбрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья — «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного и слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кеу. Видел также, что и женщины пьют этот напиток.

14 апреля

Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами, другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук, туземец сказал, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются музыкой всегда вне деревень. Причина устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной.

15 апреля

Погода меняется: частые штили, слабый ветер иногда с SO, пасмурно. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самого строгого порядка и не ставить и класть каждый день аккуратно все на место, положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены с значительной скукой и потерей времени.

16 апреля

Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аян) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков обвивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли итти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины, здороваясь между собою, подают одна другой руки или 2—3 пальца. У этих женщин на плечах и грудях, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Впрочем этот род татуировки встречается далеко не у всех женщин.

17 апреля

Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделываются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается орнаментом, выцарапанным очень искусно осколками кремня. Орнаменты эти весьма разнообразны, и я нарисовал несколько из них. Чтобы вырезать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотой, так как наша ежедневная пища (стакан кофе утром с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточной. Охота здесь нетрудна, так как птицы, еще не знакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают очень близко.

Мне вздумалось испытать на себе действие кеу. Наскреб ножом корень и стебель *Piper methysticum,* нарезал листья и на полученную массу, составившую около двух полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан, почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу (корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее той же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характерный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виной этому была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кеу одуряющим.

19 апреля

Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля

Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как для туземцев эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Когда я спросил, убит ли маб, он ответил, что нет, что маб находится в соседней хижине. Я отправился, или вернее, влез в хижину (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая и оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело крепко привязанным за хвост головой вниз. Желая рассмотреть маба поближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиной перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами за бамбук и с такою силой, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить его с места, так как животное вонзило свои крепкие, острые когти в дерево. Тогда Вангум с силой ударил

толстой палкой по передним ногам маба; от боли животное вынуждено было уступить, и его, наконец, стащили вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним. Раненое животное сердито разевало рот и при каждом моем движении показывало свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовало убежать. Оно имело около 50 см длины и было серовато-белого цвета. Мех был мягок и густ, но шерсть не длинна. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег; может быть, это вызывалось тем, что животное не оправилось еще от сильного удара палкой по передним ногам или от раны стрелой. Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож и спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца у него не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили зверя, который спускался с дерева, почти у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранив животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща и уже приготовляли костер, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: «животное мое». Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я знал очень хорошо, что если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому, но мне не хотелось поступить несправедливо и силой завладеть чужой собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросились помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни одного звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ноги, но маб был уже на костре, и я должен был удовольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

21 апреля

Срисовал морду, ноги и хвост маба и отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана; также и мех у той разновидности был другой — черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его и сделал несколько разрезов. Когда я занимался этим, послышался легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длиной, собирала под верандой обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро перебежав площадку перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и был остановлен странным звуком над головой. Высоко в зелени я заметил красивый гребень черного ка-

каду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время я услыхал падение ореха кенгара (*Canarium commune*). Обойдя дерево, я увидал другого какаду, который сидел еще выше и раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробило череп, глаз был налит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 см в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Птица упала, наконец, на спину, открыла широко клюв и усиленно дышала. После продолжительного дыхания она могла закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к нёбу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение, напр., при полете птиц. Какаду недолго заставил ждать меня, и я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол и выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они, действительно, красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес срезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около 4½ фунтов. Мускулы какаду дали нам по чашке (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что наша посуда мало-по-малу заменилась более примитивной, которая не так бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал с десяток чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступали постоянно место разбитых тарелок и блюд.

23 апреля

В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина сделана из бамбука и имеет довольно замысловатую форму.

Несколько девочек и женщин проделывало разные фокусы длинным со связанными концами шнурком, при этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить с возвращением домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался и сейчас же лег, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля

Вчера был опять пароксизм. Днем погода стояла очень хорошая, по обыкновению; ночью же шел сильный дождь. SO все еще нет.

26 апреля

Вчера в Бонгу пришла пирога из Били Били. Сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной; между пришедшими были также 4 человека из дер. Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я в первый раз видел перед

собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа и прикрепил его к ручке совершенно так же, как туземцы прикрепляют камень. Он пробовал отточить железо на камне, но это ему не удалось, почему он и принес свой новый топор в Гарагаси. Из этого, как и из многих других подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представившемся случае. Мои гости сидели долго, и, наконец, перед уходом, люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т. е. не стрелять. Другие, однако, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытство, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались близко один к другому. Многие обхватили соседей рукой в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на землю; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах; рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно произносить слова, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясущейся рукой многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие. Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали один другому свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, здоровых, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому ощущению. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 мм в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и сверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол. Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Съев достаточное количество, они снова принимались за флейту и топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером

употребляемой пищи; так, напр., «тюмбин» они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления; когда едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля

Подходя к Бонгу, увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними, и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами. Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень. Украшений у них больше, и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени. Пока в деревне для меня приготовляли ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина. Нельзя было не подивиться терпению и искусству работавшего. Несколько мальчиков и девочек, лет восьми или девяти, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно, для кровли. Они возвращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; бег девочек с их длинными туловищами и короткими ногами невольно обращал на себя внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчиков.

Когда гости с о-вов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками дер. Бонгу, состоявшими из большого количества таро в корзинах, находилась также одна пустая бутылка и три гвоздя как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и давать, может быть, повод к неправильным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля

После весьма счастливой охоты (мне удалось убить 6 больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно, очень давнего происхождения.

Придя в Гумбу, не нашел ни одной души в целой деревне, не попалось даже ни одной собаки.

Ульсон очень обрадовался моей добыче, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как частенько сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая

Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца 2 или 3 тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лялу пришли утром пригласить

меня притти вечером «поесть тыквы». Я был удивлен, что они запомнили это слово, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другими туземцами, делающим парус пироги. Работа была не хитрая: между двумя шестами были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один туземец обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались две длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурками. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из леса с длинными шестами. Шесты были прямые, и все ветви и веточки с них были тщательно устранены. Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена от верхней кожицы и разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина. Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыквы, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая

Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались время от времени всю ночь. Около полудня пришло несколько туземцев с приглашением итти с ними поесть свинью и послушать их пение. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место, немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек 10 было занято приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кеу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо Анут».[1] Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных маль, а что нас всего двое: я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться, не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма непрочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратить все это в шутку и прибавил, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагаси, а затем переменил разговор, спросив, не пойдет ли кто-нибудь со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда итти можно.

[1] В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекой, около Марагум-Мана, и не в одной, а во многих деревнях.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума, при этом все бывшие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кеу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer. По случаю пира головы и лица туземцев были раскрашены: у одного вся голова была намазана черной, у других — красной краской; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных — черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще старики употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

6 мая

Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивился твердости руки при употреблении такого совершенно нового для него инструмента, как карандаш, и прямизне линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев продырявливаются или заостренной бамбуковой палочкой или дигланом аяна (шипом *Dioscorea*). Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин производятся не только небольшими кусочками горящей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце 8-го месяца, мог я узнать папуасские слова (диалект Бонгу): отец, мать, сын. Я воспользовался приходом четырех туземцев, чтобы поднять шлюпку еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли его с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, воодушевляя друг друга восклицаниями, и действительно успевают сделать то, что навряд ли могли бы сделать, действуя молча и медленно.

14 мая

Много посетителей: из Энглам-Мана человек 15 или 20, из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, полученные при экскурсии в Энглам-Мана, слились — вследствие небрежного за ними ухода — в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: вареное таро, печеный плод хлебного дерева, саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая

Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в

Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

23 мая

Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богати, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщины этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал обрезки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо маба вследствие его ароматичности и приторности мне не нравится.

25 мая

При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил выпить кофе, чтобы итти туда же. Дорогой встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать. Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там. Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими, одна против другой стоявшими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. От времени до времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьем. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого. Крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник. Смотря на эту военную игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями их гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошенного гостя. Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились

женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялось приготовлением «папуасского гроба»; были принесены отрезки листовых влагалищ разных пальм и

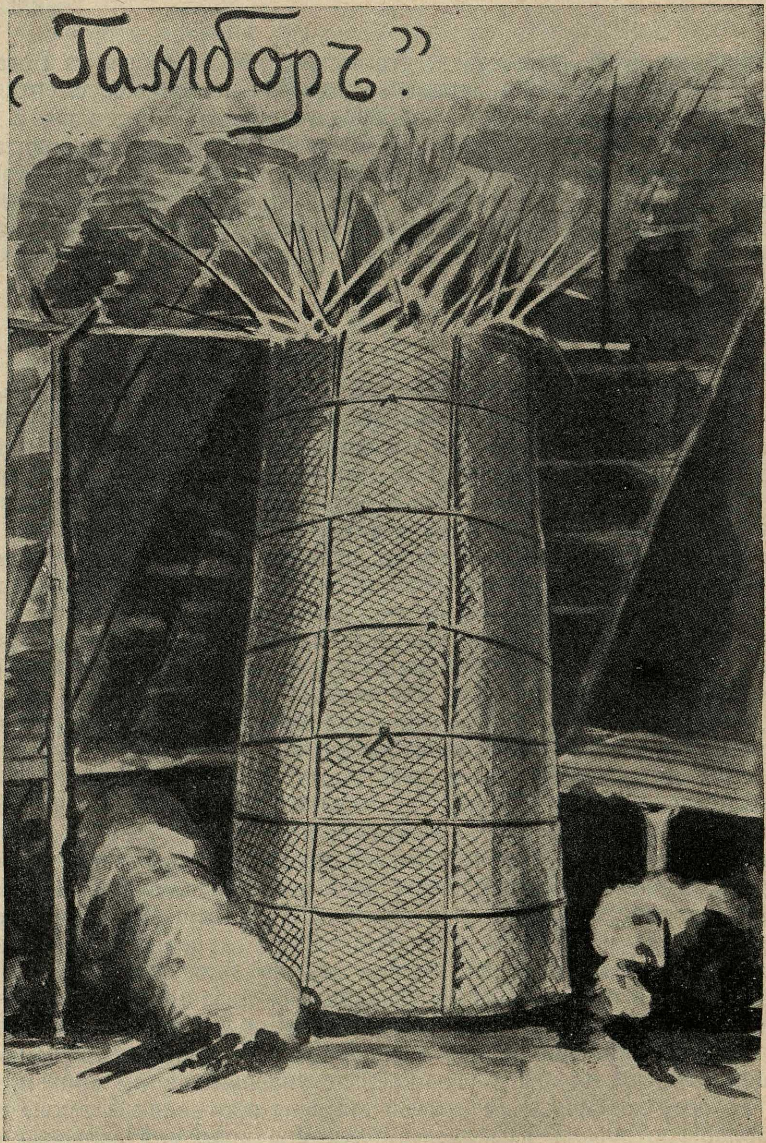

Рис. 8. Способ погребения у папуасов.

сшиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посередине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 см в квадрате. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 м

вышины. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса. Вой в хижине покойника то усиливался, то стихал. Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева, около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствующие при погребении. Несколько человек вошло в хижину умершего, и скоро они показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз; рук не было видно: они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении. Трое туземцев несли умершего; двое придерживали его по сторонам; третий, обхватив туловище и ноги руками, собственно нес его. Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая — жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черной краской, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений, и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине юбка их была заменена сегодня поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы, также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивыми голосами тянули печальную песню. Когда покойника вынесли из дверей, все присутствующие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в вышеописанную коробку, стоявшую по середине площадки; голову покрыли тельруном (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головой так, что коробка приняла форму трехгранной пирамиды; затем обвязали тщательно лианами и привязали верхний конец к толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступило из рядов и положило около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело: зароют или оставят просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладины под крышей, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагаси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и битого стекла для бритья.

28 мая

Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих итти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласились. У одной хижины заметил несколько туземцев, изготовлявших якоря для своих верш. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью сучьями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти сучья, обрубленные и заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг

средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплывания.

Недалеко от нас сидела дочь Бугая, девочка лет десяти. Она держала большой плоский камень между ногами и занималась стачиванием раковины из рода *Conus* в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водой, и работа быстро подвигалась вперед.

29 мая

Несмотря на головную боль и головокружение, я решил не откладывать своей экскурсии в Энглам-Мана и итти вечером в Гумбу, а оттуда на следующее утро направиться в Энглам-Мана. Приняв на всякий случай 0.3 г хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый тремя мальчиками из этой деревни, которым дал нести нужные для экскурсии вещи.

Так как уже темнело, то я отправился вдоль морского берега и, таким образом, добрался до деревни, при входе в которую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками: «Маклай гена!» (Маклай идет), «Э мем!» — они выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. Тамо сидели на барле, малассн — на земле около хижины. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; малассн же довольствовались одним бау. Как «тамо боро» (большому человеку) и как гостю, мне поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на цыновке, около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему: он жаловался на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель tincturae opii, и на другой день Кум прославлял мое лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был, и т. д. Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал итти спать. Несколько человек проводило меня в обширную буамбраму, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был итти со мною. Более половины буамбрамы в длину было занято широкими нарами, другая — двумя большими барумами, так что для прохода оставалось не много места. Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу напиться чаю, ибо взял с собою все необходимое для этого. На пылающем по середине хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамбраме было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку. Отыскал чистую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую — с бисквитами, стакан и ложку. Все эти приготовления к ужину до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием, следили за каждым моим

движением. Я уже так привык не стесняться десятками глаз, устремленных на меня в упор и следящих за каждым моим движением, что нисколько не стеснялся и поспешил выпить чаю, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбудили взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 оставались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако, так темно, что нельзя было ничего разобрать. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто-то лег на них. Недоумевая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто-нибудь лег рядом со мною. Я не ошибся; но как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мною лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих и что тут замешаны папаши и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошенной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я быстро соскочил с барлы и сказал: «Ни гле, Маклай нангели авар арен» (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно). Подождав, пока моя ночная посетительница выскользнула из хижины, я снова занял место на барле. Впросонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовала не одна эта незнакомка, но и ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица женщины не было видно. На следующее утро я не счел подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде — такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог, однако, заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали что и думать.

Хотя я поднялся часов в 5, мы собрались в путь не ранее 7, когда солнце уже поднялось довольно высоко. Мой багаж я разделил между двумя туземцами и, несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Сперва лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к р. Габенеу, которая в этом месте оказалась широкой и очень быстрой. Вода точно кипела. Я сошел в нее и только с помощью туземцев, которые окружали меня, мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах почти не было возможности. Пройдя через песчаную отмель, мы снова должны были итти в воде, чтобы переправиться через другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, где прохлада была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможным с успехом парализовать, натирая себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира действие солнечного жара на кожу в этих странах могло бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами — унаном, часа через два ходьбы от р. Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свою ношу, и

один за другим пустили стрелы, натянув сколько было силы тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов, но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Шагах в 20—25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а только молодые люди и мальчики (четырнадцати—двадцати пяти лет). Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вчерашнего ужина, чтобы было чем закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласси не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано вполне серьезно, с полной верой в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большей частью вдоль открытых склонов, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мое лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не встречая препятствия для движения. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копьями. Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась обширная панорама: было видно несколько островков у мыса Дюпере. Берег от Гумбу далеко простирался на NO, и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две — одна небольшая, а другая не меньше р. Габеней. Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь с плантаций. Наконец, в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не видавшие белого, остановились передо мною, как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать; наконец, опомнившись, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унане. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску. Здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над ней и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал и ударил раза два веткой по спине, затем, изломав ветку на мелкие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня; двое из моих спутников запаслись огнем, но, узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию сопровождавших меня туземцев, уже случалось зажигать спички и давать им возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак и зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить. Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-

Мана, которые, завидев меня, сейчас же умерили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состоявшую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другой, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны трудно доступной.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали 10-часовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому моему неудовольствию, оказались только старые орехи, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кеу и т. д. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целой процессией, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось три. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум- и Колику-Мана, и деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум- и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл и припоминал теперь, при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень искажено, преувеличено, пройдя целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставлять гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д. и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Поужинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала бо́льшая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросился с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояла пара нар — одни небольшие, другие побольше. Пока я развертывал одеяло и устраивался на ночь, в хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеясь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, обо всех диковинных вещах, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана тамо уши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шопотом, а затем столь же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана тамо уши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная. Большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали в чем дело, несколько из них поднялось, повидимому, с выговором мешавшим мне туземцам. По крайней мере, последние, один за другим, выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая

Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана над уровнем моря с помощью аппарата Реньо и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Стало уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было полное собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мною, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «самба борле» (нога болит). Я посидел, как бы что-то обдумывая; затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода: потереть ногу — все пройдет». Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсотермометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок. Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал натирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль в ноге пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления и вполголоса стали говорить о нем. Минут через 10 я начал шевелить ногой, попробовал ступить на нее и, сперва хромая, уложил все вещи, а затем вышел из хижины уже совсем здоровым, к великому удивлению туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагаси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекали внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и не отличалась по архитектуре от прочих. Фасад ее был метра 3.5 в ширину и средняя часть его не превышала 3 или 3.5 м. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека. Над дверью висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы *Buceros*, зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами, серой, старой крышей, обросшей травой, придавало хижине особенный характер. Между четырьмя телумами один обращал на себя особенное внимание: он был самый большой, и хотя

физиономией он мало отличался от остальных, но держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую неправильными нарезами, похожими на какие-то иероглифы, почти потерявшие, впрочем, от ветхости свои контуры. Внутри хижина отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим мне показали с таинственностью, говоря при этом шопотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть. Задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам, рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные рядами, почерневшие от дыма, кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса, свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Рис. 9. Боге, из дер. Энглам-Мана.

Не успел я кончить эскиз хижины и напиться чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что итти сегодня домой оказывалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, я сделал с помощью камеры-люциды портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией. Жители оказались здесь очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем среди береговых папуасов. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они здесь все становятся одинаково некрасивы. Их толстые животы и груди, имеющие вид длинных, полупустых мешков почти в 1 фут длиной, и неуклюжие ноги исключают всякую претензию на красоту. Между девочками четырнадцати—пятнадцати лет встречаются некоторые с приятными лицами. Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на NO от Энглам-Мана, называющейся Самбуль-Мана, получив известие о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал им руки и указал каждому место около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не переводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он в свою очередь начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других продуктов. Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам- и Теньгум-Мана. У них также часто встречаются элефантиазис и другие накожные болезни; оспа тоже оставила на мно-

гих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия Самбуль и Теньгум-Мана. Я собрал ряд слов всех трех диалектов. После непродолжительной сиесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся на побережье. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне незнакомы. Я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню. Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух кур и при мне размозжили им головы о дерево; затем вместо ощипывания опалили или сожгли перья, принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня нож, но он действовал им не только хуже и медленнее, зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за изготовление бамбуковых ножей. Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие длинные пластинки, которые, будучи согреты на угольях, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс, но также мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногой в лужу, обрызгал грязью волосы другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочки такой же деревянной бритвой. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на когонибудь из них, или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно, когда не можешь говорить с ними и объяснить им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

1 июня

Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и ее окрестностям, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я во всяком случае скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Но высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах, выше Энглам-Мана, нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев итти обратно. Человек 12 захотели итти со мною: одни, чтобы нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из намеревавшихся итти со мною, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленой веткой, постоянно что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего он это делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для

этого нужно иметь хорошие ноги, и чтобы иметь их, он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда его содержимое было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-Мана, то один из последних взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, произнес короткую речь, высказав пожелание, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога стала очень неудобной, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти у каждой лежал на спине громадный мешок с провизией, подарок жителей Энглам-Мана; мужья же их несли одно только оружие. Я вернулся в Гарагаси не ранее 5 часов после с лишком 8-часовой ходьбы.

2 июня

Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня

Убил в продолжение двух часов 7 различных птиц. Между ними оказался молодой самец райской птицы *(Paradisea apoda)*, а также в первый раз убитый мною Centropus; последний редко летает, а обыкновенно бегает в кустарниках. Туземцы называют эту птицу «дум», подражая ее заунывному крику. Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья у нее черно-зеленого цвета, хвост очень длинен сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако, чтобы это был новый вид.

6 июня

Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагаси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили, тихо прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моей хижиной. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам немало струхнувший, вернул их, однако, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду показался мне очень крупным; когда я смерил расстояние между концами его крыльев, оказалось 1027 мм. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заахали и стали очень смешно прищелкивать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей; с последними они не знали что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой и прислушиваясь к звуку, пока Бугай не рассказал им об их значении и о той многосто-

ронней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль- и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне в Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал приготовлять суп и, отправившись за водой, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кеу; одним словом, распоряжались у меня в Гарагаси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня

Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу: она осторожно пробиралась между хворостом. Не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища была больше метра. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои окамы (небольшие барабаны). Мясо ящерицы также очень ценится.

13 июня

Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет у меня отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня

Приходили туземцы с просьбой указать им место, где находятся их 3 больших ненира (корзина для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря. Они были крайне разочарованы, услыхав, что я не знаю, где они находятся. Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просившими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы также не были еще курчавыми.

17 июня

Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как 8 больших связок таро, из которых каждую

несли по два человека, большая свинья, несколько собак и 1 кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в сорока или более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских ай и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины, хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыканты же не переступали порога буамбрамры.

18 июня

Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, напр.: «Куда идешь?» «Что сегодня убил?» и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы: «Где был?» «Что ел?» «У кого?» «Что несешь?» и т. д. Это любопытство нельзя, однако же, считать характерным для черного племени; оно не меньше развито и среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкой бобов, бау и едой. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня

Туземцы начинают собирать орехи кенгара (*Canarium commune*). Несколько человек влезает на дерево и сбрасывает ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные орехи. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4 как мне приходится частенько слушать крики папуасов, которые ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человеческие крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головной болью, но, несмотря на это, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

26 июня

Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Растущие у самого дома большие *Canarium* были покрыты спелыми орехами. Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на чорта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богати, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину и прибавляя, что люди Богати дадут мне двух

или трех жен, что женщин там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

30 июня

Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и 8-летняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е., если кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действий. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети, лет шести или семи, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они раньше начинают заниматься хозяйством и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная. Купаюсь в море несколько раз в день. По вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако, не превышает 31°.

1 июля

Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является «наренг» *(Buceros),* не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Эти птицы летают очень высоко, обыкновенно попарно, садятся на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетают. Несмотря на все старания, мне не удалось пока застрелить ни одного наренга.

Сегодня в продолжение трех часов, по крайней мере, я провозился с одним из них. Выстрелив в него очень мелкой дробью и ранив его, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятию, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую чащу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты *Calamus*, цепляющиеся

за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около десяти. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высокое, и, для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Через полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, но откликался на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня, наконец, вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля

Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос папуасов. Нашел большое разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза волос, срезанных с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих на разных частях тела, различны. Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля

В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

11 июля

Около 4 часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснило, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось. Следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне. Не успел я додумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и казалось совершенно здоровым, только метрах в двух от земли (место перелома) оно было почти что проедено личинками разных жуков. Вышина дерева оказалась 26 футов и, если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, могло бы

переломать много вещей и, пожалуй, ранить одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагаси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти не было.

12 июля

В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных. Маклай пойдет со своим „табу" бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня снова уверяли, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

13 июля

Не было еще 11 часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по 2 копья, концы которых были натерты красной краской, как бы уже покрытые кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах туземцев красовались алые цветы китайской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями разных видов *Coleus* или длинные темнокрасные листья *Colodracon*. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует итти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрой свитой. Пройдя ближайшей тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя после себя черные обгорелые стебли унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на SW, около Бонгу, и с другой стороны, на O у Гумбу, около берега р. Габенеу. Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы — курить и жевать бетель. Через ¾ часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили, благодаря NW, который гнал дым в противоположную от нас сторону. Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такой ровной, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками футов около 5 вышиной и приблизительно футов 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам Maleo. В лесу находятся подобные же кочки, но реже. Мы подошли шагов на десять к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии, образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу, и пламя большими языками неслось по ветру, порой же пламя почти потухало,

пелена дыма разрывалась, открывая вид на далекие горы и ближайший лес. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшей землей. Туземцы, стоя в воинственных позах, держа луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти — одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером того, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение. Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв ветра гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос и рот, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца. Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы, по мере удаления огня, голос соседнего часового не напоминал мне, что надо итти вперед. После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией. Взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и, когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек. Несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видали. Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассматриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как и ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохнулось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «буль, буль!» — заставил меня оглянуться. В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако, кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще поднималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок; другое копье пролетело мимо, а из трех стрел одна («палам», с широким, плоским бамбуковым наконечником) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого. Далекие

крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники один за другим удалились, раздраженные первой неудачей. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ждать. Вдали слышались крики: «Буль, буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там были еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моего «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом «буль» Маклая. Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинной процессией.

Туземцев было человек сорок. Когда они расположились, куря, на площадке в Гарагаси, я увидал, кроме животного, о котором уже говорил выше, называемого туземцами «габенеу», — еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также несколько экземпляров других животных для коллекции, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали еще более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровой рукой, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копье в смертельно раненую свинью, как та внезапным движением переломила копье и сшибла его самого с ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элефантиазиса), как, поранив его, свинья пробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая уже была сильно поранена, занялись другой и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл раны, затем смазал их карболовым маслом и перевязал. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек. Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где, между тем, борову опалили щетину и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В восьмом часу я сел спокойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как почти целый день был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили соседним деревням о начале «ай», который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув два часа и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они делают по ночам, во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ай» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться (ее часто закрывали черные тучи), мы отправились. Пришлось итти очень медленно, потому что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Под-

ходя к площадке, я закрыл свет фонаря и тихо приблизился. На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м вышины, 2 м длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины. Кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своей музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали. Жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько секунд смолкнуть нестройную музыку, потом послышались возгласы: «О, Маклай, гена! Анди гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на цыновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новой силой.

14 июля

Ходил утром в Бонгу, чтобы перевязать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми трех деревень были убиты, кроме множества мелких животных, 5 больших свиней, не считая той, которую убил я. Я поспешил вернуться в Гарагаси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных *(Brachymeles Garagassi* Mcl.)

16 июля

Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался. Хотел нарисовать портрет Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я это сделаю, он скоро умрет. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверье.

17 июля

Прибирал и чистил вещи в хижине. Если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удя-саб» и скреб ее раковиной, другой такой же раковиной заострял наконечники своего юра, третий ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался итти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы итти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный морскими животными, вобрал в себя такое количество соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную соль. Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие: моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, за исключением мяса. Я обратил вни-

мание на донган, заткнутый за браслет Бугая: он был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Оно называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах. По словам туземцев, тиболь имеет длинный хвост и высоко прыгает.

30 июля

Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду, на пригорке, сидела девочка, лет десяти, и бросала вниз кокосовые орехи. Несколько мальчиков, пяти—десяти лет, с заостренными палками стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

31 июля

Несколько туземцев приехало в Гарагаси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками: «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда!); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты, чтобы, упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услыхал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагаси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину в другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь. В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать раны Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название; такового, однако, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на NO, которых называли «тамо дева», пробуравливают себе ноздри и вставляют в них перья. Потом разговор зашел о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обычным порядком: сначала выпили кеу, потом, отплевываясь и делая разные гримасы, вызванные горечью напитка, принялись за наскобленный кокос, затем за груды ва-

реного бау, аяна и каинды; в качестве десерта следовало жевание бетеля, а затем курение. Это обыкновенный порядок туземных угощений. Я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, поэтому отправился ранее других в обратный путь. У одной хижины я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин. Женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поравнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертлявой, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону.

Я так запоздал и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми цыновками, я спал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, бамбук представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобной, как только ляжешь на бок; надо ухитряться спать на спине и не ворочаться.

Рис. 10. Авель, из дер. Горенду.

1 августа

Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32°Ц, большей частью 29 или 30°; ночью на 7—8, очень редко 10° холоднее дневного максимума. Притом здесь нет, собственно, дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно — лихорадка.

4 августа

Четыре или пять пирог пристали к берегу около Гарагаси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колоть в щепки ствол, почти в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около пяти месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получат пепел, употребляемый ими вместо соли. В прибрежных деревнях

прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, туземцы отправились к себе, обещая вернуться.

7 августа

Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что там делается. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалено, — и все это в два дня. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор. Муравьи — желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые — потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа

Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били. Один из прибывших просил послушать гармонику Ульсона. Когда последний пошел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними 5-летнего мальчика своими маль, чтобы он не видел «ай». Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили.

13 августа

Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах, которые намерен послать акад. Бэру. Пришло большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо боро», с весьма странной просьбой: они хотят, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я нисколько не был, однако, уверен), то вернусь опять и что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, и что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались во всяком случае довольны табаком, который я роздал членам депутации. Вот уже месяцев шесть, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно à la papoua собираем белый пепел, который и употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Я, впрочем, легко и скоро отвык от соли и не замечаю никакого вреда от ее недостатка.

15 августа

Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в двадцати между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его нетрудно было словить. Обрадованный своей добычей, я вернулся немедля домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я здесь, и это первый экземпляр тиболя, который мне удалось добыть.

16 августа

Пригласили меня в Бонгу специально, чтобы попробовать еще невиданное мною кушанье «таун», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха, они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем их растирают и смешивают с наскобленным кокосовым орехом, после чего полученное тесто, разделенное на порции, завертывается аккуратно в банановые листья и варится около трех часов, после чего таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые цыновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили (орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде). Принимая во внимание сложность приготовления, трудно догадаться, каким образом туземцы дошли до открытия подобных кушаний. Вся деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор какой только мне случилось встретить; шириной он был около 12 см и замечательно хорошо отшлифован.

20 августа

Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слыхал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась и сама плачущая: обеими руками она закрывала глаза или утирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила что-то; немного поодаль за ней следовало несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Коколь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Коколь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как по покойнику. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как упоминалось выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко. При каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин — кричать, выть, плакать. Мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев при-

несли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки, от одной деревни другой, здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, обозначающий получение свиньи и начало «ай».

22 августа

Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкой, а белой ниткой, которой опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб; зыбь, однако, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем от NNW, совсем заштилело. Через час гребли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпой шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирог выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, что они очень рады моему приезду. Красивый островок с густой растительностью, толпа туземцев, разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев—все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега, я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в песок, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание не трудно было исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирог.

Рис. 11. Марамай, житель о. Били-Били.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выцарапанных на бамбуке. Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной из них несколько туземцев работало над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет из употребления в качестве орудий раковины и камень. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно обточенный на камне, в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для вырезания прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, но все же легче и проще резьбы камнем или раковиной.

У многих хижин висели вновь выкрашенные белой и красной краской щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островков, как, напр., Тиара и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, имеют от 70 см до 1 м в диаметре и около 2 см толщины. На передней стороне около края вырезано два концентрических круга; фигуры посередине представляют значительное разнообразие. Щиты эти раскрашиваются только в исключительных случаях.

Некоторые из туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, взяли щит на левую руку так, что середина его приходилась почти у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем щит закрывал голову и грудь и мог до известной степени защитить их от стрел и копий.

23 августа

Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), но так как дует свежий NNW и на море сильная зыбь, то туземцы просят подождать хорошей погоды. NNW, дуя с открытого моря, сопровождается обычно значительной зыбью и называется у туземцев «карог». WWN также очень обыкновенный здесь ветер, но он не сопровождается сильным волнением, ибо дует с берега; он называется «январь».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

24 августа

Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукой, только гляди — узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир или, вернее, бал в Богати (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица изменялись несколькими цветными узорами. «Сари» различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив), песчаном берегу род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богати. При этом они держали в зубах свои сари, представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правой рукой. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели (причем, вследствие держания сари в зубах, пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головой. Пляска была в высшей степени оригинальной.

25 августа

Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми должен был от-

править в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада. Они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега своих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе или на «кобум-барле» по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел огонь в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой на корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около 3 часов утра все было готово, и пирога, на диалекте Били-Били — «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб. Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как этот берег я увижу днем, а ночь была слишком темна, и нельзя было разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, выступавших над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах. Между прочим я узнал, что планету Венеру они называют «Бой», созвездие пояса Ориона — «Даманг», Плеяды — «Баресси». Когда мы прошли островок Ямбомбу, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густой растительностью. На S находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют Бейле, на N — о. Грагер и деревни Гада-Гада и Митебог; за ним далее на NW — 2 островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную бухту с островками разной величины, образовавшими целый архипелаг: они одинаково образованы поднятым коралловым рифом и покрыты лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Грагером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островками, огражденная со стороны моря рифом, представляющим, впрочем, несколько проходов, может служить хорошей гаванью. Этой бухте надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули 3 небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; 5 или 6 других — необитаемы. В глубине, на S, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии — о. Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу

собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Как только пирога подошла к песчаному берегу, она была разом вытащена высоко на песок целой толпой туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружавшим нас жителям свои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой были поставлены привезенные мною столик и складная скамейка.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагаси месяца 2 тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел громко их имена. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подходили ко мне и по моему знаку усаживались у моих ног; потом целый день они почти не отходили от меня, стараясь услужить мне, чем и как могли. Каин и Гад также почти не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезенные вещи, при этом я мог разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах, между совсем плоским и выдающимся носом имелись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия — чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев физиономии остальных, представляющие всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка. Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; этого хватило только пожилым — из молодых табак получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м вышины, но, как и вообще все папуасские хижины, состояли почти из одних только крыш. Я обошел затем всю деревню; она была не мала, но не отличалась такой чистотой и уютностью, как деревни моих соседей.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев готовящими нам обед.

За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил здесь внимание на особенную породу собак с Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки с Кар-Кара имеют толстое, удлиненное туловище, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага на W и SW, записав при этом более тридцати названий.

Наш «кобум» был уже нагружен и готов в обратный путь. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Грагера навстречу нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я хотел вернуться в Гарагаси. Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу стало очень сильно качать благодаря значительному волнению. Остров Кар Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на о. Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пирог в виду своей изолированности.

26 августа

Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богати. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки величиной с серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным материалом (оно служит для бритья, шлифования дерева и вырезания орнаментов), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня — даже женщины и дети — собралась около шлюпки, протягивая руки. Хотя ветер был не сильный, но попутный; я вернулся в Гарагаси около 4 часов, т. е. употребил почти 6 часов для переезда; на путь из Гарагаси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя, по разным соображениям, был уверен, что немало туземцев побывало в Гарагаси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своего любопытства, найдя двери опутанными веревкой и ниткой. Вероятно, они думают, что если дотронуться до веревки у дверей — на них посыпятся со всех сторон выстрелы или если прикоснуться к нитке — с ними приключится какое-нибудь несчастье.

30 августа

Отправился в Богати и добрался туда только через 6 часов. Сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которые присели, когда шлюпка приставала, и оставались в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самой большой между всеми расположенными вокруг бухты Астролябии. На большой площадке виднелись еще следы плясок, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретые еще и сегодня, т. е. на 3-й день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай буль» (свиньи, убитой по случаю «ай»). Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижнею челюстью. Были принесены два, но без нее.

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богати и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую, здоровую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал — я не понял. Она же поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богати, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через 5 ходьбы, мы подошли к высокой изгороди плантации, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну: то была недурненькая девочка, лет четырнадцати—пятнадцати. На этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головой. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую невесту, кивнул голо-

вой, указывая языком[1] по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая больше Коды. За отсутствием ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагаси. Я остался ночевать.

31 августа

Закрывшись флагом, я провел ночь неплохо. Не обошлось, однако, без попытки со стороны Коды привести в исполнение, пользуясь темнотой ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож «орлан-ай». Тайком обходя хижины позади, Коды привел меня к небольшой буамбрамре, где показал мне «орлан-ай». Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в цыновку и с той же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый «орлан-ай», и положил его под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус, и я, сидя у руля, не прокричал им прощального «Э аба» и «Э мем». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября

Сильная лихорадка.

2 сентября

Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября

Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег; она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября

По случаю боли в колене не могу ходить на охоту. Провизия наша почти на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно, свежий WNW и не более как 26° Ц.

9 сентября

К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3—4 очень неприятных дня, в течение которых пароксизмы сопровождались сильней-

[1] Кроме указывания рукой или кивком головы в каком-нибудь определенном направлении, туземцы иногда заменяют эти жесты высовыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по месту нахождения указываемого предмета.

шей головной болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и его причитания по поводу того, что мы оба, якобы, умрем от лихорадки или от голода, и т. п.

Погода стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября

Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября

Решил сохранить остатки провизии — бобы и рис — исключительно на те дни, когда не буду в состоянии итти на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет итти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся мясом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября

Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября

Несколько дней, как птиц совсем нет. Черных какаду, которых во всякое время дня можно было застать на деревьях *Canarium*, более не видно. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин малочисленности птиц в настоящее время. Другая причина, вероятно, — рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю стеблей тростника.

20 сентября

Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником. В этой трудно проходимой чаще леса я был неожиданно остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая заходить в деревню, расположился отдох-

нуть на стволе повалившегося дерева, недалеко от морского берега. Мимо меня прошло несколько женщин, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богати, в полном вооружении, прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнего из них, чтобы узнать, как они попали сюда, и узнал, что они пришли берегом, выйдя еще до рассвета из Богати.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и, в случае нужды, могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу. Но 3 пункта заставляют меня призадуматься: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября

Коды-Боро, сопровождаемый толпой людей Богати, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату — небольшое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед собою, делая всевозможные гримасы: высовывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, и при каждом новом, появляющемся в зеркале образе произносили: «а!» «э!» «о!». Другие, подержав недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

27 сентября

Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня немедля принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне приходится вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В 2 часа пошел дождь со шквалом. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на то, что она могла рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. „Qui dort, dîne“ — говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли уже удастся заснуть, ибо при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться и принять меры, чтобы моя постель не была совершенно залита. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гуттаперчевую простыню над головой так, что вода будет теперь стекать по ней, а не падать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях специально для тех людей, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти

господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, сырость кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Бывают, однако, положения и хуже.

10 октября

Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже незначительное, для меня стало трудно, и часто, даже идя по ровной дороге, я еле-еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я так устаю, как никогда раньше. Не могу сказать, чтобы при этом я скверно себя чувствовал; изредка только посещают меня головные боли, но они находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизией; а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагаси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, что я раз объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такой ужасной, то пусть повесится или бросится в море. Зная причину, по которой он это делает, я не подумаю ему мешать.

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступая ни одному из красивейших, виденных мною, полинезийцев. Сыновья Каина, напр., хотя и не особенно красивые, очень напоминают мальчиков о-ва Мангаревы и архипелага Паумоту.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за баб.

Расспрашивая Каина о знакомых в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец вздумал воспротивиться. Коре схватил лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела в свою очередь пронзила Коре ляжку. Другой поединок на почве ревности из-за жены произошел месяца два тому назад в Богати. Оба противника оказались ранеными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось ему в плечо и переломило ключицу.

Опять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября

Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо больше, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после всякой неблагоприятной случайности, иногда в тот же самый день. Напр., если утром ходил в воде по колено и оставался затем долго в мокрой

обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, в час или в 2 часа пополудни непременно наступает пароксизм.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или 1.5° ниже температуры воздуха. В 3 часу у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

20 октября

Возвращаясь утром с охоты, почти у самого дома я услышал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять — жаль было пистона: их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал тревожить маленькую птичку и опустил ружье. Мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правой рукой держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась через край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед, поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительна, хотя крови из небольших ранок вытекло немало. Несколько дробинок пробило кожу. Очень сожалею, что пострадала правая рука, так как вследствие ее бóльшего употребления эти незначительные ранки не пройдут долго.

21 октября

Вчера вечером и всю ночь слышен был барум в Богати. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что, действительно, в Богати был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто-нибудь из Богати и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слыхал барум и знает, следовательно, что умер человек, но кто — ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября

Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у костров. Один из них нашел, что и ему нужно итти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамбрамру и просили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснил, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его «окам» и что теперь у него окама нет, так как их делают только «тамо Рай-Мана». Он просил меня о возвращении окама или по крайней мере об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что «тамо русс» подняли его «ненир» (корзина для ловли рыбы), вынули рыбу, а, может быть, взяли и «ненир» или опустили его в нехорошем месте, так как после этого он не мог нигде его найти. Третий заявил, что из его хижины «тамо русс» взяли очень хо-

рошее копье. Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их требования и обещал вознаградить за вещи, взятые «тамо русс». Зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за барабан топор; за «ненир» я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать 3 больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гарагаси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, вызвало громадный восторг, и возгласы: «Маклай — хороший, хороший человек!» — послышались со всех сторон. Меня, однако, немало удивило, что через 14 месяцев туземцы еще не забыли всего происшедшего во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном, для меня и Калеу, были принесены и поставлены перед нами, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы поели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кеу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Туземцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шопотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных длинных фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне 2 человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «Барле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос из подбородка, щек, губ и бровей, с помощью вдвое сложенного, крепкого, тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадавшиеся волосы вкручивались между обоими шнурками и небольшим движением руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов.

Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел тлевшего большого ствола.

Очень смешно было видеть, как довольно большой мальчик, лет более трех, съел несколько кусков ямса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменил положение, положив голову на колени матери, и, схватив толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого), стал сосать. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, насосавшись молока, снова принялся за ямс. Впрочем, кроме вареного аяна и бананов, мне сварили зрелый плод пандануса: последнее кушанье не имеет особенного вкуса, и съедобная часть плода незначительна, но оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличается от языка Бонгу. Приобрел здесь 2 черепа тиболя, но без нижней челюсти, а также 1 череп небольшого крокодила, которого туземцы недавно съели в один присест.

28 октября

Одиночество производит на Ульсона странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне терять времени, давая ему совет чем-нибудь заняться; он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал — было приготовление пищи; иногда же он валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти не говорил с ним и не удостоивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда, по лени или болезни, он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось долго прислушиваться: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь — звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказывается — муха жужжит, звуки очень похожие на человеческий голос. Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и сами туземцы бывают вводимы в заблуждение.

30 октября

Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и на книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсюль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день не рационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь двух птиц. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как нет спирту; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает. Хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября

Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду нельзя было и думать. Птиц не было слышно.

3 ноября

Утром приходил Туй, и, так как шел проливной дождь, я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде, у самой двери моей комнаты, около которой я сидел. Он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все делали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просил долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются годы, чтобы действительно ознакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение пятнадцати месяцев я ни разу не присутствовал при их церемонии бракосочетания; ни разу — при операции «мулум» (обрезание) и не видел многого другого.

4 ноября

Отправился за ямсом рано поутру, ничего не евши, по той простой причине, что в Гарагаси не было ничего съедобного. Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Все принесли мне провизии и не хотели ничего брать за нее, прося дать им лекарство от дождя. Желая выведать от них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их «оним» не помогает. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря

Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кеу, уши раздирающая музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамбрамре Саула.

19 декабря

Свет утренней зари уже проник в буамбрамру, а я еще не поднимался. Ночью меня много раз будили музыка и крики, всегда сопровождающие здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!) — послышалось в некотором расстоянии от буамбрамры. Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан», — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?» — «Я посмотрю, а потом скажу», — отвечал я. Несколько человек прибежало, крича: «Маклай! О, Маклай! Корвета русс гена; биарам боро!» (Маклай, о, Маклай! Русский корвет идет; дым большой!). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом же взгляде всякое сомнение исчезло: дым принадлежал большому пароходу, вероятно, военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае мне надо было отправиться сейчас же в Гарагаси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судну. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне немного провизии и отвезти больного Ульсона в ближайший порт, посещаемый европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагаси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне надо флаг, что приближается военное судно, я подумал, что человек этот положительно сошел с ума. Он так болтал несвязно и не то смеялся, не то плакал, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, бывшее около о. Ямбомбы, переменило курс и направилось прямо в Гарагаси. Я вернулся в свою комнату, хотел пере-

одеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз, к песчаному берегу, и немалого труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близко к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня. Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение. Когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали троекратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня. Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан генерал-адмиралом и что, между прочим, г. Р. был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я убит или умер, и даже некоторые офицеры признались, что увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены, что не застанут меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана относительно того, что надо предпринять. Самым подходящим мне казалось — с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать мои наблюдения, отослав в ближайший порт совершенно ненужного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и кончить и отослать начатое письмо об антропологии папуасов акад. К. Э. фон-Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне, между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевозку моих вещей из Гарагаси на клипер предоставил одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным. «А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и, так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на „Изумруде“ или останусь еще здесь». Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной

жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал, между прочим, от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученой целью вокруг о. Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив свое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагаси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?

20 декабря

Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте, после непродолжительной стоянки, на корвете «Витязь» заболело несколько человек. Но в два или в три дня я буду не в состоянии написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным. Это было одно.

Рис. 12. Дерево с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что, если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось неизбежным, это то, что мне необходимо будет вернуться снова сюда, где вследствие знакомства с туземным языком и заслуженного мною у туземцев доверия дальнейшие наблюдения по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены. Таковы были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время берег Маклая с тем, чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани свое решение, он спросил меня, сколько мне необходимо будет времени, чтобы собраться. Я ответил, что через 3 дня после того, как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и итти, куда пожелает. Остающиеся 2 дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагаси. Вечером пришло ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагаси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать из девушек по жене или даже по две жены, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь современем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне, прося итти в Гумбу, где, по их словам, кроме местных жителей, собрались люди Теньгум-, Англам- и Самбуль-Мана, которые все желают меня видеть. Не желая отказать им, может быть, в последний раз, я пошел, окруженный большой толпой туземцев с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагаси.

Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние 2 дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и очень мешали при ходьбе. Я пошел, однако, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагаси. Боль была так сильна, что туземцы, устроив из нескольких перекладин род носилок, перенесли меня на них до мыска Габина, а оттуда перевезли на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира, толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанной надписью:

VITIAZ. SEPT. 1871. MIKLOUHO-MACLAY. IZOUMROUD. DEC. 1872.

должна была быть прибита к одному из деревьев, около моей хижины в Гарагаси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет наиболее подходящим. Я выбрал большой *Canarium commune* — самое высокое и представительное дерево в Гарагаси. Остаток дня я провел дома, заканчивая упаковку вещей, так как завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

21 декабря

Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени, чтобы устроить свою койку более удобным образом, и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой корзины, где лежали мои ноги, мог бы быть сделан для меня менее чувствительным весьма простым способом: стоило только подложить 2 бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки. Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и, действительно, довольно многие явились в Гарагаси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньшее отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в своих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки предоставил моим папуасам. Таким

образом, я мог итти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня. С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам назначение разных предметов, обошел я всю палубу. Пушки пугали папуасов: они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало, — это 2 небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя: «бик», «бик», «бик». Спустились вниз, в кают-компанию. Дорогой туда машина их очень заинтересовала. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем, большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть несколько человек сразу, очень им понравились. Фортепиано, которое я назвал «ай боро русс», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх. На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но, забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей подсказал ему «бик», и они все хором затянули: «бик», «бик». Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли и предоставил им свободно ходить по ней. Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагаси, и Ульсон также перевезен на корвет и, как больной, помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагаси. Даже и теперь, уезжая после 15-месячного пребывания здесь, я не мог сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно: «современем».

22 декабря

С самого утра несколько пирог окружило клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы начинали кричать, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги и крики «Э мем» и «Э аба» стали не так ясно доноситься с берега как с пирог. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум. Проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт Великого князя Алексея, мы обогнули мыс Круазиль и вошли в пролив между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом Изумруд.

ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

1876 г.

Июнь

Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea-Bird» (Морская птица). Заметил значительное изменение вида высоких вершин гор. Туземцы были очень обрадованы, но нисколько не изумлены моим приездом: они были уверены, что я сдержу свое слово. Когда я съехал на берег в Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбежались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением. Я не досчитался нескольких стариков — они умерли в мое отсутствие, но зато многие мальчики были уже почти взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, которые должны были скоро стать матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться среди них, но я, как и в 1871 г., предпочел не жить в деревне, а устроиться в некотором расстоянии от нее. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой дер. Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» (песчаный берег) к площадке, выбранной мною.

На этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура, но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже здесь на месте. К сожалению, желание не задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность, главным образом, от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в тропических странах. В числе деревьев берега Маклая имеется, правда, немало видов, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было добыть в короткое время.

Июль

На шестой день дом мой был готов. В постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое из моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы и крывших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома. Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м вышины, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около 70 ящиков, корзин и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну 4 июля.

При помощи своих трех слуг, из которых один был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое — микронезийцы, туземцы о-вов Пелау, и нескольких жителей Бонгу я скоро привел свою усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно.

Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже сказал, изменение вида вершин

Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые склоны оказывались голыми. Туземцы рассказывали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины.

Береговые деревни пострадали, главным образом, от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу. При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего приезда в 1871 г., целая дер. Аралу, находившаяся недалеко от морского берега, между реками Габенеу и Коли, была совершенно смыта громадной волной вместе со всеми жителями. Так как это случилось ночью, то все жители погибли, только несколько мужчин, бывших случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в дер. Гумбу, которая избежала разрушения, как построенная далее от берега.[1]

Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и полагаю, что это случилось около 1855—1856 гг. После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью. Это последнее обстоятельство произошло, может быть, от разложения органических остатков, выброшенных на берег волнами и гнивших на солнце.

Я приехал как раз в то время, когда туземцы берега Маклая жгли унан. Вместе со множеством экземпляров *Perameles* мне принесли 1 экземпляр тиболя (*Macropus Tibol* Mcl.), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают здесь 2 вида тиболя, называя одного «итиболь», а другого — «альтиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, т. е. речной, больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу.

Август

2-го августа собрался итти в Марагум-Мана, а затем 5-го — в дер. Рай.

Экскурсия в Марагум-Мана 2-го и 3-го августа 1876 г. (часов 5 от берега). В шлюпке до устья речки Морель, затем через лес на холмах, покрытых унаном. Общее направление SSO. С холма обширный вид: Самбуль-Мана на W, Энглам-Мана — SW, Марагум-Мана — SSO. Следы землетрясения попадаются по дороге часто в виде длинных трещин и обвалов. Часа через три вышли на дорогу, которая тянется высоким и обрывистым берегом реки Камран; берега этой реки представляют хорошие геологические разрезы. В широком ложе течет несколько рукавов реки, и в некоторых местах видны обработанные поляны. Горные породы, которые здесь везде встречаются, — глинистый сланец и белый известняк.

Деревня сама разделена на несколько деревушек, отделенных одна от другой глубокими оврагами, и не представляет ничего особенного.

[1] Мне указали на молодого туземца, который только что родился, когда случиласькатастрофа в Аралу; ему не могло быть больше 20 лет.

Хижины вообще низки, покрыты унаном и однообразной постройки. Кокосов мало. Высота над ур. м. около 750 футов.

Экскурсия в дер. Рай. По случаю противного ветра оставался весь день в бухточке при устье реки Боу, затем остановился в другой бухточке — Леле. Ночью, обогнув скалистый берег мыса Риньи, прибыли к улеу Рай, первой после Гумбу береговой деревне на SO. За деревней — ряд невысоких холмов, состоящих из поднятых коралловых рифов (на несколько сот футов). За ними — более высокий конический холм, высоту которого не удалось определить.

Везде в горах заметны были следы землетрясений в виде длинных, довольно глубоких трещин, расселин и обвалов.

8-го предпринял экскурсию вверх по р. Габенеу. После четырех часов ходьбы русло поднимается приблизительно на 300 футов над ур. м.

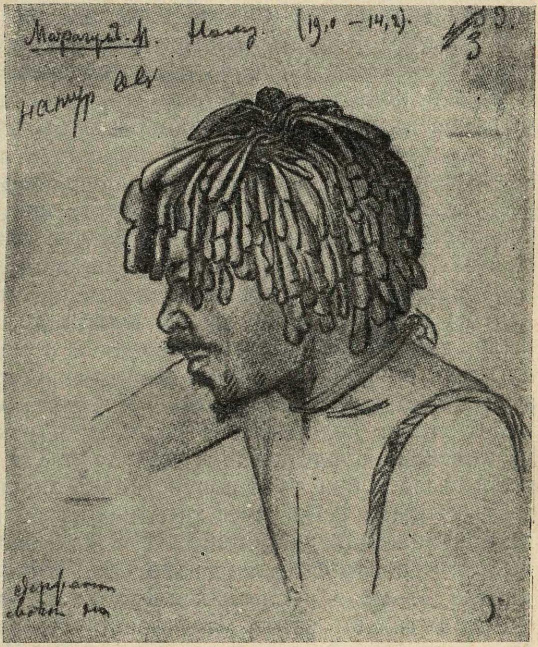

Рис. 13. Наму, из дер. Марагум-Мана.

Экскурсия на пик Константина 12-го августа. Когда к 9 часам утра в своей дынге я отправился в Богати, вся гора Тайо с пиком Константина была ясно видна. Нигде ни облачка. Благодаря свежему ветру через полтора часа прибыл в Богати. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы итти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа

Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу р. Иор. Когда рассвело, я записал имена своих спутников, которых оказалось 34 человека.

Так как я не взял провизии, мне пришлось зайти в дер. Ярю (810 футов над ур. м.). Моим спутникам очень не хотелось итти далее в горы, но я не обратил на это ни малейшего внимания, тем более что людей у меня было раз в пять более, чем нужно. К каравану присоединилось несколько человек из дер. Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням. Вообще дорога была не особенно удобна. В третьем часу пошел дождь, и все горы покрылись облаками: итти по-

этому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе кофе и смерил высоту местности при помощи аппарата Реньо, показание которого было почти одинаково с показанием моего анероида. Высота оказалась равной 860 футам. Было очень прохладно, вероятно, вследствие дождя. Всю ночь дождь лил, как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла растянутого над моей койкой, оказалась расположенной удачно: несмотря на ливень, я оказался совершенно сухим, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки. Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо билен[1] могут следовать за мной, а тамо борле могут оставаться. Это подействовало: почти все последовали за мною. Вследствие дождя, шедшего ночью, в реке было гораздо больше воды, чем вчера; камни были очень скользки, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах. Пройдя немного, пришлось лезть по склону направо, без малейшего следа тропинки. Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось итти или, вернее, лезть вперед. К великой своей досаде я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, склон был покрыт лесом, так что можно было, как помнится, придерживаясь и цепляясь за сучья и корни, подвигаться вперед. В одном крутом месте я протянул руку к лиане, а что произошло после этого — положительно не знаю. . . Проснулся я как-будто от человеческих голосов. Я открыл глаза — вижу кругом лес; не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела, и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, между тем как ноги — гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь. Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался голос: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько туземцев выглянуло из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лез на гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответствующим ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво ощупал ноги, бок и спину и затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и, кажется, я чувствовал себя бодрее, чем когда упал. Хотел посмотреть на часы, но оказалось, что, вероятно, от толчка при падении они остановились. Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что я пролежал в не особенно комфортабельном положении более двух часов, а, может быть, и дольше. Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 футов. Немного пошатываясь, спустился я в неглубокую долину, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумуша и вышина которого была 1880 футов. За ним следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 футов. Идя далее, мы пришли к куполообразной вершине горы Тайо, которая с моря придает этому пику такой своеобразный вид. На небольшой площадке росли

[1] Хорошие люди.

высокие деревья; высота здесь была 2680 футов. Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер. Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикрепленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз. Я был разочарован этой экскурсией, потому что густая растительность закрывала вид с вершины пика, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богати. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богати часу в десятом вечера.

23-го отправился на о. Били-Били, где туземцы построили мне хижину, темную, но прохладную, на месте, называемом Айру, и куда я думал приезжать от времени до времени. Вернувшись в Бонгу, я посетил деревни: Энглам-Мана, Сегуана-Мана и Самбуль-Мана.

Все эти деревни не отличаются значительно одна от другой ни характером построек, ни типом и внешним видом жителей. Собрал при этой экскурсии несколько черепов, а также разузнал довольно много интересных данных по этнологии горных жителей.

Сентябрь

Экскурсия в Бан-Мана, Сандингби-Мана, Бурам-Мана, Манигба-Мана и Колику-Мана. Результатом этих экскурсий было прибавление материалов по этнологии, неколько черепов для коллекции и несколько дней лихорадки.

20 сентября

Был в Гарагаси, где все очень заросло. Из посаженных мною кокосовых пальм принялись только пять. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево изъедено муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногой было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагаси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности (в 1871 — 1872 гг.).

Распорядился, чтобы Мебли, мой слуга с Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

Октябрь

Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагаси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно

действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября я собрал кукурузу, которую посеял в июле. Затем я снова посеял ее и множество семян других полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовых пальмы, которые все принялись.

Небольшие ранки на ногах вследствие ушибов о камни, трения обуви и т. п. превращаются здесь мало-помалу при небрежном обращении с ними, а, главное, от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, в значительные, хотя и поверхностные, раны, которые долго не заживают. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляли частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагаси это было немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя в этих манипуляциях над ними. Не нахожу, однако, удобным измерять женщин: мужчины здесь ревнивы, а я не желаю давать повод к недоразумениям.

Одним словом, в этом случае «Le jeu ne vaut pas la chandelle». К тому же измерения женщин сопряжены с слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д.

В Бонгу был большой «ай», в котором принимали участие и женщины (что я в первый раз увидал). Возвращение «ай» в деревню представляло очень характерное зрелище, которое стоило бы зарисовать.

Узнал подробности операции «утравар» или «мулум» (обрезание). Почти все «улеу тамо» следуют этому обычаю (за исключением обитателей некоторых островов архипелага Довольных людей), но почти все горные жители не признают его.

Ноябрь

Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать. Когда температура по утрам опускается до 21°, то я положительно ощущаю холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

5 декабря

После многодневных приготовлений сегодня начался «мун» в Бонгу, самый значительный, какой мне пришлось до сих пор видеть, почему я постараюсь описать его.

Мун в Бонгу 5—6 декабря 1876 г. После долгих приготовлений день муна был, наконец, назначен. Последние дни туземцы соседних деревень почти каждую ночь упражнялись в пляске и пении; барум часто раздавался днем и даже ночью; жители Бонгу ходили в Энглам-Мана за кеу к празднику. Была установлена программа: сперва, 5-го числа, вечером, должен был плясать «мун» Горенду, затем на следующий вечер должны были притти «мун» Богати и Гумбу. До начала муна «ай» вышел из Бонгу с хворостом, который был брошен в море, и после церемонии в лесу туземцы Горенду и Бонгу стали одеваться к муну. Главным характерным украшением были громадные 3-этажные султаны (сан-

10
Танцоръ,
Бер-Мкл

гин-оле), которые были так велики, что только курчавые куафюры папуасов могли их удерживать. За пояс были заткнуты три большие ветки *Coleus*, которые при каждом шаге качались за спиной. Такие же ветки, воткнутые за сагю (браслеты), украшали ноги и руки. Султаны состояли: 1-й, большой, нижний, из казуаровых перьев; 2-й из перьев какаду, из коих некоторые были прикреплены верхушкой; 3-й из перьев райской птицы; он был прикреплен к эластичному стеблю и при каждом движении танцора приходил в движение. Кроме выбеленных двух дю, некоторые туземцы имели на голове род диадемы из собачьих зубов. На шее, кроме буль-ра, ямби и других мелких украшений из зубов или бус, висели у большинства губо-губо. Европейские тряпки (подарки времени Гарагаси) играли также не малую роль.

Мун-Коромром. Танцоры попарно, при звуках окамов, покачивая в такт и одновременно своими сангин-оле, плавно вошли в Бонгу и, описав дугу, стали описывать круги вокруг площадки, иногда попарно, иногда, образуя длинную цепь, в одиночку. Перед пляшущими, лицом к ним, один из туземцев Бонгу двигался, постепенно пятясь назад; он не был украшен подобно танцорам, имел только несколько красных цветков в волосах и держал в руке обращенное острием внутрь копье. На конец копья был насажен кусок скорлупы кокосового ореха из опасения ранить нечаянно своих визави. (Этот, как бы встречавший гостей, туземец напомнил мне «чекалеле» и встречи в деревнях на Молуккских о-вах.) Пляска и пение были довольно монотонны. Пляска состояла из плавных небольших шагов и незначительного сгибания колен, причем корпус слегка нагибался вперед, и султан также кивал вперед. Мало-помалу присоединялись к группе танцоров и женщины, в новых малях, с множеством ожерелий, а некоторые украшенные зеленью, заткнутой за сагю на руках. Многие были беременны, другие с грудными детьми на руках. Пляска женщин была еще проще мужской и состояла только из вихляния задом. Единственная вариация состояла в том, что танцоры останавливались, образуя круг, продолжая петь, бить в окамы и кивать султанами. Женщины тоже останавливались и, расставив немного ноги, еще усерднее вертели задом. Мун продолжался до рассвета; в нем принимала участие молодежь Горенду и Бонгу.

Мун. Я из Богати пошел в Бонгу засветло, часов в пять. Мун был гораздо многочисленнее и группировка была иная, чем в Мун-Коромром. Главных танцоров с сангин-оле и губо-губо окружали женщины, которые держали их луки и стрелы, и, кроме того, несли свои большие мешки на спинах. Было также много вооруженных туземцев, которые пели и в случае неимения окамов били небольшими палочками по связкам стрел, которые они несли в руках. Движения пестрой толпы были не так медленны, и двое главных танцоров выделывали довольно замысловатые па (напр., заложив окам за шею и закрыв глаза, выкидывали ногами). Но что особенно мне показалось интересным, — это мимические пляски, при которых танцоры расступались, оставляя между собою свободное пространство, где главные танцоры производили свои эволюции. Мимические представления изображали охоту на свинью, убаюкивание ребенка отцом и матерью, причем один из мужчин надел женскую юбку и мешок и представлял женщину, а окам, положенный на мешок, представлял ребенка. Этот пассаж следовал после сцены, изображавшей, как женщина прячется от преследующего ее поклонника за спиной другого. Но еще замечательнее была карикатура, изображавшая туземного медика и принесение им онима: один из танцоров сел на

землю, другой с длинной веткой в руках стал, танцуя вокруг, ударять ею по спине и бокам первого; затем сделал несколько кругов вокруг площадки, прошептал что-то над веткой, потом вернулся к больному и возобновил первую операцию. Танцор представил затем, как совсем запыхавшийся и вспотевший медик отнес ветку в сторону и растоптал ее на земле.

Мужчины и женщины имели однообразно раскрашенные физиономии; во рту все мужчины держали губо-губо.

Когда я пришел утром (туземцы плясали всю ночь), мун, обойдя вокруг кокосовой пальмы, остановился около нее, в то время как один из участников муна, туземец из Богати, влез на дерево и стряс все орехи, которые и послужили угощением для членов муна.

Что мне бросилось вчера в глаза — это безобразие физиономий, впечатление, которое на меня произвели также туземцы о-вов Адмиралтейства.

С е л ь-М у н (Гумбу). Около восьми часов, в совершенной темноте, при свете одного только факела и негромком звуке окамов вошел Сель-мун на другую площадку Гумбу. Высокими сангин-оле и множеством зелени украшенные танцоры, из коих многие были окрашены черной и белой краской, при слабом свете разгоравшегося костра и при отдаленном громе и частых молниях, имели очень фантастический вид. Из трех сангин-оле самый высокий превышал 3 человеческих роста и был по крайней мере 5 м вышины. Для того чтобы держать эти громадные бамбуки на головах, бамбук на конце был расщеплен и во многих местах привязан к волосам, которые почти скрывали лицо; спина и грудь были закрыты большим маль; подмышками, почти до колен, висели большие пучки зелени, которой были также украшены руки и ноги. Весь этот наряд почти что скрывал человеческий образ. Эти танцоры двигались почти самостоятельно от прочих, даже когда другие останавливались; напр., когда один из туземцев при общем молчании произносил речь, они, как заведенная машина, продолжали ходить вокруг костра. Сель-мун, который я уже видел в 1872 г. в Гумбу, является ночным; как и при «коромром», туземцы двигались толпой вокруг костра. Мун продолжался до восхода солнца.

Познакомившись с папуасскими танцами, можно заметить: 1) что женщины в них не играют главной роли; 2) что танцы не имеют безнравственного характера. Мужчины являются хорошими танцорами, довольно грациозны и выделывают довольно хитрые штуки. Женщины, как уже сказано, приводят в движение только зад, поэтому обращаются спиной к зрителям.

М о р о р-м у н. Уже вчера были приготовлены пирамидообразные связки кокосовых орехов, которые назначались для туземцев Гумбу, Горенду, Богатим, Колику-Мана. По окончании муна и завтрака туземцы Бонгу принесли большие корзины с аяном, из которых многие едва могли поднять 4 человека, и связки саго. Все корзины были расставлены по группам: к каждой поставили по палке, украшенной веткой *Coleus* Один из туземцев Бонгу сказал речь, держа при этом палку с веткой; затем другая длинная речь была сказана Моте, который говорил долго и весьма взволнованно. Можно было заметить, что речи были не импровизации, а приготовленные заранее; по интонации, жестам и выражению казалось, что ораторы не были лишены красноречия. Тон речей, особенно Моте и Эгли, был презрительный, и я предполагаю (речей я не мог понять), что ораторы укоряли своих сограждан за то, что те принесли мало

продуктов для морора. Была и ответная речь туземца из Горенду. Каждый оратор приставил обратно палку с веткой к куче корзин, но когда ораторы кончили свои речи, один из них собрал все палки и отставил их в сторону; затем ораторы и жители Бонгу удалились. Калун взял метелку, лист пинанга, и, шепча что-то, обмел вокруг корзины. Туземцы вернулись, неся много табиров, гунов, малей, собак, и положили все это около корзин. Особенно большая куча образовалась около Муля, который стоял близ одной кучи с женой и дочерью, между тем как у другой стояли жена и дочь Калуна. Отдавая Мулю табиры или мали, клали их ему на голову. Разложив и передав вещи, жители Бонгу, покрыв голову табирами, пробежали по площадке, говоря что-то. Принесенным собакам завязали морды и убили их, ударяя изо всех сил головой о землю. Их также положили на кучи малей и табиров. В одной группе Калун передавал принесенные табиры и пр. Мулю из Богатима, в другой Омуль отдавал их Бонему (из Горенду), который, воткнув копье в землю и поставив табир перед собою, снял сюаль и положил его в табир, накрыв веткой. Омуль, отдавая Бонему один табир за другим, накрывал каждый веткой. Бонем передавал их своему брату. То же было проделано с прочими предметами до последнего, после чего Омуль получил сюаль. Подобным же образом табиры и другие вещи клали на барум Мало, который в свою очередь роздал их присутствовавшим туземцам Богатима. После этого дошли до пинанга и кокосов; большие пирамиды их были повалены и разобраны. Тем морор и кончился.

Мун вообще много, и все они различны. Различны мелодии, а также и сама пляска вариирует; для плясок, впрочем, не установлено строгой последовательности, и фигуры их зависят от самих танцоров.

22 декабря

Курьезная сцена произошла сегодня в Бонгу. Как я уже не раз говорил, днем в деревнях людей обыкновенно не бывает: мужчины или в других деревнях, или на охоте, на рыбной ловле, в лесу, или на плантации; женщины с детьми также на плантациях. Возвращаются они перед заходом солнца. Зная это, а также и то, что мун уже кончился несколько дней назад, мы удивились, услышав несколько громких поспешных ударов в барум, который сзывал людей с плантаций в деревню. Я отправился также туда и был там одним из первых. Подоспевший ко мне Буа рассказывал мне следующее (в это время из хижины Лако неслись крики его жены). Лако, вернувшись раньше обыкновенного в деревню, застал в своей хижине жену в обществе Калеу, молодого неженатого человека, лет 22. Туземцы вообще ходят так тихо, что виновные были застигнуты совершенно врасплох. Калеу, побитый или нет — не знаю, выбрался из хижины Лако, который начал тузить жену. Он на минуту оставил ее, чтобы созвать с помощью барума своих друзей. Когда я пришел, Калеу стоял, потупившись, около своей хижины, а Лако продолжал чинить расправу в своей. Наконец, он выскочил, вооруженный луком и стрелами, и, оглядев кругом присутствующих, которых уже набралась целая толпа, увидел Калеу. Тогда он остановился и стал выбирать стрелу для расправы. В то же время один туземец подал и Калеу лук и несколько стрел. Смотря на Лако и на крайнее его возбуждение, я не думал, чтобы он был в состоянии попасть в противника, и, действительно, стрела пролетела далеко

от Калеу, который стоял, не шевелясь. И другая стрела не попала в цель, так как Калеу во время отскочил в сторону, после чего он не стал ждать третьей и быстро скрылся. Стрелял ли он в Лако или нет, я не заметил; я следил за последним. Мне, однако, сказали, что он выстрелил раз и не попал. По уходе Калеу ярость Лако обратилась на хижину первого: он стал рвать крышу и ломать стены ее; но тут туземцы нашли подходящим вмешаться и постарались отвести его в сторону.

На другой день я застал противников дружелюбно сидевшими у берега моря и курившими одну и ту же сигару. Увидя меня, оба захохотали: «А ты вчера видел?» — спросил меня Лако. «Видел», — отвечал я. А что же сегодня? «Калеу хороший или дурной человек?» — захотел я знать. «О, хороший, хороший», — заявил Лако. Со своей стороны Калеу то же говорил о своем сопернике.

На тропинке в Бонгу я встретил Унделя и указал ему на сидящих Лако и Калеу. Ундель сказал мне, что Лако прогнал свою жену, которая живет теперь в хижине Калеу, причем он прибавил известную пантомиму и громко рассмеялся.

Однако такие случаи происходят не часто; это всего третий, о котором я узнал.

1877 г.

Январь

Мои наблюдения по антропологии подвигаются. Я рассматривал волосы новорожденных: они не курчавы. До сих пор измерено мною 102 головы мужчин, 31 — женщин и 14 — детей. Рассматривал также ноги, руки и ногти туземцев.

Февраль

ПРЕБЫВАНИЕ В АЙРУ И ЭКСКУРСИЯ НА АРХИПЕЛАГ ДОВОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ И В ДЕР. ЭРЕМПИ

Экскурсия в дер. Эремпи. Так как Каин не знал дороги в эту деревню, то мы заехали на о. Сегу и забрали там двух людей как проводников. Из бухты мы вошли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти что круглом, окруженном лесом озерке, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и итти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга, цепляющегося за платье. Замечательно высокий, дикий бананник обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были, сравнительно с другими видами, очень узки. Мы продолжали наш путь на W и после более чем часовой ходьбы пришли в дер. Бомассия. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых.

Несколько протяжных ударов в барум созвали жителей деревни, которые работали на плантациях и в окружающих селениях. (Люди Эремпи живут в небольших, разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню.)

Хижины в Бомассии были почти все на сваях, но люди внешностью ничем не отличались от других папуасов берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта.

Хотя люди здесь, как говорят, людоеды, но в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости, и последние никогда не употребляются ими как орудия. Я здесь видел щиты другой формы, чем на о-вах Довольных людей, — они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услыхал очень громкий голос, который я не мог приписать никакому мне известному животному; во всяком случае, можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара. Каин уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

ТРЕВОГА ЛЮДЕЙ БОНГУ ВСЛЕДСТВИЕ БУЛУ-РИБУТ ОКОЛО МОЕЙ ХИЖИНЫ

Булу-рибут. Мне как-то не спалось, и я подумал, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Я вспомнил, что, путешествуя по Малайскому полуострову, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной, заунывной музыки малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале, действительно, умеет делать булу-рибут, я приказал ему сделать мне 4—5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое «булу-рибут» — по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной величины (до 60 футов и более), внутренние перегородки которых удалены и в которых в разных местах и на различных расстояниях одна от другой сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин или на деревьях в деревне, а иногда и в лесу. Ветер, проникая в щели, производит весьма оригинальные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то всякий ветер приводит в действие эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посередине дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне 5 штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 40 футов в вышину. С помощью своих людей я распределил их по вершинам стоявших около хижины деревьев, укрепив один из них на самой веранде моего дома. Так как полагается, по объяснению Сале, чтобы булу-рибут стояли отвесно, то нам стоило не малого труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более, что нужно было привязать их во многих местах для того, чтобы их не сдуло ветром. Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его булу-рибут. Днем ветер слишком силен, так что шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе вокруг мыска заглушают звуки малайской арфы. Разные занятия в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные, меланхолические звуки, а затем был озадачен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других, трудно определяемых звуков — не то завыванье, не то плач — слышались близ дома. Я услыхал голоса Сале и Мебли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии. В течение ночи меня раза два будил резкий свист на

веранде; так же явственно слышались звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленной этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я вышел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

— Отчего вчера и сегодня не приходили в таль Маклай?

Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись».

— Чего? — с удивлением спросил я.

— Да тамо русс.

— Каких тамо русс? Где? — допрашивал я, озадаченный. — Где вы их видели?

— Да мы их не видели, но слышали.

— Да где же? — недоумевал я.

— Да около таль Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их там много, они так громко говорят.

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиной этого недоразумения, и я невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: «Когда прибыли тамо русс? Каким образом? Корвета, ведь, нет? Долго ли останутся? Можно ли притти посмотреть их?» Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо русс в таль Маклай нет. Приходите посмотреть сами», — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако же, не были совершенно убеждены, что тамо русс не являются, по крайней мере по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своей пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал. И когда я засыпал, то эта мягкая заунывная музыка под аккомпанемент шелеста деревьев и плеска прибоя убаюкивала меня.

Март

СВАДЬБА МУКАУ

Несколько мальчиков из Горенду прибежало сказать мне, что невесту уже ведут из Гумбу. Я последовал за ними к улею — песчаному берегу около ручья, и застал там несколько сидящих тамо из Гумбу и нескольких туземцев из Бонгу, пришедших с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет 17—18) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней. Ее звали Ло, и она была довольно стройная и здоровая, но не особенно красивая (кривая) девочка, лет 16. Около

11
Невѣста
изъ дер. Бонгу (Бер. Мкл.)

3

нее вертелись три девочки, 8—12 лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом невесты занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали ее, начиная с волос головы до пальцев ног, положительно всю, за исключением мест, покрытых несложным костюмом папуасок, красной краской — «суру». Пока невесту натирали охрой, туземцы, сидевшие поодаль, подходили к ней, чтобы оплевать ее со всех сторон нажеванной заготовленной массой: это называлось «оним-атар». Последний из оплевывавших, нажевав какую-то специальную массу, обрызгал ею нижнюю часть живота невесты, отогнув для этого верхний край ее костюма. Он проговорил еще что-то, и тем операция оним-атар кончилась. Невесте провели 3 прямых линии белой краской (известью) поперек лица (мунга), а также линию вдоль спинки носа, и навесили много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие отрезки пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику. Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натирали. Поверх небольшого девичьего пояса, очень короткого спереди, надели на нее новый маль, желтый с красными полосами, доходивший до колен, но по сторонам оставлявший ноги и бедра совершенно открытыми. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

Ло положила обе руки на плечи девочек, которые обнялись таким же образом, т. е. положив руки на плечи своих спутниц, и все двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены, они не смотрели по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский «гун». Их сопровождали гуськом пришедшие с ними туземцы Гумбу. В процессии, кроме трех девочек, не было других женщин. Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, смешавшись с толпой туземцев Гумбу.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до площадки Конилю, квартала Бонгу, где находилась хижина жениха, девушки стали в том же порядке, как и шли. Здесь же сидели женщины Бонгу и приготовляли «инги», а мужчины сидели в разных группах.

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткой речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший их головы, совершенно новый маль. Отошедшего в сторону Моте заменил Памуй, вышедший из хижины напротив, который, произнеся краткую речь, беглым шагом приблизился к девушкам и положил на голову Ло новый табир. Из группы женщин Гумбу выделилась одна, которая сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее. Далее следовал целый ряд жителей Бонгу, приносивших один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских малей, мужские и женские гуны и т. д. Двое принесли по новому копью, так называемому «хадга-нангор». При этом некоторые из туземцев говорили короткие речи, другие же молча клали свои приношения около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили к невесте, чтобы снять подарки с ее головы, и клали их около нее. Когда последний табир был положен, подруги Ло отошли от нее и занялись разборкой даров, кладя табиры к табирам, мали к малям и т. д., а затем присоединились к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание. Один из старых туземцев (тамо боро), Гуна, опираясь на копье, подошел к Ло и, обвив вокруг пальца пук ее

волос, начал речь, обращаясь к невесте, сидевшей у его ног. По временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить ее особенное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях, как жены. Его место занял другой старик, который также, перед тем как начать говорить, навернул себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал их так усердно, что девушка привскакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Все шло, как по заученной программе; видно было, что обычай так уже установился, что каждый твердо знал свою роль.

Во время всей церемонии присутствовавшие сохраняли глубокое молчание, так что речи, произносившиеся не очень громко, можно было хорошо слышать. Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане, и старик Гуна, — одно из главных действующих лиц, — забыв имя жениха, обратился к присутствовавшим, чтобы узнать его, что было принято однакож не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того как двое или трое стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои назидания дерганьем волос бедной Ло, от чего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась. Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины Гумбу забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и гладя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать в том же положении прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут исключительно семье невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Вероятно, однако, что при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль, так как табиров нехватило бы на всех.

Когда я пришел в Бонгу через полчаса, Мукау уже был в группе мужчин, ожидавших угощения («инги уяр»). Кроме тамо Бонгу, присутствовали также люди Горенду. Мукау — мальчик лет 14 или 15; Ло — годом или двумя старше его. Над первым не было еще совершено обрезание, почему многие туземцы Бонгу изъявляли свое неодобрение. Говорят, впрочем, что со временем эта операция будет сделана и Мукау. Из этого видно, что обычай мулум не соблюдается слишком строго на берегу Маклая. Мне сказали, что Асель, который давно женат и имеет уже детей, еще не обрезан.

На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли вместе с Мукау к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье, очевидно, имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и мыли ли молодые девушки Ло, — я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

Позже, в июне, я видел другой род свадьбы, именно — похищение девушки силой (случай с дочерью Калуна), но собственно силой только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом. Часа в два или в три дня послышался барум в Бонгу, призывавший к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Колику-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для вида (так как

все было условлено заранее), после чего все отправились в Колику-Мана, где было приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя увезенной девушки. Все вернулись с подарками из Колику-Мана и все довольные. Похищенная девушка стала женой одного из похитителей.

Май

ЭКСКУРСИЯ НА О-ВА БИЛИ-БИЛИ, ЯМБОМБУ И НЕКОТОРЫЕ О-ВА АРХИПЕЛАГА ДОВОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Из Били-Били я отправился на о. Ямбомбу. Дорогой туда остановился у островка Урему или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах на берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что здесь посадил их Маклай, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урембу. На этом островке никто никогда не жил; только по вечерам слетается сюда, как и на Били-Били, множество голубей, которые остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса. Каин называет часто поэтому Урему Мулики Амб (дом голубей). Мулики означает на диалекте Били-Били голубь, а амб — дом.

На материке, против о. Урему, в море впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобной для небольших судов.

В Ямбомбе я встретил очень радушный прием. Все, казалось, были рады моему приезду. Бирамор проводил меня в свой «дарем» (что значит на диалекте Ямбомба — буамбрамра). Видел у него топор из раковины, ручка которого была образцом папуасской резьбы. Это был первый и единственный экземпляр, виденный мною на берегу Маклая. Заметил также висевший на шнурке, пробуравленный, плоский, круглый камень. На мои вопросы: «Откуда, кто сделал?» — туземцы отвечали: «Из моря», «Не знаем», «Это сделано не людьми». Однако нашелся один, который пояснил, что «наме-наме» (давно, давно) люди Ямбомбы привезли этот камень с о. Карагу, [1] который находится очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего служили эти камни. [2]

Группа туземцев работала над новой пирогой, именно — пришивала длинную планку у одного борта ее. Несколько соответственных отверстий было сделано в краях пироги и доски; в них продевалась крепкая лиана, которую туземцы называют «урамер», много раз, пока отверстия, сантиметров около четырех в диаметре, не были совершенно заполнены оборотами лианы. Одно подобное закрепление отстояло от другого приблизительно на полметра, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры «дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея

[1] Я много раз и от других туземцев слышал название „Карагу", но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется, что из теперешних жителей берега Маклая никто там не бывал, а только слышали от отца или от деда это имя.

[2] Этот камень был не что иное, как каменный наконечник палицы; подобные палицы употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах архипелага Луизиады.

гвоздей, туземцы должны были делать отверстия каменными орудиями, вследствие чего отверстия были больше; теперь же они обтачивают большие гвозди в виде долот и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия. Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на о. Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им своими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на о. Урему.

Вернувшись на Били-Били, я сказал Мебли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на о-ва Довольных людей.

10 мая

За неимением часов я пожертвовал свечой с пометками, соответствующими часам и получасам. Проснувшись, когда моя свеча-часы показывала половину первого часа ночи, я встал и разбудил Мебли, но прошло более часа, пока было все готово и мы могли сдвинуть «дынги» в море. Ветер был слаб, и к рассвету мы были не далее как милях в двух на S от о. Тамб — крайнего острова группы.

Тамб и Митебог имеют улеу, обращенный к лагуне, между тем как о. Певай кругом окаймлен скалами, так что пристать к нему неудобно. Проход между о-вами Тамб и Митебог чист, между тем как между Певай и Митебог находится риф.

Мы высадились на о. Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды. Кроме больших деревьев, здесь встречается один вид пандануса, а также один кустарник, который при положительном отсутствии здесь тропинок очень затрудняет передвижение по острову. После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки и, свернув их, положив камень в середину и обвязав все гибкой лианой, бросил связку далеко в море, для того чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили их и не причинили нам вреда.

С о. Тамб мы направились к о. Митебог. Везде глубина была значительной, но могла представлять много удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и о. Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На о. Митебог две деревни: Митебог и Гада-Гада. Жители последней — переселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями о-вов Тиары. Семейные хижины все построены на сваях, даремы же — прямо на земле, как на Били Били, Тиаре и т. д. На верхушке конька, над входом красовалась большая, из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился потому, что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебоге или в Гада-Гада, с которыми Били-Били находится в неприязненных отношениях; он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и что он от этого заболеет.

В Митебоге строят много пирог; в одной полуготовой, т. е. не вполне выдолбленной, была налита вода, как мне объяснили, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно мало) солнечные часы определяют время, но вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь работой, совершенно теряешь всякое представление о времени. Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял две стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертой, насколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую По прошествии часа я сделал то же, т. е. отметил на целой свече, насколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение двух часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отмеченные отделы были почти равны, я взял среднюю величину и разделил ее на четыре равные части. Таким образом, я получил скалу сгорания свечи. Я, однако, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто: вырезав одну из стенок большой жестянки от бисквитов, я получил аппарат, предохраняющий свечу от сквозняка и неровного сгорания. К подсвечнику, который был употреблен для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями Так как в этой местности почти круглый год солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая свою свечу в 6 часов, я мог почти точно определять с помощью ее сгорания часы вечера.

29 мая

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ЖЕНЫ МОТЕ

Утром мне сказали, что жена Моте очень больна, и просили притти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием, что женщина эта умирает и что муж ее просит меня дать ей лекарство. Я отправился и, услышав жалобный вопль женщин, которые голосили в разных углах площадки перед хижиной, подумал, что больная уже умерла. Около хижины сидело несколько женщин из Бонгу и Горенду, кормивших грудью детей и голосивших. Мне указали на хижину умирающей, в которую я и вошел. В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарства. Когда глаза мои привыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась посередине хижины, на голой земле. Около нее расположилось 5 или 6 женщин, державших кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много других женщин и детей. Умирающая не разжимала зубов и только по временам вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «Умру, умираю!». Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто действительно я нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине меня ожидала та же картина. Больная не захотела принять лекарство, несмотря на то, что все уговаривали ее и один из туземцев старался даже разжать ей зубы донганом, чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «Умираю, умираю!».

30 мая

Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума, повторенных в разных кварталах деревни, возвестили, что жена Моте скончалась. Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженные. Около хижины Моте я увидел его самого: он то расхаживал, приседая при каждом шаге, то бегал, как бы желая догнать или напасть на кого-то; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы и т. д. Я пробрался в хижину, переполненную женщинами, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом нее теснятся с причитаниями и воем женщины. Часа через два Мако и другие родственники покойницы устроили в переднем отделении хижины род высокого стула из весел и палок. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшей в последние дни, на руках, другой принял и посадил на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские мали, а около головы и по сторонам воткнули ветки *Coleus* с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хижиной высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными криками и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что мне невозможно было понять сказанное. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния; только теперь он был одет в новый маль, а на голове у него был модный «катазань» (гребень с веером из перьев, который носят единственно тамо боро, т. е. отцы семейств); большой гун болтался подмышками и, как и утром, на плече у него был топор. Он расхаживал, как прежде, приседая, т. е. это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была комедия, которую присутствовавшие считали необходимым исполнять, было ясно и прорывалось по временам, когда Моте среди своих монологов (он хороший оратор), войдя в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму; тогда одна из женщин, кажется, сестра его, которая также выла, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует; после чего Моте, ударив еще раза два, но уже менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горесть, ломая старый, никуда не годный забор. Также, когда стал накрапывать дождь, Моте выбрал себе сейчас же место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришло несколько друзей Моте из Гумбу, которые принесли, чтобы изъявить свое сочувствие, подарки (табиры), положив их перед входом в хижину умершей. Табиры были сейчас же разобраны членами семьи. Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером, в сумерках, он расхаживал и тянул свою песню, начинавшуюся словами: «аламо-амо». Насколько я мог понять, он говорил приблизительно: «Уже солнце село, а ее все нет; уже темнеет, а она не приходит; я зову ее, а она не является», и т. д.

Покойницу принесли снова в хижину и снова множество женщин окружило нары, на которых она лежала, поочередно воя, поддерживая огонь и болтая.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену: женщины сторожили внутри хижины и у входа в нее, мужчины — на площадке у костра. Не-

сколько раз ночью я слышал барум, на звуки которого отзывался другой, где-то далеко в горах (как я узнал потом, то был барум деревни Бурам-Мана).

31 мая

Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение. Люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения («инги»), которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном костре, и по грудам шелухи таро, ямса и т. п., над которыми трудились, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть значительным. Все приготовления к угощению были сделаны ночью. Мне сказали, что люди Бурам-Мана, откуда была родом покойница и где жило несколько близких ей родственников, должны притти «гамбор росар» (связать корзину) и что их теперь ждут. Я отправился в хижину, где увидал, что труп был уже упакован женщинами в коробку из «губ»,[1] но голова была еще видна. Подойдя к гамбору, я заметил, что все украшения, ожерелья и т. д., которые были навешаны на покойницу при вчерашнем выставлении ее тела, теперь сняты; даже новый маль не был оставлен и, кроме нескольких ветвей, ничего не было положено в гамбор.

Я вышел из хижины, услыхав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами явились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с бо́льшим шумом и азартом. Вслед за ними появился ряд женщин Бурам-Мана, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завыли самым усиленным образом. Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же, то жители Бонгу поторопились распределить между ними угощение, которое не полагалось есть здесь, а надо было взять с собою. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные овощи и куски свинины, так что было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу пришедших мужчин (почти все родственники умершей), были приложены разные вещи, как то: табиры, гуны, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, причем вой женщин очень усилился, как и толкотня около гамбора. Мужчины занялись увязкой корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах, а двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную вследствие этого стягивания до весьма небольших размеров. Женщины, не переставая выть, стали кружиться и плясать кругом. По временам они останавливались, продолжая выделывать среднею частью тела свои обычные движения; некоторые скребли и терли руками гамбор, как бы лаская его, причем причитывали на разные голоса. Эти группы постоянно менялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и не повешен при помощи перекладины в углу ее. В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и ушли с гораздо меньшим шумом, чем приходили.

[1] Губ не что иное, как листовые влагалища пальм разных видов.

2 июня

Застал утром всех туземцев от мала до велика с вычерненными лицами. У некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черной краской; у третьих, кроме груди, и руки, и спина, а Моте, муж покойницы, имел все тело испещренным черной краской — «куму». Мне сказали, что это было сделано уже вчера вечером и что сегодня все туземцы Бонгу и Гумбу оставались в своих деревнях и никто не ходил на работу. Мужчины были заняты питьем кеу и едой из табиров, женщины возились около хижин. Все были испачканы куму, не имели никаких украшений и походили на трубочистов. Заметив, что все без исключения были вымазаны черной краской, я, подойдя к Моте, попросил куму, которая мне и была тотчас же подана. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев я, взяв мизинцем немного куму, сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко. Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «э аба», «э аба», и со всех сторон послышались одобрительные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев метра в 2 вышиной как раз в том углу, где был повешен гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него. В хижине горели два костра, что было целесообразно, так как запах от разлагавшегося трупа был очень сильный.

Июнь

ЭКСКУРСИЯ В ГОРИМУ

Сидя за ужином на барле, около хижины Коды-боро, в Богати, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, слез с барлы и намеревался пройтись по деревне. Коды-боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежавшая в милях четырех от Богати по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы нехорошие, — объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеллингов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-Боро-Боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми. Вернулся к буамбрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барле и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его:

— Отчего люди Горимы борле? (нехорошие).

Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько кусков табаку.

— Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму.

— О, Маклай, не езди в Гориму! Люди Горимы скверные.

— Ты скажи, почему? Что тебе сегодня сказал Ур?

Видя, что я не оставляю его в покое, Коды решился сказать, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если бы люди Бонгу убили меня, то могли бы все взять, что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуи, другого Малу, — ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать. По мере того как Коды говорил, у меня составился план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я в сущности не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых подходящих обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копье из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу, на это я их считал вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи. Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои». Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, и завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав хорошо всю ночь, я был разбужен до рассвета криком петухов в деревне; встав, я нашел, что чувствую себя в расположении итти в Гориму. Недопитая вчера бутылка холодного чаю и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вечернего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил большую часть своих вещей в буамбрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшой ранец с разными мелкими вещами. Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамбрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамбрамры прямо к морю, не проходя через деревню. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться туда, идя берегом, что было бы, вероятно, немногим дальше, но зато таким образом я не мог бы миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богати, исправлявший что-то в своей вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду; я отвечал: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того, чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти р. Киор.

Не стану вдаваться в описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти в брод р. Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли будет надеть их снова, так как они могли быть промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах

песок на берегу, делали ходьбу босиком положительно невозможной. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу, но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро. Горима была недалеко, но мне не хотелось притти туда ранее 5 часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное, и которое я совершенно упустил из виду, именно, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там вряд ли найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однакоже, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше. Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в это время около берега, мое приближение заметно было еще издали. Вряд ли я попал бы в тот день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога, и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать возвращения туземцев. Не легко было бы описать выражение их удивления, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы были убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

— Вы люди из Горимы? — спросил я на диалекте Бонгу.

Туземец приподнял голову — жест, который я счел за утвердительный ответ. Я назвал себя и прибавил, что иду осмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились и, так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, повидимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал. Солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю своим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку — жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот. Туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было означать, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамбраму. Я не мог объясняться, а то с моей стороны первым делом было бы успокоить жителей, которых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу. С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо съел на Новой Гвинее. Утолив

голод и припомнив главную причину, которая привела меня в Гориму, я подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукой человека, способного служить переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Горимы и узнать, что они мне могут сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока же я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамбрамру собралась толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне, наконец, что все люди Горимы (т. е. тамо боро) в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамбрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были:

— Абуи и Малу здесь или нет? — Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть свою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд я получил ответ, что Абуи здесь.

— Позови Малу! — было мое распоряжение. Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абуи и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткой речью к переводчику, который переводил, по мере того как я говорил, т. е. почти слово в слово. Содержание речи было, приблизительно, следующее. Услышав вчера от людей Богати, что двое людей Горимы, Абуи и Малу, хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отвертывались каждый раз, как встречали мой взгляд.) Что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы, что теперь, пройдя пешком от Богати до Горимы, я очень устал и хочу спать, что сейчас лягу и что, если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, пока я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы. Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект. По крайней мере засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я плохо спал и просыпался несколько раз, но это происходило не из страха перед туземцами, а, вероятно, по причине моего тяжеловесного ужина, чего я обычно избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и, вместе с Малу, непременно пожелал проводить меня не только до Богати, но и в таль Маклай. Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительное впечатление.

Июль

ЭКСКУРСИЯ В ДЕРЕВНЮ ТЕЛЯТА

Моя шлюпка была слишком мала для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии. Кроме того, она была слишком плоской (низкой) и легко могла быть залита водой при большом волне-

нии. Поэтому я нашел ее неудобной для экскурсии в Телята и решил воспользоваться одним из больших «ванг» Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно поместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все свои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место для стола и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями. Каждым вангом управляло двое людей: один — парусом, другой — рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой — Кисему, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение по нескольку раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до дер. Телята. Они изучили эту местность, господствующие ветры, периодичность их, течения, удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил своим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне на столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисем объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным SO, который иногда бывает очень свеж.

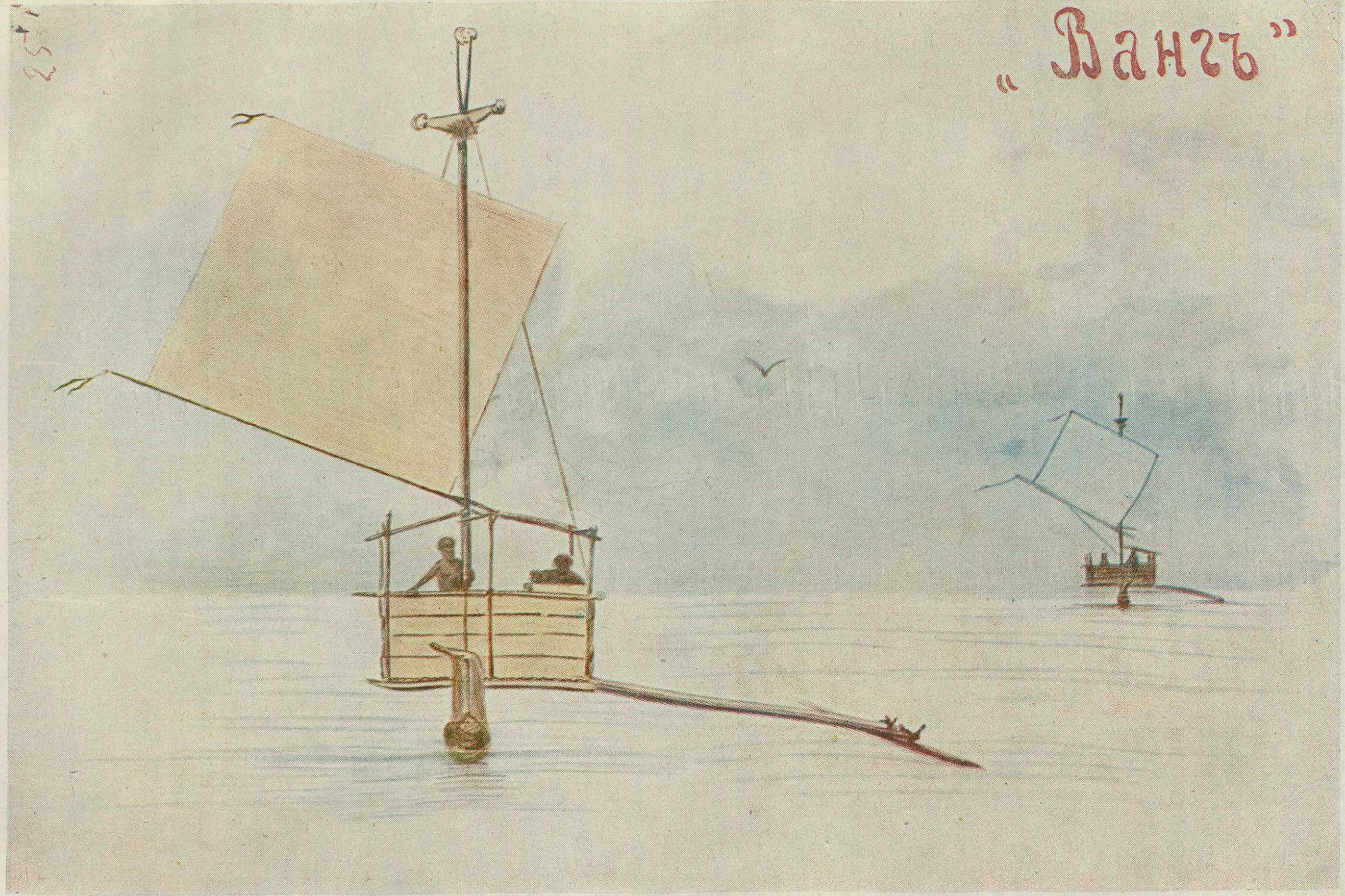
Итак, часов в 8 вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы подвигались вперед очень медленно. Так как я уже знаком с этим берегом, то лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении двигалась за нами и другая пирога с Кисемом, его сыном и Сале в качестве пассажира.

6 июля, на рассвете, мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют «Тевалиб». Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на 15—20 над ур. м., в виде черноватой, изъеденной прибоем стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы очутились у песчаного берега (улеу), за деревьями которого виднелись хижины покинутой дер. Бай. Немного спустя мы прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась.

В то время как мы шли вдоль берега, несколько туземцев бежало по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывущие на вангах Били-Били. Пройдя устье р. Говар,[1] мы должны были вытащить свои ванги на берег, так как наступил штиль; при этом нам немало помогла система блоков, данных мне П. П. Новосильским еще в 1871 г., за которые я ему не раз был очень благодарен. Мои спутники скоро выучились их применению и обращались с ними очень ловко. С этого места открывался красивый вид на горы. Но мне не пришлось долго любоваться им, так как большие белые облака закрыли горы и долины. Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей была перенесена в лес на довольно далекое расстояние от берега по правую сторону р. Говар.

Имея перед собою целый день, я пошел с Каином и Гассаном в дер. Бай. Мы шли не спеша все по лесу, представлявшему для меня большой

[1] Жителями других деревень река эта называется Гуан или Ваи.

„Вангъ"

4

интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин, — все они были совершенно новые, — были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяснили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы не послужили, когда они подрастут, приманкой для неприятелей. «Дарем» с особенными украшениями была единственная хижина, отличавшаяся от других своей постройкой. Мы приютились в ней, скрываясь от солнечных лучей. Тут же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Записывая диалект дер. Бай, я нашел, что туземцы здесь не имеют названия для *Piper methysticum*. Они не только не употребляют напиток, приготовляемый из него, но даже отказываются от кеу, когда бывают в деревнях, где он составляет главный аксессуар всякого пиршества.

Нарисовав дарем, я собрался в обратный путь. При прощании туземцы поднесли мне живую курицу и таро. Ночевал на ванге, вытащенном на берег.

7 июля

Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что тут находилась дер. Мендир, но что она была сожжена и покинута жителями, которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами (поднятый коралловый риф). Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного улеу, почему нет и береговых деревень. Когда совсем рассвело, мы подъехали к дер. Мегу, где, по словам Каина, почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (пироги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный SO, то мы благодаря очертаниям берега могли продолжать наш путь в бейдевинд. Пройдя дер. Лемчуг и устье Сарекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан, где находится Сингор — одно из замечательнейших селений этого берега.

Мы подошли к его улеу около 5 часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег. Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно очень большой. Тип людей ничем особенно не отличался от типа моих соседей. Костюмы мужчин были совершенно такие же, как у людей Били-Били; замужние женщины закрывали груди, надевая на шею мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, т. е., кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, несколько рядов полукругом спускающихся нитей нанизанных раковин и собачьих зубов лежало по сторонам ягодиц. Вообще здешние туземцы в избытке носили украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений, носимых туземцами на груди, так называемых «сюаль-боро», очень ценимых повсюду на берегу Маклая. Мне хотелось приобрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за сюаль-боро. Но этого оказалось недостаточно; прибавив еще один нож, я, наконец, получил желаемое. Повсюду валялись большие раковины (*Tridacna*), из которых вытачиваются сюаль-боро;

тут же лежали большие точильные камни, на которых вытачиваются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они изготовляются. Множество орехов кенгара лежало в шелухе на цыновках. Орехи выставляются таким образом на 2 или на 3 дня на солнце, после чего мясистая оболочка их делается очень мягкой, и орехи легко от нее отделяются.

Хотя деревня была большая, однако, ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями, близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай — все это было рядом сюрпризов, и изумление жителей дер. Сингор, видевших белого и его обстановку в первый раз в жизни, все более увеличивалось. К моему удовольствию, удивление их выражалось не шумно, а ограничивалось вкладыванием одного или двух пальцев в рот и прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к ноге сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидавшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неописуемый восторг. Также немало удивляло их, что Маклай запивает «инги» горячей водой.

Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола и я, сделав записи в дневнике, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и объявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это заставило туземцев удалиться. Они увели Каина с собою, надеясь, вероятно, узнать от него многое о виденном около моего бивуака и оставшимся для них загадочным.

8 июля

Берег около Сингора состоял собственно из крупного гравия или мелкого булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большой силой о каменный вал, и шум от набегавших и удалявшихся волн был очень силен и не раз будил меня в течение ночи. Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы: было уже половина седьмого. Посмотрел кругом — ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил их всех поднять зараз, выстрелив из двустволки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их успокоил и сказал, чтобы они скорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора. «Как это, — завопил он, — Маклай тамо боро боро, Каарам тамо, тамо русс приехал сам в Сингор, и эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна».

Каин так расходился, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками орехов кенгара. Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет словить только вечером, когда они вернутся в деревню. Пока длились все эти разговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук дер-

жавших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курицами. Она окончилась тем, что курицы исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел осмотреть деревню и нашел, что за нею на SO море образует довольно значительную, хотя мелкую бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске, отличающемся рядом скал, грядой, выдающейся из моря, расположена другая большая деревня — Телята — цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться далее этой местности; а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву. При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты.

Я решил переправиться в дер. Телята, что можно было сделать довольно удобно даже и при помощи весел, так как в этот день на море господствовал почти что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били были недовольны мною за то, что я оставил людям Сингора большую свинью, обещанную мне ими; они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съесть ее на месте или отвезти в Били-Били. Сале, как магометанин, не евший свинины, отнесся к этому подарку совершенно равнодушно. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехало несколько пирог, предполагая в нас людей с о. Тиары (архипелаг Довольных людей). С этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по нескольку месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время. У следующей деревни — Аврай — мы зашли за риф, тянущийся вплоть до самой дер. Телята. Когда ванги наши были вытащены на берег, я приказал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукой для постоянного наблюдения. Дарем, или буамбрамра, для такой обширной деревни, как Телята, представлял собою довольно небольшое здание и был, как я узнал, к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, дарем этот был достаточно велик. Пока переносили мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, т. е. такого, у которого все волосы до одного были белые. У половины мужчин, которых я знал, волосы были черные с проседью; у некоторых было порядочно седых волос, но у этого человека все волосы на голове и борода были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно скрывают седину, постоянно напитывая и смазывая себе волосы черной краской (куму) и выдергивая себе седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головой и не только не мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело со случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил его, видел ли он когда-либо белого человека и слыхал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу, но так как у них не было ни совершенно седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен за «буль-ра»; другому обещал дать нож за большой табир; третьему — за каменный топор и т. д. Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож. Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас же начинаются большие плантации, чего мне до сих пор не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астролябии. На этих плантациях росло особенно много бананов, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их, как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов.

Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной, открытой бухтой, тянувшейся на запад. Благодаря биноклю мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названий тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкора, бус, одним словом, — несметные для него богатства, но он стоял на своем: «нет», «нельзя», «убьют», «всех убьют», «съедят» и т. д. Вот все, чего я мог от него добиться. Я указывал на мой револьвер. Он хотя и попросил спрятать его, но все-таки продолжал говорить: «убьют», «Маклай один, а людей там много». Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиной и заснул, вероятно, прежде, чем он договорил.

9 июля

Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролегавшей в лесу, в дер. Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы ведут меновую торговлю с соседними деревнями. На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирало морских животных, пользуясь отливом. Дер. Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие, мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами, кустами разных видов *Coleus* и *Hibiscus*, а большие все оставлены, так что везде на площадках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, были тень и прохлада. Дарема не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телята расположились на цыновках, на площадке. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих орехов кенгара. Однако туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы курицу.

Чтобы поймать ее, туземцы устроили род ловушки, состоявшей из петли, которая была затянута как только одна из кур неосторожно ступила в круг, где было набросано несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в дер. Аврай несколько очень больших табиров, замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уже не упоминая о том, что они обладают очень верным глазом и значительным вкусом. Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать при посредстве Каина, каким образом они были сделаны. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски. Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней, и, чтобы заострить их вновь, их оттачили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбегал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр из рода *Meleagrina*, величиной с человеческую голову. На довольно ровной и вместе с тем шероховатой поверхности его, при некоторой силе и ловкости, было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки. Вернувшись в дер. Телята, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень, чем хижины на берегу и на островах. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой.

11 июля

Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром. Для возвращения SO был нам почти попутным ветром. По пути я хотел посетить еще дер. Рай-Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу, около дер. Биби, берег оказался совершенно пустынным, и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы «унан барата буль уяр» (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам — не их дело. Я знал положение дер. Рай только приблизительно; с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм, но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревни Рай-Мана, где горные жители приняли меня как нельзя лучше; они, по слухам, уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел. Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу итти на высокий холм, который находился за их деревней и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно. С вершины Сируй-Мана (около 1200 футов) открывалась красивая панорама берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной из хижин и вер-

нулся на другое утро довольно рано к месту, где оставил ванги. Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к улею Бонгу. Встретивший меня Мебли и туземцы Бонгу сообщили мне о смерти Вангума во время моего отсутствия: это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через два-три внезапно умер. Мебли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля

Я узнал вчера вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отец, приготовивший оним, который причинил смерть молодому человеку. Это разногласие, однако, они надеялись устранить весьма простым способом, а именно — напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу для того, чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай баллал кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалилась. Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу, около барлы, возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогой увидел отца Вангума, раскладывавшего огонь на берегу под совершенно новой пирогой своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирога была порублена во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, т. е. сжечь ее.

Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз во мнениях.

Около трех часов я сидел на веранде за какою-то письменной работой; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мебли в деревню узнать, правда ли это.

Когда он вернулся, то рассказал мне следующее. Утром Туй, 9- или 10-тилетний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к р. Габенеу. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим. Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганцевокислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогой, отправлявшейся в порт Константина, так как она могла довезти меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду, сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо итти жечь хижины ямбау тамо. Послышалось несколько ударов барума, возвещавших смерть мальчика. Когда я вышел на берег, меня обогнало несколько бегущих и уже воющих женщин. В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины — сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «кумана», «ямбау тамо барата». Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той же самой семье, где и первая, с промежутком в каких-нибудь две недели, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха. Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили оним, почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что, если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут и т. п. Война теперь казалась уже неизбежной. О ней толковали и старики и дети; всего же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мною и только серьезно покачивал головой. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слишком возбуждены для того, чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшей тропинкой. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана тамо. Аргументы его были следующие: последние события — результат онима; затем, если они (т. е. тамо Бонгу) не побьют мана тамо, то будут побиты последними. Вернувшись домой, я даже и у себя не мог избавиться от разговоров об ониме; Сале сказал мне, что на о. Яве оним называется «доа», и верил в значение его. Мебли сообщил, что на о-вах Пелау «олай» — то же самое, что оним, и также не сомневался в том, что от действия оним люди могут умирать.

24 июля

Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более спокойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении. «Горенду басса» (конец Горенду), сказал Туй, протягивая мне руку. Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается оним. Туй сказал, что мана тамо как-нибудь до-

стали таро или мяса, недоеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию; но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в мунки-ай; свистя, прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило, я так и не понял. Когда замолк свист, женщины вернулись и вынесли покойника из хижины. Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел той же краской вдоль носа; остальные части его тела были уже вымазаны куму (черной краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висело «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень с белым петушиным пером, который он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в губ; но это было только на время, так как собственно «гамбор росар» (увязать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложил губ под тело и направился скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа. Я с несколькими туземцами пошел другой дорогой, а не той, по которой отправилась похоронная процессия, и прибыл на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных губ был приготовлен гамбор, в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову покойника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайшие родственники умершего, увязывали гамбор, несколько женщин, вымазанных черной краской, вопили, приплясывая, причем они очень вертели задом и гладили гамбор руками. Больше всех их отличилась Каллоль, мать умершего: она то скребла землю ногами, то, держась за гамбор, немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, гамбор был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним для того, чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастия. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладонь, после чего мы все гурьбой отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в горах, но не делало бы ничего прибрежным жителям

Вечером этого же дня я услыхал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мебли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с мана тамо (вероятно, с Теньгум-Мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не очень кровопролитны (убитых бывает немного), но зато бывают очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение между ними мира. Во время войны все сообщения между многими деревнями прекращаются.[1]

[1] Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся итти в каждую деревню, о которой не знают положительно, что она дружественная; таким образом, случается, что нейтральные деревни подолгу считаются союзниками противной стороны.

Преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым. Мне было ясно, что на этот раз мне не следовало смотреть, сложа руки, на положение дел в дер. Бонгу, находившейся всего в 5 минутах ходьбы от моего дома. При этом молчание с моей стороны, при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода, после смерти старшего брата Туя, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступить впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный эффект следует действовать еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать охлаждению первого пыла.

25 июля

Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру; проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решил избрать план действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал. Главное, не надо было торопиться. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал, что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и что старик-отец остается теперь один, но что, все-таки, Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума, т. е. — войне не быть. Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа, но в буамбрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима. Рассуждать о неосновательности теории онима было бы невозможно в виду ограниченности моего знания языка туземцев — это во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы время, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих. Когда последний кончил говорить, я встал, собираясь итти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит— войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье». Наступило торжественное молчание; затем посыпались вопросы: «Что случится?» «Что будет?» «Что Маклай сделает?» и т. п. Оставляя моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете». Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение). Этот странный вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

«Маклай не говорил, что будет землетрясение», — возразил я. «Нет, но Маклай сказал, что если мы пойдем в горы, не случится ли тангрин? (землетрясение). Это страшное несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богати, все, все боятся тангрина. Скажи, случится тангрин?» — повторил он просительным тоном. «Может быть» — был мой ответ. Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдем. Я говорил».

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу «У страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются. и военный пыл их, таким образом, начнет мало-по-малу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разноголосица. Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились. Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил доходивший до меня не раз уже слух, что он и все жители Горенду хотят выселиться.

«Что так?» — с удивлением спросил я.

«Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду — все умрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у них стали красные, и они все умрут. Мана тамо зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: случится беда. Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин — все деревни кругом скажут: „Люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдет в горы. . .” Все деревни пойдут войной на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы итти воевать с мана тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны» — закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться.[1] Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбомбу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится.[2]

Август

Новый дом, начатый еще в июне, был окончен в первых числах августа. Размерами он совершенно походит на тот, в котором я живу. Ду-

[1] Достойно внимания, что обычай выселяться из местностей, где произошел один, а тем более несколько смертных случаев, который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами о. Люсона, Малайского п-ова и западного берега Новой Гвинеи, встречается также и здесь, среди оседлых жителей берега Маклая, дорожащих своею собственностью.

[2] Покидая берег Маклая в ноябре 1877 г., я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете „Скобелев“ и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; по ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место где находилась старая дер. Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу: до такой степени все заросло. Куда переселились гамо Горенду, я не успел узнать.

маю, что, вероятно, я и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаюсь, как бы они не забрались и в ящики с книгами или с бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, напр., от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день — такая возня, что, действительно, в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не дозволял брать других видов дерева. Одно из них было темного цвета, другое — очень белое и твердое, носит здесь название «энглам». Построенная хижина отличалась большой прочностью.

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к своим соседям в дер. Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей других деревень, которые должны были притти туда. Придя в деревню, я вошел в буамбрамру, где происходил громкий, оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамбрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое сборище. Я сел. Все молчали. Было очевидно, что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на своей веранде и частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку ко мне на плечо (что было не простой фамильярностью, которой я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражением дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным, тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и я понял, почему мое появление прекратило их разговор. На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица: «Баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) — не должна быть изменена и на этот раз. Поэтому сказать «нет» — нельзя, тем более, что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я: «да», я поколеблю сам значительно свою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, через несколько дней после запрещения войны Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу эти строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамбрамры, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все предметы висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже над барлой; там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном.

Я нашел мой ответ. Сняв со стены именно это, тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамбрамры и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо; я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть». Недоумевавший Саул, хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен, арен!» (нет, нет!) Между тем некоторые из присутствовавших бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабой, я сел между туземцами, которые говорили все зараз. Ответ оказался удовлетворительным так как после этого случая никто не спрашивал меня: «Могу ли я умереть?».

Сентябрь

Мун в Богати.

Привезенные семена, посеянные на плантациях туземцев, хорошо растут.

Крокодилы часто переплывают большие расстояния залива.

Октябрь

Похороны Танока в Гумбу.

Люди Горенду, действительно, думают выселиться.

Ноябрь

Недобросовестность моих людей, которые крадут вещи для обмена с туземцами. Не будучи в хороших отношениях друг с другом, один день М. приходит сказать, что С. крадет, на другой — С. показывает, что М. обкрадывает.

6 ноября

Приход шхуны «Flower of Yarrow».

9 ноября

Смерть и похороны матроса Абу.

10 ноября

Около 6 часов вечера подняли якорь.

Оставил много вещей в доме, который я запер и предоставил охранять людям Бонгу.

ТРЕТЬЕ ПОСЕЩЕНИЕ БЕРЕГА МАКЛАЯ (1883 г.)

Я имел возможность снова посетить берег Маклая, встретив на пути в Австралию, в Батавии, корвет «Скобелев».

Узнав от адмирала Н. В. Копытова, что он намеревается посетить некоторые о-ва Меланезии и, может быть, зайдет на берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моему знанию туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании, а я, с своей стороны, мог бы вновь посетить знакомые мне места. Должен сказать, что берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что сталось с моими новогвинейскими друзьями. Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе „Chyebassa", на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квинсленд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро. За неимением свободной каюты, мне было устроено при помощи брезентов и флагов отличнейшее помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

При заходе в Маккассар и в Амбоину я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, двух телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшихся на Малайском архипелаге, — в подарок туземцам берега Маклая. Мое желание было исполнено, и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, куда мы должны были зайти, разные вещи, как то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочим, семена дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзата, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и много семян разных других полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сайгуйэн (между о-вами Салавати и Батанта), 12 марта мы подошли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и, вообще, вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а итти прямо к берегу Маклая. 15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта на Новой Гвинее. На открывшемся перед нами 16 марта о. Вулкане оказался снова действующим вулкан, как и в 1877 г. 17 утром, пройдя проливом Изумруд (между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных людей около 2 часов пополудни и в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константина.

Я съехал на берег, на мысок Обсервации, и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия: свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег, около дер. Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину, и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 гг. При-

помнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружавшими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г., все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более, что почти вся молодежь отсутствовала. Одни находились в Богати по случаю происходившего там большого ая и муна; другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин. Мой старый приятель, Саул, рассказал мне длинную историю о «тамо инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагаси абадам Маклай (брата Маклая), как они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. «Туй муэн сен» (Туй умер) — ответил мне Саул. Я очень пожалел о моем старом приятеле. Я вызвал у туземцев Бонгу большое волнение, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мною имена этих животных; все хотели их видеть сейчас же. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что, если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, а не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Однако дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на несколько лиц казалось мне неправильным. Сказав, что приведу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду большой кустарник; только местами, изредка, проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Carica papaya*, которая поднималась высокими стволами значительной толщины.[1] Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте, около моей хижины, оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай. И это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5—6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы. Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1878 г. у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе не трудно. Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водой, а сам с помощью своего слуги из Амбоины, Яна, и

[1] Вообще я заметил, что *Carica papaya* очень быстро акклиматизировалась на берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы она не росла.

обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели на берегу Маклая. Туземцы, повидимому, интересовались всей этой процедурой. Я, тем не менее, не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкой у деревни забора для скота. Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду, но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новой. Добравшись, наконец, до места, где 6 лет тому назад была расположена дер. Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни остались только две-три хижины: все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя, как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитаться; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими старыми приятелями. Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад, я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я сам ничем особенным не выражал своего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня? Были, однако, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «и этот умер», говорили они, «и этот, и этот», и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать: когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо инглис» снова появятся. Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо русс» с «буль боро русс» (большая русская свинья) приближаются в «кабум ани боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой. Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как вследствие отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из вы-

скочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было не легко задерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося им больше дикого кабана, громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам. В деревне была сооружена изгородь метров 15 в квадрате для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть на деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; повидимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен: он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за животными во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и сказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбежались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молоко, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся за изгородью, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбегавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетело из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо русс, как бычок отбежал от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, выбравшись на свободу, как бешеный, полетел по деревне. Туземцы быстро попрятались кто куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все же скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, удастся загнать бычка обратно за изгородь, так как он очень ручной. Когда мы вернулись в деревню,

то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес, почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед, а туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествием дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся и направился к островку Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта Кн. Алексея, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных людей несколько, и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между о. Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О, Маклай! О, Маклай! Эмем! Эаба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой — Марамай и Гассан и несколько других. Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем последовать за мною на корвет, обещая дать табаку и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени. Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о-ва Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамая, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на него не смотрел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море. Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 г. посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они все принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «Нуи Маклай», «мунки Маклай» (остров Маклая, кокосы Маклая), «навалобе Маклай Урему и на таль атар» (современем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о. Грагером и мысом Бейле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился к о. Сегу. Адмиралу, однако, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль о-вов архипелага Довольных людей. Мы прошли длинный о. Сегу и увидели пролив между ним и материком, совершенно свободный от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о. Сегу. Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть бухты обширного порта Кн. Алексея. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившейся пирогой, которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидев пирогу с двумя туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силой взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвел моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина и Марамая вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность, а, напротив того, он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который благодаря добродушию матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта

Был одет в половине пятого, а после завтрака отправился с лейтенантом Б. в бухту Эремпи, которая оказалась гораздо более обширной, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако, побоялись приблизиться к плывшему паровому баркасу, дым которого очень смущал их. На возвратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая мне была знакома еще с 1877 г.

Речка оказалась достаточно глубокой, хотя и узкой. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана с пучками лиловых цветов попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен.[1]

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро, которое я видел, отправляясь в дер. Эремпи в 1876 г.

Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в дер. Сегу, которая однако же, оказалась совершенно безлюдною. В одной из покинутых хижин я увидел 2 круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и 1 очень замечательный телум, представлявший мужскую и женскую фигуры in copula. Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы непрочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо. Встретив на обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, повидимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером, вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного коленкора и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро коко-

[1] Этот вид дикого банана, по рисунку цветов и плодов и по моему описанию, был назван бароном Ф. Мюллером в Мельбурне „*Musa Maclayi*" (см. Proc. of Lynn. Soc. of N. S. W.).

совых орехов. Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирог, возвращавшихся на о. Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта

До восхода солнца я отправился в дер. Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было видно ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся оставаться среди тамо русс без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мною в дер. Бомассия, про которую я только слышал в 1876 г., побывать же там самому мне не удалось.

Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна. В небольшой пироге мы отправились к р. Аю; затем через небольшой приток, по имени Маус, мы переплыли маленькое оз. Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пироги на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Эремпи. Жители ее сперва было бросились бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня — как мужчины, так и женщины — сбежалась, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам — бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы.

Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что жители — людоеды, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море. Мне предложили купить здесь очень интересный для меня, довольно длинный щит, не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (о. Дэмпир). Так как владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня не было с собою, и не хотел доверить его мне и подождать уплаты при посредстве Каина, да и самому ему не хотелось итти на корвет, где он мог получить топор, то мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее мне удалось приобрести копье, лук и стрелы весьма тщательной работы и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия. Наконечники стрел в особенности были вырезаны очень искусно, с разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро и т. п., я пожелал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощения, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали, что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах. Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса. На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. Повидимому, земля здесь особенно плодородна. Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило

и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта Кн. Алексея. Все бухточки и якорные места около о-вов Рио, Тиара, Грагер и др., т. е. вся южная часть этого порта, не значились еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта. Адмирал, однако, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около о. Сегу, искать нечего, что ему необходимо крайне дорожить временем, и т. д. Мне было очень досадно, что не русскому военному судну удастся сделать полную карту отличного порта.[1]

22 марта

Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Манаборо-боро и архипелага Довольных людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок, по имени Мегаспена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на о. Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают о. Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласными, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

23 марта

Снялись с якоря в 6 часов, около 8 проходили пролив Изумруд между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар. У юго-западной оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были вытащены на берег у мыса Круазиль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка.

[1] Я не ошибся, так как месяцев 5—6 спустя германским корветом была сделана съемка южной части порта Кн. Алексея, даже бухточки которого были названы немцами.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАПУАСАХ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ [1]

„...So ist es auch wünschenswerth und man kann sagen wissenschaftlich nothwendig, dass die Bewohner von Neu-Guinea vollständiger untersucht werden...“ (K. E. von Baer. Ueber Papuas und Alfuren, S. 5, 7).

„...Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи“ (К. Э. фон-Бэр. О папуасах и альфурах, стр. 5, 7).

Приведенное мнение Бэра совпадало и с моим желанием посетить Новую Гвинею и по возможности ознакомиться с ее обитателями. Желание это исполнилось, и я провел 15 месяцев на одном из интереснейших берегов Новой Гвинеи в ежедневном общении с туземцами, которые вначале приняли меня очень недоверчиво и враждебно, а в конце концов обращались со мною дружелюбно.

Ни один европеец не посетил этого берега до прибытия сюда в сентябре 1871 г. русского парового корвета «Витязь». [2] На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, бывшее совершенно обособленным от сношений с другими народами и жившее притом на такой стадии развития культуры, когда все орудия и оружие изготовляются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинеи, как наименее известное, и где раса папуасов должна была сохраниться в наиболее чистом виде. Последнее предположение, действительно, оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать, могут иметь ценность для всей папуасской расы. О результатах некоторых из этих наблюдений я и хочу здесь вкратце сообщить. В цитированном выше мемуаре фон-Бэра, находившемся, к счастью, при мне, приведены почти все вопросы, касающиеся антропологии папуа-

[1] Из „Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie“, Deel XXXIII. Эта статья была написана на Новой Гвинее в течение 1872 г. На случай, если бы лихорадка или туземцы сократили мое пребывание там, было условлено с капитаном русского корвета „Витязь“, что статья будет упакована в жестяном ящике и зарыта в известном, указанном мною месте.

Время, остающееся до моего второго путешествия на Новую Гвинею, которое я намереваюсь предпринять в конце нынешнего года, не позволяет мне привести более подробностей. Полагаю, однако, этим невполне утрачивается ценность наблюдений, конечно, неполных, но произведенных на месте. При последующей редакции я только немного дополнил частности.

[2] Дэмпир (Dampier) шел на парусах к N от о-вов Wag-Wag (o. Rich) и Kar-Kar (у Дэмпира Ile Brûlante, названный впоследствии также о. Дэмпир), в значительном отдалении от берега Новой Гвинеи (см. Suite du voyage de Guillaume Dampier aux Terres Australes. Amsterdam, MDCCV, p. 105 и карты на стр. 1). Дюмон-Дюрвиль (Dumont d'Urville), который также проходил мимо этого берега и открыл зал. Астролябии и бухту Гумбольдта, тоже не высаживался здесь на берегу. У папуасов этого берега я не нашел никаких следов европейских вещей. Если же принять во внимание, как заботливо хранили туземцы все мелочи, подаренные им мною, и как эти вещи, путем обмена и подарков, способны скоро распространяться, то из констатированного мною отсутствия европейских вещей можно с уверенностью заключить, что они не имели до моего прибытия сношений с европейцами. Ответы туземцев на мои вопросы также подтверждали это предположение.

сов и бывшие ранее высказанными или намеченными. Я, конечно, не преминул ими воспользоваться. Прежде, однако, чем перейти к этим вопросам, мне кажется уместным, для устранения возможных недоразумений, точнее объяснить, с какими людьми я имел дело.

Как сказано, я высадился на берегу зал. Астролябии. Моя хижина была построена на южном берегу бухты, почти посередине между двумя крайними мысами: мысом Дюпере (Duperré) и мысом Риньи (Rigny). Я ознакомился как с прибрежными жителями залива, так и с обитателями соседних островов у мыса Дюпере.[1] Туземцы с о. Кар-Кар (о. Дэмпир также) являлись к моей хижине. Я неоднократно посещал папуасов, живущих в горах вокруг залива, до высоты, приблизительно, 1500 футов, в разбросанных там селениях, и мог лично убедиться в том, что высокий горный хребет, идущий параллельно берегу и имеющий приблизительную высоту в 6—8 тысяч футов, необитаем. Полнейшее отсутствие тропинок, густота девственного леса и крутизна горного хребта образуют трудно преодолимую преграду для проникновения вглубь страны, о которой туземцы, несмотря на мои частые расспросы, не могли мне дать никаких сведений, так как они сами никогда не переходят через горы. Некоторые долины на юго-западном берегу залива проникают далеко в горы. Жители этих склонов также не замедлили навестить белого пришельца. Явились даже люди с горного хребта, с которыми мои соседи незадолго перед этим заключили мир. Они также вернулись домой довольные, получив от меня подарки. В общем население вокруг залива довольно густое,[2] и у меня было обширное поле для наблюдений, которые, однако, значительно затруднялись обилием языков и их различием в соседних селениях.

Об этих многочисленных языках, так же как и о физиономии и климатологии страны, образе жизни и питании папуасов я подробно сообщу в другом месте; здесь же достаточно сказать, что берег Маклая гористый и порос густым лесом. Селения папуасов расположены в тени лесов, и только при работе на плантациях да на рыбной ловле туземцы подвергаются действию солнца. Пища их главным образом растительная; мясо свиней, собак, сумчатых, птиц и гадов составляет большую редкость; рыбной ловлей здешние папуасы занимаются тоже мало.

Теперь я перехожу к настоящей задаче этого сообщения, т. е. к рассмотрению свойств кожи, волос, черепа и других телесных особенностей у наблюдавшихся мною папуасов.

Рост. Самый высокий папуас, измеренный мною, был ростом 1.74 м, самый низкий — 1.42 м; между этими крайними цифрами вариировал рост других, причем, однако, лишь немногие приближались к указанному максимуму. Женщины, в большинстве случаев, были значительно ниже мужчин. В общем папуасы хоть и невысоки ростом, но хорошо и крепко сложены, что было замечено и ранее другими наблюдателями относительно папуасов, живущих в других местах.[3]

[1] Я назвал эти острова (числом около 13) „Архипелагом Довольных людей".

[2] Я считаю население на побережье зал. Астролябии и в окружающих горах, по крайней мере, в 3500—4000 человек; там около 80 селений, и я принимаю за минимальное среднее число жителей в селении 45—50. Это число, вероятно, еще ниже действительного, так как только в самых маленьких деревнях можно было насчитать менее 40 человек, в больших же селениях жителей было по 100 и по 150. В Били-Били я насчитал позже (в 1876 г.) 41 „гамо билен", т. е. взрослых женатых мужчин, в Бонгу — 32 и 44 женщины, в Горенду только 13 „гамо билен".

[3] A. R. Wallace. Der Malayische Archipel, 2-ter Bd., S. 234.

Кожа. Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особую жесткость кожи.[1] Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и вследствие этого имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет еще расовой особенности; понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет особым сортом глины, то неудивительно, что она становится у них несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей, защищающих себя платьем. Одним словом, какую-то особую жесткость или грубость кожи никоим образом нельзя приводить в качестве одного из признаков, отличающих папуасов от остальных людей.

Цвет кожи. У большинства путешественников приходится встречать упоминание о черном, даже о синевато-черном цвете кожи папуасов.[2] Очень темная окраска кожи, действительно, свойственна жителям многих меланезийских островов,[3] но отличительным признаком для всех папуасов черный цвет кожи считать нельзя.

Здешние папуасы почти все светлошоколадного, коричневого цвета; попадаются (особенно между горными жителями) желто-коричневые, не темнее самых светлых жителей о-вов Самоа, но встречаются и темноокрашенные, как обитатели Новой Ирландии или Дорэ. В общем я нашел, что цвет кожи папуасов вариирует в широких пределах, не меньше, чем у многих других рас. Возраст оказывает в данном случае значительное влияние, что особенно заметно у мужчин. До двадцатого года юноши бывают иногда очень светлы, старшие же гораздо темнее. Однако и здесь можно найти особей, как и в Полинезии,[4] более темных, чем преобладающее большинство населения. Как мне кажется, их появление нельзя объяснять иначе, чем аналогичные случаи появления брюнетов и блондинов у кавказской расы. Я видел также светлее и темнее окрашенных детей у одних и тех же родителей. Отклонение от обычного цвета кожи поддерживается также наследственностью. Браки между темнокожими особями встречаются здесь часто.

Пигмент распределен по телу неравномерно: некоторые места кажутся немного светлее, чем остальные. Лицо,[5] ладони, ступни, кожа

[1] F. Müller. Novara-Reise, Ethnographie, S. 14; O. Finsch. Neuguinea, 1865, S. 34, и многие другие авторы.

[2] „Цвет кожи черновато-ржавый, часто даже иссиня черноватый" F. Müller. l. c., S. 14; ср. O. Finsch, l. c., S. 39.

[3] Когда я прибыл с Ротумы на Новую Ирландию, меня поразил темный цвет тамошних жителей в сравнении с полинезийцами; наоборот, на берегу Маклая мне бросился в глаза светлый цвет кожи у жителей горных селений. Туземцы Дорэ (Doreh), которых я видел в Тидоре (человек 60), были все, в среднем, темнее туземцев зал. Астролябии. Негритосы о. Люсона, посещенные мною в апреле 1873 г., были также темнее обитателей гор на берегу Маклая. Очень светлый цвет кожи встречается также у туземцев Новогебридских островов; я встречал таковых на Таити среди рабочих на плантациях.

[4] Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, Bd. V, Abteil. 2, S. 26 и след.

[5] Цвет кожи на лице у многих других темноокрашенных племен (у полинезийцев, малайцев, мулатов) я находил более светлым, чем на остальном теле, обратное, следовательно, тому, что наблюдается у европейцев.

Можно, пожалуй, объяснить эту особенность более частым шелушением эпидермиса более нежной кожи лица.

подмышками, так же как и места, покрытые браслетами и передником, окрашены светлее. У женщин с отвислыми грудями нижние поверхности грудей и места, покрытые последними, также светлее остальной кожи.

У некоторых папуасов я наблюдал на коже более темные пятна. Цвет этих пятен не отличался значительно от цвета остальной кожи, но контуры их обрисовывались все-таки вполне ясно. Эпидермис на этих местах был так же гладок, как и на остальном теле, и ничто не давало повода предположить, что эти пятна, занимающие часто большие участки кожи (иногда половину спины или значительную часть одной из конечностей), стоят в связи с каким-нибудь болезненным процессом.

Цвет рубцов. Маленькие раны оставляют рубцы, которые несколько темнее кожи; напр., можно различить по более темной окраске мелкие круглые рубцы (у женщин по обеим сторонам груди, у мужчин — на спине и конечностях), сделанные раскаленным углем. Глубокие раны, встречающиеся у здешних папуасов, нередко имеют следствием ряд почти белых рубцов; я видел на теле папуасов много раз белые пятна с очень зубчатыми очертаниями.

Волосы. В распределении и свойствах волос думали найти самый характерный признак папуасов;[1] поэтому я обратил на волосы папуасов особенное внимание. Прежде всего о распределении волос. Чтобы составить себе правильное мнение о распределении волос на голове папуасов, я исследовал его как у совсем маленьких (3-х — 6-ти месячных) детей, так и на бритых головах более взрослых (7—13 лет). Мне удалось также несколько раз наблюдать распределение волос на головах взрослых мужчин, когда мне приходилось самому коротко стричь волосы на значительных участках головы (именно, при ранениях головы, которые я должен был лечить). Таким путем я мог получить ясную картину распределения волос на голове папуасов. Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове папуаса растут совершенно так же, как у европейца и вообще как на человеческом теле, т. е. отдельные волосы стоят не на одинаковых расстояниях (1—3 мм в среднем) и часто по 2, по 3, реже по 4 вместе.

Вначале волосы папуасов (на голове у детей или на теле у взрослых) длиной, приблизительно, в 1.5 мм, прямы, не изогнуты; лишь потом, когда волосы отрастут и окрепнут, они начинают завиваться в локоны, кольца которых у детей достигают, приблизительно, 3—5 мм в диаметре, а у взрослых 6—10 мм. У папуасов юго-западного берега (Papua Onin и Papua Kowiai) я встречал волосы с самой различной степенью закрученности. Каким образом Earl пришел к убеждению, что волосы папуасов достигают длины в 1 фут, для меня неясно.[2] Мне кажется, трудно сказать что-нибудь положительное, достаточно проверенное рядом наблюдений, относительно длины, которой может достигнуть волос папуаса, подобно тому, как это трудно относительно длины, какой мог бы достигнуть волос европейца, предоставленный свободному росту.[3] Папуасы часто бреют свои волосы, смазывают их различными сортами глины и разными жидкостями, стригут их и т. д. К тому же рост волос у всех человеческих племен представляет значительные индивидуальные колебания. И у папуасов — один имеет массу волос, вдвое превышаю-

[1] Earl. The Papuans, p. 1; K. E. von Baer, l. c., S. 65, и мн. др.
[2] Earl, l. c., p. 2.
[3] Нет, кажется, ни одного человеческого племени, у которого бы с детства оставляли волосы свободно расти, не применяли бы бритья, стрижки, расчесывания, смазывания различными веществами и т. д.

щую по размерам его голову; другому же приходится покрывать свою жидковолосую или даже лысую голову шкуркой кускуса; один часто стрижет свои «гатесси» (туземное название длинных косичек на затылке), покрывающие у него не только шею, но и плечи и часть спины, а другой, несмотря на все старания, не может отрастить длинных локонов и печально говорит о своих волосах: «Гатэ борле, борле» (плохие, плохие волосы).[1]

Папуасы употребляют много времени и труда на расчесывание, разделение на отдельные пряди и окраску своих волос. Если не расчесывают волос несколько дней кряду, то они образуют курчавую, взъерошенную массу, из которой торчат отдельные, более длинные косички, но никогда волосы не образуют естественным путем обособленных длинных прядей, как это утверждает Earl, а за ним и другие авторы. Я много раз наблюдал, как здешние жители старательно отделяют свои «гатесси» одну от другой. Не следует также думать, что эти «гатесси» состоят каждая из одного пучка; они, скорее, представляют закрученные, длинные пряди, состоящие отчасти из отмерших и отпавших волос и из втертой глины. Нередко части такого локона висят в некоторых местах на четырех — пяти волосках.

Ц в е т в о л о с. На детских головах можно видеть, что волосы папуасов от природы матово-черного цвета. В более позднем возрасте у всех туземцев без исключения вследствие втирания различных веществ волосы изменяются в цвете и становятся более матовыми. Эту искусственно приобретенную окраску не всегда легко наблюдать, так как волосы часто бывают окрашены у них в красный или черный цвет.[2] Отдельный волос, выделенный из локона, представляет спираль, отличающуюся от всякого другого вьющегося волоса (напр. европейца) лишь своими более узкими завитками. Если волосы папуаса предварительно хорошо расчесаны, то кольца их (завитки) являются более широкими, и тогда, мне кажется, очень трудно отличить макро- или микроскопически отдельный папуасский волос от вьющегося волоса всякой другой расы. При рассматривании в микроскоп волосы папуасов (мужчин) имеют, приблизительно, среднюю толщину волос европейца. Многие волосы взрослых папуасов, вымытые в воде,[3] теряют свой черный цвет, становятся светложелтыми и представляются под микроскопом вполне прозрачными, как всякий другой волос после обработки щелочами. Причина этого — различные реагенты, которыми папуасы обрабатывают свои волосы (в молодости — золой и известью, в позднейшем возрасте — красной и черной глиной).

Говоря о волосах папуасов, необходимо добавить несколько слов об уходе за ними и о прическе папуасов. Первые волосы у детей мягки и прямы; уже в самом раннем младенческом возрасте, когда волосы только что показались, голову натирают черной краской. В возрасте от трех до четырнадцати лет волосы часто бреют или подстригают. Прежде употребляли для стрижки бамбуковые ножи, а для бритья — острые осколки кремня или пользовались острыми краями стеблей некоторых трав. Со времени моего прибытия туземцы скоро ознакомились с режущими свойствами стекла, и теперь они бреют себе волосы осколками стекла, если

[1] Длинные, пышные волосы считаются большим украшением для мужчины.
[2] Черный цвет дает пиролюзит с примесью окиси железа.
[3] При промывке папуасского волоса, который перед тем был расчесан и поэтому имел широкие завитки, я всегда замечал, что в воде завитки снова становились узкими.

только могут их добыть. Чтобы сколько-нибудь защитить детей от вшей, волосы их натирают золой и водой, отчего на голове образуется толстая корка. Если снять эту корку, то волосы оказываются бурыми или даже светложелтыми. У детей, особенно у девочек, операцию эту часто повторяют; у мальчиков до обряда обрезания, т. е. до тринадцати — четырнадцати лет, волосам не дают отрасти длиннее 5—6 мм, после же обрезания на волосы и прическу обращается особое внимание. Волосы отращивают до 10 см (иногда до 14 см), расчесывают по нескольку раз в течение дня большим бамбуковым гребнем с длинными зубцами и натирают их мякотью молодых кокосовых орехов, а также различными сортами глины.

Перед большими празднествами и посещением соседних деревень папуасы обыкновенно заняты украшением друг друга. При этом раскрашивается лицо, иногда и спина, расчесываются и красятся волосы. Чтобы краска лучше держалась, сначала натирают волосы наскобленной мякотью кокосового ореха (при помощи раковины), потом заботливо причесывают их длинным бамбуковым гребнем, отрезая лишние, торчащие локоны так, чтобы получилась более ровная и пышная прическа. После этой операции уже не видны отдельные локоны, а только общая масса курчавых волос, в которой можно различить лишь отдельные волосы, а не отдельные пряди. Затем всю голову, или только около лица, натирают красной краской (суру); в последнем случае волосы на затылке окрашиваются в черный цвет. Часть молодежи и все папуасы более зрелого возраста пользуются для окрашивания волос только черной краской (куму). Потом обвивают вокруг головы одну или две ленточки, изящно сплетенные из тонких полосок листа пандануса, и закрепляют их на затылке посредством деревянных булавок. Ленточки эти мешают волосам спадать на лоб. Большой бамбуковый гребень, украшенный у молодых людей лишь одним пером, втыкается спереди в волосы. Перо на гребне вырезано так, что при самом легком движении головы или ветерке оно приходит в колебание, что, повидимому, весьма нравится папуасам. Кроме того, в волосы втыкаются красные цветы *Hibiscus*, а на затылке обыкновенно развевается длинный и узкий, пестро окрашенный лист *Colodracon*, прикрепленный маленьким бамбуковым гребешком. Это обычная праздничная прическа папуасской молодежи (малассн). Прическа более пожилых туземцев (тамо) гораздо проще. Они обыкновенно красят волосы в черный цвет, не употребляют ни ленточек, ни цветов, ни листьев и лишь в особо торжественных случаях втыкают в волосы большой веер или султан из перьев. Но зато они отпускают волосы на затылке, которые, будучи разделены на длинные, тонкие пряди, образуют вышеописанные «гатесси», спадающие сзади на шею на расстоянии от одного уха до другого. Длинные гатесси считаются у мужчин большой красой. На темени волосы отпускают и расчесывают, гатесси же густо смазывают черной глиной, чтобы лучше изолировать их друг от друга. В обыкновенное время более пожилые папуасы не носят в волосах ничего, кроме гребня; молодые — лишь несколько цветов и листьев. Вообще волосы приходится красить не особенно часто, так как краска — довольно дорогой продукт, и волосы поэтому имеют часто красно-бурый оттенок.

Женщины и девушки почти вовсе не тратят труда и времени на украшение волос и лишь в редких случаях получают от своих мужей или братьев немного черной или красной краски. Большинство их коротко стрижется или бреет себе волосы.

Жители горных селений ухаживают за своими волосами не так старательно, как живущие на побережье. Однако в торжественных случаях и их головной убор имеет подобный же вид. Жители Самбуль- и Сегуана-Мана (горные деревни) привязывают к отдельным локонам различные мелкие предметы, как, напр., красиво окрашенные перышки, раковинки, блестящих жуков и т. д. Такой же обычай я наблюдал у жителей Новой Ирландии (порт Праслин).

Седина скрадывается краской; к тому же папуасы, кажется, не достигают преклонного возраста, так что седые волосы редко можно встретить. Если в бороде появляются кое-где седые волосы, их старательно выдергивают. Лысых я встретил из многих сотен папуасов только четырех. Редкие или жидкие волосы встречаются у стариков довольно часто.

Брови у папуасов в большинстве случаев сбриваются; если же они не сбриты, то обычно бывают очень густые; они поразительно широки и часто соединяются на переносье.

Ресницы, особенно у молодых людей, достигают значительной длины и обыкновенно красиво изогнуты кверху.

Бороду молодые люди или бреют или выщипывают. Старшие отпускают бороду, которая становится густой и обильной, но не достигает особенной длины, так как ее часто подстригают и даже бреют. Как и в Полинезии, бороду здесь носят не особенно охотно, считая ее признаком старости. Волосы бороды у папуасов (как и у европейцев) гораздо толще, чем на голове, поэтому и завитки их значительно шире.

В о л о с ы н а т е л е. Как и на голове, волосы на теле папуасов растут вовсе не группами или пучками, как это утверждают некоторые наблюдатели. Быть может, поводом к такому ложному представлению послужило то обстоятельство, что у пожилых папуасов волосы на тех местах, где они бывают длиннее (на груди, на тыльной стороне бедер и т. д.), собираются в небольшие пучочки или завитки. Достаточно, однако, более внимательного осмотра тела любого папуаса, чтобы убедиться, что волосы растут не пучкообразно и что их корни распределены не группами, а довольно равномерно.

Скудный или более обильный рост волос на теле подвержен у папуасов подобным же индивидуальным колебаниям, как и у других племен. Вообще же волосатость тела у здешних туземцев, повидимому, меньше, чем у европейцев; некоторые же части тела представляются, наоборот, более волосатыми, чем у европейцев. Так, напр., у папуасов часто можно встретить довольно густые и длинные волосы на спине, начиная от затылка. Эти волосы следуют направлению позвоночника, постепенно суживаясь книзу; я видел также у некоторых папуасов, что все ягодицы их были покрыты обильными волосами. Наоборот, на тыльной стороне рук, где у европейца нередко можно видеть довольно длинные волосы, я не встречал их у папуасов вовсе.

У папуасов, страдающих psoriasis'ом (по-туземному «массо»), я видел только скудную растительность на теле, а у некоторых не было здесь и вовсе волос. Вообще относительно волос на теле, а равно и растущих подмышками и на половых частях, можно заметить, что все они много толще волос на голове; при этом волосы подмышками и на половых частях образуют гораздо более широкие завитки, чем волосы на голове.

Ч е р е п. Малое число несомненно подлинных папуасских черепов, находящихся в европейских музеях, побудило меня старательно их собирать здесь; но, несмотря на все усилия, мне удалось добыть всего

10 штук. Погребальные обычаи папуасов были благоприятны для моей цели, но позже они оказались причиной того, что мне могли достать лишь немногие черепа. После пребывания трупа около года в земле его выкапывают родственники, по крайней мере, голову, и нижнюю челюсть тщательно отделяют от черепа, очищают и сохраняют, череп же, наоборот, бросают в каком-нибудь углу деревни, в кусты.[1] Эти черепа, подвергаясь действию погоды и разным случайностям, могут сохраняться лишь немногие годы; поэтому в каждой деревне можно найти только черепа лиц, недавно умерших. При этом весьма трудно добыть череп с нижней челюстью: последняя, как уже сказано, заботливо сохраняется родственниками умершего. Щедрые подарки редко побеждают нежелание папуасов отдать челюсть умершего родственника, хотя они охотно отдают череп за пустую бутылку. С большим трудом я мог достать 2 черепа с нижней челюстью. До сих пор я не имел возможности обработать свой краниологический материал, поэтому я ограничусь только сообщением некоторых беглых наблюдений.

Череп папуасов берега Маклая долихокефальный (показатель ширины в среднем 77), высокий (показатель высоты в среднем 72); при рассматривании сбоку (в профиль) верхний контур его представляется весьма выпуклым. При рассматривании черепа спереди или сзади он кажется крышеобразным; вдоль лба, посередине его, идет явственный киль, что, впрочем, было отмечено и относительно других папуасских черепов.[2] Лоб с боков сильно сдавлен, и скуловые кости сильно выдаются в стороны. Надбровные дуги часто бывают сильно развиты. Затылок широкий и плоский.[3] Верхняя челюсть значительно развита и довольно прогнатна. Верхний ряд зубов выдается над нижним. Нижняя челюсть спереди узка, с выступающими углами.

Ф и з и о н о м и я. Немного покатый, невысокий и узкий лоб, приплюснутый, широкий нос,[4] часто с большими ноздрями, широкий, выдающийся вперед рот с выпяченной верхней губой,[5] уходящий назад подбородок и, наконец, выдающиеся скулы, представляющие резкий контраст с узким лбом — вот, приблизительно, господствующий тип здешних папуасов.

Но не все лица можно подвести под эту схему. Попадаются и прямые и не особенно плоские носы, даже большие, загнутые; губы также не у всех толстые и выпяченные, встречаются и узкие, причем иногда и подбородок не отступает заметно назад.

Описание человеческого типа выходит весьма различным, смотря по тому, имеются ли в виду лица более молодых или старых особей. Менее развитая мускулатура, большая толщина жирового слоя, более

[1] Я получил однажды в одной деревне (Гумбу) менее чем в 10 минут 5 черепов, которые мне принесли ребятишки за несколько кусков табаку и лоскутков ситца, из различных углов позади хижин. Я сам часто находил вблизи папуасских деревень человеческие кости, валявшиеся на земле, в кустах, вместе с костями свиней и собак; они, несомненно, были выброшены самими папуасами вместе с другими костями.

[2] K. E. von B a e r, l. c., S. 64.

[3] Череп младенцев и детей раннего возраста значительно отличается от черепа взрослых; затылок у них сильно выдается, что у взрослых не так бросается в глаза. Искусственной деформации головы, как мне положительно известно, у папуасов берега Маклая не практикуется.

[4] Wallace („Der Malayische Archipel", Bd. 2, S. 412, 415 и др.) говорит часто о „большом папуасском носе". Таковой, может быть, характерен для некоторых папуасских племен, но здесь я встречал его только, в виде исключения, у двух-трех особей.

[5] Здешние папуасы имеют привычку выпячивать губы, когда они чем-нибудь заняты или когда они спокойно сидят, о чем-нибудь думая или работая.

гладкая кожа значительно изменяют очертания лица.[1] В предыдущем описании я имел в виду главным образом лица мужчин в возрасте, приблизительно, от 30 до 35 лет. У молодых папуасов лоб обыкновенно более выпуклый и глаза лежат не так глубоко. Глаза вообще большие с черной или карей радужной оболочкой и матово-белой роговицей, которая у более пожилых имеет желтоватый оттенок.[2] Между мальчиками нередко встречаются миловидные и приятные лица.[3] Среди взрослых мне редко попадались физиономии, о которых можно было бы сказать то же самое. Дети и женщины гораздо ближе по типу к африканским неграм, чем мужчины. Вообще я нигде не встречал такого различия между лицами детей и взрослых, как здесь, на Новой Гвинее. Физиономии некоторых жителей горной дер. Теньгум-Мана поразили меня своим безобразием: с узким и покатым лбом и широким толстым носом соединялся у них рот, имеющий при самом спокойном выражении лица не менее 70—80 мм в ширину; но в той же деревне оказались и особи с почти красивыми (на взгляд европейца) лицами.

Папуасы берега Маклая прокалывают себе носовую перегородку. Эта операция производится над детьми в возрасте трех-четырех лет. Она несколько изменяет форму носа, так как носовая перегородка немного отвисает. Отверстие имеет в ширину около 5 мм. В носу редко носятся тяжелые и толстые предметы: обыкновенно в качестве носового украшения употребляется продолговатый камешек или кусочек раковины. Жители же горных деревень втыкают в нос бамбуковые, украшенные узорами палочки, длиной в 15—20 см; особенно любят это украшение женщины. У одного племени, живущего к SO от бухты Астролябии и называемого здешними туземцами «дева», пробуравливают себе крылья носа в их верхней части и носят в отверстиях перья, деревянные палочки и другие украшения.[4]

З у б ы. У папуасов верхняя челюсть выступает вперед. Зубы папуасов крепкие, большие и часто расположены не симметрично. Вследствие преобладания растительной пищи зубы уже очень рано стираются.[5] Беспрестанное жевание бетеля является причиной порчи и даже совершенного отсутствия зубов у пожилых туземцев.[6]

У ш и папуасов большие, мясистые и не слишком оттопыренные; ушная раковина плоска, но довольно широка. Мочка — вытянутая от ношения тяжелых серег и часто разорванная. Девушки продырявливают, кроме мочки, еще верхний край уха. Прокалывание производится в ранней молодости посредством шипа *Dioscorea* (аян диглан).

Т у л о в и щ е. У папуасов сравнительно тонкая шея. У некоторых грудь мощно развита и плечи широки. Почти у всех мужчин грудная

[1] Лоб почти всегда в морщинах, что, вероятно, зависит от старания защищаться от солнечного света, старания, переходящего потом в привычку.

[2] У более старых папуасов глаза не такие открытые и окружены морщинами, что, вероятно, обусловливается постоянным сокращением мускулатуры век, вследствие стремления защитить глаза от солнечного света.

[3] Попадались также нередко лица, напоминающие известный портрет у Raffles („History of Java", Plate 31), воспроизведенный К. Э. фон-Бэром („Ueber Papuas und Alfuren", S. 58), причем физиономии не принадлежали больным субъектам, как это предполагал фон-Бэр. Папуасский мальчик Ахмат (из Амбербакена), сопровождавший меня с февраля 1873 г., мог бы служить pendant к этому портрету.

[4] Этот обычай я наблюдал также у туземцев Новой Ирландии в порту Праслин.

[5] Уже на 8-м месяце моего пребывания на Новой Гвинее я заметил значительное стирание своих зубов вследствие почти исключительно растительной пищи.

[6] У детей первыми прорезываются 2 средние резца, в нижней челюсти ранее, чем в верхней.

клетка хорошо развита, и лишь немногие могут быть названы узкогрудыми.

Животы у папуасов бывают выпяченными только после обильной пищи; особенно это заметно у детей; у взрослых это наблюдается лишь после пиров, и то в меньшей степени. То обстоятельство, что это состояние преходяще, ясно показывает, насколько эластичны брюшные покровы и, вместе с тем, какое количество пищи могут поглощать зараз туземцы.

Если смотреть на спину папуасов в профиль, то можно заметить в области поясницы более значительную выпуклость, чем у европейца. Я многократно убеждался в том, что кривизна позвоночника у папуасов заметно уклоняется от его изгиба у кавказской расы.[1]

Ягодицы у мужчин и женщин хорошо развиты, но не чрезмерно, как это было отмечено относительно некоторых других папуасских племен.[2] У детей обоего пола ягодицы даже очень плоски и мало мясисты.[3]

Конечности. Мускулатура верхних конечностей большей частью хорошо развита, и кисти имеют красивую форму.[4] Хотя папуасы при работе различают правую и левую руки и имеют даже особые названия для них, однако, они гораздо больше пользуются левой рукой, чем европейцы. Я замечал это очень часто. Они пользуются для многих целей также нижними конечностями и могут поднимать ступней с земли очень мелкие предметы. При этом они схватывают предмет, не сгибая ножных пальцев, а зажимая между большим пальцем и остальными, что им обыкновенно хорошо удается.[5] Я заметил, что у многих папуасов большой палец ноги отступает от остальных на 2—2.5 см; это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как дает возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, эта особенность приобретенная, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько отодвинут от прочих пальцев. Величина обеих ступней иногда неодинакова, что, вероятно, следует приписать большему употреблению одной ноги сравнительно с другой.

Ногти на ногах и руках очень тверды и толсты, а так как средняя часть их еще толще и крепче, то встречаются когтеобразные ногти на руках и ногах, обязанные своей формой тому, что боковые, более мягкие, части их легко отламываются.

[1] И этот вопрос, как многие другие, должен быть предоставлен более точному исследованию на секционном столе. Повидимому, большая кривизна позвоночника стоит в связи с большим, тяжелым животом, причем для поддержания равновесия приходится отгибать верхнюю часть туловища назад, отчего спина в поясничной области загибается вперед, и это уже в раннем возрасте, как у женщин в позднем периоде беременности.

[2] Напр., по наблюдению голландской экспедиции, у папуасских женщин пролива Принцессы Марианны (см. O. Finsch, l. c., S. 51).

[3] Поразительно, как у папуасских девушек (вероятно, и у девушек других рас) задние части увеличиваются в объеме в течение двух-трех лет (между двенадцатью — тринадцатью годами). Повидимому, большая ширина этих частей у женщин нравится мужчинам. Когда я указал на Маую и назвал ее красивой девушкой, Туран возразил мне, что она „слишком гоща залом".

[4] Длина рук по отношению к росту становится, повидимому, с возрастом больше.

[5] Я видел, напр., как они держали ногами самые различные предметы, поднимали их с земли, ловили в воде маленьких рыб, снимали более крупных с остроги и даже чистили бананы. У младенцев (нескольких месяцев) ножные пальцы очень вытянуты и находятся в постоянном движении.

Хотя и встречаются папуасы с малым развитием икр, но у большинства икры развиты удовлетворительно, только помещены несколько высоко. [1]

Половые органы. Что касается наружных половых органов у мужчин, то я не заметил ничего особенного, кроме сравнительно малой длины penis'a. Очень плотно (даже у мальчиков) прилегающие мали (пояса стыдливости), вероятно, служат причиной частых заболеваний этих органов.

Мальчики в возрасте тринадцати—пятнадцати лет подвергаются обрезанию. [2] Производится оно острым осколком кремня, которым надрезают вдоль крайнюю плоть; эта операция оставляет в позднейшем возрасте один или несколько кривых рубцов. Обрезание практикуется у большинства жителей берега Маклая, но в некоторых деревнях этот обычай отсутствует, [3] почему жители их презираются остальными.

Туземцы Новой Ирландии (порт Праслин) также не знают этого обычая. В 1871 г., когда я их посетил, они ходили еще совершенно нагими, и у всех glans penis была закрыта praeputium'ом (я видел, приблизительно, человек 50 или 60 туземцев).

Груди у молодых девушек конической формы и остаются маленькими и заостренными до первого кормления; впоследствии они принимают иногда значительные размеры и у женщин двадцати—двадцати пяти лет становятся похожими на длинные полунаполненные мешки, в верхней части несколько более узкие, чем в нижней. Ареола большая (10—12 см в диаметре) и очень темно пигментированная; сосок плоский и мало выдающийся. У женщин старше тридцати лет высохшие груди отвисают наподобие пустых, складчатых треугольных мешков. [4]

Кормление грудью продолжается по нескольку лет. Я встречал детей на вид лет трех, четырех и даже старше, которые уже помогали родителям при работе и разделяли с ними всякую пищу, но в то же время продолжали еще кормиться молоком матери.

В половом отношении папуасы довольно воздержны. Внебрачные связи встречаются, но не часто, что, вероятно, стоит в связи с ранними браками. Папуасы женятся обыкновенно вскоре после обрезания и довольствуются только одной женой. Женщины (наверно, от тяжелой работы) не особенно плодовиты: обыкновенно одна женщина имеет двух—трех детей, редко пять. В июле и августе я замечал в папуасских деревнях много женщин на сносях, и большинство рождений приходилось на сентябрь. Отсюда можно предположить, что зачатие происходит по преимуществу в известное время года, именно — в декабре и январе,

[1] Окружность икр редко превышает 30 см.

[2] Насколько мне известно, ни у одного папуасского племени не наблюдали еще обрезания. Обрезание совершается над многими юношами одновременно. Для этой церемонии строится в лесу особая хижина. Необрезанные называются „ямбау тамо". Мулум (обрезание) производится через известные промежутки времени (каждые 7—8 лет, может быть, и чаще), причем обрезываются также многие женатые. По этому поводу происходят пиршества, на которые сходятся жители соседних деревень.

[3] В горных деревнях Энглам-, Теньгум-Марагум- Мана, равно как и на о. Тиара, я не нашел этого обычая.

[4] Повидимому, соски у темных рас больше, чем у белой (также и у мужчин). У папуасок встречается особая форма грудей. Часть ареолы, более пигментированная, отшнурована, так что грудь является как бы трехэтажной. Такое образование иногда выражено на одной стороне сильнее, чем на другой. Это дальнейшая дифференциация конической груди, которую я наблюдал в Полинезии. Сосок способен к значительной эрекции.

когда здешние папуасы наименее заняты полевыми работами и когда ими справляется большинство их ночных праздников, продолжающихся обыкновенно по нескольку дней подряд.[1]

В заключение сообщу еще о некоторых замеченных мною особенностях и привычках папуасов берега Маклая.

Несмотря на темный цвет кожи, я мог констатировать у папуасов побледнение и покраснение лица. Под влиянием гнева или страха цвет их лица становится заметно светлее; когда они заболевали, я их видел также более бледными. Радость, пляска, быстрая ходьба, натуга, усилие при поднятии чего-либо тяжелого вызывали на некоторое время потемнение цвета лица.

Я не видел здесь ни одного толстого папуаса. В молодости у обоих полов слой подкожного жира довольно толстый, но с возрастом почти все становятся тощими. Это обстоятельство, кажется, стоит отчасти в связи со стиранием и гниением зубов и с обусловливаемым этим неудовлетворительным питанием.[2]

П о х о д к а мужчин имеет также нечто своеобразное, что мне скоро бросилось в глаза. Но для определения того, в чем именно состоит ее особенность, мне потребовалось более продолжительное наблюдение. Папуасы делают одной ногой (то правой, то левой) большой шаг, а затем подводят другую ногу. Чем больше им приходится ходить, тем заметнее этот способ передвижения.[3] Походка женщин несколько изменяется воспитанием. Мужчины находят красивым, если их жены при ходьбе двигают своими задними частями. Я часто видел в деревнях маленьких девочек, семи-восьми лет, которых их родственники или родственницы учили этому вихлянию задом; целыми часами девочки заучивали эти движения. Девушки, желающие понравиться молодым мужчинам, должны это делать особенно демонстративно, и некоторые достигают в этом большого искусства. Что этот способ ходьбы не представляет удобств, видно из того, что девушки, если нет мужчин или они не обращают на них внимания, начинают ходить проще, но стоит мужчине взглянуть на них, как женщины снова начинают двигать своими задними частями. Походка старых женщин естественнее, но все-таки они не могут вполне забыть привычек молодости. Пляска женщин состоит главным образом из таких движений.[4]

Мужчины плавают так, что над водой не видно ни ног, ни рук, а только одна голова; они могут плавать скоро и долго. Женщин я никогда не видел купающимися или плавающими в море, мужчин же, напротив, часто.

Излюбленная поза папуасов — это сиденье на корточках. Это положение обусловливается не только привычкой, но также несомненно и соотношением между конечностями и туловищем. Часами сидят они в такой позе, не вставая даже тогда, когда они могли бы лечь или принять более спокойное, по нашим понятиям, положение. Когда я пробовал

[1] У австралийцев было замечено подобное же. Ср. Novara-Reise, Ethnographie, S. 6—7.

[2] Но папуасы могут иногда и толстеть. как, напр., папуасские женщины, привозимые на Серам-Лаут.

[3] Когда я сравнивал следы своей голой ступни на мокром песке с отпечатком ступни папуаса, я замечал, что у меня пятка производила большее давление, чем передняя часть ступни, а у папуаса — наоборот. Разница была очень заметна: я ступал на пятку, а папуасы — на пальцы.

[4] Малайские женщины имеют также подобную походку, которой они кокетничают. Это повертывание туловища называется „баланган“.

воспроизводить позу сидящих таким образом папуасов, то мог сохранить равновесие только тогда, когда становился на пальцы ног; став же на всю ступню (как это делают папуасы), я обыкновенно падал назад или же бывал вынужден расставлять шире ноги.

Меня часто поражала способность папуасов быстро засыпать. Это случалось в любой час дня, даже тогда, когда туземцы вовсе не были утомлены. Излюбленным положением во время сна является лежание на животе, с подложенными под голову руками. Число часов, проводимых папуасами (особенно мужчинами) в спанье, не могу определить точно, но во всяком случае они спят, приблизительно, $^2/_3$ дня, если только празднество, война или какие-нибудь другие чрезвычайные обстоятельства не нарушают их однообразной жизни.

К самым частым болезням папуасов нужно отнести накожные, из которых наиболее распространены elephantiasis (слоновая болезнь) и psoriasis. Слоновая болезнь встречается и у молодых и у старых (дети моложе пятнадцати лет, повидимому, избавлены от нее), но чаще у мужчин, чем у женщин, и поражает предпочтительно нижние конечности. Несмотря на громадное увеличение объема и значительную деформацию ноги (начиная выше колена до пальцев), движение вследствие этого бывает, повидимому, не особенно затруднено. Я часто видел папуасов, больных слоновой болезнью, бегающими долгое время ради собственного удовольствия. Psoriasis встречается очень часто. Так как эта болезнь передается по наследству, то ее можно встретить иногда даже у новорожденных, причем участки кожи, пораженные болезнью, расположены симметрично; с годами она довольно скоро распространяется по всему телу; от нее не бывает избавлено и лицо (на ушах и щеках я часто наблюдал чешуйки psoriasis'a). У детей десяти—двенадцати лет часто уже все тело покрыто беловатыми, сухими, тонкими чешуйками, образующими обыкновенно очень запутанный узор. Psoriasis здесь почти не считают болезнью: мужчины, больные psoriasis'ом, выбирают себе нередко жен, пораженных той же болезнью, и естественно поэтому, что у большинства новорожденных видны следы того же заболевания.

Больных волчанкой (lupus) я видел в трех деревнях. Они почти всегда закрывали пораженные части лица листьями, вследствие того, что иначе их глубокие раны вызывали суеверный страх в их земляках, предпочитавших избегать сношений с ними.

Зато у папуасов я никогда не видел бородавок и родимых пятен. Было много туземцев, изрытых оспой (особенно на лице); они рассказывали, что оспа появилась с NW и прошла вдоль всего берега и что многие от нее умерли, теперь же этой болезни больше нет. Эпидемия свирепствовала, повидимому, лет 8 или 10 тому назад.

Перемежающиеся лихорадки бывают часто у туземцев не только на берегу, но и в горах. Почти во всех деревнях и в продолжение всего года я видел больных лихорадкой. Так как ночи здесь очень прохладны, а папуасы еще не изобрели одежды, несмотря на их большую чувствительность к ночному холоду, то у них существует повсеместный обычай зажигать огонь под бамбуковыми нарами, на которых они спят в своих хижинах. Голое тело спящего очень сильно нагревается снизу, а сверху и с боков охлаждается, поэтому бывают частые случаи простуды, ведущей к заболеваниям органов дыхания.

Наверное, встречаются и другие внутренние болезни, которые мне остались неизвестными, главным образом, вследствие моего недостаточ-

ного знания языка для того, чтобы расспросить о том туземцев. Я должен еще упомянуть, что и здесь я наблюдал 2 или 3 случая инфлуэнцы, распространенной на о-вах Тихого океана. Сифилис на этом берегу не распространен, и заболевания половых органов, кроме опухолей и случаев elephantiasis'a, очень редки.

Относительно продолжительности жизни папуасов можно высказать только предположения. Очень старых субъектов я не встречал: самым старым, по-моему, было лет 50—60. Я не могу также сказать что-нибудь положительное относительно смертности. В пяти деревнях, ближайших к моей хижине (население их всех достигало приблизительно 300 человек), умерло в течение года только 4 мужчины и 1 мальчик. О смерти женщин в тех же деревнях я ничего не мог узнать. Кажется, однако, смертность среди женщин больше, чем среди мужчин, может быть, вследствие их тяжелой работы. Еще молодые мужчины женились в третий и четвертый раз, так как их жены, одна за другой, умирали, — и такие случаи нередки. У папуасов берега Маклая женщин сравнительно меньше, чем мужчин, по крайней мере во всех маленьких деревнях, где число жителей мне было известно. С этим согласуются и жалобы мужчин (я часто их слышал) на то, что в их деревне нет женщин для женитьбы.

Мои заметки основаны, как сказано выше, на сопоставлении отдельных, произведенных на месте наблюдений. Моим стремлением было, следуя совету К. Э. фон-Бэра, наблюдать людей по возможности без предвзятого мнения. В течение следующих лет я надеюсь посетить еще несколько островов Меланезии и собрать там дополнительный материал по антропологии папуасов. Поэтому в ныне публикуемых заметках я избегал всяких предположений, сравнений и выводов. Но один вывод напрашивается уже и теперь, после того, как я видел папуасов Новой Гвинеи (с берега Маклая и из Дорэ), Новой Ирландии, негритосов о. Люсона (которые несомненно папуасы) и жителей Новогебридских и Соломоновых о-вов, именно тот вывод, что раса папуасов распадается на несколько разновидностей, которые, однако, не обособлены резко одна от другой.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАПУАСАХ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ[1]

ПИЩА ПАПУАСОВ

Пища папуасов берега Маклая преимущественно растительная. Она состоит из плодов и овощей, собираемых ими круглый год с плантаций, или, как кокосовые орехи, с деревьев, разводимых около хижин. Ниже я перечисляю эти предметы питания в порядке их относительной важности в хозяйстве папуасов.

1. Мунки (кокосы) играют у папуасов большую роль, так как ими пользуются круглый год. Число кокосовых деревьев, однако, в некоторых селениях зал. Астролябии весьма невелико, и жители стараются раздобыть кокосовые орехи в других деревнях. Только в немногих горных селениях можно встретить кокосовые пальмы, тогда как по берегам ближайших островов деревья эти растут в изобилии, но лишь около хижин, посаженные туземцами. Излюбленное кушанье папуасов это наскобленная раковиной мякоть кокосового ореха, политая кокосовым молоком; она образует род каши и под названием «мунки-ля» составляет неизбежную принадлежность каждого пира. Мякоть старого ореха, молоко которого уже не годно для питья, употребляется при изготовлении кушаний вместо жира или масла.

Папуасы не были знакомы со способом приготовления кокосового масла. Я часто объяснял его в разных селениях, но не знаю, пользовались ли им туземцы после моего отъезда.

2. Аян (*Dioscorea*) разводится в большом количестве на плантациях и собирается с августа по январь; его варят в воде, и в эти месяцы он составляет главную пищу. В горах, где воду приходится таскать на большую высоту, аян пекут в золе. Папуасы разводят много разновидностей аяна, разнящихся по величине и вкусу.

3. Бау (*Caladium esculentum* — таро) из сем. *Aroideae* — главная пища с марта по август. Сажают его в начале октября и в некоторых селениях (напр. Богатим) можно найти его вплоть до октября следующего года, в других — нет. Бау едят, как и аян, в вареном и печеном виде. Вареный бау толкут небольшой деревянной колотушкой, смешивают с наскобленным печеным кокосовым орехом и таким обра-

[1] Эти заметки, как и антропологические (см. „Natuurkundig Tijdschrift“, 1873) были написаны в течение 1871—1872 гг. на Новой Гвинее. Было решено зарыть и их подобно первым, на берегу Маклая в месте, относительно которого я условился с капитаном русского корвета „Витязь“. Во время моего пребывания в прошлом году в Бейтензорге я нашел время и возможность переписать часть их под диктовку. Так как большая часть заметок была написана по-русски, а ни в Батавии, ни в Бейтензорге не нашлось человека, умевшего писать по-русски, то я решился, переводя сам свои наброски, продиктовать их на немецком языке. Только часть (антропологическую) моих заметок мне удалось выпустить в печати в прошлом году. Моя вторая поездка на Новую Гвинею помешала их продолжению. Теперь, перед моей экскурсией на полуостров Малакку, я нашел еще время просмотреть часть заметок за 1871 и 1872 гг. Хотя мне нужно было бы очень много к ним добавить, однако, я этого не делаю, так как надеюсь заняться этим в Европе с большей тщательностью (при более свободном времени). Там только можно будет изготовить к ним рисунки, которые здесь нельзя выполнить и на которые я смотрю как на важную, даже необходимую часть своей работы. Выпуская в свет настоящие очерки, я прошу читателя не забывать, что это только заметки и что они написаны были на месте, на Новой Гвинее.

зом получают род теста, которое разделывают в виде пирогов. Это кушанье считается на пирах большим лакомством. Листья этого растения также употребляются в пищу (по Крауфорду, вес бау может доходить до 50 фунтов).

4. Д е г а р г о л ь (*Convolvulus*). Его также пекут или варят. Папуасы различают две разновидности дегарголя: у первой плод красноватый, у другой — белый. Дегарголь бывает главным образом в сентябре и в октябре; в качестве пищевого продукта он уступает первым двум по значению (в Богатиме его не разводят).

5. А у с ь (на Яве называется «грабук» или «грубак» — из сем. *Gramineae*). Разводится также на плантациях в декабре, январе и феврале. Его варят или завертывают в листья и пекут на угольях.

6. М о г а (бананы). Хотя я и нашел у папуасов 8 или 9 сортов бананов, однако, вообще их разводят мало, и плоды их составляют редкость. Впрочем в некоторых селениях (напр. Богатим) они встречаются чаще. Папуасы едят бананы в вареном виде; нижняя часть ствола и корни тоже варятся и идут в пищу.

7. Б у а м (саго). Вследствие редкости саговой пальмы саго здесь более лакомство, чем пищевой продукт. На долю каждой деревни саго приходится очень мало, и поэтому его едят только в торжественных случаях. Способ приготовления саго здесь тот же, что на Сераме (по описанию Уоллеса).

8. Д е н (сахарный тростник) бывает с октября по февраль. Мужчины, женщины и дети жуют его с величайшим аппетитом. Сахарный тростник растет на Новой Гвинее великолепно и нередко достигает вышины больше 14 футов (съедобная часть).

9. Б о л и (плод хлебного дерева — *Artocarpus incisa*) не особенно в почете у папуасов, но все-таки его собирают и едят в вареном или печеном виде.

10. М о г а р — небольшие бобы, разводимые на плантациях.

11. О р л а н (*Pangium edule*) — плод дерева, которое растет здесь далеко не везде, так что я даже никогда не видал его. Плоды эти подвешивают на деревьях в лесу, в больших корзинах. Из мякоти плодов, равно как и из ядер расколотых орехов, вследствие гниения и брожения в короткое время получается кислая жидкость, которая дурно пахнет и которая считается папуасами большим деликатесом.

12. К е н г а р (*Canarium commune*) собирается в мае, июне и июле. В выставленных на солнце плодах орехи их легко отделяются от мясистой оболочки и сохраняются в таком виде.

Другие плоды, встречаемые на берегу Маклая, напр. п а н д а н у с а, *Mangifera* и пр., попадаются в слишком незначительном количестве, чтобы им можно было придавать значение в качестве пищевых продуктов. Не только плоды, но также и листья и цветы многих растений употребляются в пищу. Во всякое время года горшки, в которых варят аян или бау, наполняются также различными листьями, почками, цветами, грибами; их едят преимущественно женщины и дети, тогда как мужчинам достается лучшая пища. Мясная пища у папуасов — редкость; реже всего бывает с в и н и н а.

1. С в и н ь и, разводимые в деревнях, представляют собою потомков дикой новогвинейской свиньи. В молодости они бывают полосатыми, с возрастом становятся черными; имеют стоячие уши, удлиненное рыло и длинные ноги. Папуасы колют свиней только в торжественных случаях, причем одной свиньи должно хватить не только на всю деревню,

но еще и на гостей, т. е. на все мужское население двух-трех деревень. Свиньи заботливо выкармливаются женщинами, за которыми они бегают, как собаки. На диких свиней папуасы устраивают в июле облавы с выжиганием высокой травы. Случайно пойманных диких поросят папуасы приручают.

2. Собаки. Собак папуасы держат преимущественно ради мяса; их убивают при менее важных торжествах. Собачье мясо довольно вкусно, но слишком сухо. Собаки пожирают все съедобное, охотятся даже (во время отлива) за морскими животными на коралловых рифах, а также уничтожают экскременты в деревнях.

3. Маб (*Cuscus*). Мясо маба считается лакомым кушаньем; я считал его неприятным вследствие сильного запаха. Туземцы охотно едят также различные виды сумчатых крыс.

4. Птицы. Куры, хотя и встречаются в каждой деревне, но редко употребляются в пищу. Папуасам редко достаются их яйца, так как куры живут в лесу, окружающем деревни, и находятся в полудиком состоянии. За мое 15-месячное пребывание я видел только 2 яйца в посещенных мною деревнях.

5. Пресмыкающиеся. Большие ящерицы (мониторы) употребляются в пищу в вареном виде; мясо их очень вкусное, белое, нежное. Папуасы едят также случайно попавшихся змей.

6. Насекомые. Все насекомые, особенно большие жуки, потребляются папуасами в сыром или вареном виде.

7. Рыбы. Крупную рыбу ловят сетями, мелкую бьют ночью острогой или ловят вершами (корзинами) при отливе. Для ловли рыбы служат юр (острога), ра (сеть) и ненир (корзина).

8. Моллюски. Моллюсков собирают женщины и дети на коралловых рифах при отливе.

Так как здешние папуасы не знают соли, то они варят пищу с небольшим количеством морской воды, разбавляя пресную воду на одну треть морской. Горные жители, спускаясь на берег, не упускают случая захватить с собою в горы наполненные морской водой бамбуковые стволы, несмотря на трудность нести их целыми днями по крутым тропинкам. Папуасы имеют еще суррогат соли в засохших корнях и стволах, прибиваемых к берегу приливом. Носясь многие месяцы в море, стволы эти сильно пропитываются солью. Папуасы их сушат несколько дней на солнце и поджигают. Стволы горят небольшим пламенем и оставляют значительное количество белой золы. Эту, еще теплую золу папуасы жадно едят; она, действительно, довольно солона; к сожалению, ее нельзя долго сохранять, так как вследствие значительного содержания соли она очень гигроскопична и в несколько часов превращается в черную кашу. Такие прибитые к берегу стволы прибрежные жители раскалывают на куски и часто разносят в виде подарков по горным селениям, где ими пользуются очень экономно.

У папуасов существует также сильно опьяняющий напиток. На берегу Маклая есть кустарник, называемый туземцами «кеу» (*Piper methysticum*); листья, стебли и особенно корни его жуют и, когда масса достаточно размягчена, ее выплевывают в кокосовую скорлупу с возможно большим количеством слюны. К жеваной массе приливают немного воды и, профильтровав грязнозеленую кашицу через пучок травы, пьют этот фильтрат, очень горький и ароматичный. Напиток этот не особенно вкусен, что доказывают и лица папуасов, проделывающих при питье различные гримасы, но он сильно опьяняет: достаточно ма-

ленького винного стакана, чтобы в полчаса мужчина стал нетвердым на ногах. Употребление кеу составляет привилегию взрослых мужчин; женщинам и мальчикам он строго запрещен обычаем. На пирах, впрочем, пользуются мальчиками и молодыми людьми для жевания кеу. Так как корень очень тверд, то предварительно по нему ударяют несколько раз камнем.

Как показывает приготовление кеу, напиток этот, повидимому, тот же самый, что и кава полинезийцев, только полинезийцы приливают больше воды. Насколько я знаю, до сих пор не было известно, что подобный напиток употребляется каким-либо племенем папуасов на Новой Гвинее. [1]

О ПРИГОТОВЛЕНИИ ПИЩИ

Приготовление пищи у папуасов сложнее, чем у полинезийцев; это доказывает как число кушаний, так и употребление глиняных горшков при варке. Большинство кушаний, как уже упомянуто, варится с примесью морской воды. Туземцы умеют также поджаривать куски мяса и рыбы или печь их в горячей золе завернутыми в листья.

В жарком и сыром климате нельзя сохранять долго приготовленную пищу, поэтому папуасы имеют обыкновение поджаривать или подпекать на другой день утром то, что сварено накануне, как, напр., бау, аян, мясо, или, наоборот, варить то, что было ранее поджарено, как, напр., рыбу, которую они тотчас же после улова поджаривают и на следующий день варят с различными овощами. Этой варкой и печеньем обезвреживаются и задерживаются в развитии миллионы грибных спор и нитей, которые в несколько часов пронизывают все сваренное или испеченное.

Приготовление пищи лежит частью на женщинах, частью на мужчинах. Женщины моют и чистят плоды, носят дрова, разводят огонь, приносят в бамбуковых стволах соленую и пресную воду. Мужчины разрезают своими костяными или бамбуковыми ножами плоды, наливают воду в горшки и ставят их на огонь, причем закрывают горшки свежими листьями и кокосовой скорлупой. Когда пища поспеет, мужчины же раскладывают ее из горшков по деревянным блюдам для раздачи присутствующим. Во время праздничных пиров все приготовление пищи производится мужчинами, равно как и в случае прибытия почетного гостя. Обыкновенно же муж готовит пищу для себя, а жена — для себя и для детей отдельно. Мужья и жены никогда не едят у одного очага или с одного и того же блюда. Посетителю обыкновенно варят отдельно и остатки вручают ему на обратный путь.

УТВАРЬ И ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ЕДЫ

Посуда состоит из глиняных горшков различной величины и из деревянных блюд.

1. Ваб (горшки). Самые большие горшки имеют 35—40 см в поперечнике, самые малые 15—20 см; форма их одна и та же, почти круг-

[1] Как сообщил мне д-р Шеффер, директор Ботанического сада в Бейтензорге, никто из многих ботаников, посещавших берега Новой Гвинеи, не вывез оттуда соответствующего вида *Piperaceae*. Название кеу употребительно в Бонгу, Гумбу, Горенду. В Теньгум-Мана и Колику-Мана его заменяет название „кааль", в Энглам-Мана — „кеува", в Гориме-Иссе, в Били-Били — „айн" („айо" — в Марагум-Мана), в Эремпи — „сегу". Папуасы пользуются также полузрелым орехом пинанга, смешивая его с сухой известью; при этом жуют еще лист „сири".

лая, немного суживающаяся книзу. Их приготовляют только на двух небольших островах — Били-Били и Ямбомба; жителям берега Маклая это искусство неизвестно. Горшки обыкновенно сделаны тщательно, но орнамент их очень несложен: он состоит из линий, нескольких рядов точек или маленьких дужек (отпечатков ногтей). Жители горных селений не умеют делать горшки и выменивают их у прибрежных жителей или получают от них в подарок.

2. Т а б и р (деревянные блюда). Табиры имеют иногда полметра в поперечнике; это — круглые или овальные тарелки и блюда. Сделаны они весьма искусно, в особенности если принять во внимание, что их вырезают каменными и костяными долотами и сглаживают обломками раковин; готовые табиры натирают черной краской. Табиры вместе с оружием составляют главное богатство папуасов и играют главную роль при обмене. Меня удивляло, что я ни в одном селении не видал изготовления табиров. Повидимому, вследствие их прочности и большого числа они передаются от одного поколения к другому.

3. Г а м б а (скорлупа кокосового ореха) употребляется при еде вместо тарелок отдельными членами семьи, так как только хозяин и гости получают пищу в больших деревянных блюдах.

4. Х а с с е н (вилка). При еде папуасы употребляют род вилки, состоящей из заостренной палочки в 20 см длины. Иногда соединены вместе 3 палочки; их носят обыкновенно в волосах и ими также пользуются для расчесывания волос.

5. К а й — нечто вроде ложки, изготовляемой или из большой раковины или из скорлупы кокосового ореха.

6. Ш и л ю п а. Плоско отточенная кость кенгуру или свиньи; употребляется и как нож и как ложка.

7. Я р у р — очень важный инструмент, состоящий из простой плоской раковины, в которой острым камнем вырезаны зубья. Этим инструментом скребут мякоть кокосового ореха.

ОРУДИЯ

1. Т о п о р. Главное и весьма простое орудие, которым папуасы выдалбливают свои пироги и приготовляют оружие, — это каменный топор. Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие и убеждаясь, что все это сделано каменным топором и осколками кремня и раковин, нельзя не поразиться терпением и ловкостью этих дикарей. Топор — это серый, зеленый или белый плоский камень с заостренным лезвием, тщательно отшлифованным. На о-вах архипелага Довольных людей я видел также топоры, сделанные вместо камня из массивной раковины *Tridacna*. Для рукоятки выбирают молодой древесный ствол с отходящими от него прямыми сучьями. Его срубают таким образом, чтобы часть ствола с отходящим от нее суком представляла фигуру цифры 7. Верхнюю, более короткую часть делают плоской и слегка выдалбливают, затем кладут на нее отшлифованный топор, который прикрывают сверху тоже приспособленным куском дерева, и обматывают весь этот конец шнурами из лиан или из древесной коры, так что камень крепко ущемляется в рукоятке. Такой топор может быть годен и полезен только в руках опытного человека; непривычный же к обращению с ним легко может его расколоть или не добьется ничего. Я знаю это по собственному опыту, хотя при этих опытах у меня не было недостатка в терпении. Туземцы же своими маленькими топорами, с лезвием

не более чем в 5 см, легко срубают древесные стволы в полметра в диаметре, а также вырезают тонкие узоры на древках своих копий. Папуасы пользуются обыкновенно маленькими топорами, у которых лезвие не шире 5 см, но каждое селение обладает еще одним или несколькими большими топорами, у которых лезвие имеет 7—9 см в ширину; их поднимают обеими руками, тогда как обыкновенные топоры держат только правой рукой. Камни для топоров (род агата и мелафира) туземцы получают от жителей горных деревень; подходящие камни встречаются не часто, так что каждый взрослый папуас имеет не более одного хорошего топора; большие топоры хранятся их владельцами, как нечто весьма ценное и редкое.

2. Осколки кремня и раковин. Эти на вид грубые и мелкие инструменты оказываются в искусных руках пригодными для самых разнообразных работ. То, что каменным топором только грубо обрубается, заостряется и сглаживается острым ребром кремневого осколка, как, напр., наконечники стрел и дротиков. Различные раковины и обломки их туземцы даже предпочитают кремню, так как они не так хрупки, как кремень. Острыми краями обломков раковин можно вырезать по бамбуку разнообразные узоры. Большие гребни папуасов с узорчатым бордюром, так же как и бамбуковые коробки, в которых они хранят известь для жевания бетеля, и, наконец, их стрелы могут служить образцами этого искусства.

3. Донган. Донган — это заостренная или плоско отточенная кость, имеющая форму кинжала или долота. Для изготовления кинжалов пользуются костями казуара и лишь изредка — человеческими костями, для долота употребляют кости свиней и собак. Этими донганами разрезают плоды в сыром и вареном виде. Их обыкновенно носят на руке, выше локтя, заткнутыми за браслет. В качестве оружия такая короткая, хотя и острая, кость едва ли может быть пригодной.

4. Бамбуковые ножи (серао) делают так: удаляют из разрезанного бамбука внутренние волокна и оставляют только твердую, кремнистую кору. Таким ножом режут мясо, плоды, овощи, тогда как донганом никогда не режут, а только расщепляют или прокалывают.[1]

ОРУЖИЕ

1. Хадга. Метательное копье, около 2 м в длину; делается из твердого дерева; самое употребительное и вместе с тем самое опасное оружие папуаса. Оно сопровождает его всюду.

2. Сервару. Такое же длинное, но несколько более легкое, метательное копье из того же дерева (одного вида пальмы), но с плоским бамбуковым наконечником в 25 см длины. Обыкновенно в месте соединения наконечника с древком оно украшено птичьими перьями и шкуркой кускуса. Бамбуковый наконечник обыкновенно ломается при употреблении и остается в ране.

3. Араль (лук). Делается также из тяжелого дерева, имеет в длину приблизительно 2 м; тетива бамбуковая.

[1] Пользуются также зубами кускуса (нижней челюстью), костями рыб и „гигир" — кожей акулы. Донганов различают несколько видов: 1) сурлау — из кости казуара, 2) туй — из femur свиньи, 3) нонотли — из tibia свиньи, 4) шилюпа — из кости двуутробки, *Macropus tibol*. Смотря по твердости кости, ее обрабатывают различно: кости казуара полируют острым кремнем, кости кенгуру обтачивают на точильном камне, кости свиньи — на коралловом известняке во время отлива.

4. Аральге (стрелы). Длиной приблизительно в 1 м. Наконечник из твердого дерева, круглый и насаживается на древко из тростника; длина его составляет треть или четверть длины всей стрелы. Встречаются наконечники, вырезанные очень изящно и снабженные зубцами или крючками.

5. Палам. Стрела обыкновенной величины, но сходная с сервару и снабженная широким бамбуковым острием. Считается более опасной, чем предыдущая.

6. Саран. Стрела на рыбу с четырьмя, пятью и более остриями.

7. Юр. Острога со многими наконечниками из твердого дерева; ее употребляют для рыбной ловли ночью, при свете факелов. Древко делается из бамбука, чтобы острога не тонула в воде.

Жители островов (Били-Били, Ямбомба, Грагер, Тиара и др.) имеют еще круглые щиты («хаярун» — hajarun) около 80 см в диаметре, сделанные из твердого дерева и украшенные резьбой. Береговые папуасы не имеют таких щитов. Видел я еще в некоторых деревнях плоские палицы (пани) длиной в 1.5 м; их держат обеими руками так же, как в Европе в старину держали большие мечи.

Во время войны употребляют также метательные камни (пращи). Главное боевое оружие — метательное копье, опасное на расстоянии 35—40 шагов. Стрелы на расстоянии более 50 шагов едва ли можно считать опасными в виду их легкости. На войне и при охоте на диких свиней наконечники дротиков и стрел намазываются красной охрой. Здешние папуасы своих стрел не отравляют.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Единственное одеяние мужчин — маль, платок длиной в 3 м и шириной в 15—20 см; он обыкновенно окрашен в красный цвет и сделан из древесной коры (вида сем. *Artocarpeae*). Приготовление маля сходно с приготовлением тапы полинезийцев. Сняв с коры верхний слой, бьют его на гладком камне деревяшкой до тех пор, пока кора не станет мягкой и гибкой. Маль красят красной охрой, но краска не выдерживает долго, поэтому маль с течением времени становится бурым. Поддерживая маль за один конец на животе у пупка, папуас пропускает его между ног, потом обвивает несколько раз вокруг талии и закрепляет сзади другим концом. Просунутая между ногами часть маля крепко стягивается, а передний конец висит спереди. Женщины носят передник, называемый также маль; у них он состоит из бахромы, в полметра длины, прикрепленной к поясу. Бахрома хорошо закрывает тело, свисая в виде длинных прядей до колен и не затрудняя движений. Женские мали обыкновенно имеют черные и красные горизонтальные полоски; девушки носят мали короче и с более редкой бахромой, чем у замужних женщин. В некоторых деревнях (о. Били-Били) маль у девушек состоит вплоть до замужества из одного пояса, на котором сзади и спереди прикреплено по кисти из крашеной мочалы; передняя кисть свисает над mon Veneris, задняя висит по середине седалищной части. Садясь, девушки заботливо протягивают заднюю, более длинную кисть между ногами. С обеих сторон ягодиц у девушек висят украшения из раковин и окрашенных плодовых зерен.

Кроме малей, у папуасов встречаются длинные и широкие плащи; их выделывают таким же образом, как мали. Ночью и утром их надевают из-за холода, обматывая вокруг плеч.

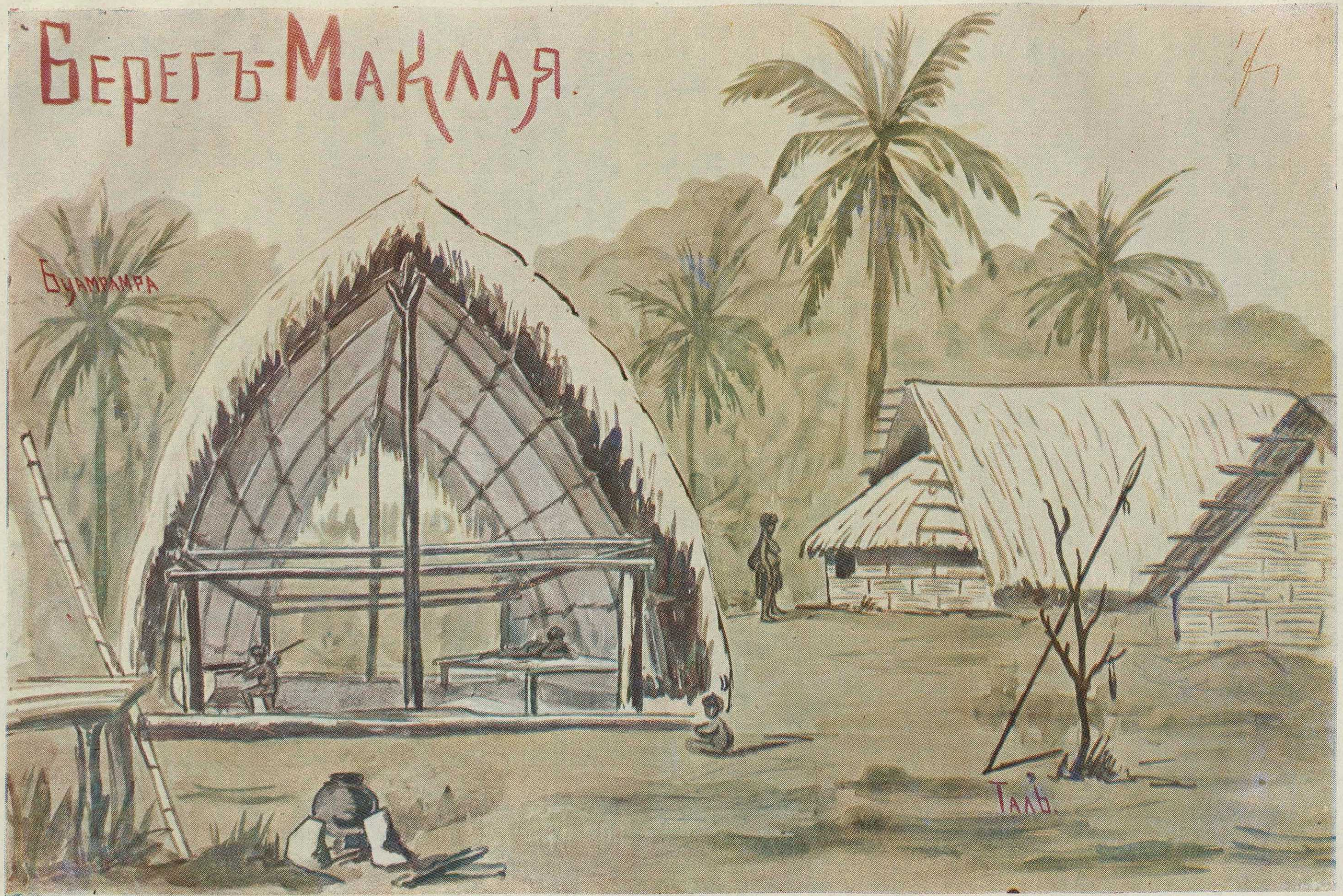
Папуас неразлучен со своими ямби и гуном. Ямби — маленький мешок, носимый на шее, а гун — мешок большей величины, который носится на левом плече. В первом папуасы носят табак и мелкие вещи, во втором — коробку с известью для жевания бетеля, ярур, шилюпу, кай, раковины, маленькие бамбуковые баночки для красной и черной краски и много других необходимых им предметов. Мешки сплетены очень изящно из тонких, различно окрашенных шнуров; особенно изящны ямби, украшенные часто маленькими раковинами. На верхней части руки, над biceps'ом, мужчины носят браслеты, называемые сагю. Они плетутся из древесной коры или травы очень искусно и украшаются раковинами; за браслет обыкновенно затыкается донган. Если молодые папуасы желают принарядиться, они затыкают за сагю ветки пестролистных растений. Над икрами носятся также кольца (самба-сагю). В виде особенного украшения папуасы носят на груди клыки диких свиней, поддерживаемые ошейником. Это очень ценное украшение называется буль-ра. Так как такие клыки папуасам удается редко добыть, то вместо них носят чаще вокруг шеи раковины и зубы собак. В ушах мужчины носят широкие черепаховые или деревянные серьги. Если их нет, то втыкают в уши бамбуковые палочки, продолговатые камни или цветы. Женщины носят 2 вида серег. В мочку вдевается одно или несколько колец, а через отверстие в верхнем крае уха продевают шнурок, который проходит также через отверстие в другом ухе. На обоих концах шнурка прикреплено несколько пар белых собачьих зубов; они висят по обеим сторонам шеи, а шнурок лежит на голове. Женщины употребляют также 2 мешка (называются они «нангели-гун»); мешки эти много больше мужских. Их и носят иначе: мешок закидывают не через плечо, а на спину, и шнур обвивают вокруг лба. В одном мешке ежедневно приносят с плантации плоды, а в другом, немного поменьше, носят маленьких детей. Если детей нет, то женщины таскают вместо них поросят и щенят, которых они нежно воспитывают и кормят своей грудью.

Рис. 14. Папуас с берега Маклая с характерными украшениями на нем.

О СЕЛЕНИЯХ И ЖИЛИЩАХ

Въезжая в зал. Астролябии на судне, нельзя заметить никаких признаков жилья. Лишь кое-где, может быть, поднимаются столбы дыма, указывающие на близость человека, но и это не всегда; все побережье покрыто густым лесом.

Берегъ-Маклая.
Буамрамра
Таль.

5

Но если внимательно исследовать берег в подзорную трубу, то, может быть, обнаружатся в некоторых местах группы кокосовых пальм. Пристав к берегу поблизости от такой группы и поискав немного, можно открыть и вытащенные на берег или спрятанные в кустах пироги с балансиром. Следуя берегом, выходишь обычно на тропинку, ведущую в лес; идя по ней в направлении пальмовой рощи, скоро открываешь также между деревьями высокие крыши. Тропинка кончается на открытой площадке, вокруг которой стоят хижины в тени кокосовых пальм и бананов. Со стороны эти хижины кажутся состоящими почти сплошь из крыш; боковые стены возвышаются едва на полметра над землей. Спереди имеется вход, над которым часто выступает навесом полукруглая крыша. Одна из хижин обычно отличается от остальных гораздо большими размерами и высотой; она открыта с передней и задней сторон. Вдоль одной из стен в этой хижине стоит широкий стол. Почти у каждой хижины посетителю бросается в глаза стоящий на четырех ножках помост вроде стола или высокой скамьи. Такие помосты, называемые б а р л а, имеют 1—1.5 м вышины; они встречаются во всех селениях как на побережье, так и в горах. Это — место отдыха и трапезы мужчин. Когда обед готов, на барлу ставят деревянные блюда, хозяин и гости садятся на нее и могут обедать, не подвергаясь назойливому приставанию многочисленных свиней и собак, кишащих в деревнях. Поев и убрав посуду, папуасы растягиваются на барле, которая теперь играет уже роль дивана или кровати. Барлой пользуются только мужчины; женщины сидят на корточках на земле. Площадка, вокруг которой стоят хижины, не всегда имеет круглую форму; иногда она подковообразна или имеет форму буквы S, смотря по условиям местности.

Деревня состоит из нескольких таких групп хижин, расположенных кругом площадки и соединенных узкими тропинками. Селения окружены высоким девственным лесом. Каждая такая группа хижин имеет особое название.

Хижины стоят не на сваях, имеют большей частью малые размеры, но построены хорошо и прочно. Особенно хороши крыши, которые всегда бывают выпуклыми. Цель такого устройства — дать лучший сток дождевой воде. Стены хижин сложены из расщепленного бамбука или из черешков саговых листьев, а иногда и грубо расколотых древесных стволов. Дверь возвышается обыкновенно на полметра над землей, чтобы свиньи не могли проникнуть внутрь хижины.

Можно различать 3 рода хижин: одиночные, семейные и так называемые б у а м б р а м р а. Первые, самые маленькие, имеют в длину 6—8 шагов и открытую дверь, которая только изредка бывает защищена сверху полукруглой крышей. Вторые имеют 10—15 шагов в длину, спереди обыкновенно снабжены еще полукруглой пристройкой с отдельной крышей; входная дверь еще гораздо меньше. Наконец, буамбрамра представляет собою большую хижину, которой пользуются только мужчины. Она служит также спальней для молодых людей и для гостей из других деревень. В ней бросаются в глаза толстые, длинные, выдолбленные древесные стволы, играющие в жизни папуасов большую роль. Эти стволы, называемые б а р у м, похожи на неуклюжие, толстостенные челноки; они установлены на двух поперечных балках и на своей внешней стороне, приблизительно посередине, имеют более гладкое, стертое место, по которому ударяют палкой, толщиной в руку. Удары производят громкий, глухой звук, слышный по берегу на 5—6 морских миль. О всех важных событиях сообщается соседним деревням посред-

ством барума. Наступает ли неприятель, умер ли мужчина, ожидается ли праздник — обо всем этом возвещается соседям рядом последовательных ударов в барум, более сильных или слабых с более или менее продолжительными между ними паузами. В каждой деревне имеются люди, умеющие особенно искусно бить в барум.

Странно, что почти все жители побережья не знают никакого способа добывать огонь, поэтому они всегда и везде носят с собою горящие или тлеющие головни. Идя рано утром на плантации, они берут из своего очага тлеющее полено, чтобы развести огонь где-нибудь в углу плантации. Отправляясь в более далекий путь, напр. в горы, они берут с собою огонь для куренья, так как их сигары, завернутые в зеленые листья, то и дело гаснут. Во время поездок по морю они держат обыкновенно раскаленные угли в полуразбитом горшке, на дно которого насыпана земля. Туземцы, остающиеся в деревне, никогда не забывают поддерживать огонь. Даже ночью разводят небольшой огонь в хижинах под нарами, что при отсутствии одежды защищает их отчасти от холодного ночного воздуха. Тепло проникает вместе с дымом сквозь щели бамбукового помоста и согревает, даже припекает одну половину тела, тогда как другая половина мерзнет. Ночью им приходится неоднократно вставать, чтобы посмотреть, горит ли огонь.

Жители гор, как, напр., дер. Энглам-Мана, Теньгум-Мана и еще нескольких деревень, не поддерживают этого вечного огня; они умеют добывать огонь: расщепляют сухое полено (называемое ими «иololь») каменным топором и в расщелину вводят крепкую расщепленную лиану; придерживая полено на земле коленом или ступней, приводят лиану в движение, которое все более ускоряется, пока не вспыхнут подложенные внизу сухие волокна со скорлупы кокосового ореха. Этот способ добывания огня очень неудобен: одному папуасу потребовалось полчаса, чтобы таким образом развести мне огонь. Поэтому и в горах туземцы по возможности стараются, чтобы огонь никогда не потухал в очаге. Жители прибрежных деревень неоднократно говорили мне, что им приходится ходить в другие деревни за огнем, если случайно во всех хижинах их деревни огонь потухнет.

ВНУТРЕННОСТЬ ХИЖИН

Почти целый день папуасы проводят вне дома. На большой площадке, вокруг которой расположены хижины, достаточно места и тени, чтобы все могли производить на ней свои домашние работы и готовить себе вечером пищу на отдельных небольших кострах, зажигаемых перед каждой хижиной. Хижины служат преимущественно кладовыми и убежищами на ночь и во время ненастья. Смотря по размерам хижины, в ней имеется одна или несколько барл (высоких и широких бамбуковых скамей), расположенных вдоль стен. Нередко под крышей бывает устроена каморка с особой дверью, в которую влезают при помощи лестницы; в этой каморке хранят плоды. Пучки аяна, бау висят рядами на бамбуковых жердях; там же стоят горшки и табиры, которыми пользуются в торжественных случаях. К балке, поддерживающей гребень хижины, прикреплена веревка с м е м у внизу (палкой с несколькими крюками). Ниже палки привешен кусок листового влагалища саговой пальмы таким образом, что веревка проходит через его середину. Это — предохранительное приспособление от многочисленных мышей, пожирающих ночью в хижинах все съедобное. На крюках мему привешиваются завер-

нутые в листья гун, ямби и другие предметы, требующие охраны от мышей. Обыкновенно на той же балке висит нечто вроде плоской корзины с подобным же приспособлением против крыс; в ней сохраняются остатки ужина в горшках или табирах до следующего обеда.

Кроме пары копий, лука и десятка стрел и других орудий охоты и рыболовства, в хижине нет ничего. Трудно было бы найти человеческое жилье с меньшим числом вещей, составляющих, однако, все имущество здешних жителей. В более поместительных, открытых хижинах (буамбрамра), о которых я уже говорил, бывает иногда также верхняя каморка, служащая кладовой. Вдоль стен буамбрамры висит много нижних челюстей свиней, зарезанных во время пиров, и черепов съеденных рыб. Здесь существует обычай сохранять что-нибудь от каждого съеденного животного на память об этом событии.

ПЛАНТАЦИИ И ОБРАБОТКА ПОЧВЫ

Немногие плантации находятся вблизи деревень, большинство скрыто в лесу для того, чтобы защитить их от врагов. Выбрав участок земли для плантации, срубают сначала подлесок, а потом и более крупные сучья больших деревьев. Этим достигается больший доступ солнца, отчего все срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья, их постепенно поджигают у корня несколько дней подряд, а иногда и срубают большими каменными топорами. Очищенный участок окружают забором: ставят по 2 ряда кольев из сахарного тростника в рост человека близко один к другому. Промежуток между двумя рядами кольев наполняют грубо нарубленными поленьями и щепками, которые доставляют большие деревья. Стоящие одни против других тростниковые колья связываются между собою через короткие промежутки лианами. Забор делается приблизительно в рост человека; он необычайно прочен, так как стебли тростника скоро пускают корни. Стебли стоят вплотную друг к другу, поэтому забор представляет надежную преграду против нападений диких свиней, которые в противном случае могли бы причинить большой вред молодым плантациям. Прежде чем срублены все деревья и поставлен забор, землю уже взрывают, размельчают и насыпают в кучи, имеющие около метра в поперечнике и полметра высоты. Каждая кучка обсаживается только одним сортом растений, так что бананы, сахарный тростник, бау, аян растут вперемежку. Меньше чем в месяц новая плантация бывает уже готова. На более старых плантациях почва в особенности хорошо обработана и размельчена. При этом папуасы пользуются очень простыми орудиями:

1. Удья — крепкая, длиной в 2 м, палка, заостренная с одного конца; ею работают мужчины, так как при работе этим первобытным орудием требуется много силы.

2. Удья-саб — небольшая узкая лопатка. Ею работают женщины.

Работа производится таким образом: двое, трое или более мужчин становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья в землю и потом одним взмахом поднимают большую глыбу земли. Если почва тверда, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю. За мужчинами следуют женщины, которые ползут на коленях и, держа крепко в обеих руках свои удья-саб, размельчают поднятую мужчинами землю. За ними идут дети различного возраста и растирают землю руками. В таком порядке мужчины, женщины и дети обра-

батывают всю плантацию; позже они накидывают кучки земли, группируемые в ряды.

Предварительная подготовка плантаций, вырубка кустарников, сжигание и рубка деревьев, постройка забора производятся обычно всеми жителями деревни совместно; дальнейшая же обработка земли — уже только всеми членами семей, между которыми разделена плантация. Даже младшие сыновья имеют свои отдельные плантации, которые они обязаны обработать и возделать и плоды с которых составляют их собственность.

Папуасы получают с плантаций ежегодно несколько смен плодов и овощей; я их уже перечислил выше. Так, в марте, апреле, мае, июне, июле они пользуются бау, в августе, сентябре, октябре и ноябре — аяном, в декабре и январе — дегарголем; в этих же месяцах они лакомятся сахарным тростником. Ежедневно высылаются женщины для принесения с плантаций на вечер и на следующее утро нужных плодов. Каждая плантация делится между несколькими семьями, и обыкновенно одна деревня владеет несколькими плантациями. Всего больше плантаций у прибрежных жителей, тогда как островитяне занимаются больше различными ремеслами.

СНОШЕНИЯ И ОБМЕН МЕЖДУ ДЕРЕВНЯМИ

У папуасов берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если несколько жителей прибрежной деревни отправляются в другие прибрежные деревни, на острова или к жителям гор, то они забирают обыкновенно с собою все, что у них имеется в избытке, и несут с собою в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне. Весьма редко я замечал, чтобы подарок предлагался за определенный ответный подарок. Так, жители горных деревень Теньгум-Мана, Энглам-Мана, Марагум-Мана богаты арековыми орехами и табаком, и вот жители приносят эти продукты в прибрежные деревни и получают взамен гончарные изделия, рыбу и соль (в виде кусков соленого дерева). Островитяне изготовляют преимущественно горшки и мали, которые они охотно обменивают на продукты плантаций прибрежных жителей. Эти островитяне служат также посредниками при обмене продуктами между прибрежными деревнями, расположенными далеко одна от другой. Обычай взаимного отдаривания так укоренился, что даже жители соседних деревень приносят почти каждый раз при своих частых посещениях что-нибудь своим приятелям и получают от них при уходе также подарок.

Немногие селения имеют лодки-пироги. Причина тому — расположение многих деревень в таких местах, где постоянный сильный прибой затрудняет приставание к берегу. Пироги выдолблены из древесных стволов и имеют балансир и небольшую платформу, помещающуюся в середине, там, где прикрепляется балансир. Двух гребцов (один на носу, другой на корме) достаточно для быстрого продвижения пироги; самые маленькие из них могут вместить только трех человек. Жители Били-Били и архипелага Довольных людей строят, однако, большие пироги, на которых вместо платформы ставится маленькая хижина. Такие пироги употребляются для более продолжительных поездок под парусами. Они снабжены нередко двумя мачтами, наклоненными в противоположные стороны — одна вперед, другая назад. На этих пирогах туземцы ездят превосходно при слабом ветре, но пироги держатся довольно хо-

рошо и при сильном ветре, хотя папуасы по возможности его избегают. Парусом служит цыновка из пандануса; вместо веревок пользуются расщепленным бамбуком и лианами. Якорем служит обрубок древесного ствола с обрубленными и заостренными четырьмя или пятью сучьями, образующими лапы якоря, между которыми укреплены посредством плетения из расщепленного ротанга камни; на этих пирогах жители Били-Били (они — лучшие мореходы во всей округе) предпринимают поездки на различные о-ва архипелага Довольных людей, даже на Кар-Кар (о. Дэмпир) и к SO, к мысу Риньи. Жители о. Ваг-Ваг не имеют, по словам береговых папуасов, никаких судов, на которых они могли бы посещать берега Новой Гвинеи; их также никто не посещает, и они живут поэтому совершенно обособленно. Горные жители боятся больших морских поездок, да и жители побережья не отличаются большой отвагой в плавании. Они предпринимают поездки лишь в благоприятную погоду и при попутном ветре и остаются дома, как только ветер усиливается и в море начинается волнение.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАПУАСОВ

Папуас берега Маклая женится рано, имеет обычно только одну жену [1] и отличается строгой нравственностью. Насколько мне приходилось видеть, незаконных связей почти не бывает или они встречаются очень редко. Брачные обряды очень просты. Жених приносит, с согласия своей семьи и семьи невесты, подарки (5—10 табиров, редко 15 и больше, несколько малей и т. п.). Спустя несколько дней режут свинью или собаку, устраивают праздничный обед, и жених переводит невесту в свою хижину. Еще проще развод, который не сопровождается никакими обрядами: муж просто отсылает свою жену к ее родственникам, если она оказывается неспособной к работе, напр., при болезни ног, затрудняющей ходьбу, и берет себе другую.

Вообще же мужья обращаются с женами хорошо и лишь изредка колотят их. Ежедневно жена приносит с поля плоды и собирает дрова на ночь для огня; она же таскает воду с морского берега или из ручья. Часто вечером можно видеть женщин, возвращающихся с поля тяжело нагруженными. На спине у них висят 2 мешка, прикрепленные к веревке, обвивающей лоб: нижний — с плодами, верхний — с ребенком. На голове, сильно нагнутой вперед, благодаря тяжести мешков, они несут еще большие вязанки сухих дров, в правой руке часто держат пучок сахарного тростника, а на левой руке—иногда еще другого ребенка. Такой груз, при жаре и при узких тропинках, должен очень утомлять; свежесть и здоровье молодой женщины уносятся поэтому скоро. Дети обычно веселы, плачут и кричат редко; отец, а иногда и мать, обращаются с ними очень хорошо, хотя мать обычно относится к детям менее нежно, чем отец. Вообще же у папуасов любовь к детям очень сильна. Я видел у них даже игрушки, что у дикарей встречается не часто, именно — род кубарей, маленькие лодочки, которые дети пускали по воде, и много других игрушек. Но уже рано мальчик сопровождает отца на плантацию, в скитаниях по лесу и в поездках на рыбную ловлю. Ребенок уже в детстве научается практически своим будущим занятиям, и еще маленьким мальчиком становится серьезным и осторожным в обхождении.

[1] Изредка, впрочем, встречается многоженство; так, у Саула было три жены, у Яго— две, но это исключения.

Мне частенько приходилось видеть комичную сцену, как маленький мальчуган, лет четырех, пресерьезно разводил огонь, носил дрова, мыл посуду, помогал отцу чистить плоды, а потом вдруг вскакивал, бежал к матери, сидевшей на корточках за какой-нибудь работой, схватывал ее за грудь и, несмотря на ее сопротивление, принимался сосать. Здесь всюду распространен обычай кормить детей грудью очень долго.

День папуаса начинается едва забрежжит свет. Папуасы любят крик петуха, возвещающий близость дня, и держат поэтому петухов в деревнях.[1] Если папуасу не нужно отправляться далеко в лес или в горы, то он еще в темноте идет, завернувшись в свой маль, на берег моря и ожидает, съежившись и дрожа от холода, восхода солнца. Собирается обыкновенно много папуасов, которые лишь изредка обмениваются друг с другом словами, обыкновенно же все молчат. Когда солнце поднимается выше, папуасы возвращаются в деревню, где приказывают женам или детям принести себе остатки вчерашнего ужина или же варят себе немного свежей пищи. Женщины готовятся итти работать на плантации; они замыкают бамбуковыми палками и цыновками двери своих хижин, забирают свои мешки, свои удья-саб, сажают своих ребят в мешки, не забывая при этом захватить с собою и тлеющую головню, и по нескольку вместе, в сопровождении детей и собак, оставляют, болтая, деревню. Мужчины остаются перед своими хижинами и спокойно поедают свой завтрак, после чего жуют бетель и курят свои зеленые сигары. В это время в деревне очень тихо, хотя в ней еще осталось много мужчин. Около 10 часов утра и мужчины начинают расходиться: одни идут на плантации, другие — на рыбную ловлю, третьи в соседние деревни. Все они вооружены луком и стрелами, иногда и копьем и, кроме того, нагружены еще различными другими орудиями (удья, рыболовные сети, весла и т. п.)

Если притти в деревню в полдень, то часто можно не найти в ней ни одного человека: только несколько собак и свиней посмотрят на пришельца и исчезнут в кустах. Все хижины заперты и только буамбрамра манит своей прохладой, соблазняя путника растянуться на широкой барле и отдохнуть. Около 4 или 5 часов слышатся шаги мужчин, возвращающихся в деревню; с них еще струится вода, так как перед приходом в деревню они искупались в соседнем ручье и даже натерлись вместо мыла песком и травой. Несмотря на распространенность у папуасов накожных болезней, их нельзя назвать нечистоплотными; они купаются ежедневно, даже по нескольку раз, и часто натираются песком и травой. Придя в деревню, они растягиваются на своих барлах и ждут обеда. Крикливые голоса в лесу возвещают о скором прибытии женщин, которые с тяжелой ношей, в поту, подходят к хижинам, сбрасывают вязанки дров и осторожно снимают мешки с детьми и плодами. Скоро зажигаются огни, старшие дети помогают родителям приносить горшки и табиры, смотрят за огнем, чистят плоды и раскладывают их по горшкам. Иногда сходится несколько соседей: каждый приносит немного плодов и овощей, и вместо нескольких малых горшков варят в одном большом. За это время девушки приносят пресную и соленую воду в бамбуковых сосудах. Прежде чем положить или налить что-нибудь в горшок, кладут в него свежий или сухой лист, чтобы предохранить овощи от пригорания. Также кладут в горшок содержимое бамбуковых банок, которые мужчины носят с собою во время своих прогулок. Содержимое это иног-

[1] Кур держат реже, так как собаки загрызают цыплят.

да очень разнообразно: там можно найти жуков, улиток, раков, крабов, гусениц, маленьких ящериц и т. п. Все это бросается в горшок вместе с землей и сухими листьями, попавшими в банку случайно. Еще живые животные пытаются спастись, но в горшок всыпают аян, бау или дегарголь, наливают воды, на одну треть морской, а затем накрывают горшок зелеными листями и скорлупой кокосового ореха и ставят на огонь. Смотря по содержимому, горшок стоит на огне час или более. Мужчины ломают сухие тонкие поленья на колене или на большом камне, женщины — на голове.

Когда кушанье готово, ставят горшок с круглым дном на соломенный кружок. Хозяин раскладывает кушанья по поставленным кругом табирам; лучшие куски достаются гостям и ему самому, худшие — детям и женщинам. К этому времени обыкновенно уже совсем темнеет, тем не менее костер не разжигают ярче, а сидят в темноте и медленно жуют и едят трудно перевариваемую пищу. Чтобы до некоторой степени удовлетворить потребность в соли, пьют, приложив табир к губам, жижу, в которой были сварены в небольшом количестве морской воды гусеницы, пауки и ящерицы. Женщины удаляются в хижины. Время от времени слышны крики детей и тихая беседа мужчин, жующих свой бетель и курящих сигары. Но эти звуки скоро умолкают, мужчины разводят в хижинах небольшие костры под своими барлами и засыпают; но им приходится нередко вставать, так как огонь под ними часто гаснет, и холод ночного воздуха их будит.

Так проходят дни у жителей берега Маклая. Перемены вносят только войны, посещения соседних деревень и празднества, которые устраиваются в их собственных деревнях или у соседей.

«Место уединения» на берегу Маклая, 1872 г.
Батавия, 22 ноября 1874 г. (в ночь перед отъездом в Сингапур).

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАПУАСОВ

(Продолжение)

> Die Gegenwart allein ist wahr und wirklich (Одно только настоящее действительно и истинно). (Schopenhauer. Parerga und Paralipomena, I, 441.)
>
> Und wenn euch Ernst ist was zu sagen, ist nöthig Worten nachzusagen? (Если вам нужно серьезно что-нибудь сказать, неужели необходимо гнаться за словами?) (Goethe. Faust, I.)[1]

Разрисовка лица и тела. Папуасы раскрашивают себе лицо красной и черной краской; красную употребляют больше молодые, черную — чаще пожилые. Молодые люди (маласси), пятнадцати—тридцати лет, соблюдают этот обычай в особенности; они придумали разные рисунки и смешения красок, которыми они покрывают лицо и спину.

В обыкновенные дни они ходят нераскрашенными или раскрашенными лишь немного, напр. обводят глаза кружками или проводят вдоль носа черту, которая соединяется с другой чертой, проведенной от одного виска к другому, на месте сбритых бровей, у основания лба. Но во

[1] Этот эпиграф предназначен преимущественно для моих немецких читателей. Я надеюсь, что интересный и нелегко добытый материал этих „Заметок" извинит, быть может, „немецкий" язык русского.

время праздников все лицо намазывается красной краской, по которой проводится еще несколько белых и черных черточек. Одна из самых употребительных—вышеупомянутая черта внизу лба, соединяющаяся накрест с проведенной вдоль спинки носа. Иногда одна половина лица окрашена в черный цвет, а другая — в красный, что производит своеобразное впечатление. От затылка несколько параллельных линий идет вдоль спины до талии. Отдельные фигуры изображаются на лопатках, напротив того, грудь раскрашивается редко и еще реже проводятся несколько цветных линий на ногах. Более старые туземцы, свыше тридцати лет (тамо), почти не пользуются красной краской и заменяют ее черной. Они красят ею волосы и лоб и проводят полосу вдоль носа до его кончика, в особенных случаях красят лицо или всю голову. Есть однако, деревни, где вследствие обилия черной краски туземцы намазывают ею все тело и притом настолько старательно, что ее можно принять за их натуральный цвет. Так, напр., несколько человек с Кар-Кара, посетивших меня, были сплошь покрыты черной краской, что придавало им своеобразный, отличный от остальных вид.

Женщины берега Маклая появляются накрашенными редко, причем не так строго придерживаются определенных правил в отношении раскраски, как мужчины.

Относительно ухода за волосами я говорил уже в антропологических заметках. До моего прибытия папуасы употребляли для стрижки и бритья бамбуковые ножи и осколки кремня. Теперь они стригутся и бреются осколками стекла, которые получают от меня или собирают около моей хижины.

Я видел у них, однако, еще другой способ удалять волосы. Они берут 2 тонких шнурка или 2 крепких стебелька, связывают их вместе и обвивают вокруг пальца левой руки, а правой их закручивают. Шнурки держат перед самым лицом, волосы попадают между двумя шнурками и закручиваются с ними; достаточно затем небольшого движения руки, чтобы вырвать с корнем несколько волосков. Хотя операция эта, судя по моему собственному опыту, очень болезненна, тем не менее папуас, занимающийся таким выдергиванием иногда 3—4 часа, никогда не делает гримас, что мне неоднократно приходилось наблюдать с удивлением.

Здешние папуасы не знают татуировки, а выжигают рубцы, мужчины — на спине и ляжках, а женщины — по обеим сторонам груди и на руках, распределяя их в виде линий. Для нанесения таких рубцов пациент ложится на спину или на живот; зажигается маленький кусочек сухой коры, и оператор кладет его раскаленным, но не горящим, на кожу, пока кора не обратится вполне в золу; таким образом сжигают несколько кусочков подряд. И эта процедура требует много терпения и значительной силы воли для преодоления боли.

Мужчины украшают себя гораздо больше, чем женщины, костюм которых нередко бывает сведен к минимуму.[1] Мужчины тратят 5—6 часов на расчесывание своих волос, смазывание их отваром плодов «субари» *(Calophyllum inophyllum)*, на их окраску, украшение перьями и цветами, расписывание лица и спины, опоясывание возможно туже малем, наконец, на то, чтобы заткнуть за браслеты на руках и ногах ветки пестролистных растений (из сем. *Euphorbiaceae)*.

[1] В Били-Били я видел у одной девушки самый простой костюм, какой только вообще может существовать. Весь туалет ее состоял из одной белой раковины (*Cypraea)*, покрывавшей нижнюю часть montis Veneris.

Единственное украшение, предоставляемое в торжественных случаях женщинам, — это немного краски, которой они намазывают себе волосы, лоб и щеки. Но женщины носят, однако, в таких случаях много ожерелий из больших и малых раковин, собачьих зубов и зерен разного цвета.

Положение женщин. Было бы неправильно утверждать, что здешние папуасы плохо обращаются со своими женами или что последние не имеют никакого влияния на мужей. Однако почти вовсем женщины берега Маклая занимают подчиненное положение. Если они и не обязаны работать через силу, все же у них достаточно дела каждый день в продолжение целого года, тогда как мужчины, закончив в несколько недель более трудную работу (разбивка новых плантаций, обработка почвы), могут затем остальное время лентяйничать. Женщины получают пищу всегда похуже, должны есть ее отдельно от мужчин, у них нет почти никаких украшений (в сравнении с мужчинами), они не могут принимать участия в празднествах мужчин и т. д.

Здесь я нахожу нужным сказать несколько слов о морали папуасов.[1] Папуасы смотрят на половые отношения разумно, как и на другие физические потребности (еда, сон и т. д.), и не создают из них искусственной тайны. Я видел много раз, как дети обоего пола, играя на теплом песке побережья, подражали coitus'у взрослых. В моем присутствии и перед другими мужчинами, девушки и женщины говорили, нисколько не стесняясь, о половых органах и их функциях. Подобные разговоры показались бы чудовищными европейским моралистам; на самом же деле я думаю, что в нравственном отношении папуасские девушки могут поспорить с европейскими, воспитанными в лицемерии и показном целомудрии.

Мне приходилось также нередко слышать, как во время пребывания молодоженов в хижине сидящие неподалеку молодые люди отпускали остроты и замечания, которые для слуха европейца были бы грязны, в действительности же были очень естественны.

Гимнастические упражнения девушек, о которых я уже говорил в своих антропологических заметках, являются не чем иным, как подготовкой к выполнению супружеских обязанностей. Я видел однажды маленькую девочку в Бонгу, занятую этой гимнастикой. Бедняжка была крайне утомлена, и я, еще не понимая тогда смысла этих упражнений, заметил одному присутствовавшему при этом туземцу: «Чего она не уйдет? Зачем она это делает? Она совсем устала!» — «О, это ничего, пусть продолжает, — услышал я в ответ, — ее муж будет ею доволен». Слова эти привлекли мое внимание, и я убедился потом, что эта гимнастика входит в цикл воспитания девочек (такие телодвижения женщины делают также при пляске) и представляет главным образом подготовку к coitus'у. Папуасы говорили мне сами, что «хорошо спать» с женщинами, производящими эти движения умело и сильно. Это и есть причина, почему, — как я уже упоминал, — мужчинам нравится особенная походка женщин. Нежность к детям и половая любовь, во всяком случае имеющиеся, не проявляются, однако, в такой форме, как у европейцев.

[1] Читая следующие далее строки, нужно иметь в виду, что я жил среди папуасов в качестве „каарам тамо" (человек с луны), и принять во внимание, что папуасы не боялись и не дичились меня и, вследствие моего долгого пребывания и моего manière d'être, так привыкли к моему присутствию в деревнях, что ни в чем не изменяли своего образа жизни и привычек во время моих посещений. Это обстоятельство имело при наблюдениях весьма важное значение.

Но как именно они выражаются, этого мне не удалось наблюдать — папуасы не любят проявлять своих чувств при посторонних.

О браке я уже говорил раньше, что у папуасов он заключается без каких-либо особых торжеств; иначе это стало бы мне несомненно известно за мою 15-месячную совместную жизнь с папуасами. Переговоры об обмене подарками между женихом и отцом девушки я, правда, слышал, но никаких обрядов при заключении брака мне не приходилось наблюдать. Напр., сегодня я видел молодую женщину в хижине холостяка, — вчера ее там еще не было, вчера вечером он на ней женился. Не могу также ничего сообщить об обычаях при рождении ребенка, хотя мне случалось бывать в деревнях как раз в то время, когда рождались дети.

Об обрезании я слышал от достойных доверия лиц следующее. Обрезание совершается над 12—13-летними мальчиками вне деревни, в лесу, острым осколком кремня, в присутствии всего мужского населения деревни; по окончании обряда вновь обрезанного с пением относят обратно в деревню. После обрезания на мальчика смотрят, как на молодого мужчину, и он получает некоторые права, которых раньше не имел.

О приветствиях у папуасов. Приходя в деревню, сосед говорит детям: «Э, вау» (Э, дети), женщинам — «Э, нангели» (Э, женщины), мужчинам — «Э, мем» (Э, отец). Приветствие тамо между собою: «Э, аба» (Э, брат). Между родственниками и давнишними приятелями приветствия не в ходу. Папуасы подают друг другу руку, касаются руки другого, но не жмут ее. Уходя, гость говорит: «Адиангармем» (я иду); хозяин и присутствующие отвечают: «Э, аба» или «Э, мем», на что гость дает ответ соответствующими словами. Потом хозяин говорит: «Глембе» (ну, иди) — и провожает своего гостя до конца деревни, неся за ним подарки и остатки обеда. Часто о госте говорят: «Ты оставайся здесь, а я пойду». При особенно чувствительном расставании туземец прижимает своего друга к левой стороне груди, обнимает его одной рукой и в то же время хлопает его слегка по спине.

При моем посещении дер. Богати меня ожидала большая толпа папуасов, которые, как только моя шлюпка подошла к берегу, все почти сели и не встали до тех пор, пока я не выскочил из лодки и не обратился к одному старому знакомому с просьбой помочь мне привязать ее. Этот обычай приседать на корточки перед почетным гостем в знак приветствия я встретил также на о-вах архипелага Довольных людей.

Довольно распространен на побережье обычай обмена именами: меня неоднократно просили в различных деревнях поменяться именем с каким-нибудь туземцем, которого я чем-нибудь отличил. Чтобы не вызвать путаницы и недоразумений, я всегда отклонял такие предложения и лишь позволил дать мое имя (Маклай), — и это считалось большой милостью, — нескольким новорожденным мальчикам, отцы которых считались моими особенными друзьями. Многократно меня также просили выбрать имя новорожденным мальчикам и девочкам.

Погребальные обряды. О смерти мужчины сообщается окрестным деревням посредством барума. В тот же день или на следующее утро мужское население этих деревень собирается вблизи деревни покойного. Все мужчины в полном вооружении. При первых ударах барума гости входят в деревню, где возле хижины умершего уже собралась толпа, также вооруженная. После кратких переговоров собравшиеся мужчины разделяются на 2 противоположных лагеря, после чего начинается показная борьба, во время которой туземцы проявляют, впро-

чем, известную осторожность и не пускают в ход своих копий. Стрелы, однако, пускаются непрерывно дюжинами, и, несмотря на показной характер боя, бывает немало раненых, хотя и не серьезно. В особенное воз-

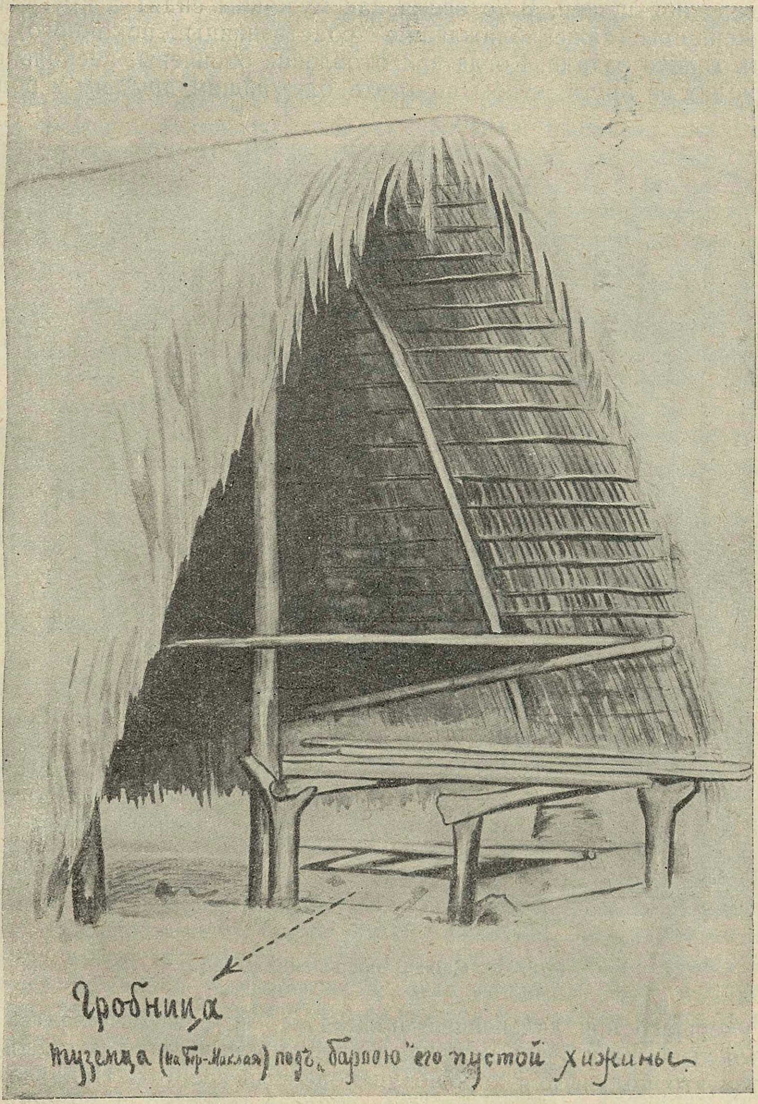

Рис. 15. Могила папуаса под барлой его хижины.

буждение приходят ближайшие родственники и друзья умершего, — они ведут себя, как сумасшедшие.

Когда все разгорячатся, утомятся, выпустят все стрелы, мнимые враги садятся в круг, и большинство ведет себя далее, как простые зрители. Ближайшие друзья покойного приносят, между тем, несколько циновок и широкие влагалища листьев саговой пальмы и кладут их на се-

редине открытой площадки. Затем они выносят из хижины умершего, связанного ротангом, в положении человека, сидящего на корточках, с упертым в колени подбородком и с руками, обхватывающими ноги. Подле покойника ставят его вещи, подарки соседей и несколько табиров со свежесваренной пищей. В то время как мужчины сидят в кругу на площади, женщины (даже ближайшие родственницы покойного) могут смотреть только издали. Когда приготовления окончены, несколько мужчин выходит из круга, чтобы помогать ближайшим друзьям и родствен-

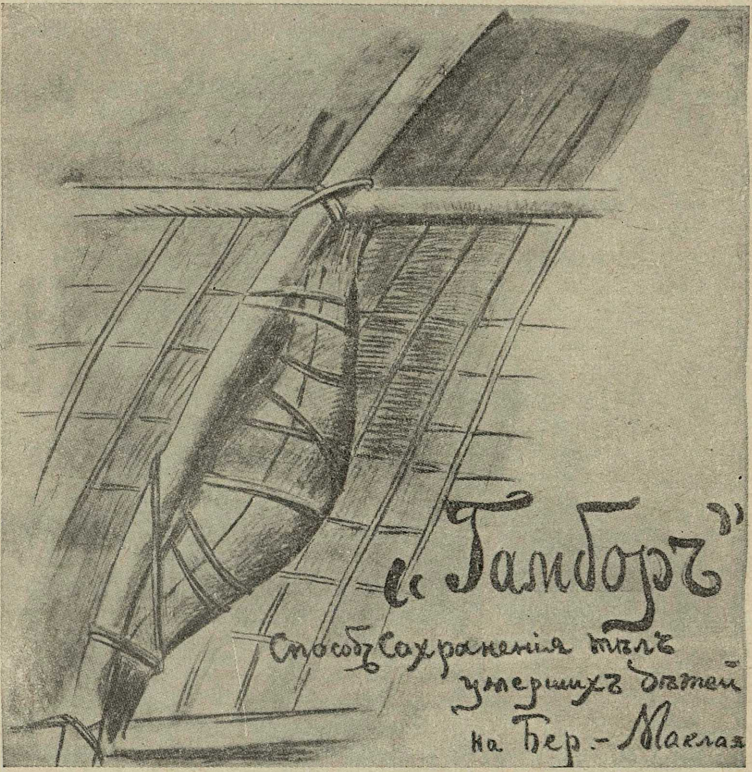

Рис. 16. Способ погребения детей.

никам умершего при дальнейшей процедуре. Труп завертывается в принесенные цыновки и очень искусно и крепко увязывается ротангом и лианами, так что получается хорошо упакованный сверток. Привязав тюк с покойником к крепкой палке, его относят обратно в хижину, палку прикрепляют под крышей хижины, а все его вещи, подарки и пищу ставят опять около трупа. После этого хижину оставляют, и гости возвращаются в свои деревни.

Несколько дней спустя, когда труп уже сильно разложился, его погребают в самой хижине, что, однако, не мешает родственникам продолжать жить в ней. Приблизительно через год выкапывают череп, отделяя его от остального скелета. Сохраняют, однако, не череп, а только нижнюю челюсть; ближайший родственник умершего нередко носит ее при себе в гуне или в виде браслета. Эта кость заботливо хранится как

память об умершем: мне удалось только после многих уговоров и ценных подарков убедить одного из моих соседей принести мне тайком нижнюю челюсть его покойного родственника.

Погребение ребенка или женщины, на котором я никогда не присутствовал, производится с гораздо меньшими церемониями: не бывает ни битья в барум, ни собраний соседей, ни показного боя.

Пояснительное примечание. Я мог бы на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их миросозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями и комбинациями. С некоторой ловкостью можно было бы сплесть интересную на вид ткань, в которой было бы нелегко отличить правду от вымысла. Такой образ действий, однако, мне противен; он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того не легкое для исследования поле воззрений и понятий расы, очень отдаленной от нас по степени своего культурного развития. Ведь, все догадки и привнесенные теории придают слишком субъективную окраску действительным наблюдениям и тем уменьшают ценность последних и затушевывают пробелы, которые должны служить как раз задачам дальнейших наблюдений для последующих исследователей.

Я сознаюсь вполне откровенно, что мое 15-месячное пребывание на берегу Маклая было недостаточно для того, чтобы составить несомненно правильное представление о религии и миросозерцании папуасов. Такое мое признание будет служить достаточным объяснением разрозненности последующих отрывочных заметок.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И О ДИАЛЕКТАХ ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ

Изучение первого папуасского диалекта [1] было сопряжено для меня с большими трудностями, так как не было лица, которое могло бы служить переводчиком для обеих сторон. Названия, которые я желал знать, я мог получить только или указывая на предмет или с помощью жестов, которыми я подражал какому-нибудь действию. Но эти два метода были часто источниками многих недоразумений и ошибок. Один и тот же предмет назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий в свою очередь — третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало «зеленый», третье — «грязь», «негодное», потому ли, что я, быть может, под-

[1] Список слов, составленный мною на берегу Маклая, я отослал в январе 1874 г моему глубокоуважаемому другу, акад. Отто Бетлингу в Петербург. Мне кажется однако, неуместным повторять здесь краткие заметки, приведенные мною в посланной в Европу рукописи, тем более, что мне до сих пор осталось неизвестным, появился ли этот список в печати или нет.

нял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами. [1]

Для ряда понятий и действий я никаким способом не мог получить соответствующих обозначений; для этого оказались недостаточными как моя сила воображения, так и моя мимика. Как мог я, напр., представить понятие «сны» или «сон», как мог найти название для понятия «друг», «дружба»? Даже для глагола «видеть» я узнал точное слово лишь по прошествии четырех месяцев, а для глагола «слышать» так и не мог узнать. К этому надо еще прибавить многочисленность наречий у моих соседей. Записывание слов в свою очередь представляло трудности. Я скоро убедился, что некоторые звуки папуасских языков я решительно не могу воспроизвести. Напрасно я делал к этому попытки и, хотя я явственно чувствовал разницу между папуасским и своим произношением, тем не менее, для меня было невозможно передать моим органом речи эти звуки. Наши гортани и вся мускулатура их были совершенно различны.

Не один только орган речи мешает правильной передаче чужого слова; орган слуха играет при этом более важную роль. Одно и то же чужое слово слышится различными лицами различно, и часто очень различно.

Таким образом, при записывании слов чужих языков открываются многие источники ошибок: 1) туземцы выговаривают слова не вполне одинаково; 2) записывающий воспринимает слова своим органом слуха, имеющим индивидуальные особенности; 3) прежде чем записать слово, он его произносит своим органом речи, имеющим также индивидуальные особенности; 4) произнесенное чужое слово он должен изобразить буквами известного ему языка, даже в том случае, если он различает явственно разницу звуков и знает, что буквы не подходят к слышанным звукам.

Все эти обстоятельства обратили мое внимание и очень мне досаждали, когда я занимался записыванием папуасских слов. Компетентные специалисты, языковеды, должны найти выход из описанных затруднений. [2]

Я думаю также, что чужие слова лучше всего можно записать на своем родном языке, так как на нем можно лучше определить, насколько точно буквы передают звуки. Потому я сначала записывал все папуасские слова по-русски, тем более что русский алфавит представлял в мое распоряжение ряд букв, казавшихся особенно подходящими для передачи некоторых папуасских звуков. [3]

[1] Что это случилось не со мною одним, я мог заметить из маленького списка, который был составлен одним из офицеров „Витязя" и который опубликовал Mayer (Tijdschrift voor Land-, Taal- en Volkenkunde, 20). Там, напр., для руки приведено слово „sakin", что значит браслет, для воды — „uae", что обозначает море. Череп назван „kumu", что значит черная краска для волос. При глаголе „есть" поставлено „inge", что значит „сваренные овощи", и т. д. Легко понять, как произошли эти недоразумения. Спрашивавший, желая знать название руки, показал случайно на то место, где носится сагю — браслет, и спокойно записал это слово, как название руки. Подобное же случилось и с другими словами.

[2] На Новой Гвинее я неоднократно вспоминал совет глубокоуважаемого покойного проф. Шлейхера — изучать сравнительно-анатомически органы речи различных рас; я думаю, что он был прав и что такое исследование могло бы привести к положительным и важным результатам. Функциональные различия настолько велики, что, вероятно, можно при помощи микроскопа установить и анатомические различия.

[3] Напр., звук, который можно по-немецки изобразить через „scht", по-русски выражается одной буквой „щ"; другой подобный звук „tsch", для которого в русском

Почти в каждой деревне берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы Только пожилые туземцы говорят на двух или трех наречиях, так как они проводили еще юношами некоторое время в чужих деревнях.

Мне много раз бросалось в глаза, что молодые люди не знали некоторых слов своего собственного диалекта; чтобы узнать название вещи, они шли в таком случае к какому-нибудь старому папуасу. Случается также, что при смерти стариков должны быть придуманы и введены новые слова. Папуасы спрашивали меня о названии каждой новой вещи, которой они раньше не знали и лишь впервые у меня увидели, и заучивали довольно скоро почти все сказанные им названия. Таким образом, в папуасских наречиях берега Маклая теперь встречается ряд русских слов, напр., топор, нож, гвоздь и т. д.

Многие слова являются звукоподражанием, напр., названия различных птиц и т. д.[1]

В наречиях берега Маклая встречается также ряд слов малайско-полинезийского происхождения, поразивших меня уже при поверхностном сравнении. Это обстоятельство кажется мне не лишенным значения тем более, что слова эти служат как раз для обозначения важных предметов.

Собранный мною список не превышал 300 слов с небольшим; это обусловливалось тремя обстоятельствами: 1) не будучи лингвистом, я заучивал только самое необходимое, тем более что узнавание слов, как я уже объяснял, было делом не легким; 2) за последнее время своего пребывания, когда я достаточно усвоил язык своих соседей, я забывал записывать многие, вновь выученные слова, а так как «Изумруд» пришел неожиданно, и я так же внезапно должен был оставить Новую Гвинею, то эти слова так и остались незаписанными и были потом мною забыты; 3) я убедился, что мое знакомство с языком было почти достаточным для того, чтобы поддерживать с туземцами ежедневное общение. Это последнее обстоятельство кажется мне особенно интересным; я знал приблизительно 350 слов (незаписанных и забытых слов, насколько

языке также имеется одна буква „ч"; наконец, часто встречался звук, который подходящим образом можно выразить буквой „ы", неизвестной ни в одном европейском языке, кроме русского.

[1] Один папуас дал мне наглядный пример, который я позволю себе здесь привести ради его оригинальности. Когда он сообщал мне названия для penis'а и для vagina, он помогал себе мимикой. Сперва он стал подражать девушке, которая при виде penis'а закрывает руками глаза и при этом протяжно вскрикивает „у". Затем сжал левый кулак и, казалось, с большим усилием стал просовывать указательный палец правой руки между пальцами сжатого левого кулака, повторяя многократно жалобным тоном протяжное „у"; потом, быстро вскочив, он неожиданно раздвинул ноги сидевшей поблизости девушки и вскрикнул громко и также протяжно „а"; возвращаясь, наконец, ко мне, он снова сжал левый кулак и просунул теперь уже одним толчком в него указательный палец правой руки, повторяя при этом с триумфом „а". Таким образом, название „у" дано, повидимому, девушками для обозначения penis'а, а название vagina „а" — мужчинами. Вот пример, как могут образовываться слова из чисто инстинктивного восклицания человека. (См. Дарвин. Происхождение человека, т. I, стр. 47.)

помню, было не боле 50) и нашел свои знания почти достаточными. Чтобы судить о своих успехах в изучении языка, я прибегнул к следующему способу: оставался иногда в какой-нибудь деревне целый день, а иногда и ночь, в обществе мужчин, женщин и детей и прислушивался к разговорам туземцев между собою. Я нашел при этом, что с течением времени я понимал их все лучше и лучше, и, наконец, оставались только отдельные слова, которые были мне неизвестны. На основании этого опыта я предполагаю, что у здешних папуасов имеется в употреблении, быть может, вдвое больше слов, чем стало известно мне, самое большее втрое, что составляет приблизительно около тысячи слов.

После того как я оставил берег Маклая, я заметил, что уже через короткое время (5—6 недель) почти все папуасские слова, которыми я пользовался в течение многих месяцев ежедневно, я мог припомнить лишь с большим трудом. Это меня очень удивило, так как память у меня вообще не слишком слабая.

ИСКУССТВО

Я собирал с особенным интересом все, что можно назвать зачатками искусства у папуасов, или, по крайней мере, срисовывал возможно более точно все, не исключая простейших и самых обыкновенных орнаментов. Я делал это главным образом на том основании, что обитатели берега Маклая жили еще в каменном веке, в состоянии, которое встречается с каждым годом где бы то ни было все реже и постепенно исчезает.

Орудия, изобретенные до сих пор папуасами, которыми они пользуются для произведений своего изобразительного искусства, можно разделить, как уже сказано, на две категории: во-первых, осколки кремня, раковины и кости; во-вторых, шлифованные каменные топоры.

Сопоставляя все достигнутое папуасами в смысле искусства, т. е. их орнаменты, рисунки и грубые статуи, можно разделить эти продукты фантазии и терпения на три класса:

во-первых, орнаменты в собственном смысле слова, нарисованные или вырезанные, представляющие только украшение и больше ничего;

во-вторых, орнаменты и рисунки, представляющие зачатки образного или идеографического письма;

в-третьих, орнаменты, рисунки и скульптура, стоящие в связи с суевериями и смутными зачатками религиозных идей у папуасов.

Орнаменты в собственном смысле

Орнаменты, покрывающие оружие, орудия и утварь папуасов, хотя мало разнообразны, но довольно оригинальны. Чтобы получить правильное представление об их характере, я взял на себя труд зарисовывать положительно все орнаменты, которые мне где-либо встречались. Я убедился, что они зависят в значительно большей степени от материала объекта, на который их наносят и который они должны украшать, и от инструментов, которыми они воспроизводятся, чем от силы художественной фантазии туземцев. Так как много орудий и утвари папуасов делается из бамбука и тростника, то орнаменты на этом материале составляют большую долю их орнаментов вообще. Гладкая поверхность бамбука и тростника особенно пригодна для нанесения прямолинейного орнамента, поэтому прямолинейность и составляет характерную особенность

большинства папуасских орнаментов. Эта особенность зависит, однако, вполне от свойств материала. Мне известно из опыта, как трудно чертить или нарезать на бамбуке круги и волнистые линии, тогда как прямые линии наносятся, наоборот, очень легко. Главное орудие для этой цели — острые осколки кремня и раковины. Ими насекают или выцарапывают тонкий орнамент на бамбуковых коробках для хранения извести, на палочках, заменяющих серьги, на тростниковых древках стрел, на бамбуковых гребнях и на многочисленных бамбуковых сосудах, составляющих хозяйство папуаса. Предмет, в орнаментации которого папуасы более всего проявляют свое уменье и свою фантазию, — это большой бамбуковый гребень, какой носят все мужчины. Орнаменты, вырезанные на бамбуке и зависящие, как сказано, от свойств материала, переносятся также, как наиболее распространенные и известные, на другой материал, напр., на дерево и глину. Папуас слишком ленив для того, чтобы придумывать что-нибудь новое, если условия позволяют ему не делать этого или даже поощряют его лень. Я неоднократно видел резьбу по дереву и орнаменты, выдавленные на глине, которые в точности воспроизводили орнаменты на бамбуковых изделиях. Но на деревянных изделиях иногда вырезаются и узоры иного рода, а именно — состоящие из кругов и волнистых линий. Так как дерево трудно поддается обработке первобытными папуасскими инструментами, то такие орнаменты встречаются редко. Они обыкновенно более сложны, чем резьба по бамбуку. Простой черты осколком кремня уже достаточно для того, чтобы на бамбуке получилась ясная линия, тогда как дерево, обрабатываемое тем же инструментом, требует для воспроизведения на нем узора сильного нажима, старательного вырезывания и скобления. При этом уже не принимается в расчет—требуются ли прямые или кривые линии, поэтому получаются и криволинейные орнаменты. Но так как на орнаменты по дереву папуасы употребляют больше времени и старания, то они и выходят тоньше и разнообразнее. Деревянные предметы, на которые наносится такой орнамент, — табиры, копья, барабаны. Подобные же узоры, но более крупные, вырезают на лодках и изредка на хижинах. При этом рисунок сначала грубо вырубается каменным топором, а затем отделывается при помощи острых осколков кремня.

Что степень художественности орнаментации зависит у папуасов главным образом от употребляемых для этого инструментов и что орнаменты довольно однообразны не от недостатка силы воображения или уменья, стало для меня очевидным, когда они начали собирать валявшиеся около моей хижины осколки стекла и без моего указания пользоваться ими как важным новым инструментом. Я мог убедиться, что вследствие этого возникали новые приемы и новые вариации некоторых видов орнамента по дереву. До тех пор пока я не ввел у них железных орудий и пока у папуасов не имелось ничего аналогичного настоящему ножу, их орнаменты нельзя было назвать резьбой в настоящем смысле этого слова. Естественно поэтому, что орнаменты по дереву у папуасов берега Маклая представляются менее дифференцированными и разнообразными, чем у других меланезийцев, которые уже пользуются железными орудиями, получая их от малайцев и европейцев. Теперь, когда и у папуасов имеются железные ножи и топоры, наступает и в этом отношении новая эра в их искусстве, и я не сомневаюсь, что новые и более сложные орнаменты вытеснят постепенно примитивные. Я рад, что у меня сохраняются точные копии с первых опытов изобразительного искусства у народа, жившего еще в 1871 г. в каменном веке.

Из утвари немалую часть составляют гончарные изделия, но так как все гончарное дело находится в руках женщин, а у женщин отсутствует либо интерес к изящному, либо художественный вкус, то все глиняные сосуды совершенно лишены орнамента. Так как глина—материал для орнаментации вполне подходящий, то отсутствие на ней украшений зависит, по-моему, исключительно от отсутствия художественного вкуса и фантазии у папуасских женщин. Много раз, осматривая гончарные изделия на о. Били-Били, я убеждался, что не недостаток времени был причиной отсутствия на них украшений, а отсутствие интереса к искусству. «Нет надобности» — так рассуждали женщины, но все же некоторые находили удовольствие в нанесении примитивного орнамента по краям горшков путем вдавливания ногтем.

Начатки идеографического письма

Многие рисунки, сделанные цветной глиной, углем или известью на дереве и коре и представляющие грубые изображения, показывают, что папуасы берега Маклая дошли до идеографического письма, хотя и очень примитивного. Почти все рисунки, виденные мною, относятся к этой категории; они долгое время служили для меня загадкой, пока один случай (не моя проницательность) не разрешил вопроса. Этот род произведений искусства носит совсем иной характер, чем первый—простые орнаменты. По большей части рисунки эти исполнены грубо, на скорую руку, и совершенно непонятны для постороннего. В соседней дер. Бонгу я нашел на фронтоне буамбрамры ряд щитов из влагалищ листьев саговой пальмы. Эти щиты были украшены грубыми рисунками наподобие иероглифов, изображавшими рыб, змей, солнце, звезды и т. п. в различных комбинациях. Эти 6 щитов сильно меня заинтересовали, но я не мог понять их значения. Открыл я их в первое время моего пребывания на Новой Гвинее, когда я не мог ни удовлетворительно объясняться, ни понимать по-папуасски, чтобы просить разъяснения. В других деревнях я также видел на стенах некоторых хижин рисунки, сделанные красной и черной краской; встречал подобные же фигуры на стволах деревьев в лесу, вырезанными на коре, но вследствие их простоты и в то же время разнообразия еще менее понятные. На больших лодках, приходивших с Били-Били, Ямбомбы и с о-вов архипелага Довольных людей, я тоже часто видел нарисованные и вырезанные фигуры в том же роде. Все эти изображения не были, повидимому, орнаментами в тесном смысле этого слова; однако их значение оставалось для меня неясным, пока однажды, много месяцев спустя, я не получил неожиданно разрешения загадки во время одного моего посещения Били-Били. Здесь по случаю спуска двух больших лодок, над которыми туземцы работали несколько месяцев, был устроен праздничный пир. Когда он близился к концу, один из присутствовавших молодых мужчин вскочил, схватил уголь и начал рисовать ряд примитивных фигур на толстой балке, лежавшей неподалеку на площадке. Фигуры эти были очень похожи на те, которым я уже давно искал объяснение. Я следил с любопытством за работой импровизатора-художника и скоро получил разъяснение рисунка, а одновременно и вообще фигур, значение которых мне долго представлялось загадкой.

Две первые фигуры, нарисованные туземцем, должны были изображать две новые лодки, стоявшие наполовину на берегу, наполовину в воде. Затем следовало изображение двух зарезанных для пира свиней,

которых несли двое мужчин привязанными к палке. Далее было показано несколько больших табиров, соответствовавших числу блюд с кушаньями, которые были предложены нам в этот день. Наконец, была изображена моя шлюпка, отмеченная большим флагом, две больших парусных лодки с о. Тиара (архипелаг Довольных людей) и несколько малых пирог без парусов, принадлежавших ближайшим соседям Били-Били. Эта группа должна была изображать присутствовавших на обеде гостей. Рисунок был мне подробно разъяснен художником и его друзьями, которые, следуя данному примеру, расцвечивали рисунок красной глиной и известкой. Изображение должно было служить воспоминанием о происходившем празднике; я его видел еще месяцы спустя. Мне стало ясно, что это изображение, которое с трудом можно было назвать рисунком, равно как и все изображения в том же роде, виденные мною раньше, должны быть рассматриваемы как зачатки примитивного образного письма, и мои последующие наблюдения только подтвердили такое предположение. Значение этих импровизированных рисунков неизвестно и непонятно другим, не бывшим при их начертании; они являются произведениями небольшой группы лиц и даже одного смышленого человека и относятся к какому-нибудь особенному событию. Так, напр., я не мог получить разъяснения рисунков в Бонгу.

После сделанного мною открытия я с большим интересом продолжал наблюдения в том же направлении. При всяком удобном случае я побуждал своих друзей зарисовывать разные события и скоро увидел, насколько различными выходят у них изображения самых обыкновенных вещей и насколько велика их условность, решительно не дающая возможности понимать это примитивное письмо посторонним. Приведу пример: мужчина изображался (даже одним и тем же художником), во-первых, в виде грубой человеческой фигуры; [1] во-вторых, в виде лица с глазами и большим ртом; в-третьих, в виде гребня с пучком перьев; [2] в-четвертых, в виде мужского полового органа. [3] Кроме этих четырех изображений понятия «мужчина», я уверен, было еще много других, или во всяком случае они могли существовать.

Подобными изображениями не ограничиваются мнемонические средства папуасов берега Маклая. В каждой деревне можно видеть висящие на деревьях и в буамбрамрах кости, [4] скорлупы кокосовых орехов, [5] пучки сухих листьев, [6] пустые корзины [7] и т. д. Все это должно напоминать о каком-нибудь событии, но смысл всего этого вполне понятен только жителям данной деревни, иногда лишь отдельным группам их и даже только единичным лицам. В каждой буамбрамре висят нижние челюсти

[1] Такое изображение уже само по себе очень варьирует. В одном случае оно было детально, можно было ясно различить физиономию, видны были даже 5 пальцев на каждой руке. В другой раз мужчину должен был изображать крест с кружком наверху; иногда не проводится даже поперечная линия, изображающая руки, пока, наконец, понятие о мужчине не выражается вертикальной линией.

[2] Гребнем с пучком перьев изображался полноправный мужчина (тамо) в отличие от молодых людей (малассн), не носящих пучков перьев, а лишь одно петушиное перо; малассн поэтому изображались в виде гребня с петушиным пером.

[3] Чтобы отличить мужчин от женщин, которые изображались в виде женского полового органа.

[4] На память о большом пире.

[5] На память о более скромном пире, для которого не резали животных.

[6] На память о посещении друга; обыкновенно их вешает сам же друг.

[7] На память о подарке, принесенном друзьями из другой деревни; обыкновенно вешают корзину, в которой принесли подарок, на ближайшем дереве в виде воспоминания, а отчасти и для того, чтобы напомнить об ответном подарке.

свиней и собак, черепа рыб, разных сумчатых и т. д., — на память о различных празднествах, удачной рыбной ловле, охоте и о посещении друзей. Это — настоящие календари прожитых месяцев и годов, которые, хотя и отмечают события очень наглядно и просто, однако, могут иметь значение лишь для отдельных лиц и большей частью только для одного поколения.

Резные статуи

К этой категории принадлежит немалое число скульптур, которых нельзя назвать собственно идолами, но которые во всяком случае представляют фигуры, стоящие в тесной связи с религиозными идеями папуасов. Почти в каждой деревне я видел такие телумы,[1] внимательно их осматривал, узнал их названия и зарисовал не менее двадцати штук.

Эти статуи представляют, по моему мнению, большой интерес, потому что они могут дать некоторые указания относительно родства между меланезийскими племенами.[2] Заслуживают они также особенного внимания и как художественные произведения каменного века. Я не намерен входить здесь в описание отдельных статуй, так как даже беглый набросок может дать лучшее о них представление, чем подробное описание.

Точные снимки с них я имею в виду опубликовать в своем иллюстрированном сочинении о береге Маклая. Здесь я отмечу только некоторые их особенности.

Телумы — это сделанные из дерева, реже из глины, изображения человеческих фигур обоего пола. Почти все они имеют своеобразные украшения на голове, а на мужских фигурах половые части достигают обычно огромных размеров. Почти у всех высунут язык, соединенный у многих фигур с penis'ом. В *Энглам Мана* я нашел своеобразный телум, представлявший человеческое тело с головой крокодила, на которую была надета в виде шляпы черепаха. В этой же деревне оказался еще один телум, бросившийся мне в глаза; то была человеческая фигура, державшая в обеих руках таблицу, покрытую различными знаками. При ближайшем расспросе я узнал, что это была копия со старинного телума; знаки на таблице представляли, вероятно, непонятые фигуры оригинала. У всех фигур нос был продырявлен, как у папуасов. Каждый телум, а их во всякой деревне имелось несколько, носит свое особое название.

Значения этих деревянных статуй я не мог вполне выяснить. Как сказано выше, они, наверное, находятся в некоторой связи с религиозными представлениями. В некоторых горных деревнях я нашел большие камни, почитаемые как телумы. Если рассматривать эти изображения с точки зрения искусства, то они также доказывают художественные способности папуасов, их большое терпение, равно как и путь, которым простой орнамент переходит в барельеф, а затем через горельеф в статую. Папуасское искусство каменного века доказывает вполне эту последовательность. Я много раз наблюдал различные стадии изготовления этих фигур, причем нередко такие фигуры остаются незаконченными.

[1] Название этих деревянных фигур на наречии дер. Бонгу.

[2] Это, наверное, то же самое, что и так называемые „корвары" в Дорэ (Голландская Новая Гвинея).

О СУЕВЕРИЯХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОБЫЧАЯХ

Приведу отдельные наблюдения, не вдаваясь в разъяснения и предположения.

Привожу выдержки из моего дневника.

...Я подошел со своими спутниками к дер. Теньгум-Мана. Желая отдохнуть (было очень жарко), я остановился на несколько минут в тени; в это время один из моих спутников сломил ветку со стоявшего по соседству дерева и, отвернувшись в сторону, что-то над ней нашептывал некоторое время, потом обошел всех членов нашей компании, причем немного поплевал каждому на спину и дал веткой несколько ударов. Вслед за этим он пошел в лес и зарыл эту ветку в самом густом месте, под хворостом и сухими листьями.. Ветка эта должна была защитить нас от всякой измены и опасности в Теньгум-Мана.

...Когда мы, я и мои папуасские друзья, утром были готовы к выступлению и когда наш хозяин закончил приготовление завтрака, я заметил, что он долго нагибался над горшками с таро и бататами, долго шептал над ними и продолжал что-то говорить, раскладывая кушанье по табирам. Потом он сплюнул на обе стороны и перебросил за спину несколько кусков сваренных плодов. Туземцы держали себя серьезно и молчали во время этой процедуры. На мой вопрос: «Что это значит?» я получил ответ: «Это делается для того, чтобы мы благополучно дошли до дому и чтобы люди Энглам-Мана, которые будут нас провожать, счастливо вернулись в свою деревню»... Я бросил несколько кусков пищи, покрытых муравьями, на землю; сидевшие рядом со мною папуасы просили меня этого не делать, так как здесь нет собак, которые бы их съели; если же куски бау будут так валяться, то кто-нибудь из нас может умереть.

..Особенно они испугались, когда я бросил остатки кушанья в огонь! Позднее при другом таком же случае мне сказали, что много людей умерло от того, что враги последних, сидя за их очагом и бросая что-то в огонь, сделали огонь[1] вредоносным.

...У Богге (мужчина из Энглам-Мана) болел живот. Он ходил меланхолично взад и вперед и держал в руке зеленую ветку. При каждом повороте он говорил что-то долго ветке и, продолжая ходить, ударял себя слегка веткой по животу и по пояснице. Повторив эту операцию много раз, он закопал ветку в землю.

...Бугай пришел в Бонгу, когда я был там, чтобы взять у Саула[2] лекарство для своей больной жены. Он дал Саулу сахарного тростника. Саул взял, сделал несколько шагов в сторону и начал шептать над тростником, что не мешало ему (так как его шептанье продолжалось долго) принимать участие в беседе присутствовавших и время от времени самому вставлять слово. Наконец, он завернул сахарный тростник в лист и передал его Бугаю, который отправился довольный домой. Саул сказал мне, что это был «оним» (лекарство) для жены Бугая, больной лихорадкой.

...В Горенду меня опять настойчиво упрашивали приказать дождю перестать, так как от этого сильно страдают плантации. В сотый раз я

[1] Это „что-то" может быть плодами, листьями, дровами и т. п. — всем, что, благодаря заклинаниям, приобрело особую, вредную или полезную силу.

[2] Не только у моего доброго приятеля Саула из Бонгу было семитическое имя но я встретил здесь также имена: Каин, Саломея, Гассан и др.

повторял, что этого не могу, но мне продолжали возражать и упрекать меня в том, что «Маклай не хочет».— «Так я еще раз сегодня попытаюсь»,—сказал один туземец. Он взял кусок корня «ли» (*Zingiber officinale*) и, бормоча себе что-то под нос, начал его жевать, потом вынул кусочек разжеванного корня изо рта и, завернув его в лист, бросил в огонь. Выйдя затем из хижины и продолжая говорить, он поворачивался поочередно к каждой из четырех сторон света, выплевывая при этом жвачку.

...В Били-Били я много раз видел туземцев, стоявших на берегу и произносивших какое-то заклинание, чтобы прекратился «караг» (сильный норд-ост).

...Туй пришел сегодня ко мне и жаловался, что в Бонгу нет больше бау для еды и что бау очень плохо растет; в этом виноват, продолжал он, один человек, у которого умер сын. Когда я пожелал узнать, какое отношение имеет смерть ребенка к урожаю бау, Туй сказал мне: «Да старик зол на всех и сделал оним, чтобы люди Бонгу не ели бау, так как его сын не будет уже его есть».

...И здесь я нашел широко распространенное поверие, что снимание портрета влечет за собою смерть; только сравнительно значительными подарками мог я побороть страх мужчин (но не женщин).

Мне пришлось бы зайти слишком далеко, если бы я начал приводить все примеры суеверий; я удовольствуюсь поэтому только приведенным.

Т а б у.[1] Существование табу стало мне особенно ясным благодаря ряду запретов, которыми опутаны женщины. Они не смеют ходить в буамбрамру, не могут присутствовать почти на всех празднествах, и все кушанья, приготовленные для пиров, равно как и напиток кеу, строго запрещены женщинам и детям. Места для сборищ мужчин, музыка, даже слушание музыки и все музыкальные инструменты для женщин также табу. Как только дети или женщины услышат поблизости ай[2] (музыкальный инструмент), они должны бежать. Ай вносят в буамбрамру и выносят из нее только тщательно завернутыми, чтобы женщины или дети как-нибудь их не увидели. Я спрашивал папуасов много раз, почему женщины не смеют присутствовать при ай. «Нельзя, женщины и дети заболеют и умрут» — был неизменный ответ мужчин, которые были действительно в этом уверены (по крайней мере некоторые).

МУЗЫКА И ПЕНИЕ

Прежде чем перейти к празднествам папуасов, я должен сказать несколько слов о музыкальных инструментах.

1) А й-К а б р а й — бамбук длиной около 2 м и больше, поперечником около 50 мм; перегородки в его междоузлиях удалены, так что весь

[1] Вот пример моего недостаточного знания папуасского языка. Несмотря на все старания, мне не удалось узнать туземного названия „табу"; мне нехватало слов или папуасам недоставало способности выразить ясно и объяснить мне то, что я желал знать. Что обычай табу существует на Новой Гвинее и там соблюдается, для этого у меня есть много доказательств лично мне страх нарушения табу был много раз весьма полезен.

[2] А й — общее название празднеств, устраиваемых в лесу, в которых могут участвовать только мужчины: о них я буду говорить более подробно после. Ай называются также почти все музыкальные инструменты, употребляемые тоже только мужчинами.

бамбук представляет одну длинную трубу. Бамбук берут в рот, причем большой размер отверстия, повидимому, нисколько не затрудняет папуасов; они в него дуют, кричат, воют, ревут и т. д. Целыми часами упражнялись в этом папуасы на своих праздниках, и звук инструмента, похожий на многоголосый вой, можно было слышать на берегу в тихие ночи, если не было противного ветра, на расстоянии 2—3 миль. Кабрай на папуасском языке значит попугай с громким и крикливым голосом.

2) Мунки-ай — такой же простой и такой же уши раздирающий инструмент. Это — скорлупа мелкой разновидности кокосового ореха, продырявленная сверху и сбоку. Дуя в верхнюю дыру и попеременно закрывая и открывая пальцем боковые отверстия, производят очень пронзительные и свистящие звуки. Часто мунки-ай украшены художественным, тщательно вырезанным орнаментом.

3) Холь-ай—кривой или прямой духовой инструмент вроде трубы из выдолбленной тыквы (*Lagenaria*). На нем играют подобно тому, как и на ранее описанных.

4) Орлан-ай — состоит из ручки, к которой прикреплен ряд шнурков с висящими на них пустыми и просверленными скорлупками орехов орлана. При встряхивании скорлупки приходят в соприкосновение и производят стук и треск, который можно изменять, увеличивая или уменьшая число скорлупок и скорость движений; от глухого шума, похожего на шелест листьев, можно переходить к сильному crescendo, и в этом варьировании темпа папуасы находят большое удовольствие.

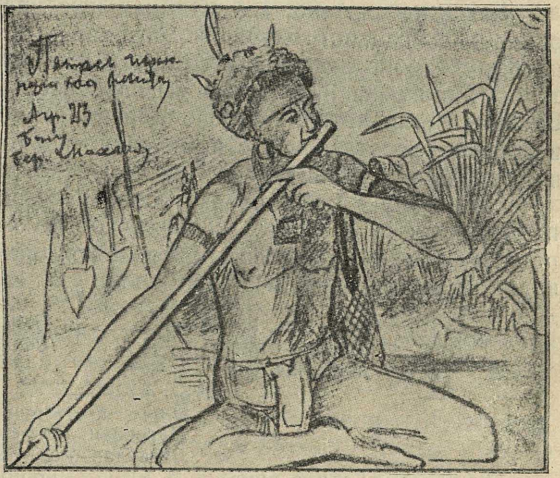

Рис. 17. Папуас, играющий на флейте.

5) Окам — барабан из выдолбленного древесного ствола; верхняя часть его затянута кожей монитора, нижний конец остается открытым. Окам — излюбленный инструмент папуасов; по нему барабанит сам плясун во время пляски; вместе с тем окам может служить образцом папуасского искусства, так как приготовление его требует много труда.

Кроме того, папуасы умеют применять и многие другие предметы в качестве музыкальных инструментов. Так, они пользуются различными листьями, держа их между сложенными чашкой ладонями, и дуют в оставшееся между большими пальцами отверстие.

На тех празднествах, на которые допускаются женщины и дети, из музыкальных инструментов могут быть употребляемы только окамы. В качестве музыкальных инструментов пользуются еще междоузлиями бамбука, которыми барабанят по толстым древесным стволам, а также палками разной величины из различных древесных пород, которыми бьют одна о другую. Чем резче и громче тон, тем более он нравится. Так, напр., пронзительный звук моего свистка пришелся очень по вкусу

папуасам, и когда они устраивали свои концерты, то почти всегда просили меня принять в них участие.

Вышеназванные инструменты употребляются только во время празднеств, устраиваемых в лесу, и ими никогда не пользуются в другое время. Но т ю м б и н — бамбуковая флейта в 50—60 см длины и в 20—25 мм в диаметре — является любимым инструментом папуасской молодежи (маласси). Ее делают из междоузлия бамбука, сохраняя верхнюю и нижнюю перегородки; в нем имеется вверху и внизу по небольшому отверстию. Любители музыки не расстаются с тюмбинами и постоянно играют на них в одиночку или несколько человек вместе. Сигнальным инструментом служат раковины *Triton*, просверленные с одной стороны. Посредством их, напр., оповещают о прибытии или отплытии лодок, приходящих с Били-Били или с архипелага Довольных людей.

Как уже сказано, все музыкальные инструменты, кроме тюмбина, окама и сигнальной раковины, составляют табу для женщин и детей, которым строго запрещено слышать и видеть их. Достаточно звука хотя бы одного из них, чтобы выгнать всех детей и женщин из деревни. Вообще ай хранятся, подобно деревянным статуям, как нечто священное, и туземцы расставались с ними очень неохотно и лишь в виде исключения, когда я выменивал их для своей коллекции.

Пение (мун) здешних папуасов чрезвычайно просто. Песни, которые поются соло или хором, состоят только из немногих слов, иногда из одного слова, которое все повторяется, причем мелодия очень мало варьирует. Приведу несколько примеров:

Бом, бом, мараре,
Мараре, тамоле,
Мара, мараре,
Бом, бом, мараре...
Мараре, мараре...
Бом, бом, мараре...[1]

.

О-о-о-о-е-е-е-е-е-е
Мареолан о-о-о-е-е
Лалаулан о-о-о-е-е...[2]

Горима рима...
Рима... и т. д.
Горима рима...[3]

Это почти всегда импровизации, поводом для которых служат некоторые занятия, прибытие гостей и даже совершенно незначительные случаи. Более длинных песен я не слыхал.

ПРАЗДНЕСТВА И ПИРЫ ПАПУАСОВ

Время от времени папуасы устраивают большие пиры, характер которых несколько разнообразится в зависимости от места и времени года. Так как по желанию папуасов я присутствовал почти на всех пирах в трех соседних деревнях (Гумбу, Горенду, Бонгу) и каждый раз видел что-нибудь особенное и своеобразное, то я затрудняюсь дать общую картину этих пиров.

Празднества и все, что к ним относится, называются, как уже сказано, на наречии моих соседей ай. Ряд ударов в барум в известной по-

[1] Саго, саго делают,
Делают мужчины,
Делают, делают,
Саго, саго делают...

[2] Мареолан и Лалаулан — собственные имена.

[3] Горима — название одной прибрежной деревни.

следовательности возвещает соседним деревням о начале пира. Заново раскрашенные и увешанные украшениями папуасы собираются один за другим в известном, предназначенном для пиров месте около деревни. Маласси выносят из буамбрамры посуду и музыкальные инструменты. Приносятся корзины, наполненные бау и аяном; каждый мужчина деревни доставляет известное количество продуктов, которые он сам приносит на место и высыпает в общую кучу. Появление каждого, доставляющего свой взнос, встречается восклицаниями, сила крика соответствует дару.

Наконец, появляется главный объект пира — свинья, которую несут привязанной к палке двое мужчин.[1] Богато украшенную цветами (преимущественно красными цветами *Hibiscus*) свинью встречают громкими радостными криками и кладут на землю, после чего один из тамо, сказав довольно длинную речь, убивает свинью ударом копья. Напротив того, собак, которых также нередко едят во время пира, убивают иначе, именно — схватив за задние ноги и разбивая голову о ствол дерева. Кур, крыс, маленьких кускусов и других сумчатых убивают тем же способом. Убив свинью, ее палят на жарком огне, после чего тушу разрубают на разложенных на земле банановых листьях. Этот труд берут на себя несколько тамо, которые рубят кости своими каменными топорами и разрезают мясо бамбуковыми ножами. К этому времени молодые люди уже должны построить помост для варки. Он делается из положенных в два ряда бревен, подпертых камнями и предназначенных для установки горшков над огнем. Так как каждому участнику пира полагается отдельный горшок, то нередко на помосте скопляется до сорока—пятидесяти горшков, каждый приблизительно 30 см в диаметре. При всех этих приготовлениях папуасы проявляют значительную сообразительность и знание преимуществ разделения труда.

Я часто удивлялся, как быстро и целесообразно все приготовлялось, без всякой толкотни и крика. Одни устраивали помост, другие ставили горшки, третьи были заняты собиранием и ноской дров, некоторые носили воду из соседнего ручья, другие приносили в бамбуковых стволах морскую воду. Каждая группа имела свое занятие: один клал в горшки по сухому листу (большей частью *Artocarpus*), чтобы кушанье не пригорало; другой наливал пресной воды; еще один приливал немного морской, в то время как другие наполняли наполовину горшки бау и аяном.

За это время тамо распластывали тушу, и каждый, вызываемый по имени, получал свою порцию, сообразно своему возрасту и положению. Тамо из соседних деревень получали самые большие части. Кроме того, участники пира давали один другому подарки в доказательство своей дружбы.

Розданные куски клались в соответственные горшки, которые после этого наполняли доверху разными сортами овощей. Затем горшки покрывались листьями и скорлупой кокосового ореха. Теперь начиналось разведение огня, совершавшееся также систематически, как и все прочее. Один клал сухие поленья, другой приносил еще дров для подкладывания в огонь и колол их, третий зажигал огонь, отдельно под каждым горшком. Нередко костер, разведенный под помостом, достигал более 30 шагов длины.

[1] Папуасы умеют очень ловко привязывать этих животных к палкам; животное висит вытянутым, спиной кверху, ноги и хвост прикреплены очень крепко к палке ротангом. В этом относительно удобном положении животные выдерживают целые дни.

Хотя у всех было свое дело, тем не менее каждый находил время в промежутки между делом позабавить общество музыкой, так что с самого начала пира, не переставая, раздавались рев, свист, трескотня погремушек и т. д., что немало способствовало общему веселью. Когда зажигался костер, начиналось новое занятие. Приносились зеленые кокосовые орехи для приготовления любимого десерта — м у н к и-л я. Сняв с орехов волокнистую оболочку, их раскалывали пополам и собирали находившуюся в них жидкость в табир. Расколотые половинки раздавались присутствующим, и каждый начинал скоблить орех своим яруром и бросать натертое в табир, смешивая с молоком кокосового ореха, пока табир не наполнялся кашицеобразной белой массой до краев. Одновременно начиналось приготовление напитка кеу.[1] Свежие листья и молодые ветки просто жевались, старые, твердые корни разбивались и разрыхлялись камнем; все молодые люди в это время представляли собою жевательные машины. Набрав полный рот, они работали зубами, как настоящими жерновами, с сильным напряжением жевательных мышц. Если кто-нибудь уставал раньше, чем масса была достаточно размягчена, то он выплевывал ее себе на руку, скатывал из нее комок и передавал другому, чтобы тот довел жевание до конца. Часто для жевания пользуются мальчиками: молодые люди идут в деревню, заставляют мальчиков, не имеющих права участвовать в ай, нажевать кеу и приносят нажеванное обратно на место пира. Один тамо делал тем временем аппарат для фильтрования кеу, состоящий из двух скорлуп кокосового ореха, из которых верхняя образует воронку, а нижняя, бо́льшая, служит резервуаром. Вместо фильтра кладут над отверстием немного мелко истертой травы. Молодые люди — «жевательные машины» — подают один за другим комки разжеванного кеу, смоченные, как можно обильнее, слюной; тамо отжимает эти комья рукой в воронку. Часто тамо отдает молодому человеку обратно выжатую массу для повторного смачивания слюной или смачивает сухую массу водой, чтобы еще раз ее выжать. К фильтрату, представляющему серо-зеленоватую массу, приливают немного воды и потом дают постоять. Проголодавшись за время приготовления и желая, повидимому, заглушить голод, папуасы производят еще более шумную музыку. Наконец, из деревни раздаются 2—3 коротких удара в барум — это знак, что пища готова.

Пир устраивается всегда по строго определенной программе. Прежде всего собираются все тамо и несколько, но отнюдь не все, маласси и окружают приготовляющего кеу и его аппарат. Рядом очищают на небольшом пространстве землю от травы и сухих листьев, и один из присутствующих делает своим копьем несколько неглубоких ямок в земле. Каждый, кто пьет кеу, имеет для этого напитка особую чашку, которую хранит в гуне. Это — скорлупа маленького кокосового ореха, покрытая с наружной стороны орнаментом и окрашенная в черный цвет. Внутренняя поверхность чашки покрыта зеленовато-серым налетом кеу. Это — результат обычая, не допускающего мытья и чистки чашек для кеу.

[1] Ближайшее исследование привезенных с берега Маклая листьев кеу и сравнение их с листьями растения кава, полученными мною из Апии (Уполу, архипелаг Самоа), побудили д-ра Шеффера (директора Ботанического сада в Бейтензорге) формулировать свое мнение следующим образом: доставленные с берега Маклая растения кеу принадлежат к двум различным видам *Piper*; ни один из них не тождествен с кавой с о-вов Самоа; остается, впрочем, вопрос, действительно ли листья, присланные с Уполу, принадлежат *Piper methysticum*. Во всяком случае три растения (два с берега Маклая и одно с архипелага Самоа) — три разных вида.

12.
„Ай"
Бер. Мак.

Чашки ставят в ямки, сделанные копьем в земле, и из большой чаши разливают по ним густую серо-зеленую жидкость. Перед тем, как пить кеу, сидящие кругом папуасы плюют, кашляют и чистят различными способами рот. Сперва подают чашку самому старому тамо, потом — остальным, по очереди, устанавливаемой в зависимости от почета, каким каждый пользуется в своей деревне или у своих соседей.

Напиток кеу очень горек; это показывают уже разнообразные гримасы, которые делают папуасы, когда его пьют. Большинство пьющих кеу встает и, осторожно держа в руке свои полные до краев чашки, отходит к краю площадки, где, отвернувшись от остальных и сдвинув свои мали немного в сторону, опорожняет чашки и одновременно мочится. Этот обычай особенно строго соблюдается стариками. Пища, переложенная в это время из горшков в табиры, занимает теперь все общество. Утолив голод, принимаются за тертый кокосовый орех — мунки-ля.

В обычае предлагать друг другу самые вкусные куски. Так, напр., очень ценимая свинина раздается только маленькими порциями (туши должно хватить на две-три деревни), потому гости предлагают один другому кусочки мяса, чтобы выразить этим свою особенную дружбу. Если свинья особенно мала, то мясо ее получают только тамо; в этом случае свинина запрещается всем малассп, — она для них табу, и молодые люди ни за что не возьмут ее ни кусочка. Они убеждены, что если нарушат это запрещение, то заболеют или с ними случится какое-нибудь несчастье. Для них оказываются запрещенными даже овощи, сваренные в одном горшке со свининой, подобно тому как все сваренное или поедаемое на месте пира запрещено женщинам и детям. В заключение празднества жуют бетель и курят.

Выше я забыл упомянуть о табаке и пинанге, хотя оба обычая — жевать пинанг и курить табак — очень распространены на берегу Маклая. Арековая пальма не растет обильно на берегу; кроме архипелага Довольных людей и некоторых горных деревень, она редко где встречается. Процедура жевания пинанга следующая: разжевав пинанг, туземцы берут отточенной костью, хранимой в бамбуковой коробке или в сосуде из тыквы (калебасе), немного извести и кладут ее в рот, снимая зубами с кости, после чего жуют листья сири.

Хотя табак (туземное название «казь») здесь хорошо растет и разводится в большом количестве по всему берегу, тем не менее папуасы очень любили и высоко ценили привезенный мною прессованный американский табак. Почти при каждом празднестве я дарил им табак. После еды его разрывали на листочки, сушили над огнем, разделяли на мелкие кусочки и делали сигаретки, завертывая табак в листья, также высушенные на огне. Часто также употребляли этот табак в смеси с туземным. При курении папуасы глотают дым и выпускают его через нос. Одна сигаретка обходит кругом ряд курильщиков.

Завзятые любители музыки продолжают и после еды свои упражнения, тогда как другие, нетвердо держащиеся на ногах от кеу или отягченные слишком обильной пищей, ложатся и скоро засыпают. Другие, также осовевшие, хотят все-таки бодрствовать, что им стоит большого труда, так как их веки то и дело смежаются. Против этого папуасы изобрели, однако, одно средство, обыкновенно помогающее. Сонливый любитель кеу обращается к приятелю, который предпринимает следующую операцию: травкой он раздражает роговицу и конъюнктиву до тех пор, пока глаза сони не наполняются слезами. Операция повто-

ряется несколько раз, после чего, по уверению папуасов, сонливость проходит. Операция считается очень приятной, но помогает ли она всегда, — это другой вопрос.

Случается, что туземцы не довольствуются одним пиром и посредством новых приношений или совместной рыбной ловли добывают провизию для нового пира. При ай главное — еда, а музыка служит главным образом средством отделаться от надоедливых женщин, которые привыкли верить в ее дурное на них действие.

В ноябре и декабре, когда одни овощи уже кончились, а другие еще не поспели, и папуасам приходится меньше работать на плантациях, устраивается другой ряд праздников. Одни, доступные также только мужчинам, называются «ай-мун»; другие, устраиваемые в деревне, на которых разрешается присутствовать женщинам и детям, носят название «сель-мун». На ай-муне имеют место своеобразные маскарады. Приносятся на место праздника свеже окрашенные айдоганы,[1] которые играют при маскарадах выдающуюся роль. Ай-мун продолжается несколько дней, причем мужчины бывают особенно возбуждены. День и ночь продолжаются шествия масок, прерываемые только для еды и музыки. Иногда участники ай-муна отправляются в полном составе в другую деревню, где происходит сель-мун, причем между ними и мужчинами, участвующими в сель-муне, устраивается показное сражение. Меня так заинтересовали эти празднества, что однажды я почти не спал три дня и две ночи, чтобы присутствовать на одном из них в качестве зрителя. Однако рамки настоящих заметок не позволяют мне дать описание всего виденного.

«Место Уединения» на берегу Маклая на Новой Гвинее, 1872 г.
«Тампат-Сусса», Кампонг Эмпанг, около Бейтензорга, ноябрь 1873 г.

[1] Очень длинные телумы, состоящие из нескольких фигур, одна на другой, вырезанных из одного бревна.

ОТНОШЕНИЕ ЧИСЛА ЖЕНЩИН К ЧИСЛУ МУЖЧИН У ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ

В Бонгу число взрослых мужчин было 32, между тем как женщин было 44. На самом же деле отношение было другое, так как между мужчинами было много молодых людей, еще неженатых, тогда как все женщины, без исключения, были замужем. Вообще, во все мое пребывание на Новой Гвинее и в путешествиях по островам Тихого океана я не встретил между женщинами темных рас ни одной, которая бы оставалась девушкой, достигнув зрелости. Старых дев в тех краях не имеется, мужчины без жен также очень редко встречаются; есть старики, которые, похоронив несколько жен, под старость остаются жить одни, но таких мало — большинство берет себе жен.

В Бонгу 76 жителей (взрослых) помещались в 88 хижинах.

О БРАХИКЕФАЛИИ У ПАПУАСОВ НОВОЙ ГВИНЕИ

Весьма малое время, которое оставляют мне мои путешествия, дает мне право, вместо подробного рассмотрения этого антропологически интересного предмета, сообщить только несколько выдержек из отдельных писем, писанных мною в разное время.

Уже полтора года тому назад, в письме к акад. К. Э. фон-Бэру, я высказал предположение, что не все папуасы Новой Гвинеи долихокефалы. Позднейшие наблюдения превратили мое предположение в факт. С Гессира (небольшого острова близ Серама) я писал от 19 февраля 1874 г. проф. Р. Вирхову, между прочим, следующее:

«Когда перед моим вторым путешествием на Новую Гвинею, упаковывая в Бейтензорге свои коллекции, я вскрыл один ящик, о существовании которого я совершенно забыл, то в нем оказались 3 черепа, полученные мною в последние дни моего пребывания на берегу Маклая, в декабре 1872 г. Два из них принадлежали жителям горной дер. Энглам-Мана, а третий — мужчине из прибрежной дер. Гумбу.

Черепа эти замечательны своей брахикефалией и значительно превышают средние размеры, указанные мною в «Антропологических заметках о папуасах берега Маклая».

Приведенный там указатель ширины черепа составлял в среднем 77; это отношение дало мне основание признать папуасов Маклаева берега также долихокефалами.

Напротив того, новые черепа показывали:

1) череп из Энглам-Мана, указатель ширины 82.58
2) череп из Энглам-Мана, указатель ширины 86.45
3) череп из Гумбу, указатель ширины 81.21

Эти три цифры позволяют сделать заключение, что между папуасами Маклаева берега встречаются как брахикефальные, так и долихокефальные и что долихокефалия не составляет характерного признака новогвинейских папуасов».

Мое второе пребывание на Новой Гвинее, на берегу Папуа-Ковиай, в феврале—мае 1874 г., дало тому дальнейшее подтверждение. Между измеренными черепами (около 30) нашлось несколько с весьма значительным показателем — 78.2, 78.9 *, 79.1 *, 79.7, 80.2, 84.0. (Звездочками обозначены мужские черепа.) При этих измерениях я заметил, что женские черепа выказывают большую склонность к брахикефалии. На том же берегу находились и очень долихокефальные папуасы (один житель о. Наматоте имел указатель, равный даже 62.0).

Указатель ширины черепа папуасов Новой Гвинеи варьирует, следовательно, между 62.0—86.4, и эти числа, вероятно, еще не определяют пределов вариаций папуасского черепа.

Отсюда вывод, что исследование папуасского черепа подтверждает вообще признанное теперь правильным положение, что размеры черепа дают важный, но не решающий признак для различения расы.

14 октября 1874 г.
Богор

СЛЕДЫ ИСКУССТВА У ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Следующая небольшая заметка представляет несколько строк текста, сопровождаемого рисунками орнаментов, употребляемых племенем,

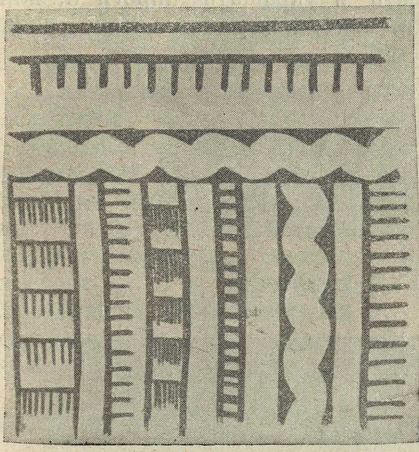

Рис. 18.

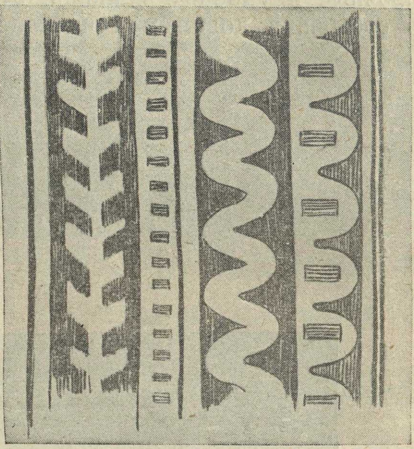

Рис. 19.

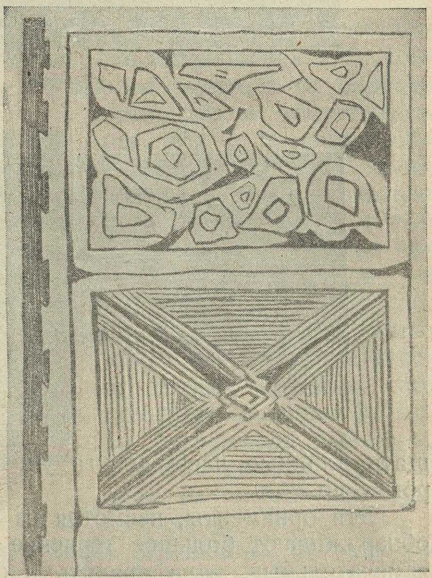

Рис. 20.

сохранившимся до наших дней в периоде каменного века, одном из самых первобытных состояний цивилизации.

Это и было главной причиной, побудившей меня сохранить для истории искусства точную копию его первых проявлений.

Во время моего пребывания на северо-восточном берегу Новой Гвинеи,[1] в течение 1871—1872 гг., эти первые фазисы развития искусства не ускользнули от моего вниманя; я старался снять как можно точнее все орнаменты, которые я только мог найти. Эти орнаменты казались мне тем более интересными, что они были произведениями народа, находящегося еще в том первобытном состоянии, которое с каждым годом все более и более исчезает.

Папуасы берега Маклая в настоящее время (1871) незнакомы ни с одним металлом, и все орудия и оружие, употребляемые ими до настоящего времени, сводятся к трем категориям:

[1] Этот берег называется теперь берегом Маклая.

1) куски камней, раковин и костей;

2) обточенные камни и заостренные на конце кости (топоры и кинжалы);

3) палки разной величины и толщины, оканчивающиеся острием (орудия земледелия, копья и стрелы).

С помощью этих первобытных орудий они умели, однако, строить прочные и удобные жилища, отделывать и украшать пироги и, живя в состоянии довольства и беспечности, находили удовольствие посвящать длинные часы досуга украшению оружия, домашней утвари, пирог и пр.

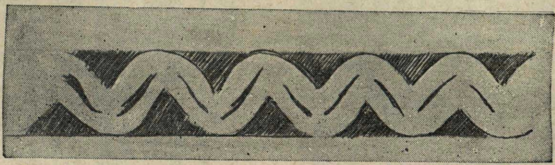

Рис. 21.

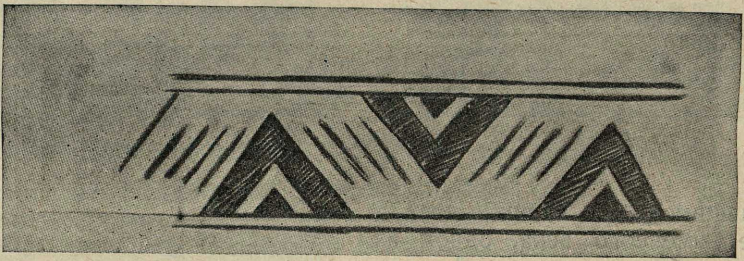

Рис. 22.

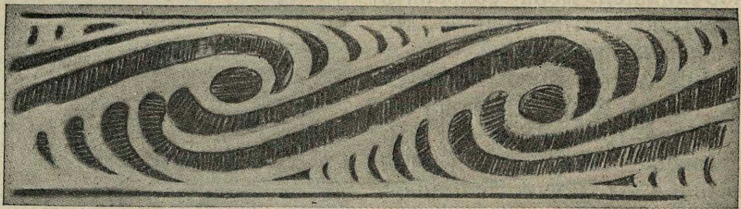

Рис. 23.

Эти орнаменты, несмотря на простоту, не лишены оригинальности и обнаруживают большое терпение и громадный труд папуасов, особенно замечательные, если принять в соображение те орудия, которыми они пользуются при работе.

При ближайшем рассмотрении попавшиеся мне рисунки, скульптура и резьба могут быть разделены на несколько разрядов:

1) орнаменты в собственном смысле;

2) орнаменты, представляющие первые зачатки образного письма;

3) орнаменты и скульптура, связанные с религиозными идеями.

Приложенными здесь рисунками я имел цель только показать характер орнаментов в точном смысле этого слова, предполагая впоследствии заняться другими видами искусства папуасов. В условиях первобытного общества характер орнамента по необходимости более всего зависит от имеющегося в распоряжении материала.

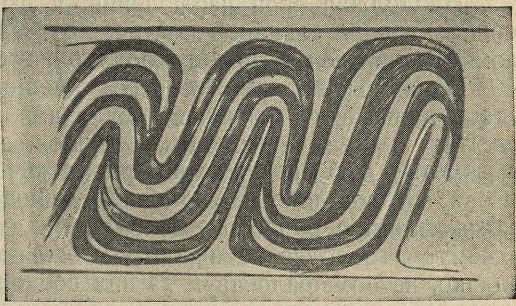

Рис. 24.

Большая часть домашней утвари, употребляемой папуасами, сделана из бамбука, а гладкая поверхность последнего представляет б о л ь ш о е удобство для изображения только прямых линий, но отнюдь не кривых, почему большая часть рисунков папуасов состоит из первых, т. е. линейных изображений, объясняемых исключительно употребленным для этого материалом.

Изощряя свое искусство, прежде всего, на бамбуке, папуасы воспроизводят затем эти же самые рисунки и на других материалах.

Не один раз я наблюдал одни и те же рисунки на бамбуке, дереве и на некоторых вещах из обожженной глины, хотя последний материал представляет большие удобства и для всяких других видов орнамента.

Однако и здесь встречаются исключения. Я видел куски дерева, покрытые гораздо более сложными рисунками, где встречались как кривые линии, так и круги и спирали, но это вполне зависело от свойств материала и объяснялось тем, что с помощью обломка кремня легко получить весьма заметную прямую линию на бамбуке, тогда как на дереве целой сотни штрихов не было для этого достаточно и необходимо было много раз царапать дерево тем же орудием, что требовало больше времени, затрудняло работу и, в конце концов, получались то прямые, то кривые линии.

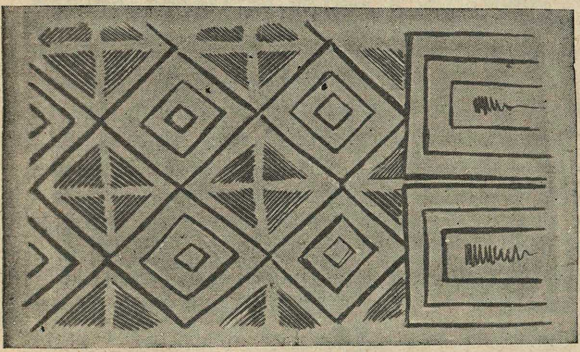

Рис. 25.

Число орнаментов на дереве гораздо более ограничено, но зато рисунки выполнены тщательнее, и они более разнообразны по форме. Одно обстоятельство меня убедило, что степень развития искусства у папуасов менее зависит от воображения и способности работника, чем от орудия, которое он употребляет: найдя около моей хижины несколько кусков стекла от разбитой бутылки, папуасы быстро открыли особенности, отличающие стекло от кремня, и тотчас воспользовались им для придания рисункам большего разнообразия и тонкости.

Одним из последствий моего пребывания на этом берегу было введение в употребление железа и железных орудий, и я не сомневаюсь, что в скором времени характер орнамента у туземцев берега Маклая совершенно изменится, что орнаменты периода каменного века исчезнут совсем, уступая место искусству новой эпохи.

Продолжая свои наблюдения, я был поражен полным отсутствием орнаментов на глиняной посуде, хотя глина является удобным материалом для нанесения всякого рода орнаментов.

Однажды во время своего посещения о. Били-Били — местности, где выделывается глиняная посуда для всех соседних деревень, я нашел десятки женщин и молодых девушек, занятых изготовлением горшков, и, заметив, что многие из них ровно ничего не делали, имея перед собою массу готовой посуды, но без малейших украшений, я невольно обратился к ним с вопросом, почему они их не делают. «С какой стати, к чему? Это вовсе не нужно!» — были ответы, полученные мною, что, однако, не помешало двум из них воспользоваться моею мыслью и найти даже удовольствие в тиснении посредством ногтей и заостренной палочки красивого бордюра на некоторых горшках.

Прилагаемые рисунки представляют снимки с орнаментов, покрывающих в самых многочисленных и разнообразных сочетаниях домашнюю утварь, оружие, пироги и пр. папуасов берега Маклая.

Только рисунки шестой и седьмой[1] являются копиями орнаментов на дереве; все остальные представляют рисунки и гравюры на бамбуке

[1] Рис. 23 и 24 настоящего издания. *И. В.*

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НАПИТКА КЕУ ПАПУАСАМИ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Некоторые обычаи туземцев Полинезии и Микронезии представляют особенный этнологический интерес, своим распространением и сходством подтверждая родство племен и отделяя их от жителей Меланезии, у которых эти обычаи не встречаются или еще не обнаружены.

Между этими характерными обычаями надо назвать употребление напитка кавы, которое очень распространено на о-вах Полинезии и Микронезии.[1] Меланезийцы, казалось, не знали употребления этого опьяняющего напитка,[2] который приготовляется из корня одного перечного растения (*Piper methysticum*). Корень разжевывается или разбивается между камнями и разбавленный водой дает горький опьяняющий настой. Совершенно подобное же питье приготовляется почти одинаковым образом папуасами Новой Гвинеи. Растение (также из перечных[3]) и напиток папуасы зал. Астролябии называют «кеу», или «кау», название, также очень напоминающее полинезийское название «кава».

Во время пиршеств папуасов, при которых я часто присутствовал, я постоянно видел способ приготовления и употребления этого напитка и наблюдал последствия, которые он производит. Папуасы приготовляют его следующим образом. Листья, стебель и корень небольшого куста, который старательно разводится около хижин и на плантациях, жуются не только взрослыми папуасами, участниками пиршеств, но и мальчиками, которым еще напиток запрещен и которые вместе с женщинами не имеют доступа к пирующему собранию. Один из взрослых раздает небольшие порции листьев, стебля и корня кеу и смотрит, чтобы все исправно жевали и не расходовали выплевыванием драгоценной массы. Если корень велик и жёсток, то его разбивают сперва между камнями. Темнозеленую, очень горькую массу папуасы часто вынимают изо рта, кладут на ладонь и осторожно скатывают из нее шар величиной иногда с куриное яйцо (отверстие рта папуасов замечательно велико), потом кладут ее снова в рот или передают другому продолжать жевание. Когда масса достаточно мягка, каждый из жевавших, вынув ее изо рта, скатывает снова в шар и подает папуасу, раздававшему порции, а этот уже приготовил для дальнейшей процедуры две большие выскобленные скорлупы кокосового ореха. Верхняя скорлупа, пробуравленная в середине, исполняет роль воронки и ставится на отверстие другой, представляющей резервуар. Дно воронки выстлано мягкой тонкой травой, заменяющей фильтр. Собрав несколько шаров, главный приготовитель кеу выжимает руками обильную зеленую жидкость, пропитывающую шар, которая есть не что иное, как слюна жевавших; затем смачивает водой выжимки и снова выжимает их, пока вода не окрашивается в зеленый цвет. Жидкость в воронке иногда помешивают, чтобы поднять осадок и ускорить фильтрование. Если жидкость густа, то подливают еще воды. Пока кеу фильтруется, аппарат и приготовителя

[1] W a i t z - G e r l a n d. Anthropologie der Naturvölker, 5 Teil, 2 Abteil., S. 78.

[2] C h r i s t m a n n und O b e r l ä n d e r. Oceanien. 1873, Einleitung, S. XIX.

[3] Директор Ботанического сада в Бейтензорге, около Батавии, г. Шеффер, которому я показал высушенный экземпляр этого растения, подтвердил мое мнение, что растение принадлежит к сем. перечных, но не мог положительно определить, действительно ли это растение тождественно с *Piper methysticum* о-вов Тихого океана. На Ост-Индских о-вах растение, привезенное мною с Новой Гвинеи, как мне сказал г. Шеффер, не встречается; также оно не было замечено ни одним из многих голландских ботаников (Ципелиус, Тейсман и др.), бывших на других берегах Новой Гвинеи.

обступают участники пира, и каждый из них вынимает из мешка, который папуасы носят постоянно с собою, небольшую чашу, сделанную из скорлупы молодого кокосового ореха. Чаша эта обыкновенно снаружи хорошо выскоблена, часто украшена резьбой, внутри же она покрыта точно темнозеленым мохом — следы долгой службы, так как обычай не позволяет вымывать или вычищать внутри чашу, из которой пьют кеу. Перед большой чашей с кеу расчищается небольшая площадка, тупым концом копья делается в земле несколько углублений, в которые ставятся, чтобы не опрокинулись, чаши ожидающих. Чаши эти различных размеров, смотря по любви к напитку. Приготовлявший кеу разливает его по чашам; питье, как уже выше замечено, темнозеленого цвета и обыкновенно густоты топленого, немного остывшего жира. Когда все чаши наполнены, папуасы, стоящие вокруг, протягивают к ним руки и берут их все в одно время или поочередно, причем соблюдается известная последовательность (сперва гости, затем более старые и т. д.). С чашами в руках пирующие расходятся по краям поляны, где происходит пир, и, отвернувшись, выпивают чашу кеу, причем в тот же момент испускают мочу. Этот обычай, который соблюдается постоянно в некоторых деревнях, изменяется в других таким образом, что мочу испускают до выпивания кеу или немного спустя. Так как вкус кеу неприятно горек, то напиток заедают уже заранее для этой цели приготовленным наскобленным кокосовым орехом, смоченным кокосовой водой.

Порция кеу, которую папуасы обыкновенно выпивают, равняется приблизительно трем или четырем столовым ложкам. Для некоторых она достаточна, чтобы произвести значительное опьянение, которое, как я предполагаю, довольно отлично от опьянения спиртными напитками.

Папуасы, которые выпили более чем обыкновенную порцию кеу, приходят в меланхолически-сонное настроение; шатаясь, удаляются они от собеседников, садятся и пристально смотрят на что-нибудь, часто отплевываясь, так как горький вкус остается очень долго во рту; наконец, засыпают беспокойным, тяжелым сном. В этом состоянии их очень трудно разбудить и добиться чего-либо. Питьем кеу начинается угощение, перед ним ничего не едят, и пьяницы, выпив большое количество этого питья, ограничиваются им и не едят ничего.

Кеу пьют только взрослые (тамо); мальчикам до обрезания и женщинам напиток этот запрещен. Ни одно пиршество не обходится без кеу. В деревнях, где его много разводят, взрослые папуасы пьют его и в обыкновенное время, и даже женщины втайне очень лакомы до него и пьют его, скрывая это от мужей и сыновей. Не только свежие листья, стебель и корень употребляются для добывания напитка, но и сушеный, в течение многих месяцев сберегавшийся корень жуется и доставляет еще более горькое и крепкое питье. Несмотря на не особенно привлекательную процедуру приготовления, я сам, желая знать эффект, выпил однажды обыкновенную порцию кеу; питье оказалось без особенного запаха, горького, вяжущего вкуса, через несколько времени по принятии кеу я почувствовал головокружение, и ноги отказались держать меня, что, однако же, прошло после получасового сна.

Я проснулся с довольно свежей головой, но с очень неприятным горьким вкусом во рту, который оставался еще часа три по выпитии кеу.

Кеу представляет единственный опьяняющий напиток папуасов северо-восточного берега и очень ценится ими.

19 ноября 1873 г. Бейтензорг

ЕЩЕ О НЕКОТОРЫХ ЭТНОЛОГИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЫЧАЯХ ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Кроме употребления кеу,[1] о котором я говорил в предыдущей заметке, у папуасов берега Маклая я нашел еще некоторые обычаи, которые встречаются у жителей о-вов Полинезии, но которые не были, насколько я знаю, известны у меланезийцев.[2] Сюда относятся **обрезание**. Над мальчиками, лет тринадцати-пятнадцати, мои бывшие соседи совершают обрезание при помощи острого кремня (кремень разбивают и между осколками выбирают самый острый и хорошо режущий). Обрезание состоит в том, что острием кремня делают один или несколько продольных надрезов в верхней части praeputium.[3] Надрезы не глубоки и оставляют по себе только несколько незначительных шрамов. Операцию обрезания совершают не в деревне, а в лесу. Оператор—обыкновенно отец или один из родственников. По совершении обрезания пациент, сопровождаемый родственниками, соседями и друзьями мужского пола, возвращается в деревню при общих криках, песнях и музыке. После обрезания молодой папуас вступает во все права, которых прежде он не имел. Он может участвовать в пиршествах, пить кеу, для него строится новая хижина, отец наделяет его частью плантации, он может жениться, может иметь полное вооружение, заниматься музыкой[4] и т. д.

Хотя почти все папуасы берега Маклая имеют этот обычай, но жители некоторых горных деревень (напр. деревень Теньгум-Мана, Энглам-Мана, Марагум-Мана) и островка Тиара (один из о-вов архипелага Довольных людей) его не придерживаются. Я часто замечал, что мои соседи (обрезанные) поэтому говорили презрительно о жителях названных мест.

Обычай **табу**, распространенный в Полинезии и Микронезии,[5] состоит в запрещении, налагаемом на известные предметы, ограничивающем их общее употребление, и встречается также на Новой Гвинее. Так, напр., многие предметы совершенно запрещены женщинам, детям и юношам до обрезания. На известные пиры имеют доступ только взрослые мужского пола; даже к кушаньям, приготовленным на месте пира, юноши,

[1] Растение кеу, как я убедился, положительно тождественно с полинезийским *Piper methysticum* или растением кава.

[2] За исключением жителей о-вов Фиджи, которые, находясь в близких отношениях с полинезийцами и даже смешиваясь с ними, могли, как предполагали, перенять многие обычаи у соседей. Акад. К. М. Бэр говорит, что жители Фиджи сохранили уменье приготовлять глиняную посуду, не встречающуюся у полинезийцев, а переняли у последних обычай обрезания, употребление кавы и обычай табу (K. E. von-Baer. Ueber Papuas und Alfuren, S. 19). Из настоящего сообщения видно, что эти обычаи существуют у папуасов Новой Гвинеи, куда полинезийское влияние, разумеется, не достигло; это доказывает, что эти обычаи общи и папуасам и полинезийцам.

[3] У малайцев Ост-Индского архипелага обрезание производят таким образом: praeputium защемляют между двумя деревянными палочками и бамбуковым ножом отрезают выступающую за палочки часть. Обрезание совершают над мальчиками лет двенадцати или тринадцати.

[4] Иметь музыкальные инструменты и играть на них — исключительное право взрослых, обрезанных папуасов.

[5] Табу существует и на о-вах Фиджи. Юкс (J. B. Jukes. Narrative of the voyage of H. M. S. Fly. 1847, vol. 1, p. 258) встретил на одном из о-вов Торресова пролива, Эруббе, обычай, который он считает аналогичным табу и который называется там „галла". Также на о. Тиморе обычай „помали" имеет аналогичное значение с табу; см. A. R. Wallace. Der Malayische Archipel (в главе об о. Тиморе).

женщины и дети не смеют прикасаться; видеть музыкальные инструменты, не только употреблять их, запрещено им; все они должны убегать при звуках этих инструментов; употребление кеу также дозволено одним взрослым мужчинам; известные хижины, где собираются мужчины, известные сборные места в лесу, предназначенные для пиршеств, также недоступны женщинам и детям. Для мужчин также существует запрет на разные предметы (разного рода украшения, кушанья и т. п.).

Запрещения редко преступаются; папуасы уверены, что если они это сделают, то заболеют или умрут.

Я не мог добиться, имеют ли папуасы особенное общее название для обозначения этих запрещений, аналогичное табу полинезийцев; я предполагаю, что имеют, но оно ускользнуло от моего внимания, и мое знание папуасских наречий не оказалось достаточным, чтобы объяснить ясно, что я желал знать. Но дело не в названии, а в факте, который я ежедневно замечал.

Обычай обмена именами, который известен на о-вах Микронезии,[1] встречается и у папуасов. Мне не раз предлагали переменить имя в разных деревнях, именно те из жителей, с которыми я ближе сходился, и были недовольны, когда я отказывал им в их просьбе.

Когда я в шлюпке подъезжал к одной из прибрежных деревень, то обыкновенно все столпившееся у берега в ожидании меня мужское население (женщины прятались между деревьями) садилось на корточки и оставалось в этом положении до тех пор, пока я не сходил на берег. При этом старейшие папуасы вставали первые, затем другие, и приходили поочередно пожимать мне руку. Подобное выражение почтения при приеме важного гостя встречается и в Микронезии.[2]

Священные камни находятся и на Новой Гвинее, как и в Полинезии.

Я бы мог привести еще несколько обычаев, общих полинезийцам, микронезийцам и меланезийцам Новой Гвинеи, но откладываю это, за недостатком времени, до подробного описания жителей берега Маклая и их обычаев.

13 декабря 1873 г.
Бейтензорг

[1] Waitz-Gerland. Anthropologie der Naturvölker, 5 Teil, 2 Abteil., S. 130.
[2] Там же, стр. 129.

СПИСОК РАСТЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТУЗЕМЦАМИ БЕРЕГА МАКЛАЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Пересматривая свои заметки по этнологии берега Маклая, я составил список растений, корни, стебли, кора, листья, цветы и плоды которых используются туземцами в качестве предметов питания, возбуждающих средств и для других надобностей.

Одни из этих растений туземцы культивируют на своих плантациях, другие собирают в лесу. Так как растения, возделываемые туземцами, вызревают в разные времена года, то в каждом сезоне туземцы питаются преимущественно одним каким-либо видом растений.

Сезоны созревания растений, составляющих главную пищу туземцев (таро, ямс, сладкий картофель и др.), в горных и прибрежных районах не совпадают. Указанные в данной статье сезоны относятся к прибрежным деревням, главным образом, расположенным в районе порта Константина, где я жил в 1871—1872 гг. (в Гарагаси) и в 1876—1877 гг. (близ дер. Бонгу).

По возвращении с Новой Гвинеи мне посчастливилось встретиться в 1873 г. на Яве с д-ром Шеффером, директором Ботанического сада в Бейтензорге, а в 1878 г. в Сингапуре с д-ром Беккари. Я, конечно, не преминул воспользоваться встречами с этими авторитетными специалистами, чтобы с их помощью определить некоторые растения, относительно которых у меня были сомнения, и плоды, листья и цветы которых я привез с собою с Новой Гвинеи. Кратковременное пребывание в Мельбурне в начале этого года дало мне возможность воспользоваться консультацией барона Мюллера для определения некоторых других растений с берега Маклая, плоды которых я заспиртовал. Так как, к сожалению, я не собирал листьев и цветов тех же растений, то эта очень неполная коллекция не имела бы никакой ценности, если бы не попала в руки столь компетентного специалиста, как барон Мюллер, и я считаю своим долгом выразить ему здесь свою искреннюю признательность за его любезную помощь.

Таким образом, только благодаря помощи этих моих друзей я могу дать здесь список тех полезных растений, которые играют большую роль в хозяйстве туземцев берега Маклая.

I. РАСТЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ТУЗЕМЦАМИ В ПИЩУ [1]

А. Растения, культивируемые на плантациях или в деревнях около хижин

1. *Cocos nucifera* (мунки). [2] Кокосовая пальма, приносящая плоды круглый год, без сомнения, играет важнейшую роль в хозяйстве туземцев. Мякоть кокосового ореха употребляется в пищу во всех стадиях созревания ореха. Наскобленная мякоть спелых кокосов, содержащая много масла, составляет одно из любимых блюд, но кокосовое масло и его приготовление были неизвестны папуасам берега Маклая до моего приезда туда в 1871 г. Существуют две разновидности кокосовой паль-

[1] Перечислены в порядке их хозяйственного значения.

[2] В скобках даны названия растений на диалекте Бонгу (берег Маклая).

мы: обыкновенная, с большими зелеными орехами, и другая, низкая, с орехами значительно меньшей величины и оранжевого цвета.[1]

2. *Caladium esculentum* (бау). По своему хозяйственному значению занимает первое место после кокосов и составляет главную пищу туземцев с марта по август. Посадка его производится обычно в октябре.

3. *Dioscorea* spec. (аян). Встречаются многочисленные разновидности этого растения. Его едят с августа по январь.

4. *Ipomaea batatas* (дегарголь). Сладкий картофель, наряду с таро и ямсом, является одним из главных пищевых продуктов. Созревает обычно в сентябре и октябре.

5. *Musa paradisiaca* (мога). Имеется 8 или 9 разновидностей; культивируется в одних деревнях в широких размерах, в других — в ограниченном количестве. Кроме возделываемых разновидностей, встречается дикорастущий вид банана — *Musa Maclayi* (названный так Ф. Мюллером), который отличается от возделываемых разновидностей почти вдвое более высоким стволом, узкими жесткими листьями и мелкими (несъедобными) плодами, полными семян.[2]

6. *Saccharum officinarum* (ден). Кроме многочисленных возделываемых разновидностей, существует также дикий сахарный тростник, с тонким темным стеблем, растущий в болотистых местностях.

7. *Saccharum* (*edule* Hsskl?) (аусь).[3] Соцветие этого тростникового растения, поспевающего в январе и феврале, туземцы едят в тушеном или печеном виде и очень любят.

8. *Psophocarpus* spec. (могар).

9. *Artocarpus incisa* и *A. integrifolia* носят у туземцев общее название «боли». Насчитывается по меньшей мере 5 разновидностей этих деревьев. Хлебные деревья культивируются в деревнях или поблизости от них, но нередко встречаются и в лесу, в диком состоянии.

10. *Canarium commune* (кенгар). Деревья, большей частью культивируемые, растущие также и в лесу, очень многочисленны в некоторых деревнях, но редки в других. Их орехи собирают в мае, июне и июле.

11. *Sagus* spec. (буам). Так как саговая пальма здесь редко встречается, саго считается лакомством, и его можно видеть только на пирах.

12, 13, 14, 15. Разные виды *Curcubitaceae:* холь, арван и др.

Б. Дикорастущие растения, плоды которых употребляются в пищу

16. *Pangium edule* (орлан). Плоды этого растения вешают на деревьях в лесу, в больших корзинах. Из гнилой мякоти и ядер орехов

[1] Большие зеленые орехи содержат в среднем 1200—1600 г воды, орехи меньшего размера, оранжевые — не более 150 г. О приготовлении пищи у папуасов и других деталях см. мои „Этнологические заметки о папуасах берега Маклая".

[2] Существует еще другой дикорастущий вид банана — *Musa calosperma* F. v. M., плоды которого содержат очень большие, неправильной формы семена около 10 мм длины и 11 мм в диаметре; спелые семена имеют блестящий черный цвет и служат туземцам материалом для украшений.

[3] Не позаботившись привезти с Новой Гвинеи образец ауся, я не мог установить вид этого растения из сем. *Gramineae*, но помнил, что один из моих слуг, яванец, много раз говорил мне, что видел это растение на Яве, причем называл его, как мне казалось, „грубук". Я написал директору Ботанического сада в Бейтензорге и через несколько дней получил следующий ответ: „Растение, называемое «грубук», не известно ни малайцам, ни сунданезцам. Однако один вид *Gramineae* им известен, именно — *Saccharum edule* Hasskl, называемый малайцами «трубук» или «тебу трубук», и я думаю, что растение, о котором идет речь, именно это" (выдержка из ответа д-ра W. Burck—помощника директора Бейтензоргского ботанического сада).

делают кислый соус с очень неприятным (для моего обоняния) запахом. Этот соус туземцы считают большим деликатесом.

17. *Bassia coccо* (нате). Зеленый плод этого растения, не более яблока средней величины, имеет приятный сладкий вкус.

18. *Bassia Maclayana* — новый вид, названный так Ф. Мюллером (дим).

19. *Pandanus* spec. Плоды разных видов пандануса едят сырыми или вареными.

20. *Barringtonia* spec. (тогали).

21. *Mangifera indica* (?) (оэй). Плод этого растения маленький и довольно кислый, но вполне съедобный; в вареном виде вкуснее (менее кислый), чем в сыром.

22. *Citrus* spec. (?). Плоды имеют очень толстую кожуру и так горьки, что малосъедобны.

На берегу Маклая встречаются еще другие плоды, которые туземцы собирают в лесу и которые я не мог определить. Здесь я привожу туземные названия тех из них, которые папуасы часто едят и которые я сам ел, хотя без удовольствия, но и без отвращения.

23. Аваль.
24. Буггер.
25. Кабуль.
26. Ауль.

II. РАСТЕНИЯ, КУЛЬТИВИРУЕМЫЕ РАДИ ИХ ВОЗБУЖДАЮЩИХ И ЛЕЧЕБНЫХ СВОЙСТВ

27. *Areca catechu*. Культивируется во всех деревнях. Ядро арекового ореха употребляется во всех стадиях созревания, но зеленые орехи предпочитаются.

28. *Piper betle*. Плоды его предпочитаются листьям. Туземцы не помнят, кто и когда ввел у них жевание бетеля (с известью и арековым орехом). Все мужчины очень любят это возбуждающее средство, но лишь некоторые им злоупотребляют.

29. *Piper methysticum* (кеу). Впервые об употреблении *Piper methysticum* туземцами Новой Гвинеи упоминается, насколько я знаю, в моем письме в Русское географическое общество.[1] Когда я показал в 1873 г. несколько засушенных листьев и плодов кеу с берега Маклая д-ру Шефферу, он сказал мне, что ни один из путешественников, вернувшихся с Новой Гвинеи, не привозил до сих пор подобных и что образцов *P. methysticum* не имеется в Музее Ботанического сада в Бейтензорге, а имеются лишь недостаточно полные описания этого растения, так что он не может сказать мне определенно, является ли кеу с Новой Гвинеи[2] тем же растением, что кава (*P. methysticum*), растущая на о-вах Полинезии. Тогда я написал одному из моих друзей на Самоа и получил от него образцы листьев и плодов *P. methysticum*; это дало д-ру Шефферу возможность точно установить, что кеу, действительно, не что иное, как *P. methysticum*.[3]

Не все туземцы берега Маклая употребляют кеу. В некоторых деревнях этот напиток и его действие известны, но он не вошел в употре-

[1] Изв. Русск. географ. общ., т. X, 1874, стр. 83.

[2] Кеу — название *Piper methysticum* на диалекте Бонгу; на других диалектах берега Маклая это растение носит названия: „кеува", „иссе", „киаль", „айо", „сегу" и др.

[3] Annales du Jardin botanique de Buitenzorg, I, p. 51.

бление, в некоторых других он совершенно неизвестен. Эти факты дают основание предполагать, что употребление кеу введено на берегу Маклая не особенно давно и лишь теперь постепенно распространяется.

Кустарник кеу культивируется в деревнях и на плантациях. Я никогда не встречал его на берегу Маклая в диком состоянии. Прибавлю, что W. G. Lawes в ответ на мои вопросы относительно употребления *Piper methysticum* на южном берегу Новой Гвинеи сообщил мне, что, насколько ему известно, туземцы южного берега Новой Гвинеи и о-вов архипелага Луизиады совершенно не знают этого напитка, но что во многих местностях это растение встречается в лесах в диком состоянии. W. G. Lawes часто говорил на эту тему с тичерами, которые, будучи полинезийцами (с Тонга, Самоа и Таити), хорошо знали растение «кава».

30. *Zingiber officinale* (ли). Употребляется с примесью золы, заменяющей туземцам соль,[1] как лакомство после еды и как лекарство (оним).

31. *Cinnamonum sintoc* (мую). Его кора употребляется туземцами как лекарство.

32. *Nicotiana tabacum* (казь). Старые туземцы этого берега помнят, что их отцы говорили им, что в юности они (отцы) не знали употребления табака и что его возделывание и курение заимствованы с W и распространялись постепенно, от деревни к деревне. Есть горные деревни, где табак до сих пор неизвестен.[2] Табачные листья высушивают на огне, разрывают на кусочки, размельчают, завертывают в лист,[3] предварительно также высушенный на огне, и свернутую таким образом сигару курят. В некоторых горных деревнях употребляются большие трубки,[4] которые наполняются дымом от сигары и обходят ряд курильщиков, причем каждый из последних старается вдохнуть и проглотить как можно больше дыма. Прибрежные туземцы не употребляют трубок, а предпочитают сигары.

III. РАСТЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ РАЗНЫХ НАДОБНОСТЕЙ В ХОЗЯЙСТВЕ ТУЗЕМЦЕВ

Упомяну еще о некоторых растениях, играющих важную роль в повседневной жизни туземцев этой части Новой Гвинеи.

33. Тауви (из сем. *Urticaceae*). Мужской маль[5] изготовляется совершенно так же, как тапа полинезийцев, из луба молодых хлебных деревьев (*Artocarpus*) или из луба тауви.

[1] Кроме морской воды ($^1/_3$ на $^2/_3$ пресной), употребляемой для варки пищи, туземцы пользуются вместо соли золой, получаемой из бревен и деревьев, выброшенных морем, которые собирают, сушат и сжигают. Зола, полученная таким образом, имеет соленый вкус. Этот род соли употребляется преимущественно жителями горных деревень, которые находят более удобным носить поленья, чем бамбуки, наполненные соленой водой.

[2] На о-вах архипелага Луизиады употребление табака также введено лишь совсем недавно. Я посетил в 1880 г. несколько горных деревень на о. Базилаки (о. Моресби), жители которых совершенно не были знакомы с табаком и его употреблением.

[3] Туземцы берега Маклая употребляют для свертывания сигар листья определенных растений; к сожалению, я не установил своевременно, каких именно.

[4] Точно такие же, как на южном берегу Новой Гвинеи, где употребление табака, по свидетельству Лооза, введено с W и лишь в недавнее время распространилось до юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Теперь „куку" (название табака у туземцев юго-восточного побережья) там в большом спросе.

[5] Маль — кусок тапы более 3 ярдов длины и около $^1/_4$ ярда ширины. Он носится таким образом: придерживая один конец на животе у пупка, маль пропускают между ногами, обвивают несколько раз вокруг талии и закрепляют сзади другим концом.

34. *Abroma Augusta* (маль-сель).[1] Женские маль, состоящие из более или менее длинной бахромы, делаются из волокон ствола банана или из волокон маль-сель.

35. *Gnetum* spec. (таван-сель). Сумки (гун) вяжут из бечевок, скрученных из волокон таван-сель.

36. *Vitis* spec. (нуг-сель). Очень крепкие веревки, скручиваются, а иногда плетутся, из нуг-сель и из

37. *Boehmeria nivea* (ден-сель) и из

38. Роль-сель, как называется стебель растения, принадлежащего к сем. *Leguminosae*.

39. *Calamus* spec. (бу-сель). Для якорных канатов и разных снастей пирог (последние иногда бывают двухмачтовые), для скрепления отдельных частей остова хижин и заборов обычно употребляется бу-сель.

Материалом для корзин и цыновок служат листья кокосовой, саговой и других пальм. Паруса пирог представляют собою большие четырехугольные цыновки из листьев пандануса.

Копья, луки, наконечники стрел и т. д. делаются из ствола кокосовой или кариотовой пальмы.

40. *Canarium gutur* (новый вид) (гутур). Смола, — вроде даммаровой, — этого вида *Canarium* называется туземцами также «гутур» и употребляется преимущественно как скрепляющий материал при изготовлении различных орудий.

41. *Calophyllum inophyllum* (субари). Вареные орехи этого дерева употребляются для мытья волос, после чего куму[2] лучше держится на волосах, так как орех субари содержит много масла. Для той же цели употребляется скобленая мякоть старых кокосовых орехов.

РАСТЕНИЯ, НЕДАВНО (с 1871 г.) ЗАВЕЗЕННЫЕ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

Мною еще в первый приезд на этот берег в сентябре 1871 г. были завезены туда некоторые растения, ранее там неизвестные. Я имел удовольствие видеть, что на маленькой плантации около моего дома близ Бонгу некоторые из ввезенных мною растений выросли в изобилии, именно: разные сорта тыквы, арбузы, маис, *Carica papaya* и многие другие растения, семена которых я привез (в 1871 г. с Таити и в 1876 г. с Явы). Туземцы были очень довольны, когда получили семена, и с большим интересом следили за произрастанием новых растений. Особенно понравились папуасам *C. papaya*, арбузы и маис, которые они скоро стали культивировать на плантациях и в деревнях. Много туземцев из отдаленных деревень приходило ко мне за семенами.

В свою последнюю поездку на берег Маклая, в марте 1883 г., я взял с собою много семян и саженцев (из Макассара и Амбоины), между прочим, семена мангустана (*Garcinia*), дуриана, апельсина, лимона, кофе и др. Я распределил семена между жителями деревень Бонгу, Богати, Били-Били и некоторых горных деревень, причем последним особенно рекомендовал семена кофе. Мое следующее посещение берега Маклая покажет, был ли этот последний опыт столь же удачным, как тот, который я проделал в 1876 г.

[1] Сель — веревка, шнурок.

[2] Куму — черная краска, употребляемая туземцами берега Маклая для раскрашивания лица и тела. По анализу R. Everwyn из Горного департамента в Батавии, состоит из пиролюзита с небольшой примесью окиси железа.

Мне остается только добавить, что так как целью этой статьи является главным образом дать дополнительные сведения по этнологии Новой Гвинеи, я включил в свой список лишь растения. играющие наиболее важную роль в хозяйстве туземцев берега Маклая, и не включил имеющих второстепенное значение, а также тех, которые употребляются в пищу лишь в исключительных случаях, за неимением ничего лучшего, как, напр., один вид *Cycas* (из которого туземцы добывают род саго), дикорастущий арроурут, один вид *Nephelium* и т. д. О некоторых других растениях (напр. о дереве капок) я не упоминаю. так как они (в настоящее время) не имеют никакой ценности для туземцев.

ДИАЛЕКТ ДЕРЕВЕНЬ ГОРЕНДУ, БОНГУ И ГУМБУ (БЕРЕГ МАКЛАЯ)

Небо, воздух, земля

земля	мон, мон-даму
небо	манг, ланг
море	валь
солнце	синг
луна	карам, каарам
полная луна	карам-боро
месяц	карам-рар
звезда	буаин
туча	нарум
гром	аренг
молния	милингер
дождь	ау
землетрясение	тангрин
огонь	биа
дым	биарам
зола	уй
вода	йи, и
река	оли
ручей	ибарынья
гора	мана
морской отлив	мереу
прилив	тилио сири
холод	дерва
ветер	темур
NNW	яорте, яварь
NO	карап
S	бубере
W	додау
скала	бетау
камень	убу
кремень	нар, нелинг
песок	улуль
восход солнца	синг-орен
заход солнца	синг-гумбуеран
утро	иембле
полдень	анам
ночь, вечер	алуер
сегодня	олам
завтра	ямба
вчера	ябом
послезавтра, позавчера	алиу [1]

Растения и животные

дерево, дрова	ангам
лист	ангам-багры
бамбук, трубка	нау
табак	казь
Canarium	кенгар
лилия	лину
молодой кокосовый орех	мунки-ля
кокосовая пальма	мунки
маленький желтый кокосовый орех	мунки-гуау
большой желтый кокосовый орех	мунки-ари
большой зеленый кокосовый орех	мунки-боль-боге
скорлупа кокосового ореха	сурла
ядро кокосового ореха	даль
банан	мога
соленая зола дерева, долгое время пробывшего в морской воде	бор
саго	буам
свинья	буль
собака	са, саа
кускус	маб
кенгуру	тиболь
мышь	минга
черный какаду	гуниалан
белый какаду	риги
казуар	дюг
петух	туту, кукреку
попугай	кабрай
птица-носорог	наренг
голубь	гуна
крокодил	вая, вау
названия разных птиц (звукоподражательные)	коки, ока, коли, бикро
крыло	бады-манаси
ящерица	малуем
лягушка	оронг-оронг
рыба	кальб
муха	нинига, ганианига

[1] Следующие дни обозначаются по названиям пальцев.

Colocasia бау
разные виды Dioscorea . . аян, гобе, каинда, иполь, сори, вуанда, рором, яван
кора одного вида Cinnamomum мую

муравей уру, угу, дидьям
паук кобум
цикада кень-кень
каракатица гурете
корень одного вида Zingiberaceae ли

Человек

человек тамо
мужчина средних лет . . . тамо-билен
старик тамо-ковай
мальчик киль-мар, ремур
юноша релаго
женщина нангли, нангели
женщина 20—25 лет . . . нангли-билен
девушка дагне
дети обоего пола малассн
отец мем
мать ам
сын до
дочь дундерла
брат абадам
дядя баба
если человек даст другому свинью или свинину, то эти люди называют друг друга кобу [1]
если подарена собака или собачье мясо нарум
имя дьенум
голова, лоб гате, мамангабар
penis у
testiculi бола
vagina а
рука, кисть руки ибон
локоть ибонгор
палец руки ибонге
ноготь (на пальце руки) . . ибонси
ладонь ибон-аре
нога, ступня самба
колено самбагор
икра (ноги) аяндаму
пятка самбабурлу
подошва (ноги) самба-аре
палец ноги самбаге
ноготь (на пальце ноги) . . самбунгси

глаза намге
нос мана
носовая перегородка . . тиле
рот мубо
зубы аги, каги
брови намтанге
волосы на голове . . . гате-багры
волосы на теле ули
локоны на затылке . . . ули-гатеси
волосы на мужских половых частях у-диау
волосы на женских половых частях а-диау
борода диау
шея ко
гортань гасенгор
грудь мине, аваль
спина оро, мелом
живот тинам
пупок уяголья
ягодицы битамрам
ключица коне
грудная кость аре-дьямби
желудок угле
тонкая кишка синам
толстая кишка лар
печень арре
желчный пузырь иссе
легкие орор
спинной хребет коолам
мочевой пузырь ипумен
правая рука гангму
левая рука уайн
мизинец левой руки . . ямба [2]
2-й палец левой руки . алиу
3-й палец левой руки . альвао
4-й палец левой руки . ундир
большой палец левой руки сингем

[1] Слова, означающего „друг", я не нашел.

[2] При этом обыкновенно пальцы левой руки, один за другим, начиная с мизинца, загибаются указательным пальцем правой руки. Те же названия служат для обозначения дней; равным образом они употребляются иногда как числительные.

сердце нисиа
кровь гайер
кровеносный сосуд дуль
кость сурле
мясо даму
ребро дьярге
язык муен
щеки уга
уши даб, даб-багры
мизинец правой руки . ибон-бусьюли
2-й палец правой руки . ибон-гаули
3-й палец правой руки . ибон-си
4-й палец правой руки . ибон-ингри
большой палец правой руки ибон-ни
выжженный шрам . . . бубера
слюна мизиль
пот маманин

Деревня жилище, утварь и орудия

деревня или отдельная хижина хогму, хогему
хижина таль, тааль
маленькая хижина таль-до
низкая хижина барла
большая мужская хижина . буамбрамра
высокая скамья или род стола барла
дверь леме
лестница тета
забор рар
два средние столба, которые поддерживают среднюю балку крыши . . . догам-тамо
4 угловых столба догам-нангели
самая верхняя балка крыши обутан
2 боковые, привязанные к догам-нангели, горизонтальные балки демум
передняя и задняя горизонтальные балки, привязанные к догам-нангели . . ели
стропило туа
вне деревни, снаружи . . . дубу
пирога кобум
выдолбленный ствол, из которого делается пирога . кобум-ани
борт пироги кобум-рава
платформа пироги кобум-барла
аутригер саман-моле
балки соединяющие аутригер с платформой киаинда
деревянные гвозди, которыми поперечные балки прибиты к аутригеру . . саман-батота
весло оя
большой деревянный барабан барум
деревянная миска . . . табир
скорлупа кокосового ореха, употребляемая как тарелка или миска гамба
глиняный горшок . . . ваб
черепки горшка, употребляемые как сковорода ваб-саб
калебаса (также стекло, бутылка) кобу
ложка (из раковины или кокосовой скорлупы) . кай
ложка из кости шилюпа
раковина для скобления мякоти кокосового ореха ярур
нож серао
длинная заостренная палка, употребляемая для вскапывания земли удья
узкая лопата удья-саб
костяной нож или кинжал донган
раковина для полировки дерева рерум
корзина гамбор
мелкая корзина лекле
цыновка из листьев кокосовой пальмы . . . годим
цыновка из листьев саговой пальмы, употребляемая для сиденья буам-табегам
идол гелум

Одежда, оружие, музыка

передник, мужской и женский маль
браслет, носимый на руке выше локтя саго
метательное копье . . . хадга
лук араль, араль-аге, арель-ане
стрела араль-ге

серьга меля
бамбуковая или каменная палочка, вставляемая в мочку уха даб-тумбу
бамбуковая носовая палочка мана-тумбу
пучок перьев, прикрепляемый к гребню катазань
бамбуковый гребень . . . асен, гасен
мужской передник из раковин огбог
ленточка для поддерживания волос дю
шейное украшение из больших кабаньих клыков . . рормат-буль-ра
мешок, носимый мужчинами на левом плече . . тельрун, карун
маленький мешочек, носимый мужчинами на шее ямби, аригаби
большой женский мешок для ношения грудных детей и овощей с плантаций (носится на спине) . . . гун
копье с несколькими наконечниками, для ловли рыбы юр
топор пат
барабан окам
красная краска для раскрашивания лица . . суру
черная краска для раскрашивания лица . . куму
музыка, музыкальные инструменты, также празднества, в которых участвуют только мужчины ай
бамбуковая флейта . . . тюмбин
различные музыкальные инструменты ай-кабрай, мунки-ай, орлан-ай, холь-ай, дябоку

Прилагательные, наречия

белый ауби
красный исюрон
синий омбрим
желтый арле
черный анямби
плохой борле, ака
хороший билен, ауе
маленький кенин
меньший кенемин
дурное, негодное дигор
довольно, достаточно . . кере
готовое (о кушаньях) . ауе
неготовое явен
поздний, позднейший . мондон
равный, одинаковый . . альгерме
с некоторого времени . наме
здесь, где анде

Местоимения

я ади
ты ни
он нади
мой адим
твой нин
свой надин

Числительные

1 худи
2 али
3 алуб
4 горле
5 ибон-бе
6 игле-бе
7 игле-али
8 игле-алуб
9 игле-горле
10 ибон-али-али
20 самба-али-али

Глаголы

есть, суть сен
не есть арен
спать нявар
я иду ангармем
ходил анген
иди сюда гена

сидеть	мея
садись здесь	анде ми (мие)
стоять	падингар
итти, варить	олар
бежать, летать, плавать . .	барыня
ходить	ангар
чистить	неляр
царапать, скоблить	няу
вытирать, стирать	севар
есть, пить, курить	уяр
едящий	уемен
говорить	марена
выть (о собаке)	анян
выть (о женщине)	агам, агамер
видеть, смотреть	онар
видел ли ты?	ни онемен
посмотри	ни онеси
дай мне посмотреть	ади онар
забывать	латибор
класть, прятать	диогар
завязывать	уренгере
кусать	отангере
бить	гарлеран
я приду	гинесси
пришли	гинен
приходи!	гениба
придут ли они?	генбан, генбабен
когда они придут? . . .	генбуссин
дай	иби, иембе, адиби
возьми	намбе
срубленный	гуремен
плести	марау
я голоден	мамбо
смеяться	сюер
зевать	арбитау
чихать	есерла
кашлять	дораль
мочиться	уебсира
испражняться	бирова
совокупляться	улеран
жевать	овесер, овар
сжать руку	баруа
дуть	пуа
носить, поставить . . .	елевар, маруар
ломать	аглутар
рубить топором	гурар

Я хочу привести еще некоторые имена туземцев и названия деревень берега Маклая.

Среди имен папуасов немало таких, которые являются названиями растений и животных, как, напр., омуль — райская птица, буа — *Calamus*, нуи — кокосовый орех, гуна — голубь, а также местностей, напр., островов, деревень: Кар-Кар, Дам и т. д.

Мужские имена

Бугай	Кале́у	Марамай	Нам
Ассел	Нха	Лалу́	Кенан
Га́гу	Яго́	Тала́н	Боти
Бу́а	Мая́	Инго́	Бото
Туй	Мамы́с	Мано́й	Пари
Бонем	Калу́н	Каро́й	Урен
Сальра́н	Танок	Дигу	Ион
Конин	Дум	Ма́кин	Абедь
Санги́ль	Сангам	Накун	Кидор
Нана́р	Танго-Тенго	Матель	Кмере́ль
Куну́н	Каин	Гаран	Дьялу́м
Баля́	Коро	Бален	Гахо́р
Сага́м	Най	Мука́у	Массе
Сау́л	Дамун	Кум	Хан
Кандельья́н	Кауб	Гуна́	Габон
Лако́	Одой	Агу́	Арой
Унде́ль	Дама	Обор	Алес
Савой	Аусиба	Сенасон	Кодо
Квак	Янгор	Саломе	Мока

Баро	Кома́н	Гасан	Сабо
Мельман	Дам	Кар-Кар	Саду
Уда	Нагур дан	Колаук	Сарир

Названия деревень берега Маклая

Горенду	Митебог	Суирби	Гони
Гумбу	Тупия	Дамум	Колила
Бонгу	Омур	Гуинбату	Ба
Мале	Баита	Гуда	Марагум-Мана
Богати	Манигба-Мана	Дибьо	Рай
Горима	Сангингби-Мана	Амир	Гада-Гада
Муин	Бан	Тагала	Миндире
Били-Били	Кулебра	Теньгум-Мана	Бельо
Тиара	Дедер	Энглам-Мана	Дам
Колику-Мана	Вальга	Самбуль-Мана	Ямай
Бураб-Мана	Марика	Тегуана-Мана	Вобу
Ходаб-Мана	Сару	Ябаби-Мана	Ангер
Эмьям-Мана	Гунга	Гаранга	Свитс
Явар	Сабар	Дольби	Галела
Био	Виорумби	Куль	
Ямбомба	Атта	Римба	

Диалекты берега Маклая

	Горенду, Бонгу, Гумбу (прибрежные деревни)	Богати (прибрежная деревня)	Били-Били (остров в зал. Астролябии)	Митебог (остров в зал. Астролябии)	Энглам-Мана (горная деревня)	Марагум-Мана (горная деревня)
небо	ланг, манг	лайлогаде	ланг	лан	лан	лан
солнце	синг	сен	анд	ад	улен	кей
луна	карам	бай	синасин	улен	саем	тамбунам
земля	мон-даму	ман-даму	тан	тан	сале	кильке
звезда	буаин	кьеде, бараси	батуй	батуй	уангры, бараси	—
туча	нарум	бунгар	—	даран	—	—
ветер	темур	дягва	тим	тим	тату	бубере
дождь	ау	ауа	сау	уй	—	со
вода	и, йи	иа	ио	нар	и	куле
море	валь	иваль	маас	маас	туль	туль
огонь	биа	игнам, нам	иа	иа	хе	па
камень	убу, гитан	менинг	пат	пат	атер, сиринг	даме
гора	мана	манаде	уин	дид	даму	—
человек	тамо	тамоде	тамоль	томоль	танди	табен
женщина	нангли	уансаре	пайн	пайн	генагулум	пином
дитя	малассн	ангро	аймакам	айкельмо	илаги	кинго
мальчик	кильмар	—	мнаги	—	—	кулима
девочка	дагне	дунгенге	айнейн	нану-пайн	монагуру	—
отец	мем	абуа	мам	мам	абу	мам
мать	ам	ай	нен	ненг	ам	ина
брат	абадам	ауса	тайнгве	тера	айа	бара
голова	маманга-бар	улатмоде	гатен	гатен	уалем	гобот
волосы	гате-багры	гате-банга	хоун	роун	—	гате-муй
нос	мана	мана	уин	уин	имби	амбу

	Горенду, Бонгу, Гумбу (прибрежные деревни)	Богати (прибрежная деревня)	Били-Били (остров в зал. Астролябии)	Митебог (остров в зал. Астролябии)	Энглам-Мана (горная деревня)	Марагум-Мана (горная деревня)
глаз	намге	намгла	малайапуны	малан	намселим	—
рот	мубо	мебе	мон	уад	—	маке
зубы	аги, каги	мелаги	—	леод	майселим	—
язык	муен	луен	бален	балед	нунель	—
носовая перегородка	—	мана-ободе	—	—	димбо	—
ухо	даб	дабанга	тингри	аван	олам	—
борода	дьяу	менди	ян	тенгам	мае	—
шея	ко, гасенгор	гакоро	клагун	клагуль	ангикор	—
грудь	аваль	могум	бубен	патаред	мамонту	ауль
спина	оро, мелам	гореде	роте	сапед	кубом-унгер	—
рука	ибон	бан	лиман	лиман	дей	вай
нога	самба	синга	ниен	ниен	ай	купе
живот	тинам	мельги	тинган	—	хунгуль	ином
penis	у	арбо	утин	утин	ангосилим	уе
vagina	а	уеде	гинен	дилен	тимбо	—
палец руки	ибон-си	бан-моко	—	—	тимбо	—
хижина	таль	уарум	амб	ад	бади	уанде
пирога	кобум	кобумде	сыса	вааг	убум	ваанг
парус	рар	рер	баинде	лиай	рер	баинде
деревня	хогему	гуре	бан	нану	илум	тимбран
идол	телум	телум	баг	—	—	—
топор	пат	бие	ир	ир	тау	тагу
нож	серао	сериа	барир	барир	баламе	бади
гребень	гасен	гате-бран	—	си	лалин	—
свинья	буль	бель	бор	бо	—	бу
собака	са	баун	гаун	гвай	ане	аген
птица	ась	ребаре	—	—	янеле	нигом
петух, курица	ту	туе	—	селаме	явер	туе
рыба	кальб	ке	—	—	туоме	нарум
кокосовый орех	мунки	манги	нуи	—	та	аду
банан	мога	мукле	—	—	мунгуль	мунгум
бамбук	нау	инба	аур	—	дием	кем
бетель	кау	тиоре	—	—	а	кау
сахарный тростник	ден	дьян	—	—	ива	ива
перец кава	кеу	киаль	кау	—	кау	айо
плод хлебного дерева	боли	бали	—	—	дарван	дарван
есть	уяр	адиде	—	—	ньяу	ньямби
поди сюда!	гена	боя	—	—	на-лай	яле-кае
1	худи	худьяйде	кукун	олам	таймом	дуайн
2	али	аельде	ору	—	ару	ари
3	алуб	алубде	толи	—	толи	кенг
4	горле	горледе	пали	—	пали	наку
5	ибон-бе	бан-худьяйде	лимата	—	лимата	—
6	игле-бе	гала-худьяйде	кукун-кете	—	—	—

	Горенду, Бонгу, Гумбу (прибрежные деревни)	Богати (прибрежная деревня)	Били-Били (остров в зал. Астролябии)	Митебог (остров в зал. Астролябии)	Энглам-Мана (горная деревня)	Марагум-Мана (горная деревня)
7	игле-али	гала-аельде	кукун-ору	—	—	—
8	игле-алуб	гала-алубде	кукун-толи	—	—	—
9	игле-горле	гала-горледе	кукун-пали	—	—	—
10	ибон-али	бан-аельде	лиман-ору	лиман-ору	—	—
11	—	синга-худьяйде	ниен-кете	—	—	—
12	—	синга-аельде	ниен-ору	—	—	—
13	—	синга-алубде	ниен-толи	—	—	—
14	—	синга-горледе	ниен-пали	—	—	—
15	самба-бе	—	пикун-кете	—	—	—
16	—	—	перерек-кете	—	—	—
17	—	—	перерек-ору	—	—	—
18	—	—	перерек-толи	—	—	—
19	—	—	перерек-пали	—	—	—
20	самба-али	—	кукун-тама (кукун-гитенган)	—	—	—

Излюбленный способ счета состоит в том, что папуас загибает один за другим пальцы руки, причем издает определенный звук, напр., „бе, бе, бе"... Досчитав до пяти, он говорит „ибон-бе" (рука). Затем он загибает пальцы другой руки, снова повторяя „бе, бе"..., пока не дойдет до „ибон-али" (две руки). Затем он идет дальше, приговаривая „бе, бе"..., пока не дойдет до „самба-бе" и „самба-али" (одна нога, две ноги). Если нужно считать дальше, папуас пользуется пальцами рук и ног кого-нибудь другого. Очень многие папуасы не знают числительных своего собственного диалекта. На о. Митебог я спрашивал по крайней мере 5—6 туземцев, но ответы получались противоречивые и во всяком случае неправильные: только „олам" (один) я мог записать как безусловно верное обозначение.

БЕРЕГ ПАПУА-КОВИАИ

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА НОВУЮ ГВИНЕЮ В 1874 г

Целью моего второго путешествия на Новую Гвинею был юго-западный берег ее именно, к югу от п-ова Кумавы (п-ова принца Оранского).

Этот берег от большой р. Каруфы (на п-ве Кумаве) до мыса Буру (р. Утанаты) носит туземное название Папуа-Ковиай. На N от п-ова Кумавы берег до зал. Мак-Клюр (включая и его) называется Папуа-Онин, севернее зал. Мак-Клюр часть берега Новой Гвинеи, против о. Салавати, имеет название Папуа-Нотан. Такое деление западного берега на 3 части, как я узнал, распространено как между папуасами, так и между серамцами, которые издавна находятся в торговых сношениях со здешними папуасами. Подразделение это не политического характера; указанные местности не составляют особых государств; оно не основано также и на различии рас.

Каждый из этих берегов населен независимыми племенами; так, напр., на Папуа-Ковиай различают людей Наматоте, Айдумы, Мавары, Каю-Меры и др. Племена названных трех частей побережья весьма близки между собою в отношении антропологическом, но между ними существуют большие различия в этнологическом отношении. Берега Папуа-Онин и Папуа-Нотан чаще посещаются макассарскими и серамскими торговцами, так как они представляют более безопасности; берег Папуа-Ковиай вследствие частых войн между папуасскими племенами, а также нередких убийств и ограбления торговых прау, пользуется плохой славой,[1] и теперь весьма редко посещается большими макассарскими прау (подуаканами). Папуасы берега Папуа-Онин живут оседло, папуасы берега Ковиай ведут жизнь бродячую. Более редкие посещения, меньший наплыв торговцев и вследствие этого меньшее влияние чужого элемента решили мой выбор, хотя по рассказам макассарцев и серамцев я мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь на берег Папуа-Ковиай, я ожидал чего-нибудь подобного случившемуся со мною и нашел потом, что ряд моих приключений совершенно соответствовал характеру населения этой страны.

Главной целью моей поездки было составить себе ясное представление об антропологических особенностях населения юго-западного берега Новой Гвинеи по сравнению с жителями северо-восточных ее берегов, которое можно было получить только путем личных наблюдений, не-

[1] См. A. R. Wallace. Der Malayische Archipel, II, 101.

смотря на то, что об этом побережье существует богатая литература.[1] Ниже я даю краткое описание этой поездки и привожу некоторые ее результаты.

Ноябрь 1875 г.
„Тампат-Сусса", Кампонг Эмпанг,
близ Бейтензорга

23 февраля 1874 г. отправился я из Гессира (островка между восточной оконечностью о. Серама и небольшим о. Серам-Лаут), на туземном урумбае[2] на юго-западный берег Новой Гвинеи, via о-ва Горам, Ватубелла и Ади.

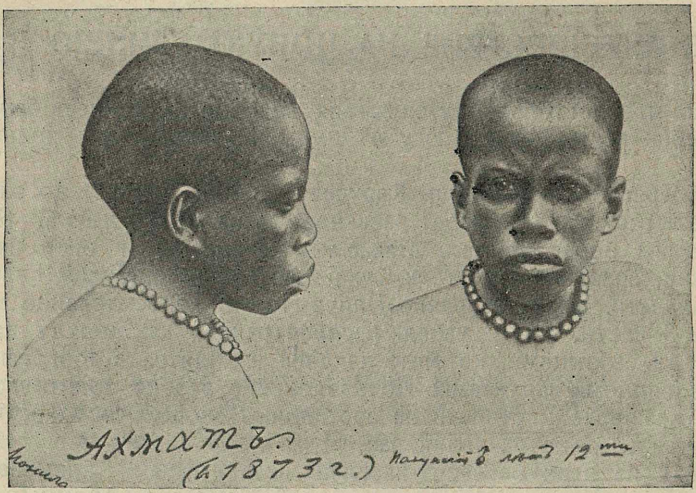

Рис. 26. Папуасский мальчик Ахмат.

Меня сопровождали двое слуг, жители о. Амбоины, и мой папуасский мальчик Ахмат;[3] экипаж урумбая состоял из 16 человек, из кото-

[1] Особенно много данных об этом побережье содержит голландская литература путешествий. См. Müller. Reizen en Onderzoekingen in den Indischen Archipel gedurende de jaren 1828, en 1836 in de Werken van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indie, 1857.—Nieuw-Guinea ethnographisch en natuurkundig onderzocht en beschreven in 1858 door eene commissie (экспедиция на пароходе „Этна") в „De Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde" (V Deel, 1862). — G. Roijer. Reis van Amboine naar de Z. W. en N. Kust van Nieuw-Guinea, gedaan 1858 met Z. M. stoomschip „Etna". Amsterdam, 1862.

Сводку данных старинных путешественников об этих берегах дает P. A. Leupe в своей интересной статье „De reizen der Nederlanders naar Nieuw-Guinea en de papoesche eilanden in de 17-e en 18-e Eeuw.", в „De Bijdragen tot de Taal,-Land- en Volkenkunde van Nederlandsch-Indie" (X Deel, 1865).

[2] Урумбай — большая лодка без палубы, с каютой в виде хижины, посередине борт урумбая не выше 0.5 фута от ватер-линии, нос и корма заострены и приподняты. Урумбай — общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге — бывает различной величины; мой урумбай мог поднять не более 2 т груза.

[3] Ахмат, папуасский мальчик, лет двенадцати, был подарен мне в январе 1873 г. султаном Тидорским. Пробыв около пяти месяцев на клипере „Изумруд", он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на этом языке. Хотя он имеет очень незначительную склонность к послушанию, но бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен.

рых 10 были папуасы. 27 февраля урумбай бросил якорь около о. Наматоте (остров между зал. Бичару и бухтой Тритон на Новой Гвинее).

Для выбора местности, удобной для постройки хижины, я посетил о. Айдуму, берег Лобо,[1] архипелаг Мавару и, наконец, решил остаться жить на берегу Новой Гвинеи, на мысу, называемом Айва, находящемся против архипелага Мавары.

Папуасы были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились со мной дружелюбно и даже очень почтительно. Так как береговые папуасы Ковиай ведут жизнь совершенно номадную, кочуя в своих пирогах из одного залива в другой, переезжая от одного берега к другому, то скоро моя хижина стала центром, около которого постоянно теснились пироги жителей Наматоте, Айдумы, Мавары; начальники их: радья Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары — ежедневно посещали меня, уверяя в преданности и дружбе.

Познакомившись с окрестностями, я решил предпринять более далекую экскурсию. Я воспользовался тем обстоятельством, что, вследствие западного муссона, урумбай не мог вернуться в Гессир. Оставив для охраны хижины амбоинца Иосифа и 5 серамцев, я отправился с остальными людьми сперва на восточный берег зал. Тритон, в местность, называемую Варика. Следуя своему обыкновению, оставив своих людей в урумбае, я один и невооруженный предпринял экскурсию в горы; меня сопровождали жители гор Камака, которые называются вуоусирау. Перейдя береговой хребет (около 1300—1200 футов), я посетил большое и интересное оз. Камака-Валлар, до сих пор неизвестное даже серамцам, которые почти ежегодно посещают эти берега. Озеро это находится на О, на высоте около 500 футов над ур. м., и окружено горами. Около озера находится несколько хижин вуоусирау. Горы на О, т. е. в глубь страны, не обитаемы.

Из Варики я продолжал путь в урумбае, останавливаясь у о-вов Айдумы, Каю-Меры, Лакахии, и пробрался в узкий зал. Кируру (Этна-бай голландских карт). Я нашел, что этот залив ошибочно называется заливом, так как он представляет собою род длинного пролива между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровыми деревьями. В последний, более обширный бассейн этого мнимого залива (в конце бухты Кируру) можно попасть другими путями, проезжая более узкими проливами между островами.

По берегам бухты Кируру не оказалось селений, и только в последнем бассейне, в местности, называемой Тимбона, я нашел два полуразрушенных шалаша. Отсюда я направился в горы; несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствовали, что горы эти посещаются папуасами. Я узнал потом, что сюда приходят по временам туземцы за масоем.[2] Позади прибрежной цепи (1500 футов высотой), на которую я восходил, находится лесистая горная страна.

Возвратившись с экскурсии в горы на урумбай, я отправился искать вдоль берега удобного якорного места для ночлега, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проливом. Мой план был изменен неожиданным появлением пяти больших прау, на которых находилось значительное число папуасов. Некоторые обстоятельства заставили ду-

[1] В этой местности с 1828 по 1836 гг. существовал форт Du Bus, от которого как я мог удостовериться, сохранились только ничтожные следы, скрытые в сплошном лесу.

[2] Масой — кора дерева из сем. лавровых; употребляется как лекарство.

мать, что папуасы последовали за нами не с дружескими намерениями, и хотя, после долгих колебаний, некоторые из них и взошли на урумбай, но это только увеличило подозрение моих людей, между которыми было несколько бывалых, посещавших неоднократно берег Новой Гвинеи. Они очень просили меня не оставаться здесь на ночь, а выбраться скорее в море. Я согласился на их убедительные просьбы. Мы тронулись в море, и мои люди так усердно гребли всю ночь, что к рассвету мы оказались уже у выхода из бухты Кируру против берега Ваймата. Весь следующий день я старался войти в сношения с папуасами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы звали нас в деревню. Так как берег здесь не имеет надежных якорных стоянок, а свежий ветер, большое волнение и сильный прибой представляли серьезные

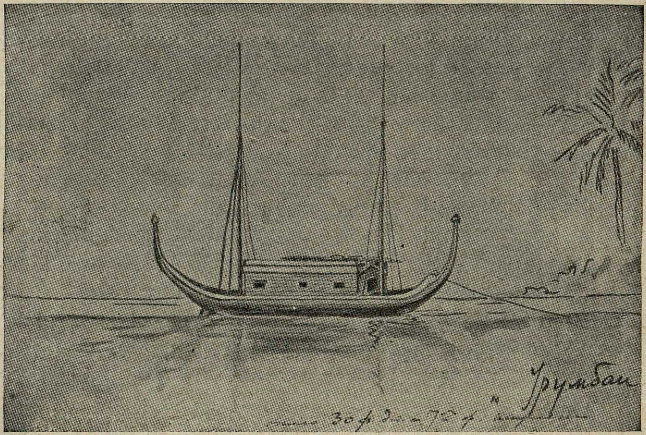

Рис. 27. Урумбай — малайское судно, на котором Н. Н. Миклухо-Маклай ездил на берег Папуа-Ковиай.

неудобства для продолжения пути на S, то я решил вернуться в Айву.

На возвратном пути 2 апреля у о. Айдумы я узнал от папуасов, что во время моего отсутствия горные жители зал. Бичару напали на жителей Айдумы, поселившихся временно около моей хижины, убили жену и дочь радьи Айдумы и ранили несколько людей и женщин, вследствие чего мои люди оставили хижину в Айве, перенеся мои вещи на макассарский падуакан,[1] пришедший недавно в Наматоте для торговли с папуасами. Я поспешил в Наматоте и узнал еще, что мои соседи, жители Мавары и Наматоте, воспользовались нападением горных жителей и разграбили мои вещи. Особенно чувствительна была для меня потеря нескольких метеорологических и анатомических инструментов; моя аптека и мой запас хинного и красного вина также не были пощажены.

Я хотел вернуться в Айву, но ни серамцы, ни мои амбоинские слуги не хотели следовать за мною туда, боясь второго нападения папуасов. Анакода (малайский шкипер) находился постоянно в ожидании нападения и грабежа, так что спустя несколько дней после того, как я перенес мои вещи с падуакана на урумбай, он поспешно оставил берег Ковиай, направившись на о-ва Кей или Ару.

[1] Падуакан — большое макассарское праву.

Моим людям очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил переселиться на о. Айдуму. Для этого я вернулся в Айву, снял атап[1] с крыши и стен своей хижины, сжег остатки ее и, возвратясь в Айдуму, поставил новую хижину в местности, называемой Унбурмета. Моя вторая хижина была меньше первой, и я жил в ней один, так как мои люди боялись проводить ночи на берегу и спали на урумбае, который находился на якоре недалеко от берега. Но мне не пришлось жить спокойно. Обстоятельства с каждым днем усложнялись: горные и береговые папуасы, действительно, приходили еще раз в Айву; узнал я также, что жители Наматоте хотят напасть на мою новую резиденцию в Айдуме; каждый день появлялись новости: то там, то здесь видели подозрительные прау, то замечали свежие следы неизвестных людей, бродивших около моей хижины и даже проведших ночь вблизи ее в лесу.

Приходилось быть настороже, носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому же я узнал еще больше подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамцам нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них помощи в случае нападения. Явились фактические доказательства, что один из серамцев принял участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами, что, когда горные папуасы приходили в Айву и когда мой амбоинский слуга Иосиф роздал порох и пули, чтобы прогнать их, серамцы стреляли холостыми зарядами. Эти факты легко объясняются тем, что $3/4$ моих серамских матросов были папуасы и некоторые из них были даже вывезены в малом возрасте из этих самых местностей. Я поселился в Айве, имея в виду, что на материке Новой Гвинеи фауна богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на о. Айдуме показало, что я не ошибся; хотя этот остров не отстоит от Новой Гвинеи более чем на $1/2$ морской мили, фауна его оказалась беднее.

После грабежа моих вещей люди Наматоте и Мавары не осмеливались посещать мою хижину в Айдуме, и только люди Айдумы, Каю-Меры, Камаки оставались около моей новой резиденции, вследствие чего материал для антропологических наблюдений стал ограниченнее. При натянутом положении дел нерационально было предпринимать экскурсии и даже отходить далеко от хижины; мои наблюдения поэтому сосредоточились на ближайшем коралловом рифе, а свободное время и вечера я проводил между папуасами, которые, вытащив свои пироги на берег, образовали вновь вблизи моей хижины маленькое селение.

К концу апреля погода изменилась. Частые грозы, сильные дожди, усилившийся прибой указывали на перемену муссона. Приближалось время, когда урумбай должен был вернуться в Серам, так как потом, при установившемся муссоне, ветер, прибой и волнение могли бы сделать опасным возвращение столь небольшого судна.

Утром 25 апреля я узнал, что один из главных грабителей, капитан Мавары, скрывается на одном из прау. Я сейчас же решил с одним служителем отправиться к прау. Найдя капитана и приставив ему револьвер ко рту, я приказал следовавшему за мной человеку связать ему руки. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления. Так же изумлены были серамцы и папуасы, которые были на берегу и видели все происшедшее.

[1] Атап — пласты особенным образом связанных пальмовых листьев; употребляются для покрытия крыш, а иногда и для стен хижин.

После этого ареста я немедленно приказал препроводить капитана Мавары на урумбай и перенести туда же мои вещи из хижины.

Через полтора часа все было готово к отплытию, и при благоприятном ветре урумбай находился уже к полудню далеко от берега Папуа-Ковиай.

30 апреля я прибыл с своим пленником на о. Кильвару и передал его местному радье, в доме которого ожидал прибытия голландского военного судна, имевшего притти сюда с амбоинским резидентом.

Я вывез с Новой Гвинеи довольно интересную зоологическую коллекцию, главным образом губок с коралловых рифов. Моя краниологическая коллекция обогатилась также шестью, несомненно, подлинными папуасскими черепами.

15 мая 1874 г.
Остров Кильвару

ЖИТЕЛИ ПАПУА-КОВИАЙ

(Антропологические заметки)

В общем туземцев берега Папуа-Ковиай нельзя отличить по типу от жителей более северных участков — Папуа Онин и Папуа-Нотан. Нельзя отделять также в антропологическом смысле жителей береговых селений от жителей горных, так называемых «майраси» и «вуоусирау», хотя они и составляют различные народности. Наблюдения показывают, кроме того, что на берегу Папуа-Ковиай уже давно существует примесь других рас и что такое смешение продолжается. Результаты такого смешения выражаются, однако, только в отдельных и то немногих особях, имеющих волосы курчавые, с более широкими завитками, или просто вьющиеся, более светлый цвет кожи и другие черты лица. Но все они составляют исключения, легко отличимые и встречающиеся только среди береговых жителей. Среди горного населения их нет; в общем мы имеем здесь чистокровную, отнюдь не смешанную, папуасскую расу.

Примесь чуждой малайской крови обусловливается не присутствием переселенцев, так как малайцы боятся селиться здесь среди папуасов; с другой стороны, и папуасы не привозят сюда жен с других островов. Женщина из Серама, которую я встретил и которая последовала за своим мужем в Наматоте, представляла собою редкое исключение. Примесь происходит другим образом. Берег Ковиай, хотя и реже, чем берега Онин и Нотан, посещается ежегодно макассарскими и серамскими прау, которые приходят сюда с одним муссоном, остаются здесь несколько месяцев, в ожидании туземных продуктов, и уходят с другим муссоном. Торговцы и экипаж этих судов представляют большое разнообразие народностей и рас: тут есть и бугисы, и макассарцы, и серамцы, и люди с о. Хальмахеры, с о. Бутона и др. Между торговцами и анакодами встречаются нередко помеси арабов, китайцев с малайцами, даже иногда чистокровные арабы и китайцы. Все эти люди имеют сношения с папуасскими женщинами и могут оставить здесь свое потомство, так как матери этих детей не покидают большей частью Новой Гвинеи, и дети номинально имеют других отцов. Особенно в семействах начальников встречаются часто подобные помеси, — обстоятельство, которое можно приписать тому, что начальники преимущественно перед другими имеют сношения с торговцами. Впрочем, хотя смешение здесь

несомненно, нельзя сказать, чтобы продукты его были многочисленны, и во всяком случае папуасский тип в них преобладает.

Оставляя в стороне результаты этого смешения рас, скажу о чистокровных папуасах этого берега. Не принимая во внимание второстепенных особенностей, обусловливаемых влиянием географического положения (и стоящими в связи с ним образом жизни, обычаями и т. д.), и не желая вводить искусственных подразделений, нельзя не притти к выводу, что папуа-ковиай никоим образом нельзя отделять в антропологическом смысле от папуасов восточного берега Новой Гвинеи (напр. туземцев берега Маклая). Нет даже, по моему мнению, достаточных оснований выделять их как особую разновидность той же расы.

Рост здешних папуасов колеблется в пределах: у мужчин — от 1750 до 1480 мм, у женщин — от 1510 до 1310 мм. Хотя и встречаются иногда высокие, сильные особи, но большая часть населения — ниже среднего роста европейцев. Причина тому, вероятно, соединенная с бродячим образом жизни недостаточная пища, и затем то обстоятельство, что девочки, едва достигшие зрелости, бывают здесь уже матерями. Там, где пища имеется в более достаточном количестве, как, напр., на южных низких берегах бухт Лакахия и Кируру, встречаются и более высокие и крепкие особи.

Исследование черепов и измерение голов [1] папуа-ковиай подтвердили результат, к которому меня привели измерения черепов туземцев берега Маклая, именно — что долихокефалия не может считаться антропологическим признаком папуасов и что между ними встречаются нередко и брахикефальные особи, так что показатель ширины черепа вариирует между 62.0—80.2. [2] Между женщинами короткие головы встречались чаще, чем у мужчин. Я не видал здесь никаких следов искусственной деформации головы или лица у детей (за исключением пробуравливания носовой перегородки) и не мог ничего узнать о таком обычае.

О волосах здешних папуасов ничего не могу сказать нового, кроме того, что расположение их не пучкообразное и что вид их обусловливается главным образом степенью ухода за ними. Постоянное смазывание маслом и расчесывание могут приводить к тому, что мелкокурчавые волосы почти теряют свои завитки, как это я не раз замечал у папуасских женщин, которые, желая походить на своих малайских сестер и получить более длинные волосы, постоянно смазывали их маслом и расчесывали. Дети (до десяти лет и более) имеют лоб, покрытый волосами; только в средней части лба, над переносицей, волосы короче и не так густы.[3] От висков вдоль щек спускаются очень заметные бакенбарды. Все эти волосы на лице, хотя довольно длинные, остаются прямыми. Они тоньше и кажутся светлее сравнительно с волосами головы. Грудь и живот, в особенности по средней линии, почти без волос; но зато задняя часть шеи, спина, плечи и тыльная сторона рук более волосаты. По середине спины, вдоль спинного хребта, волосы особенно густы и длин-

[1] Я пришел к убеждению, что измерение голов живых особей способно дать более верный материал для краниологических выводов, чем черепа, принадлежность которых известному племени не всегда может быть точно установлена.

[2] Показатель ширины черепа одной девушки папуа-онин оказался равным 84.0, что составляет почти pendant к одному черепу из Энглам-Мана на берегу Маклая, с показателем 86.4.

[3] Лоб, покрытый волосами, не есть особенность, встречающаяся только у папуасской расы. Я встречал его и у детей малайцев и у помесей европейцев с малайцами даже у детей, близких к периоду зрелости.

ны. Ягодицы иногда и у детей покрыты волосами, хотя вообще можно сказать, что верхние конечности более покрыты волосами, чем нижние.

Цвет кожи подвержен таким же индивидуальным вариациям, как и рост. В Унбурмете на о. Айдуме я видел новорожденного папуаса; он был желто-серого цвета, который всего подходящее было бы передать тоном между №№ 51 и 39 таблицы Брока. Тело было в некоторых местах очень светло, особенно нос и нижняя часть лица; руки, грудь и живот были гораздо светлее спины и лба; ноги были также светлее спины, однако, темнее рук. Темнота лба показалась мне особенно заметной. Волосы новорожденного были темнокаштанового цвета (не черного) и слегка вьющиеся; глаза также темнокарие.

Кроме значительной подвижности большого пальца ноги, мне бросилась в глаза подвижность плюсневого сустава. Вследствие постоянного упражнения и неупотребления обуви плюсневые связки у темнокожих рас, повидимому, длиннее и эластичнее, чем у европейцев. При сидячем положении и вытянутых ногах угол, составляемый линией подошвы с горизонталью, равен 45°, а иногда представлялся еще меньшим. При влезании на деревья, восхождении по лестнице, когда вся тяжесть тела покоится временно на одной ноге, угол этот оказывался много меньшим того, который может быть придаваем добровольно и на короткое время ступне без особых усилий или искусственных средств.

О ПАПУА-МАЛАЙСКИХ ПОМЕСЯХ

Во время моего пребывания на о. Кильвару, в продолжение месяца, я имел возможность наблюдать результаты скрещиваний между малайцами и папуасами. Мне хотелось установить антропологический habitus продуктов смешения обеих рас, имея главным образом в виду форму головы и характер волос. Для того чтобы пользоваться материалом, не подлежащим сомнению, я ограничил свои наблюдения только теми детьми, отцов и матерей которых я мог видеть. Полученные результаты можно передать в следующих положениях:

1) Помеси представляют, рядом с значительным разнообразием физиономий и внешнего вида, в большинстве случаев очень ясно выраженный папуасский тип,[1] и лишь у немногих он не проявляется.

2) Хотя локоны у некоторых и представляют мелкие спирали, однако, весьма немногие имеют волосы, подобные папуасским.

3) Встретились дети чистокровной папуаски и отца-малайца, которые имели совершенно прямые волосы. На этот случай, показавшийся мне особенно важным, я обратил специальное внимание. Мать одного такого человека была папуаска, женщина с берега Папуа-Онин, и имела характерные папуасские волосы и весьма удлиненную голову; сын ее, как и отец, имел совершенно прямые волосы и брахикефальную форму головы, между тем как лицо не представляло ни резко выраженного папуасского, ни малайского типа.

4) Помеси имеют преимущественно короткую голову; головной показатель вариировал у них между 80.4—93.7.[2]

[1] Тот же перевес на стороне более темной расы встречается также у помесей между негром-отцом и яванкой-матерью; в детях последних преобладает негритянский тип, но рядом с очень темным цветом кожи, негроподобными чертами лица и волосами почти что негритянскими, форма головы была в двух случаях короткая, т. е. малайская.

[2] Большое преобладание брахикефалии зависит, вероятно, отчасти от того, что исследованный материал был собран наблюдениями над детьми.

5) Цвет кожи, не всегда одинаковый, был в общем темнее, чем у малайцев.

6) Физиономии метисов представляются для европейского глаза более красивыми, чем физиономии папуасов или малайцев: выражение их более интеллигентное, более живое, чем у кровных малайских детей.

КАМАКА-ВАЛЛАР

Значительное, длинное по отношению к его ширине, оз. Камака-Валлар окружено со всех сторон лесистыми горами. С N оно ограничено хребтом Майомуту (Majomutu), возвышающимся за выдающимся мысом Ватевай (Watewai); к NO и O от него тянется необитаемый горный хребет Камбекиару (Kambekiaru), а с S его окаймляют высокие горы Арора и Овуа, соединенные между собою довольно низкой грядой. За этой грядой к S находится зал. Каю-Мера (Kaju-Mera). С W оз. Камака-Валлар отделено от бухты Тритон горным хребтом Варика (Warika около 1200 футов высотой. Озеро находится на высоте около 500 футов над ур. м. Величину его я не могу определить в точности, так как я не переезжал его по всей длине, и оба конца его вследствие многих разбросанных по нему островов и выдающихся полуостровов нельзя было видеть. Я полагаю, впрочем, что в небольшой лодке с двумя гребцами озеро можно проехать с N на S в 2½—3 часа. По хорошей дороге, следуя берегом, хороший пешеход мог бы обойти его в 15—20 часов; в действительности, однако, при нынешнем его состоянии (т. е. при полнейшем отсутствии даже тропинки) подобное предприятие потребовало бы 3—4 дня. Только на западном и юго-западном берегу озера находится несколько хижин, принадлежащих горным жителям — вуоусирау.

Оз. Камака-Валлар замечательно происходившими неоднократно изменениями его уровня. Посетив его в марте, я нашел много погибших деревьев, стоявших отчасти на берегу, отчасти в воде. На островах и берегах можно было также наблюдать пояс вымершей растительности, отличавшейся своим цветом. В воде тоже виднелись отмершие стволы до глубины в 4—5 м. На высоком берегу, особенно на известковых скалах, можно было различить явственные следы более высокого уровня воды, метра на 2 выше современного уровня. Более древний, но все-таки явственно сохранившийся след обозначался темной линией, проходившей метра на 1½ выше только что указанного. Все вуоусирау припоминали и утверждали единогласно, что несколько лет тому назад вода озера в н е з а п н о в одно утро понизилась; они не могли мне ничего сообщить, было ли при этом землетрясение; понижение воды произошло внезапно, в несколько часов. Дальнейшие расспросы повели к сообщению, что, будучи детьми, они видели только верхушки деревьев, стоящих теперь на берегу, но ни один из стариков не мог мне ничего сообщить о повышении воды, залившей деревья до их верхушек (что совпадало с первой линией прежнего высокого уровня). Я старался определить периоды понижения и повышения воды в озере такими соображениями. Во-первых, было время, когда вода в озере стояла много ниже, чем теперь, когда деревья, стоящие теперь в воде, росли на берегу. Период этот должен был продолжаться довольно долго, так как некоторые стволы достигли значительной толщины (до 25 см в диаметре и больше). Твердая еще древесина (даже в выдающихся из воды частях), как мне кажется, доказывает, что этот период низкого уровня воды не мог быть очень отдаленным. Затем последовал второй период, когда все

деревья почти до самых их верхушек оказались в воде. Этот период закончился при жизни большинства присутствовавших вуоусирау наступившим изменением уровня, но когда это случилось, туземцы не могли определить ни по годам, ни по муссонам. Я разрешил вопрос весьма простым способом. Я позвал всех детей и начал спрашивать, начиная с самого маленького, у всех туземцев: родился ли этот ребенок, когда уровень воды понизился. Я дошел, наконец, до девочки, отец и мать которой мне объявили: вода в озере понизилась незадолго до рождения этой девочки, которая теперь только что достигла половой зрелости. Таким путем мог я добиться, что внезапное понижение уровня последовало лет 14—15 тому назад, т. е. приблизительно в 1858 или 1859 г.

Как я уже сказал, никто из более пожилых туземцев не мог припомнить времени, когда деревья стояли еще на берегу, а не в воде, а так как самому старому из присутствовавших нельзя было дать более 50 лет, то этот период самого низкого стояния воды нужно отнести, примерно, ко времени столько же лет тому назад. Что это не могло быть много раньше, доказывается качеством хорошо сохранившегося твердого леса. Пускаться в дальнейшие гипотезы и рассуждения относительно этого явления выходило бы из пределов настоящей заметки; отмечу только, что одно зоологическое наблюдение еще более затруднило меня в приискании подходящего объяснения. На всех стволах на берегу я нашел желтоватое вещество, оказавшееся при ближайшем рассмотрении губкой. Убедившись в этом, я стал, конечно, искать, не водится ли эта губка также в воде Камака-Валлар. Скоро открыл я, действительно, на всех деревьях в воде зеленоватую и зеленовато-серую губку, которая и была собрана мною для микроскопического исследования. Губка эта, названная мною *Rumut Wallari* Mcl., принадлежит к галихондриям и родственна одной кремневой губке, которую я встречал часто на берегу Ковиай. Как эта губка попала в озеро, находящееся ныне на 500 футов над ур. м., является снова вопросом, способным вести к новым гопотезам. Я искал в озере также других животных, но, кроме нескольких раковин, относящихся к родам *Terebra* и *Turbo*, встреченных мною в большом числе на берегу, но уже мертвыми, мог найти только одного *Ophiocephalus*. По слухам, в озере водится еще одна довольно крупная рыба, но вследствие ее редкости мне не удалось ее видеть.

Вода Камака-Валлар была пригодна для питья, но не имела приятного вкуса, тем более, что была очень теплой (31° Ц).

ФИЗИОНОМИЯ СТРАНЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Во время этой поездки я имел случай познакомиться с одной из самых живописных местностей новогвинейского берега. Море с его многочисленными заливами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с их разнообразными контурами, богатая, идущая от самого берега до высочайших вершин растительность, — все это представляет на Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж не достаточно назвать красивым, но надо признать величественным.

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдье этой по виду роскошной страны. На всем протяжении Ковиай, который я посетил (от зал. Бичару до зал. Лакахии), встречается не более трех или четырех жилищ, которые можно назвать хижинами. Все остальные также очень малочисленные, едва заслуживают названия шалашей; меж-

ду ними встречаются часто такие, наскоро построенные, жилища, состоящие только из низкой крыши, где может поместиться лишь 1 человек, и то единственно в лежачем положении. Многие из этих жилищ только временно обитаемы, и даже редко можно застать в них жителей. Все население скитается по заливам и бухтам в своих пирогах, оставаясь только несколько часов или дней в одной местности и затем отправляясь дальше. Настоящее жилище папуаса-ковиай — это его бери-бери (узкий, снабженный двумя балансирами челнок, который обыкновенно бывает прикрыт навесом из непромокаемого кадьяна — цыновки из пандануса). Посередине имеется платформа, укрепленная на балансирах, на которой может поместиться вся семья, обыкновенно немногочисленная, и все пожитки папуаса. Плоский, наполненный землей, ящик образует очаг. Так скитаются папуа-ковиай, то занимаясь ловлей рыбы, то, оставив свой бери-бери на каком-нибудь, возможно более укромном берегу, ища себе пищи в лесу. Редко можно встретить 2 или большее число бери-бери вместе. Причина этого вечного скитания заключается в постоянных войнах между туземцами и в нападениях хонгий папуасов-онин, а также, хотя теперь и реже, тидорцев. Постоянная опасность не позволила жителям изменить номадный образ жизни или, может быть, сделала их бродячими.

Население гор еще малочисленнее берегового, и только узкий береговой пояс кое-где населен. Замечателен факт, показывающий большую изолированность и малую населенность этой части Новой Гвинеи, именно — что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковиай положительно ничего не знают о зал. Гельвинк, несмотря на узость перешейка (особенно около зал. Кируру). Как сказано, горы внутри страны не населены, и никогда жители Папуа-Ковиай не переходили и не переходят этих гор. Этот факт достоверен, потому что я часто и обстоятельно расспрашивал об этом жителей различных местностей и всегда получал отрицательные или мало удовлетворительные ответы.

Сравнивая образ жизни папуасов берега Ковиай и папуасов берега Маклая, нельзя не заметить большого различия между теми и другими. Несмотря на то, что папуасы берега Ковиай уже знакомы с железом и железными орудиями, что они познакомились с одеждой и даже с огнестрельным оружием, что они носят серебряные и даже золотые украшения, они остались номадами и ведут весьма жалкий, бродячий образ жизни.

Недостаток пищи вследствие неимения плантаций и домашних животных[1] заставляет их скитаться по заливам в поисках морских животных, ловить рыбу, бродить по лесам для добывания плодов, съедобных листьев или кореньев. На вопрос при встрече: «Куда?» или «Откуда?», я обыкновенно получал ответ: «Ищу» или «Искал, что поесть».

Папуасы берега Маклая, хотя живут совершенно изолированно, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 г.) ни с одним металлом, однако, строили и строят относительно очень удобные, часто большие хижины, обрабатывают тщательно свои плантации, круглый год снабжающие их пищей, имеют домашних животных: свиней, собак и кур. Вследствие их оседлого образа жизни и дружественных отношений мно-

[1] Только у горного населения Папуа-Ковиай я встретил собак; береговые жители не имеют даже и этого домашнего животного. Так как и в горах собак очень мало, то их не употребляют в пищу, как на берегу Маклая.

гих деревень между собою войны у них сравнительно гораздо реже, чем между папуасами берега Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более цивилизованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, и вряд ли можно ожидать, что соприкосновение в будущем папуасов с европейцами, — если оно ограничится только торговыми сношениями, — поведет к лучшим результатам. Малайцы принесли папуасам Ковиай радьей, торговцев, ружья и опиум; от европейцев они получат еще резидентов, миссионеров, ром и т. д. и т. д.

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ АМБОИНЫ НА БЕРЕГ ПАПУА-КОВИАЙ (1874 г.)

Благодаря письму генерал-губернатора Нидерландской Индии и любезности резидента Амбоины мне был предоставлен казенный кутер, так называемый «крюйзбот» для переезда из Амбоины на о. Серам-Лаут, откуда я надеялся найти возможность отправиться на Новую Гвинею. В Амбоине я нанял для предстоящего путешествия двух слуг-амбоинцев: Давида Хукому, человека лет тридцати пяти, в качестве охотника и главного доверенного, и Иосифа Лепеца, лет двадцати восьми, как повара, а также умеющего порядочно стрелять. Первый уже сопровождал ранее нескольких естествоиспытателей, именно д-ра Бернштейна и д-ра Розенберга, и умел порядочно приготовлять шкурки птиц. Второй был в этом отношении еще homo novus, но открытая физиономия его мне понравилась, и я взял его, в чем потом не имел причины раскаяться. Кроме того, меня сопровождал еще мой папуасский мальчик Ахмат.

14 февраля

Занятый весь день укладкой вещей, отправкой их на кутер и несколькими прощальными визитами, я в 11 часов вечера выехал из Бату-Гадья («Камень-слон» — резиденция бывших губернаторов Молуккских о-вов и теперешних резидентов Амбоины, названная «Бату-Гадья» потому, что вода великолепного источника в парке резиденции вытекает из камня, высеченного в форме головы слона). Заехал в клуб проститься с Д. и был на кутере в 11 час. 45 мин., так что ровно в 12 часов мог быть поднят якорь, и мы отправились. Я сейчас же спустился в каюту и лег.

15 февраля

Отлично проспав всю ночь, проснулся очень поздно от такого толчка, что еле удержался на койке. Качка была очень сильная для небольшого судна; сидеть на палубе было невозможно, так как волны поминутно хлестали через борт. К вечеру немного стихло, и я вышел на палубу. Мы проходили о. Сапаруа.

16 февраля

Вечером, около зал. Хоя. Так как я уже отдохнул от последних дней в Амбоине и сплю менее крепко, чем в первую ночь, то чувствую укусы муравьев, и меня будят большие черные тараканы, пробегающие по рукам и лицу.

17 февраля

Ветер совсем стих, но качка продолжается. Мы все еще у зал. Хоя. Живописный берег.

18 февраля

Сильная качка. Толчемся и плохо подвигаемся вперед.

19 февраля

К 8 часам утра открылся о. Гессир, но так как ветер был слабый, а качка сильная, мы бросили якорь около деревни не ранее 11 часов. Как только это было сделано, несколько малайских лодок, из которых две или три под голландским флагом, приблизились к кутеру, и главные начальники окрестных деревень, как радья (я пишу, следуя малайскому произношению, «радья», а не раджа, как пишут многие русские, следуя английскому произношению слова) Муда Кильвару, радья Амар, Оран-Кая-Кваус, майор Гессира приехали знать о причине прихода правительственного судна. Показав письмо от резидента, я объяснил дело, которое меня привело сюда, и сказал, что мне сегодня же необходимо малайское прау с экипажем в 15—20 человек для того, чтобы отправиться на Новую Гвинею. Я прибавил, зная характер малайцев, которые делают что-нибудь только в случае полнейшей необходимости, что мне нужно все это сегодня же и, не отпуская начальников на берег, стал расспрашивать и записывать, сколько каждый из них может доставить мне людей. Я отдавал свои приказания от имени резидента Амбоины и генерал-губернатора Нидерландской Индии. Анакода (малайский шкипер кутера), имея в виду то обстоятельство, что, если я скоро найду себе подходящее судно, он будет в состоянии скорее вернуться в Амбоину, поддакивал каждому моему слову, и мы вместе привели начальников в такое лихорадочное состояние, что они, чтобы отделаться от такого кошмара, согласились сегодня же показать мне несколько подходящих для путешествия прау и сегодня же доставить мне, если захочу, всю команду.

Мне надо было выбрать «папала-оран» (главного человека над людьми, которых я хотел взять) и, осмотрев внимательнее физиономии начальников, из которых один по письменному приказанию из Амбоины должен был сопровождать меня на Новую Гвинею, я выбрал того, чья физиономия показалась мне самой красивой и интеллигентной, хотя и довольно плутоватой. Радья Амар, которого я хотел взять с собою, однако же, отговорился тем, что никогда не был на Новой Гвинее, мало знает о ней, а, главное, тем, что всего несколько месяцев тому назад лишился отца и только что вступил в управление своим островом. Он предлагал, поддерживаемый остальными начальниками, другого, бывшего не раз на Новой Гвинее, именно Сангиля, брата майора Гессира. Мы условились, что я к 5 часам съеду на берег для дальнейших переговоров и для осмотра прау; затем я отпустил их со словами, что мне все надо сегодня же. После сиесты, к 5 часам, я съехал на берег в сопровождении анакоды, Давида и Ахмата; меня встретили майор Гессира, его брат, которого он мне представил, радья Амар и толпа малайцев. Мы осмотрели 3 прау; одно было слишком велико, другое ветхо, третье, хотя было очень невелико, более подходило к моим требованиям. Это был так называемый «урумбай», принадлежавший дер. Гессир; майор Гессира соглашался предоставить его в мое распоряжение за вознаграждение, но в том только случае, если я возьму с собою его брата. Я посмотрел на Сангиля. Физиономия у него была некрасивая, с хитрым, но не глупым выражением. Предпочитая иметь дело с плутоватыми, но не глупыми людьми, я почти решил сейчас же, что дело с урумбаем может быть улажено, но не сказал этого и отправился к дому майора Гессира. Здесь я собрал всех начальников, объявил, что мне нужно 15 или 16 человек, и предложил, чтобы за известную плату за каждого они выбрали

из жителей своих деревень по нескольку человек, желающих сопровождать меня на берег Папуа-Ковиай. Майор Гессира сказал, что я могу располагать пятью из его людей; радья Килу предложил мне взять трех; радья Кильвару — двух; Оран-Кая-Кваус — двух; майор Кильтай—двух; майор Кефинг — трех; итого 17 человек. Я поручил радье Муда Кильвару, молодому человеку, физиономия которого мне понравилась, сообщить мне, какое количество саго, сушеной рыбы и говядины мне следует взять для прокормления людей, которых будет (считая также моих трех слуг) 19 или 20, в продолжение пяти месяцев. Он обещал дать мне смету к следующему дню. Я объявил майору Гессира, что осмотрю его урумбай на другой день и, простившись с начальниками, вернулся на кутер.

20 февраля

Писал письма в Европу, в Батавию и на Амбоину и вел длинные переговоры об урумбае, людях и провизии для них. Съехал на берег, чтобы осмотреть снова урумбай. Величина каюты мне понравилась, люди мои также нашли, что и для них места было достаточно, что судно подходящее и надежное. Одним его преимуществом было то, что в случае штиля на нем можно было итти на веслах. Урумбай имел две мачты с обыкновенным шлюпочным вооружением. Так как урумбай, вытащенный на берег довольно давно, мог дать течь, то было решено немедленно спустить его на воду. Отправился в дер. Кильвару, на острове того же имени. Был встречен моим новым другом Мохамедом, радьей Муда Кильвару. Деревня была довольно интересной, но описание ее я откладываю до другого раза. Я узнал, что мне необходимо будет взять около 15 тысяч кусков саго, затем достаточное количество рыбы и сушеной говядины, называемой здесь «турумонги». Я поручил Сангилю, майору Гессира, Мохамеду и моим двум амбоинцам купить, принять, сосчитать провизию, уложить ее в подходящее место на урумбае и все это сделать без промедления. Положено было принять провизию на другой день.

22 февраля

Урумбай подошел к кутеру, и мои люди занялись переноской вещей в мое новое помещение. Я продолжал писать письма, а после сиесты записал имена людей, которых я беру отсюда.

Экипаж урумбая оказался довольно смешанным: между моими слугами были люди из Амбоины, бугисы, но родившиеся на о-вах Серам-Лаут, метисы малайско-папуасского происхождения и двое чистокровных папуасов. Прибыв с урумбая, который утром, отойдя от кутера, бросил якорь на некотором расстоянии от берега, Давид сообщил мне, что было принято 16 250 кусков саго, достаточно сушеной рыбы и говядины, всего на сумму 150 голландских флоринов. Я дал 20 флоринов задатка за урумбай, наем которого на время путешествия на берег Ковиай стоил 50 флоринов, и по 2 флорина каждому человеку, нанятому на 5 месяцев за 10 флоринов в месяц.

23 февраля

Кончил письмо в Русское географическое общество и частные письма в Европу и Батавию и, вложив их вместе с оставшимися день-

гами в пакет на имя резидента Амбоины, передал его анакоде кутера, прибавив, что я в нем больше не нуждаюсь и что он может вернуться в Амбоину. Сам же, сделав перекличку и убедившись, что все люди налицо, поднял якорь. Около 9 часов прошли мимо Мар, красивой деревушки на о. Лодо. К ночи бросили якорь около о. Горам.

24 февраля

Посетив несколько деревушек на о. Горам, я снова отправился в путь около 12 часов пополудни, и вечером прибыл в Ватубелла.

25 февраля

Остров Ватубелла. Даже тот, кто имеет только зачатки чувства прекрасного, должен признать, что пейзаж этого гористого островка, покрытого роскошной тропической растительностью, очень живописен. Кокосовые пальмы, бананы, панданусы, разные ароидные растения, лианы покрывают вершины почти отвесных скал и ущелья, спускаясь к морю.

Когда мы подходили к острову, совсем заштилело. Мы поймали большую черепаху, которая почти не сопротивлялась, когда ее вытаскивали из воды. Это была самка; ее потревожили во время совокупления. Самец успел уйти. Жителей в деревне не много. Между женщинами с малайским типом есть очень высокие, с прекрасными, немного вьющимися волосами, но, к сожалению, с совершенно черными зубами и ртами, вследствие жевания бетеля. Есть также много папуасских женщин. Между мужчинами я заметил нескольких с длинными вьющимися волосами, очень похожих на таитян и вообще на полинезийцев. У многих были браслеты из золота и серебра. Груди у папуасских женщин такие же конические, как и у папуасок берега Маклая. На лбу у некоторых я заметил ряд надрезов. Мне объяснили, что их делают при головной боли. Многие были заражены накожной болезнью, которую здесь называют «каскадо». Язык островитян отличен от диалекта Горам и даже от языка жителей о-вов Теор, Кей и Ару.

Когда жара начала спадать, т. е. около 4 часов, я отправился в горную деревню. Тропинка была живописна, но трудно проходима. Пришлось лезть по уступам отвесной скалы; наконец, к самой деревушке надо было взбираться по ветхой, изломанной лестнице. С верхней площадки вид на море был великолепен. Отсюда я уже мог увидеть высокие горы Папуа-Ковиай. Вокруг площадки стояло с полдюжины хижин. Несколько гробниц находилось на самом краю отвесной скалы, которая спускалась высоким обрывом прямо в море. Вернулся вниз по другой тропинке.

26 февраля

При попутном западном ветре направились мы часов в 7 утра к берегам Новой Гвинеи. Горизонт был обложен серыми тучами. Дождь шел часто. Ветер стал крепнуть к полудню, потом после проливного дождя заштилело. Сильная качка была крайне неприятной. Течением нас несло на N. К заходу солнца о. Ватубелла был виден еще очень ясно. К 8 часам ветер с WSW стал очень силен; пришлось взять по рифу у всех

парусов. Ветер и волнение усиливались. Вода вливалась в мою каюту даже в окна. Ветер стал нам попутный. Налетел шквал, разорвал в клочья кливер; волной залило маленькую шлюпку, купленную мною в Гессире; она оторвалась и была унесена в море или затонула. Каждую минуту можно было ожидать, что вал вкатится с кормы и затопит урумбай. Ветер все крепчал; приходилось зажигать фонарь каждую минуту, чтобы смотреть на компас. В это критическое время я заметил, что рулевые совсем обезумели от страха, и при отблеске фонаря, который сейчас же потух, я увидел, что один из них стоит на коленях и, упрятав лицо в руки, молится, вместо того чтобы делать свое дело. Схватив револьвер, я пробрался к нему, поднял его голову и, приложив револьвер к его уху, сказал: «Завтра можешь молиться, а теперь, если не будешь править, как следует, я тебе всажу пулю в лоб!». Когда выстрел раздался у самого уха, рулевой понял, что, пожалуй, мой револьвер может оказаться для него более опасным, чем ветер и волны, и стал просить, чтобы я не сердился. К 12 часам снова сильный шквал с дождем привел урумбай в очень серьезное положение. Кроме дождя, который лил ливмя, волны часто заливали урумбай. Приходилось иметь постоянно наготове несколько человек для отливки. Я не был уверен, что какая-нибудь волна не зальет нас окончательно. Я, разумеется, не спал всю ночь: я не мог доверять рулевым. Так как все небо было покрыто темными тучами, то для соблюдения курса единственным средством был компас. К рассвету — новый шквал, но не такой сильный. К восходу солнца я имел удовольствие убедиться, что, несмотря на плохую ночь, мы все-таки оказались очень недалеко (лишь немного севернее) от мыса Van den Bosch. Затем к 9 часам показался о. Ади. К 10 часам небо прояснилось, и свежий W стал быстро подвигать нас вперед. Около 3 часов, при сильном попутном ветре и волнении, мы прошли через пролив Nautilus, и здесь нас чуть не залило попутной волной. Зайдя за о. Ади, мы очутились как бы в большом озере. Бросили якорь. Жителей на берегу не было видно. Вечером слышны были крики, но я не уверен, что это были голоса людей, а не птиц. Ночью снова пошел дождь.

БЕРЕГ ПАПУА-КОВИАЙ

(Февраль, март, апрель 1874 г.)

28 февраля

Направился к о. Наматоте. Было жарко, и ветер сперва был очень слабый N, но когда мы отошли от о. Ади, он переменился в W и WSW, и стало свежеть. Горы около бухты Тритон (Triton Bay) были покрыты облаками, и кругом нависло много дождевых туч. К вечеру мы подошли к Наматоте. На берегу, вдали, показался огонек, который сейчас же скрылся; вероятно, жители испугались звука барабана и песен на урумбае, которыми мои люди воодушевляют друг друга, когда гребут. При лунном свете можно было видеть скалы, вершины которых были покрыты растительностью. В некоторых местах они представляли отвесные стены. По временам замечательно громкое эхо вторило звукам гонга и голосам людей. Группы скал, покрытые растительностью, были соединены песчаными перешейками, и небольшие бухточки вдавались между скалами, представляя удобные убежища для небольших судов;

действительно, серамские прау часто бросают здесь якорь. Нас окликнула небольшая пирога. Сангиль отозвался в свою очередь, крикнув свое имя, но люди долго не признавали его голоса, однако пирога подошла ближе, так как язык Сангиля был понятен туземцам. Затем другая пирога, большая, с просторной платформой, на которой сидело несколько вооруженных людей, вышла из-за другой скалы. Завязались переговоры, и, наконец, убежденные словами Сангиля и других матросов-папуасов, они подошли к урумбаю, и несколько черных фигур с громким говором влезло к нам, оставив оружие в пироге. Пока на урумбае шел оживленный разговор, на пироге послышалось несколько выстрелов; папуасы разряжали свои кремневые ружья, которые они зарядили на всякий случай. Двое выстрелили, а третье ружье, несмотря на все усилия, не повиновалось.

1 марта

Прекрасное утро придавало много красоты скалам и зелени островка Наматоте и красивым горам с величавыми контурами бухты Тритон. После завтрака вооруженный записной книгой, зонтиком и револьвером я отправился в туземной пироге на берег. Сангиль, вооруженный старым тесаком, и Давид, с охотничьим ружьем и небольшим каучуковым ковром, сопровождали меня. Папуасские пироги следовали за нами. Высадившись у кораллового рифа, я направился к нескольким хижинам, почти скрытым зеленью. При моем приближении две-три женщины с детьми бросились в кусты. Несколько человек вышло ко мне навстречу, они привели меня к площадке, покрытой цыновками, где я и поместился. Мне сказали, что радья Наматоте скоро явится.

Деревушка, в которую я пришел, почти не заслуживает этого имени. Всего там было два или три шалаша и два прау с крышей, вытащенные на берег. Шалаши были очень примитивной постройки и похожи на те, которые я видал в горах Маривалес, у так называемых негритосов о. Люсона. Несколько женщин сидело около них и приготовляло пищу. Между женщинами была одна, очень разговорчивая, из Серама, с длинными, прямыми малайскими волосами, последовавшая за своим мужем-папуасом, который вернулся из Серама. Туземцы были не особенно красивы; у многих были заметны накожная болезнь и раны. Двое-трое папуасских юношей представляли, однако, образцы папуасской красоты. Курчавые волосы, вившиеся крупными кольцами, указывали на помесь с жителями Серама и другими малайцами.

Показалась из-за скалы пирога с большой платформой и высокой мачтой, на которой развевался голландский флаг. Несколько человек с пироги, завидя меня, выразило, повидимому, намерение вернуться, и только громкие крики окружавших меня снова ободрили их. Двое шли впереди: один, одетый в красные штаны и куртку, был молодой радья Наматоте; другой — в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, рослый, с большим носом и неприятной физиономией — майор Мавары. Радья Муда был довольно большого роста, с вдавленным носом и неприятным произношением в нос. Нос майора также отличался своей формой: внизу он был очень широк, крылья были расположены почти на одинаковой высоте с кончиком носа. Они оба были одеты в малайские костюмы. Я им указал место около себя и объяснил им, что намереваюсь поселиться здесь, между ними, месяца на три и что хочу ви-

деть здесь горы, деревья, животных, людей и хижины их, что хочу также знать обо всем, что здесь делается.

Начались сейчас же жалобы на набеги, олимы и на войны между деревнями. Мне рассказали, что в январе жители о. Ади, чтобы отомстить за нападение людей Лакахии, наняли людей зал. Камрау, которые вырезали людей о-вов Каю-Мера и разогнали людей о. Айдумы. Радья Наматоте предложил мне осмотреть его дом, где я могу, если захочу, поселиться на время пребывания на этом берегу. Я согласился, и мы пошли сперва по лесу, по очень мокрой и неудобной тропинке, потом берегом. Обогнули мысок и оказались между двумя скалистыми стенами. Здесь, между кокосовыми пальмами, стояло несколько хижин, из которых большая принадлежала радье Наматоте. Недалеко от этой хижины стояли две полусожженные и одна полуразвалившаяся. Две другие, с резными досками, стояли по сторонам высокой платформы, сложенной из коралла. Эти последние оказались гробницами родственников радьи Наматоте. Кубическая куча кораллов оказалась также старой гробницей. В одной из хижин (гробниц) в траве лежали вещи умершего.

Дом радьи был сложен из досок и не отличался оригинальностью постройки. Все место с сожженными и развалившимися хижинами и могилами имело запущенный и непривлекательный вид. Затем, отсутствие воды (есть один источник — очень плохой, полусоленой воды) и слишком малая величина островка, чтобы рассчитывать на успешную охоту, заставили меня совершенно отказаться от мысли поселиться здесь. Я сказал, что намерен отправиться в Айдуму. Видя, что нет возможности уговорить меня остаться жить в Наматоте, радья перешел к вопросам, есть ли у меня ром или джин, которые, по его словам, здешние папуасы очень любят. Я ответил на это, что пить ром нехорошо, и для его людей будет лучше, если они никогда не будут пробовать этих напитков.

Отправились на о. Айдуму и бросили якорь к 4 часам около большой старой хижины. Около нее стояла другая, поменьше, как оказалось, тоже гробница. Ни души кругом не было видно и слышно. Большая хижина была слишком ветхой, чтобы жить в ней; поправить же ее было труднее, чем выстроить новую. Отправился далее. Прошли мимо трех шалашей, тоже покинутых. Солнце уже заходило, когда я снова отправился на другую сторону бухты Тритон, к о. Маваре. Эти острова очень скалисты. Скалы возвышаются стенами и башнями и покрыты местами роскошной растительностью. Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности о. Мавары. Маленькая хижина, окруженная зеленью, стояла между отвесными скалами, виднелся огонек на берегу, который сейчас же потух, как только заслышались голоса на урумбае. Очевидно. нас не сочли за желанных гостей. Я не захотел тревожить туземцев и приказал не съезжать на берег.

2 марта

Утром рано отправился к хижине. При моем приближении несколько женщин выбежало оттуда и бросилось в лес. Кучи раковин лежали в разных местах около хижины, как бы указывая собою, что богатство экваториальной растительности не дает еще человеку достаточно пищи. Ему приходится голодать или собирать по рифам мизерно-

маленьких безвкусных моллюсков. После завтрака отправился в Лобо посмотреть на местность, где голландцы, 46 лет тому назад, думали основать колонию, так называемый форт Du Bus, которая просуществовала недолго и превратилась в кладбище со многими сотнями могил. Подъехала пирога, и вошедший из нее на урумбай худощавый длинноносый старик оказался радьей Айдумы, который должен был покинуть свой остров вследствие нападения людей Телок-Камрау. Он плаксивым тоном рассказал мне о своем несчастье. Чтобы иметь более определенное понятие о войнах между туземцами, я стал допытываться, к сожалению, при помощи переводчика Сангиля, так как радья Айдумы почти не понимал малайского языка, о числе нападавших. Оказалось, что людей Камрау было около 100 (даже и эта цифра, вероятно, преувеличена); убитых людей в Каю-Мере было 10, раненых 10 или 12. Из этого видно, что войны эти не что иное, как ничтожные стычки, но, несмотря на то, они — главная причина номадного образа жизни туземцев и мизерности их селений. Поселись они большим селением, оно скоро было бы разграблено и разорено соседями. Постоянные опасения быть убитыми и ограбленными принуждают туземцев жить преимущественно в своих пирогах, перекочевывая с места на место. Радья Айдумы пожелал сопровождать меня, и его пирога, в которой находилась его семья, состоявшая из двух жен и двух детей, последовала за урумбаем. Я приказал дать им рису и саго, чем радья и его жены остались очень довольны.

Почти совершенный штиль прерывался иногда довольно сильными порывами ветра. При одном из таких порывов, когда урумбай сильно и неожиданно накренило, Ахмат, сидя на невысоком борту и занятый едой, не успев удержаться, полетел вверх ногами в воду. Разумеется, он без труда был вытащен, весь мокрый, при общем хохоте. Около часу пополудни подъехали к берегу у самого того места, где был расположен форт Du Bus, основанный в 1828 г. Местоположение очень красивое: большой, глубокий бассейн, замкнутый со всех сторон горами, расстилается у подножия живописной, очень крутой горы Ламансиери. Горы здесь так круты и при сильных дождях с них стекает в море так много воды, что можно черпать пресную воду на его поверхности. Это мне сказал радья Айдумы и подтвердило несколько других туземцев. Берег был покрыт высоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь 46 лет тому назад. Между туземцами, однако, сохранилось воспоминание о ней. Несмотря на полуденную жару, я высадился около рощи кокосовых пальм, и старик радья Айдумы взялся показать мне остатки «рума бату оран Голланда» (каменных домов людей Голландии). Пройдя несколько шагов, мы наткнулись на 4 могилы, состоящие из небольших построек из кольев и атапа, наподобие маленьких хижин (около 2 м длины, 1 м ширины и 1 м вышины). В одной из них находился еще «татумбу» (умерший). Тропинки никакой не было. Позвал Иосифа и Ахмата, которые, по указанию радьи Айдумы, стали прорубать парангами (большие малайские ножи) путь. Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб. Подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. Мои люди расчистили хворост и сухие листья, и под этим слоем оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой, когда ее повернули на другую сторону, обозначилось изображение нидерландского герба. Сгнившее дерево

столба не могло выдержать тяжести чугунной доски, которая, вероятно, уже много лет как упала и покоилась на земле. Я приказал очистить ее и приставить в полулежачем положении к остатку столба. Между тем Ахмат, следуя за радьей Айдумы, проложил дорогу к так называемым «рума бату». Это были два четыреугольных фундамента из кораллового известняка. Большие деревья росли посреди их, и фундаменты были почти скрыты растительностью. Несколько толстых пней когда-то срубленных деревьев пустили новые ростки, которые в свою очередь превратились в деревья: они также являлись остатками бывшей здесь колонии.

Было сыро и очень жарко в лесу, и так как осматривать ничего более не оставалось, то я решил итти в туземное селение, которое, по словам радьи, было недалеко; я был, однако, неприятно изумлен тем, что нам пришлось итти три четверти часа, чтобы добраться до него. Сперва надо было итти через болото, перебираясь по корням мангровых деревьев, потом через ручей, затем вверх на крутой холм, на котором была разведена небольшая плантация бананов и сладкого картофеля. Солнце так пекло, при отсутствии малейшей тени, что я, измученный, спустился к двум хижинам, очень убогим, но расположенным в тени и у самого моря. Эти хижины были убежищем радьи Айдумы после нашествия людей Телок-Камрау. Расположившись на циновке и отдохнув немного, я стал рассматривать хижину, хотя и это название было для нее слишком претенциозно. Она стояла на кольях, имела очень дырявый пол, еще более дырявые стены из атапа, была менее 1 м вышины, так что стоять в ней могли одни дети; внутри хижины, однако, было сделано несколько отделений при помощи перегородок. Небольшой навес перед хижиной служил спальней свиты радьи Айдумы. Старик снова затянул свои ламентации и объявил мне, что желает поселиться со своими подданными там, где я останусь. На это я не сказал «нет», потому что я непрочь иметь постоянные объекты для своих антропологических наблюдений, и, разумеется, люди Айдумы, если поселятся около моей хижины, сделаются скоро моими слугами и могут служить мне проводниками по окрестным горам и лесам. Я увидел здесь двух так называемых «вуоусирау», жителей гор Камака. Они были совсем сходны с прибрежными жителями, и один из них был светлее всех остальных окружавших его папуасов.

К 6 часам вечера я вернулся на урумбай, и мы снялись. Заштилело так, что пришлось грести всю ночь, что, однако, мои люди делали только временами, прерывая это занятие сном. Три пироги с женщинами и детьми следовали за урумбаем.

Местность была очень живописной; жалко, что здесь легче умирать, чем жить. Между туземцами я видел устрашающие формы болезней, вероятно, занесенные сюда малайцами при их ежегодных посещениях этого берега.

3 марта

Из зал. Ленгуру мы вышли в большой спокойный бассейн, затем, через пролив, в другой, потом в третий. Направо лежал материк Новой Гвинеи, налево — архипелаг красивых, но необитаемых скалистых островков. Это одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага. Известковые скалы представляли большое разнообразие форм и, будучи размыты прибоем, образовали длинные пещеры до 2 м глубины. Во мно-

гих местах подмытые скалы обваливаются и, представляя среди зеленого леса белые и желтые пятна, разнообразят физиономию пейзажа. Встречаются также обвалы на самых вершинах гор, и следы их заметны в виде длинных полос поломанных и вырванных обвалом деревьев. Такие полосы можно проследить в некоторых местах до самого моря. Курьезную форму представляют небольшие островки, принявшие от действия прибоя и размыва скал у поверхности воды вид пирамидальных грибов. Так как этот проход между архипелагом Мавара и материком Новой Гвинеи не был еще обозначен на картах, то я назвал его на моей карте проливом вел. кн. Елены в воспоминание любезного гостеприимства и нескольких приятных недель, проведенных мною в ее дворце, в Ораниенбауме, осенью 1870 г.

К 10 часам мы подошли к селению Мавара, состоящему из двух хижин. Мне и этот островок не понравился как местожительство. Вечером переправились на противоположный берег, в местность, называемую туземцами Айва. Здесь, может быть, я останусь, так как Айва находится на материке, что в отношении фауны для меня важно. Место красивое, и, живя здесь, я не буду вблизи уже занятого другими участка. Меня не будут стеснять, и я не буду мешать другим. У Давида сильно вспухла рука при значительной лихорадке. Сам я часто чувствую боль в ногах и неприятное болезненное ощущение во всем теле.

4 марта

Не желая далее терять время, я выбрал место для хижины на уступе скалы, с красивым видом на море. В виду того, что выбранное мною место было покрыто лесом, я приказал расчистить площадку, на которой обозначил место для будущей хижины. Сегодня ограничились расчисткой площадки и прокладкой тропинки к ней.

5 марта

Постройка подвигается хорошо. Папуасы, даже женщины, помогают моим людям.

6 марта

Кончили к вечеру крышу и стены; остаются полы обеих комнат. Вид из моей двери и окна на о-ва Мавара, Айдума и др. и на море великолепен.

7 марта

На 4-й день мои люди кончили хижину. Она разделена на две половины или комнаты и состоит из передней, моей комнаты с двумя окнами и с дверью и другой, почти что вдвое большей — для моих людей. Окна в последней они нашли для себя лишними, так что свет в нее проникает только через дверь. Моя комната имеет 4.5 м длины и 3.5 м в ширину. Ставни и дверь опускаются сверху. Сегодня же перенесли все вещи из урумбая. Мои люди выгружали, а туземцы носили, выговорив себе в подарок две большие бутылки джина, которые я принужден был

им дать, так как они отказывались от всего остального. Они так усердно помогали моим людям при постройке хижины, что мне необходимо было дать им что-нибудь, хотя я и жалел, что пришлось дать джин, который я, собственно, привез для консервирования зоологических объектов, а не для потворства дурным привычкам туземцев. Они выпили одну бутылку перед моей хижиной, сперва морщась, затем с видимым удовольствием, и стали так веселы, так кричали, пели, плясали, что мне пришлось предложить им отправиться к своим баракам, которые они расположили на песчаном берегу, у самого моря. Но и оттуда голоса их долетали до

Рис. 28. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Айве.

меня, и к этому гаму они присоединили еще выстрелы из своих кремневых ружей, так что я послал спросить, что случилось, не думая, что эти выстрелы служили лишь выражением приятного расположения духа туземцев.

У многих жителей здесь волосы не курчавые, а просто вьющиеся кольцами, у некоторых почти что гладкие. Бывает так, что у одного отца, настоящего папуаса, одни дети с мелкими курчавыми волосами, другие — с крупными кудрями, и всех их добродушный папаша считает своими.

8 марта

Наконец, могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день я устраивался в хижине, и нахожу, что помещение довольно ком-

фортабельно. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней 5 тому назад, именно — в день, когда я выбрал эту местность для постройки своей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека с о. Наматоте с женой и детьми. Это случилось очень недалеко отсюда, в Телок-Бичару. Необходимо здесь быть настороже.

9 марта

Ночью я был разбужен криками, похожими на завывание собаки. Мне, однако, объяснили, что это были голоса туземцев, поселившихся на песчаном берегу в Айве, которые, боясь нападения алифуру («оран-алифуру» — название, распространенное у малайцев, жителей Серама, и перенятое также и здешними жителями, вообще для обозначения туземцев гор или материка в отличие от прибрежных), перекликаются или показывают, что находятся настороже. Лил сильный дождь. Наконец, крики усилились, послышалось много голосов. Немного погодя раздался выстрел. Я встал и вынул из ящика ружье. В эту ночь, однако, ничего более не случилось. Утром мне сказали, что оран-алифуру бродили всю ночь в окрестностях, и один из моих серамских матросов выстрелил из ружья, чтобы немного успокоить испуганных жителей Айдумы, которые к пущему страху видели чужую собаку,— верный признак, по их мнению, что алифуру находятся где-нибудь вблизи и выжидают случая и удобного времени для нападения. Пришли радья Наматоте и другие начальники, просясь в отпуск на несколько дней. Я согласился. Пять пирог ушли по разным направлениям.

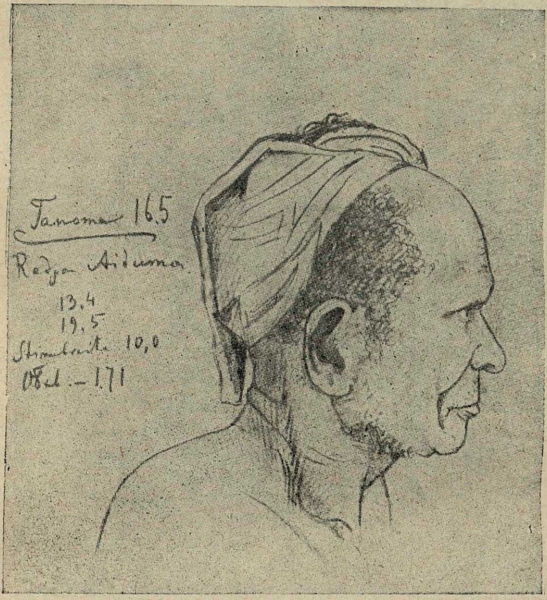

Рис. 29. Радья Айдумы.

Чувствую большую слабость в ногах; левая рука сильно болит, она совершенно бессильна.

10 марта

Записывал слова диалектов Серама и Айдумы. Много слов общих. Положительно большинство папуасских слов я не мог верно произнести. Я слышал разницу, но не мог привести гортань и язык в надлежащее положение, чтобы выговорить правильно папуасское слово. Капитан Ройер, командир парохода «Этна», говорит, что жители Наматоте и Лакахии ненадежны (вероятно, по словам его спутников, тидорского принца Амира

и др.) и, напротив того, хвалит людей Камрау и Каймана. Теперь же, наоборот, все папуасы, а за ними и серамцы, называют людей Камрау и Каймана разбойниками. Я же уверен, что все они ненадежны. Туземцы здесь сами говорят, что «оран-папуа» убивают людей, чтобы завладеть их вещами, и тот же радья Айдумы, который так жалуется на нападения людей Карас и Камрау, сопровождал тидорские «хонгии» («хонгиями» называются морские экспедиции, предпринимаемые султанами Тидора и Тернате для собрания по берегам Новой Гвинеи дани, которую эти султаны считают себя вправе взимать), чтобы убивать людей Лакахии, жечь их хижины и разорять плантации. Этого еще там не забыли, почему Сангиль и радья Наматоте не советуют мне брать с собою радью Айдумы в Лакахию, а то там туземцы будут опасаться меня или нападут на нас из желания, собственно, отомстить старому радье.

Последние дни дождь шел несколько раз каждый день.

11 марта

Нездоров: лихорадка.

13 марта

Ахмат болен сильной лихорадкой; жар почти не уменьшался всю ночь и в течение дня, несмотря на приемы каломеля и хины.

Охота довольно удачна: кроме трех птиц, Давид принес мне большого кенгуру, старого самца. Эти животные не влезают на деревья, как говорит Мюллер. Я отпрепарировал скелет и сохранил сердце и мозг. Мясо превосходно. Папуасские начальники из подражания серамцам не едят кенгуру.

14 марта

Отправился посмотреть, откуда мои люди берут воду. Я пришел к небольшому озеру, окруженному лесом, а с двух сторон — высокими скалами. Местность была очень живописной, но не особенно безопасной. Сопровождавшие меня матрос и Давид сообщили мне, что в озере много крокодилов, и не успели они сказать это, как у противоположного берега мы услышали плеск воды и увидали голову большого крокодила, который только что с берега спустился в воду. Я был совершенно без оружия, но мои люди имели в руках по большому малайскому парангу. Подвигаясь, мы стали внимательнее оглядывать края тропинки. Небольшой ручей впадал в озеро, и в этом месте мои люди брали воду, которая, хотя и была пресной, но не могла быть здоровой, протекая в болотистой местности. Воду же озера нельзя пить, так как в высокую воду оно соединяется с одним из многочисленных морских заливчиков.

Чтобы иметь лучший вид на красивое озеро, я приказал вырубить кусты, прилегающие к скалистому берегу, и при этом мы открыли большую пещеру, очень узкую, но высокую, с большим отверстием наверху, через которое падал свет, проникая через зеленую занавесь разнообразной растительности. Во многих местах громадные куски скал, громоздясь один на другой, грозили падением. На стенах были заметны сталактиты, на других — много окаменелостей, которые я не медлил собрать. Мои спутники наткнулись на кости, и один из них спросил меня, не кости ли

это свиньи; но они были человеческие. Многие торчали между камнями, другие едва-едва были прикрыты землей. Судя по величине, это были кости женщины. Я разгреб камни и землю, ища череп, но без результата. В подобных пещерах, как мне объяснили серамцы, туземцы зарывают свои более ценные вещи, боясь нападений хонгий, и странствуют в своих пирогах только с самым необходимым; сами же они, если находятся в значительном количестве, готовы тоже убивать и грабить более слабых. Так, напр., в Айве брат радьи Айдумы убил торговавшего здесь жителя Гилоло, урумбай которого находился на берегу. По смерти своего брата радья Айдумы думает починить урумбай и употребить его для своих странствований. Здесь говорят, что этот старик — большой мошенник, что он не раз забирал у макассарских и серамских торговцев товары, а затем скрывался в далеких заливах, не думая уплатить по обещанию за взятые вещи. Теперь при мне он щеголяет под маской большой честности. Многие серамские матросы трусят отправиться со мною в Лакахию, боятся папуасов, говоря, что в Гессире я нанимал их с целью отправиться в Айдуму и требовал от них только постройки хижины. Это для меня безразлично, так как мне необходимо оставить часть моих людей для охраны хижины и вещей. Оставлю здесь нежелающих отправиться со мною и возьму только охотников.

15 марта

Оказывается, что белые муравьи проникли в нашу хижину и забрались в несколько ящиков. Пришлось выбрать из них все вещи, разрушить все ходы муравьев и т. д. Ахмату лучше, но он очень слаб.

16 марта

Радья Наматоте принес мне экземпляры голубя и молодого *Buceros*. Голубей называют здесь «титер» и ловят ловушками, которые расставляют в местах, куда эти птицы обыкновенно прилетают. Такие ловушки носят у туземцев название «это». Подобная ловушка употребляется и на Сераме, где называется «сау-саут» и где ею ловят даже оленей. Доставленный мне вид голубей не встречается на Сераме, но ежегодно отсюда и с других берегов Новой Гвинеи вывозят значительное число их на о-ва Серам-Лаут, Серам и даже в Макассар. Как уверяют меня туземцы, между полами этих голубей нет никакого внешнего различия.

17 марта

Вчера заболевший Иосиф помешал мне отправиться в горы Камака. Сегодня ему не лучше. Радья Айдумы рассказал, между прочим, что внутри страны, по р. Утанате, живут люди очень небольшого роста, но большие людоеды: они даже вырывают мертвых и едят их. Мозг человека кажется им особенно вкусным. Названия этого племени радья не знал.

Вечером у меня были с визитом с полдюжины дам с о. Наматоте; по случаю этого визита они, кажется, навязали на себя все тряпки, добытые ими от макассарских и серамских торговцев. Болтливая женщина

с Серама, о которой я упоминал, говорящая по-малайски, служила им переводчицей. Они пришли покурить и попросить иголок.

Ахмату положительно хуже. Хотя пароксизмы реже и не так сильны, но он крайне слаб, не может не только ходить и стоять, но даже сидеть без посторонней помощи. Кашляет и жалуется на грудь. Не могу решиться оставить его в таком положении. Отложил поэтому отъезд до послезавтра. Досадно: время идет. Живописный вид из моего окна заставляет меня часто забывать все неприятности повседневной жизни.

19 марта

Утром во время отлива собрал целую коллекцию губок. Ахмату не лучше: навряд ли поправится.

20 марта

На горизонте едва заметно показался и вскоре скрылся парус. Сангиль полагает, что это урумбай из Гессира, что капитан Кильтай отправляется торговать по берегу Новой Гвинеи, в Лакахию и Утанате. Приказал спустить урумбай, решил отправиться завтра. Ахмату очень плохо: он с трудом и редко говорит, не может без посторонней помощи приподнять голову. Мне его очень жаль, но взять я его не могу, а терять далее время не следует. Был последние дни очень не в духе. Камака и Лакахия развлекут меня новыми впечатлениями.

Рис. 30. Мальчик-папуас. Берег Папуа-Онин.

21 марта

Назначив Иосифа быть главным, так называемым «капала-оран», над людьми, которых оставляю сторожить хижины, я приказал радье Намaтоте и радье Айдумы также оставаться в Айве. Иосифу я оставил значительное количество хины (малайцы и даже серамцы знают действие этого лекарства и очень ценят его) и, попросив его специально, чтобы Ахмат получал исправно лекарство, позволил ему брать для больного все, что он захочет, из моей провизии. Оставив своих шесть людей в Айве, я поднял якорь и отправился.

Мы опять прошли узкие и спокойные бассейны пролива вел. кн. Елены, и опять я любовался красотами пейзажа. Приморские скалы с их растительностью представляли самые разнообразные и эффектные ком-

бинации, и опять безлюдность кругом поразила меня: единственная пирога, которую мы встретили, принадлежала одному туземцу из Лобо и его семейству, состоявшему из трех жен, на которых приходился один только ребенок. Они скитались от одного «пасера» [1] к другому, и на мой вопрос: «Откуда?» и «Куда?» — отвечали: «Чари моканан» (ищу что поесть).

Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями — майраси и вуоусирау, то не думаю, чтобы набралось всего более ста человек. Кругом горы почти не населены. Там и сям встречается песчаный берег (пасер) с кокосовыми пальмами — несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещаются их семьи. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из «кадьян» (прочные циновки из листьев пандануса). Подойдя к песчаному берегу, пирогу вытаскивают на берег и превращают ее в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь «чари-моканан» — ловят рыбу, собирают в лесу плоды хлебного дерева, ставят ловушки на птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию таро и сладкого картофеля, изредка заглядывая на нее, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго.

Вечером мы подошли к о-вам Койра, в глубине бухты Тритон. На берегу встретили несколько жителей Айдумы, которые были посланы радьей Айдумы ожидать нашего прибытия. Один из них, по имени Ямба, отличался своим высоким ростом и значительной силой. Надо было здесь достать проводников, знающих дорогу к озеру в горах, так как радья Айдумы и другие береговые папуасы знали озеро только понаслышке. В пироге, в сопровождении радьи Айдумы и его двух людей — Ямбы и Турона, я отправился в Ломиру, где мы надеялись встретить несколько вуоусирау и уговорить их отправиться с нами.

Было великолепное утро, и при полном штиле маленькая пирога наша скользила очень быстро у самого берега. При каждом повороте картина менялась; на отвесных бело-желтых скалах, в которых прибой вырыл длинную пещеру, растительность теснилась до самой линии прилива. Старый радья, сидя важно в своем желтом халате, бил в тифу, и ее звуки отдавались сильным эхо из глубины пещеры. В одном месте старик указал мне на небольшое углубление в скале: это была маленькая бухточка, в десяток метров ширины, наполненная подводными камнями и спереди совсем закрытая свесившейся зеленью; вода в этом тенистом, прохладном уголке была почему-то (у меня не было времени остановиться и доискаться причины) в постоянном движении, и плеск ее, при полной тишине утра, повторяемый эхо пещеры, был слышен издали. Старый радья сказал мне, что это место «помали» и что пирогам не следует близко подходить к нему. Он много говорил о нем, но было трудно его понять. Я понял только, что оно называется «Намбатека» и почему-то особенно опасно замужним женщинам. Мы проехали между многими небольшими островками, направляясь к юго-восточному углу бухты. Эта местность приблизительно обозначена на карте Дюмон-Дюрвиля. На голландской карте ее нет. Несколько пирог виднелось вдали, занятых рыбной ловлей. Звуки нашей тифы привлекли их внимание, и они направились к нам. За несколькими скалистыми островами виднелась бухточка, у подошвы высокой и очень крутой горы Арофы. Кроме трех

[1] Песчаный берег — по-малайски.

пирог, вытащенных на берег, мы увидели недавно построенный шалаш. Зеленые листья крыши еще не успели пожелтеть. Около костра сидели женщины. Из шалаша вышло несколько мужчин к нам навстречу. Между ними я увидел Хукома Драмая, начальника вуоусирау, который был раза два у меня. Он очень почтительно подошел ко мне, изгибаясь, прикладывая руки к голове, и представил мне несколько горных жителей, вуоусирау, между которыми одного он даже назвал «капитан», прибавив, что все они находятся здесь и ищут для меня животных, которых привезут мне по возвращении из Лакахии. Я ответил, сообщив ему свое намерение отправиться сегодня же к оз. Камака-Валлар и прибавив, что мне нужны люди. После нескольких возражений все устроилось, по крайней мере, на словах, и я роздал табак, который привез с собою.

Рис. 31. Горные папуасы берега Папуа-Ковиай.

Название «вуоусирау» происходит от слова «вуор», что значит «гора». Туземцы эти не отличаются от других. Различие в цвете кожи и росте встречается у них в той же степени, как и у береговых жителей. Между женщинами я заметил одну девочку, лет тринадцати, большие темнокарие глаза которой с длинными ресницами могли бы удовлетворить самых взыскательных ценителей женской красоты. У вуоусирау я также увидал собак, совершенно похожих на собак берега Маклая. Береговые папуасы собак не держат.

Я вернулся на урумбай, чтобы собрать необходимые вещи для экскурсии к Камака-Валлар. Урумбай, войдя в пролив между о-вами Койра и материком, высадил меня и моих спутников — Давида, Сангиля, радью Айдумы и человек 5 или 6 туземцев. Место, где мы сошли на берег, называлось Варика. Не стану описывать подробно дорогу, узкую папуасскую тропинку, то взбиравшуюся на холм, то спускавшуюся круто в лощину, чтобы потом опять подняться. Корни, лианы, толстые стволы повалившихся от дряхлости или от ветра деревьев, болотистый грунт — всего этого здесь было довольно. Через полчаса я почувствовал себя очень усталым, в ногах ощущал сильную слабость, и при каждом шаге боль в опухшем левом боку усиливалась. Возвращение из Ломиры в открытой пироге под солнцем не прошло мне даром. Я чувствовал при-

ближение пароксизма, но принятая незначительная доза хины парализовала его силу. Все ограничилось головной болью и головокружением.

В двух или трех местах мы встречали развалившиеся шалаши, временные жилища вуоусирау. Я был рад, когда через два часа ходьбы мне сказали, что мы на вершине хребта и что теперь будем спускаться. В этом месте находились два повалившиеся шалаша. Пока мы отдыхали, а спутники мои курили, я собрал при помощи двух переводчиков, радьи Айдумы и Сангиля, следующие сведения. В горах далее Камака-Валлар жителей нет; люди вуоусирау в своих дальних экскурсиях в горы следов людей никогда не встречали, и по всему этому берегу единственно на горе Ламансиери и в горах Камака живут люди, из коих первых называют «майраси», а вторых — «вуоусирау».

На другой вопрос: «Знают ли, откуда они пришли, из какой береговой местности переселились?» — было отвечено, что вуоусирау всегда жили в горах, что язык их отличен от диалекта майраси, но что береговые папуасы думают, что они и майраси — одни и те же люди, но живут в разных местах. Во всяком случае, если они физически и не отличаются от майраси, то живут отдельно весьма долго, так как у них выработался особый диалект.

Мы спустились в болото. Здесь все эти ночи шел дождь, почему тропинки были скользки и мокры. Затем поднялись к покинутой плантации, где солнце меня крайне утомило. Плантация была обширна; на ней стояло несколько толстых пней, срубленных метра на 3—4 от земли, для чего дерево, которое желают срубить таким образом, окружается подмостками. Такой способ рубки деревьев, цель которой главным образом — уничтожение тени, совершенно рационален, так как построить подмостки — труд очень небольшой сравнительно с трудом рубки дерева на несколько метров ниже, что потребовало бы втрое больше работы.

Направление, которому мы следовали, было O и ONO. За плантацией находились еще два длинных шалаша на сваях, напоминавшие мне шалаши негритосов на о. Люсоне. Сваи состояли из трех связанных тонких кольев, что доказывает опять стремление к более легкой работе и сметливость.

Пошел дождь. Тропинка стала круче и хуже. Пришлось итти, однако, целых три часа под сильным дождем, часто скользя и спотыкаясь. К закату солнца пришел к двум хижинам очень усталый, с натертыми пузырями на ногах от новых промоченных башмаков и очень голодный. Меня ожидал сюрприз: Давид забыл захватить кофе и сахар, на которые в продолжение последних трех часов я очень рассчитывал. Надо было довольствоваться вареным рисом и сушеной говядиной.

23 марта

Проспав сносно ночь в хижине и за неимением кофе выпив немного безвкусного рисового отвара, я собрал принадлежности для рисования и отправился к озеру, которое находится в пяти минутах ходьбы от хижины. Мы пришли к песчаному берегу, покрытому стволами сухих деревьев, из которых многие еще стояли на берегу, другие же торчали или лежали в воде. Далее от берега из воды виднелись одни верхушки деревьев.

Озеро было не широко, но очень длинно. Близ берега находились два островка. Противолежащие горы на O и NO тянулись длинными

однообразными хребтами. Вокруг островков виднелась полоса сухих деревьев, отчасти на берегу, отчасти в воде. Обоих концов озера на S и на N, несмотря на то, что вид был обширный, нельзя было видеть: они были закрыты выдающимися мысками. Сделав эскиз озера с берега, я выехал в сопровождении радьи Айдумы и двух папуасов в пироге на середину озера. Здесь вид был иной, гораздо более живописный. Высокие горы с красивыми контурами замыкали озеро, которое имело неправильную форму; много мысков и островков разнообразили его. Длина его была раза в три более ширины. Я полагаю, что в быстрой, легкой пироге можно бы переехать его в длину с N на S часа в два, обойти кругом (предполагая существование хорошей дороги) — часов в восемь-десять. При настоящем положении тропинок туземцы сомневались, чтобы возможно было это сделать даже и в три дня.

Кроме гор на W, которые мы вчера перешли, нашлось одно более низкое место на SO, между высокой горой Арора и другой. Сделав еще два рисунка, я был обрадован приобретением трех экземпляров одной рыбки, которая водится в озере. Есть еще другая, но ее можно ловить только с помощью крюка, так как она живет в глубине.

На возвратном пути я осмотрел отвесные белые скалы, на которых виднелись две параллельные линии, одна над другой; нижняя отстояла, приблизительно, на 150 см, другая — на 3 м от постоянного уровня озера. На камнях, стволах и ветвях стоящих в воде деревьев я собрал несколько экземпляров губки. Эта находка навела меня на мысль, что оз. Камака-Валлар было некогда заливом или же находилось каким-нибудь образом в связи с морем. Собранные раковины, принадлежащие моллюскам, еще и теперь живущим в озере, делают это предположение довольно вероятным. На мои вопросы о сухих деревьях в воде и по берегу туземцы сказали, что вода озера была некогда высока и все эти деревья погибли, будучи совсем или отчасти покрыты водой, и что теперь вода в озере понизилась. Но когда вода была высока и когда понизилась — я не мог добиться. Определив с помощью аппарата Реньо высоту уровня озера, я вернулся к хижине и занялся рисованием ее и людей.

Хижина, построенная на сваях, была низка и имела очень плоскую крышу. Стены состояли из деревянных планок, связанных ротангом; они были не выше 1 м, так что только более малорослые туземцы могли в ней стоять и то только посередине, под коньком. Мне же и это оказалось невозможным. Оба фронтона были открыты. Пол сделан из планок так называемого «пинанг утан» (дикая арековая пальма). Под одной крышей были собственно два отделения хижины, между которыми находился проход. Каждое из этих отделений в свою очередь состояло из двух каморок. С обеих боковых сторон под продолжением крыши находились платформы для сиденья или спанья. Двери были очень малы: в них можно было только пролезть с большим трудом и совсем съежившись. Не только стоять, но и сидеть с поднятой головой нельзя было в каморках. Так как перегородки между ними были низкие, то можно было, стоя на коленях, видеть все, что происходило в других отделениях хижины. Двери открывались в разные стороны. Было также заметно стремление к украшениям: концы выдающихся брусьев были вырезаны наподобие головы крокодила, который, по словам туземцев, водится в большом количестве в озере. Несколько прямолинейных орнаментов, вырезанных и разрисованных углем, красовались на некоторых стенах.

Я нарисовал портрет начальника вуоусирау, так называемого «капитана», и одного из его людей (самого красивого и высокого), а также

портреты двух женщин — жены и дочери капитана; первая была очень мала ростом и брахикефальна, вторая, лет четырнадцати—пятнадцати, но почти что развившаяся женщина, имела очень недурненькую для папуаски рожицу. Смерив рост и обхват многих вуоусирау, верхние конечности которых оказались весьма длинными, я захотел убедиться, насколько диалект вуоусирау отличается от остальных диалектов этого берега. Я стал записывать слова. Чтобы сделать это вернее, я несколько раз перед записыванием произносил узнанные слова громко. Мое произношение много раз возбуждало общий смех туземцев, и я сам чувствовал, что никак не могу выговорить некоторые слова. По собранным сведениям оказалось, что число всех вуоусирау не превышает 35—40 человек, включая мужчин, женщин и детей.

Мне хотелось добиться того, чего я не мог узнать утром, именно — сколько лет тому назад вода озера была высокая и когда она понизилась. Я придумал для этого следующее средство: указывая на несколько детей, я спросил, видели ли эти дети высокую воду. Оказалось, что нет, что они родились гораздо позже. Я перешел к другим — подросткам, — также нет. Я указал на дочь капитана, которую звали Соси. На этот раз вопрос удался: отец ответил, что именно немного времени перед тем, как Соси родилась, вода озера вдруг понизилась. Смотря на эту девочку, у которой имелись маленькие конические груди, и худощавый зад которой и ноги свидетельствовали еще о ее неполном развитии, ей нельзя было дать более четырнадцати лет. Итак, оказывается, что, приблизительно, лет 14 тому назад вода Камака-Валлар понизилась; с тех пор, по единогласному отзыву всех туземцев, вода держалась на том же уровне. Оставались, однако, еще и другие вопросы. Я снова стал допрашивать людей, помнят ли они, когда вода повысилась до того уровня, на котором находилась 14 лет тому назад. Оказалось, что никто не видал и никто не помнит рассказов старых людей о повышении воды. Самому старшему из окружавших меня вуоусирау было лет 45. Выходит, следовательно, что вода повысилась до 1825 г.

Однако есть полнейшее доказательство тому, что вода озера находилась когда-то на гораздо более низком уровне, чем в настоящее время, метров, может быть, на 40 или еще ниже, так как одни верхушки больших деревьев виднеются во многих местах вдоль берега; чтобы вырасти до того объема, которого достигли ныне стоящие в воде деревья, требуется не один десяток лет. Итак, в середине прошлого столетия вода оз. Камака-Валлар была на гораздо более низком уровне. Озеро было гораздо меньше настоящего, и берега его, находящиеся теперь под водой, были покрыты растительностью.

Часа в 3 пополудни я был вынужден отправиться назад к урумбаю, так как ни у меня, ни у моих спутников, ни даже у вуоусирау не было еды. Мои люди, полагаясь на гостеприимство последних, захватили с собою очень мало провизии, а у них почти что ничего не оказалось. Проехав в пироге вдоль берега озера четверть часа, мы очутились около плантации, где проходили вчера. Это обстоятельство значительно сократило путь; к тому же сходить с горы было легче, чем взбираться на нее.

Вуоусирау затянули песню, воткнули себе в волосы, за пояс и за браслеты на руках и на ногах разноцветные листья, и мы спустились в Арику, где нас ожидали урумбай и пироги. В тот же вечер я отправился на старую стоянку к о. Койра в сопровождении девяти пирог. Вид этой процессии был характерный: все наперерыв хотели обогнать друг друга, не перегоняя, однако, урумбая. На каждой пироге на-

роду было много; женщины, дети — все пели и кричали, стараясь перекричать друг друга. На трех пирогах, не закрытых крышей и где были только мужчины, одним из них был исполнен воинственный танец. Стоя на платформе, он то прыгал, размахивая руками, то пел, причем крик его переходил в визг; иногда он сильно рубил воздух своим парангом или, схватив лук, пускал в воздух высоко стрелы; иногда, набрав горсть песку из ящика, служившего очагом, искусно бросал песок вверх.

На окружающих горах собирались черные тучи, и грозил дождь, почему многие туземцы занялись «заговариванием грозы», причем они обращались лицом к туче, постоянно грозя ей пальцем или тем, что находилось у них в руке, и что-то усердно бормотали. Это очень напомнило мне подобный же прием у жителей берега Маклая. Даже и мои матросы-серамцы делали что-то подобное.

Вечером, отдохнув немного от прогулки, я был на берегу и видел танцы туземцев, при которых мужчинам приходится играть главную роль. Женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги и выдвигая зад, которым они вертят из стороны в сторону; так как туловище при этом наклонено вперед, то груди у них болтаются. Последнее, вероятно, утомительно, почему время от времени женщины подпирают свои груди ладонями, но все же продолжают вертеться. При пляске мужчин также главным образом движется средняя часть туловища, колени остаются согнутыми, руки заняты ударами в тифу, которыми они аккомпанируют танцу. Движения постоянно усиливаются, и под конец темп делается совсем неистовым и затем вдруг прерывается. Женщины плясали в центре, мужчины — кругом их, двигаясь один за другим все быстрее и быстрее. Эта пляска напоминала мне танцы алифуру, минахасцев и негритосов Лимай (на о. Люсоне).

Дождь заставил меня вернуться на урумбай, но он не помешал туземцам плясать. Гам продолжался далеко за полночь.

24 марта

Ветер был неблагоприятный весь день, так что к вечеру мы добрались только до Вайкалы, на северном берегу о. Айдумы. У самого берега стояла хижина или, вернее, развалины ее. По здешнему обычаю, после смерти хозяина хижина его покидается; жить в ней считается не безопасным. Хижина оставалась уже много лет необитаемой; крыша ее была как решето; столбы едва держались, а пол провалился бы при первом шаге. Мои матросы, несмотря на папуасское «помали», воспользовались старым канатом, который нашли в хижине, и несколькими досками.

25 марта

За группой о-вов Каю-Мера находится большой залив, который тянается сперва от N на S а затем от W на O. О-ва Айдума, Драмай, Каю-Мера и окружающие их горы пустынны. На NW видна довольно узкая долина, которая ведет, вероятно, к оз. Камака-Валлар. До озера недалеко, почему, как мне сказали, многие из жителей Каю-Меры находятся в родстве с вуоусирау. Мы искали жителей, стреляли холостыми зарядами, старались открыть дымок или пирогу — напрасно: везде безлюдье. Деревня Каю-Мера была сожжена.

26 марта

Около 2 часов пополудни мы пришли к восточному песчаному берегу маленького о. Лакахии, который бывает населен только временно, когда, напр., торговое прау бросает поблизости якорь. Мои люди отправились за водой на южный берег, где находится, как говорят, небольшой резервуар дождевой воды, вкус которой оказался весьма солоноватым. На песчаном берегу разбросаны кусочки каменного угля, нахождение которого здесь известно уже давно и в последний раз было констатировано экспедицией парохода «Этна».

Обогнув мыс Тандьон-Бой (Cap Baudin), можно было заметить, что характер местности меняется. Горы поворачивают круто на О, следуя левому берегу зал. Кируру: правый берег совершенно низменный, за исключением двух высоких островов—Бавия и Мой. Вдали тянется высокий горный кряж; с южного, низменного берега поднимается еще тоже довольно высокий Тандьон-Буру.

Рис. 32. Папуас с берега Папуа-Нотан.

Набрав воды, мы направились вдоль низменного южного берега и, пройдя зал. Терера и островок Ния, пришли к входу в зал. Кируру. Берег был болотистый и покрыт мангровыми деревьями. Людей мы заметили только около мыса Ваймата. В ответ на наш выстрел показался высокий столб дыма. Когда мы подошли ближе, туземцы бегали по берегу, махали снятой одеждой и бросали вверх песок, что издали казалось маленькими облаками дыма. Часа два люди мои перекликались с папуасами, но, несмотря на наш зов, туземцы не решались приблизиться и, хотя у них были пироги, они обращались в бегство, как только урумбай двигался в их сторону. Имена «Оран-Серам», «Гессир» не помогали. Я вздумал испытать, не сможет ли вид белого человека привлечь их: я вышел из каюты, приказал людям замолчать и сказал по-малайски, что, если они подойдут, я дам им табаку. К моему удивлению, это удалось. Сперва они приблизились немного, но потом, собравшись с духом, подошли ближе, а затем и к самому борту; но решились взойти на палубу только после того, как я поднял занавесь моей каюты, и они убедились, что там нет спрятанных вооруженных людей. Удостоверившись в своей безопасности, они с криком влезли на урумбай, стали обнимать всех, громко говорить, смеяться, но все-таки по временам боязливо озирались кругом. Я мог, однако, заметить, что эта веселость была одной маской. Такое недоверие неудивительно. Сколько раз этих людей грабили, избивали, уводили в рабство. Один тидорский принц Амир несколько лет

тому назад увез, как говорят, много сотен людей отсюда; в январе этого года люди Камрау убили и ранили людей Каю-Мера, а женщин и детей увели с собою. Неудивительно, что каждый чужой кажется им неприятелем. Они также старались в свою очередь отплатить без разбора всем, кто легкомысленно попадался им в руки. Именно эта местность, берег около Лакахии, имеет дурную репутацию. Здесь были убиты матросы капитана Кольфа, много людей Серама и др.

Туземцы здесь темнее людей Наматоте и Айдумы и почти что не носят малайского платья. Вообще они кажутся более сильными и рослыми. Они привезли с собою «сагуер» — жидкость, добываемую посредством надрезов из ростков гомутовой пальмы. Сок был совершенно свеж и показался мне очень вкусным. Кроме гомутовой, здесь много саговых пальм. Вероятно, вследствие обильной пищи страна более заселена.

Ночь провели на якоре около о. Бавия.

27 марта

Направился к водопаду Гуру-Гуру, описанному в отчете экспедиции парохода «Этна», но здесь случилось то же, что в 1871 г. в зал. Праслин на Новой Ирландии. Надо было искать долго то, что по описанию должно было броситься сейчас же в глаза. Как водопад Бугенвиля, так и Гуру-Гуру мне пришлось увидеть не в дождливое время, которое, разумеется, оказывает большое влияние на величину и красоту водопада. Вода Гуру-Гуру оказалась хорошей; особенно для купанья место превосходное. Водопад находится у подножия высокой горы Бамана.

Пришли 3 пироги с жителями Лакахии. Последние произвели на меня то же впечатление, что и вчера, именно — что они темнее жителей Айдумы и Наматоте и, вероятно, вследствие изобилия пищи крепче сложены и выше ростом. Я мог заметить, что форма их носа значительно изменена обычаем протыкания носовой перегородки. Сравнивая носы большинства с носами нескольких других папуасов тех же или соседних местностей, у которых носовая перегородка не пробуравлена, можно было заметить, что конец носа у первых свислый, ноздри очень подняты и открыты и нос получил крючковатую форму, которая делает физиономии их похожими на еврейские.

Может быть, по закону наследственности, после нескольких поколений, постоянно повторяемая операция, при которой нос сильно опухает, и имела следствием то, что носы этих папуасов сделались большими. К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смирно и немедленно убегали, как только замечали, что я обращаю на них внимание.

Жители Лакахии оказались очень недоверчивыми, и ни один не согласился следовать за мною вглубь бухты Кируру. При первом движении урумбая вперед они быстро отплывали в сторону, как бы боясь, чтобы я силой не захватил кого-либо из них.

Пройдя узкое место, мы вошли в бассейн со многими выходами. Один из них, направо, оказался проливом между о. Бавией и другим; второй шел прямо на О между низкими островами; третий, налево, составлял продолжение так называемого зал. Этны или Телок-Кируру, как его называют туземцы. Мы подвигались на веслах до вечера по рекообразному заливу. Справа тянулись низкие и болотистые острова с мангровой растительностью; слева поднимались высокие горы, покрытые лесом.

28 марта

Утром, после часовой гребли, узкий залив немного расширился; несколько каналов между островами, а, может быть, и рек, впадало в этом месте.

Часам к 11 мы вошли в большой бассейн, окруженный горами. Мы направились к месту, где стояли две кокосовые пальмы и виднелась полуразрушившаяся хижина. Я пошел в лес с Давидом и тремя серамцами, поднимаясь вдоль левого ската кряжа. Мы достигли хребта часа через два ходьбы. Он тянулся с WSW на NNO. Перед закатом солнца мои люди привязали койку между двумя деревьями; над нею в виде крыши было растянуто каучуковое одеяло. Не более десяти минут потребовалось на устройство бивуака. Я считаю такой гамак самым удобопереносимым, простым и здоровым при путешествиях в тропических странах. Он практичен еще в том отношении, что повешенная койка может годиться не только в лесу, но и в хижинах туземцев.

29 марта

К утру было ощутительно свежо, хотя термометр не опускался ниже 25° Ц. Перед рассветом мы слышали шаги казуара, но ни одного не пришлось убить: птица эта слишком осторожна. Я отправился выше с целью заглянуть по ту сторону хребта, но, кроме леса и гор, ничего не видал: деревья очень мешали. Надо было бы влезть на самую верхушку их, чтобы иметь возможность рассмотреть всю панораму холмов и гор этой части перешейка, который именно здесь не особенно широк. Эта экскурсия показала мне, что лес здесь далеко не такой непроходимый и что экспедиция вглубь страны здесь не встретит затруднений со стороны населения, которое в этом лесу, несомненно, существует; об этом свидетельствовали свежесрезанные ветви кустов, замеченные мною вчера и сегодня, а также и многочисленные тропки. Кроме того, я был удивлен тем обстоятельством, что в этом лесу в большинстве своем деревья были молодые; старые встречались редко. Грунт везде обнаруживал толстый слой довольно рыхлого и мягкого гумуса.

Птиц было очень мало, за исключением одного вида *Buceros*, который встречается здесь в большом количестве.

Я вернулся к месту ночлега, где оставил вещи и людей, исключая одного, который сопровождал меня и прорубал тропинку в неудобопроходимых местах. В ожидании завтрака я определил точку кипения на этом месте, которое оказалось ниже (209 футов) того хребта, где я был утром.

Около полудня я направился к урумбаю, зная, что мои люди внизу очень боятся нападения папуасов. Я спустился вниз более короткой, но и очень крутой дорогой. Я позволил двум серамцам разгрести кучу или гнездо Maleo, имевшее почти 2 м в диаметре и более 1 м вышины. Лень срубить сучок дерева и сделать род лопатки принудила их более часа разгребать землю руками. Куча состояла из довольно рыхлой земли, температура которой была 32.1° Ц, вероятно, вследствие гниения листьев, а не солнечной теплоты, так как солнце не проникает через зелень до земли.

Из Тимбоны я направился вдоль берега тем же путем, каким пришел вчера, желая захватить три черепа, которые мои люди заметили в тре-

щине скалы. Мы, действительно, нашли место с черепами, но не успел один из матросов достать их и передать мне, как мы все были немало удивлены неожиданным появлением пяти больших пирог с очень значительным числом туземцев.

Была минута недоразумения: мои серамцы, вообразив, что через несколько минут туземцы нападут на нас, очень переполошились и стали приготовлять ружья; с другой стороны, папуасы на своих пирогах, видя, что мы остановились, в свою очередь взялись за оружие, прекратив моментально громкое пение. Между туземцами на пирогах было несколько человек, которых мои люди признали за жителей деревень Ваймата, Терера и Баик. Внезапность появления пирог, многочисленность папуасов, их громкое пение, а, главное, известная неблагонадежность жителей именно этих берегов были причиной того, что мои серамцы предположили, что пироги явились сюда с намерением напасть на урумбай. Предвидя возможность нападения, я на всякий случай приказал шести из моих людей грести, направляясь прямо к пирогам, а остальным — готовиться к защите, вооружиться своими ружьями старого образца и парангами. Дав Давиду, очень меткому стрелку, мои два двухствольных ружья, одно нарезное, заряженное пулями, а другое — крупной дробью, я расположился сам на крыше каюты с ружьем, револьвером и скорострельным ружьем системы «Бомон». Я предупредил Давида и людей, чтобы никто не стрелял ранее, чем выстрелю я сам, а затем стреляли, хорошо целясь, а не просто без толку жгли порох.

Мы все приближались. Из пирог папуасы могли хорошо видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики, на минуту возобновившиеся, снова смолкли, и пироги остановились. Было ясно, что папуасы совещаются. Я приказал из всех сил грести на группу пирог. Это обстоятельство прервало совещание папуасов; четыре пироги быстро отгребли в сторону, и только одна старалась держаться в почтительном расстоянии, но не слишком близко от урумбая. Казалось, она имела намерение начать переговоры. Когда я окликнул ее, один из находившихся в ней людей на ломаном малайском языке стал объяснять, что он начальник дер. Ваймата и, узнав, что урумбай отправился в зал. Тимбону, захотел видеть «туан пути» (белого господина). Я тогда пригласил его подойти к урумбаю, на что он не решался, извиняясь тем, что на других пирогах находятся начальники других деревень. Я сказал ему тогда, чтобы и другие пироги приблизились и все начальники собрались на урумбай. Услышав это, люди на пироге стали грести по направлению к остальным пирогам, и в непродолжительном времени все пять пирог приблизились к урумбаю. В них мы увидели очень большое количество оружия — стрел и копий, что отчасти подтверждало предположение серамцев или же доказывало недоверие папуасов к нам. Папуасы только тогда решились взойти на урумбай, когда я открыл, по их просьбе, занавесь моей каюты, и они удостоверились, что у меня нет людей в засаде. Только начальникам было дозволено взойти на палубу. От них я поспешил узнать имена окружающих местностей, кое-что о населении, а также удалось записать и несколько слов их диалекта; но, несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя в безопасности на урумбае, и пока я занялся записыванием слов, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы, один за другим, тихонько спустились в свои пироги. Велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он заметил, что остался один. Забыв даже данный ему та-

бак, он соскочил в свою пирогу, после чего папуасы, не говоря ни слова, стали усиленно грести, уходя от урумбая.

Налетевший легкий шквал с дождем позволил нам поставить паруса и скоро отдалиться от пирог. Серамцы нисколько не были успокоены визитом папуасов. Он только увеличил подозрение моих людей; между ними находилось несколько посещавших уже десятки раз берега Новой Гвинеи. Они говорили, что папуасы только потому приблизились мирно, что заметили наши приготовленные ружья, и сделали это для того, чтобы удостовериться в числе людей на урумбае и подготовить силы. Они были убеждены в том, что папуасы ожидают теперь ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь до утра, а выбраться скорее в море. Доводы моих людей одержали верх, и я согласился исполнить их убедительные просьбы, соображая, что папуасов 50 человек, а нас всего 13, и ночью шансы были бы не на нашей стороне, так как схватка была бы рукопашной. Они одолели бы нас благодаря своей большей численности. Серамцы были так убеждены в опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и к рассвету урумбай бросил якорь у выхода из зал. Кируру.

30 марта

Проспав порядочно всю ночь, я был немало удивлен, когда увидел, что мы качаемся на якоре в виду дер. Ваймата, о. Лакахии и других знакомых мест. Весь день старался я войти в сношения с туземцами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню. Мелководье не позволяло урумбаю подойти к берегу; нежелание или боязнь папуасов подъехать к нам не дали мне возможности съехать на берег. Я решил поэтому вернуться в Айву и заняться исследованием Телок-Камрау и Телок-Бичару.

31 марта

Обогнув Тандьон-Бой (Cap Baudin) при значительном волнении, мы вошли в Телок-Каю-Мера, где мои люди обратились ко мне с просьбой позволить им отдохнуть после двух утомительных дней.

1 апреля

Люди были заняты ловлей рыбы и собиранием ракушек, так что только к 3 часам пополудни мы подняли якорь и вышли из Телок-Каю-Мера в открытое море. Все люди, за исключением Сангиля и Давида, должны были грести из всех сил, чтобы обогнуть высокий и живописный мыс, который я назвал мысом Лаудон, в честь генерал-губернатора Нидерландской Индии. Прибоем нас несколько раз едва-едва не выкинуло на скалы, и часу в 11-м ночи мы бросили якорь у о. Драмай.

2 апреля

Ветер был противный, почему пришлось грести весь день вдоль берега о. Айдумы. Я решил переночевать около Вайкалы.

Вот что я узнал здесь от туземцев в пироге. Папуасы моей колоний в Айве, полагая, что, благодаря моему соседству, они будут в безопасности, перестали быть постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении. В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальники и большинство мужчин не находились в селении, а другие по случаю дождя спокойно спали, — одни в своих пирогах, другие в бараках, — внезапно появилось множество папуасов-врагов (из бухты Бичару). Они все были хорошо вооружены и, чтобы придать себе более страшный вид, выкрасили лица черной краской. Застав маленькое поселение врасплох, они бросились на спящих, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье Айдумы, который был в отсутствии. Дома спали его жена и дочь (хорошенький ребенок, лет пяти—шести). Хотя и раненная двумя ударами копья, бедная мать нашла, однако, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Другие туземцы колонии последовали ее примеру, по крайней мере те, которые не были слишком тяжело ранены, чтобы добраться туда; таким образом, моя хижина стала центром свалки. Число нападавших было около сотни, между тем как в Айве не находилось более дюжины мужчин, но много женщин и детей. Разумеется, люди Айдумы были совершенно разбиты. Мои семь слуг не помогли им, боясь быть убитыми вследствие такого заступничества. Победители не удовольствовались тем, что ранили и убили около десятка людей Айдумы (мужчин и женщин), но, убедившись, что раны жены радьи Айдумы были смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукой была насажена на копье и с торжеством унесена в горы.

Впоследствии я узнал, что причиной этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийства начался грабеж моих вещей, который продолжался до 3 часов пополудни. Тогда горные туземцы отправились в обратный путь, неся как трофей голову ребенка, уводя с собою в плен двух молодых девушек и мальчика и унося столько, сколько могли, вещей, награбленных в моей хижине.

Между тем один из моих людей — амбоинец Иосиф — не совсем потерял голову. С помощью двух других он отправился в маленькой пироге к большому падуакану, пришедшему недавно для меновой торговли с туземцами. Он убедил анакоду туземного прау послать шлюпку с вооруженными людьми для того, чтобы спасти по крайней мере часть моих вещей. Они прибыли в Айву к вечеру и застали людей Наматоте и Мавары занятыми разборкой и дележом добычи. Утомленные дневными приключениями туземцы при виде вооруженных людей не стали сопротивляться, и мои слуги собрали остатки моих вещей и отнесли их к падуакану.

Несмотря на всю неожиданность и неприятность известия, оно меня скорее заинтересовало и рассердило, чем смутило или напугало. Мое решение вернуться в Айву уже было принято. Поэтому, несмотря на усталость людей и их возражения, я заставил их грести всю ночь в канале между о-вами Мавара и Симеу.

3 апреля

К рассвету мы были в Маваре. Я отправился на берег, на этот раз вооруженный, так как опасался, что люди Мавары, также грабившие мои вещи, могут отнестись не особенно дружелюбно к моему визиту.

Я хотел видеть капитана Мавары, физиономия которого мне никогда не нравилась и которого я считал, вместе с радьей Наматоте, главным виновником убийств и грабежа. Я отправился к его хижине, но там никого не нашел, кроме двух баб, сильно испуганных, забившихся в угол хижины, и нескольких плачущих детей. Я был почти убежден, что капитан и другие туземцы-мужчины, не ожидавшие моего визита, попрятались где-нибудь поблизости. Расправляться с ними я пока не хотел, тем менее с женщинами и детьми, поэтому я вернулся к урумбаю и направился далее к о. Наматоте, где, по словам встреченного туземца, находились падуакан и мои слуги.

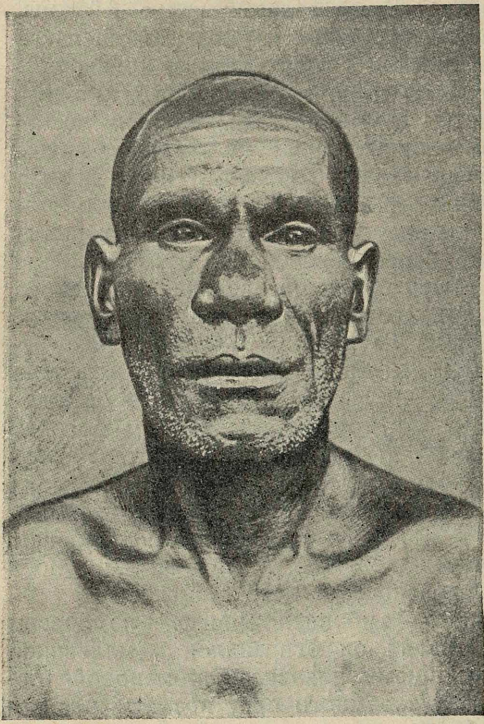

Рис. 33. Капитан Мавары.

Скоро можно было различить падуакан, стоявший на якоре в проливе, отделяющем о. Наматоте от материка.

Нетерпение моих людей по мере приближения к нашей цели возрастало, и последние полчаса гребцы хорошо исполняли свое дело. Когда мы были уже недалеко, от падуакана отделилась шлюпка, в которой сидели Иосиф Лопец, Ахмат и один из моих людей из Серама. Я был рад, что Лопец догадался приехать, так как единственно от него я мог узнать хотя бы приблизительно истину обо всем происшедшем. Как только шлюпка приблизилась, я позвал его в свою каюту. Он схватил мою руку и казался очень растроганным; когда же пришел Давид, он бросился его обнимать и чуть не плакал. Я приказал ему рассказать мне все, что он знает, прибавив, что я уже слышал многое, но желаю знать от него подроoности. Его рассказ оказался во многом отличным от уже слышанного мною, что было совершенно естественно, потому что туземца я вчера не мог расспрашивать иначе, как через переводчика, человека из Серама, а последний имел причины, как оказывалось, не переводить всего, что ему было передаваемо. Лопец начал свой рассказ, с жаром уверяя, что вся история была общим делом людей Бичару, Наматоте, Мавары и оставленных мною людей Серама. Частная месть была причиной убийства жены и дочери старика радьи Айдумы. Прельщенные моими вещами, люди Наматоте, Мавары, вместе с моими слугами из Серама, решили пожертвовать семьей и друзьями старика Тонеме, радьи Айдумы, ограбить меня и свалить всю вину на людей из бухты Бичару. Иосиф был в этом вполне убежден, уверяя меня, что, когда он услыхал крики и шум схватки на берегу, он роздал амуницию, порох и пули всем нашим людям, чтобы встретить нападающих. Люди мои, действительно, принялись стрелять, но, как уверял Иосиф, стреляли од-

ними холостыми зарядами, и не потому, что боялись быть убитыми жителями Бичару, а просто потому, что были в стачке с ними.

Это показалось мне совершенно правдоподобным, так как я не сомневался, что 8 человек, вооруженных ружьями, без особого труда могли бы обратить в бегство сотню туземцев, вооруженных копьями, если бы они, действительно, стреляли пулями и дробью.

...Радьи Айдумы и Наматоте всячески ухаживают за мною, пожимают беспрестанно руки и изъявляют желание всюду следовать за мною, куда я только пожелаю. Серамцы просят в свою очередь не верить ни одному их слову и видят в них лишь новые козни. Восемь человек моих людей-серамцев больны лихорадкой.

Вечером Иосиф пришел сказать, что оба радьи говорили моим матросам, чтобы они за себя не боялись, что им никто ничего не сделает. Серамцы этому верят, но сильно трусят за меня или, вернее, за самих себя, полагая, что в случае, если меня здесь убьют, им достанется от голландского правительства, когда они вернутся домой.

7 апреля

Измерил череп из 3-й гробницы на о. Наматоте; он оказался очень узким, с показателем ширины 62; я смерил его два раза, думая, что в первый раз ошибся.

8 апреля

Анакода приехал сказать, что вследствие последних событий он боится оставаться здесь, что торговля в этом году плоха и что он предпочитает поэтому отправиться на о-ва Кей или Ару. Я приготовил два ящика с препаратами в спирту и черепами, которые хочу отправить с ним, и дал ему несколько писем для передачи первым голландским властям, которых он встретит.

Между похищенными или разбитыми вещами находились, между прочим, две банки с хиной. У меня осталась одна неполная, почему приходится весьма экономно обходиться с приемами. Между моими людьми очень много больных: из шестнадцати матросов только четыре здоровы.

11 апреля

Направился, наконец, на о. Айдуму. Выбрал будущим местожительством Унбурмету, положение которой мне кажется более здоровым в сравнении с Вайкалой.

Когда я вечером выбирал место для своей хижины, серамцы стали снова ворчать; я сейчас же прекратил это ворчанье, заявив опять, что в хижине жить я буду один, а они все могут оставаться ночью и даже днем на урумбае, а, что, если им и этого мало, то пусть отправляются домой, а я один останусь здесь. После этого снова послышались уверения в преданности и полной готовности слушаться. Пользуясь моментом, я заставил их дать мне обещание, что они начнут постройку хижины завтра с рассветом.

12 апреля

Я еще не встал, т. е. не было еще 5 час. 30 мин., как партия серамцев съехала на берег, чтобы до завтрака вырубить нужный материал для будущей хижины. Позавтракав, я тоже съехал на берег и указал на месте, которое Иосиф с одним из серамцев уже расчистил, размеры хижины.

Так как эта хижина будет служить только для ночлега, а днем — для письменных занятий, вещи же мои останутся на урумбае, то размеры ее могут быть очень небольшими; метра 3 в ширину и 4 в длину как раз достаточное помещение для койки, стола и стула. Люди работали очень хорошо, так что к завтраку хижина будет готова.

13 апреля

Хижину, действительно, кончили. Я провел целый день на берегу, следя за работой, и к вечеру так устал, что отложил переселение до завтра.

15 апреля

Переселился вчера и провел ночь уже в хижине; она такая дырявая, хотя сверху и не протекает, что вечером нельзя зажечь свечи, да и спать холодно.

Унбурмета благодаря моему поселению, как и Айва, становится оживленной; но в Айве от песчаного берега, где вытянуты были на песок папуасские прау и где туземцы строили себе временные шалаши, до моей хижины было далеко; здесь же с моей веранды я могу видеть весь берег и все, что на нем происходит.

Сегодня пришли шесть пирог с кучей народа. Вечером, просидев весь день над кое-какими анатомическими работами, я вышел на веранду и любовался игрой мальчиков и юношей на песчаном берегу. Был отлив, почему они имели большое пространство для своих игр. Они играли в войну: бросали друг в друга комья песку и легкие палки вместо копий. Главное искусство состояло в том, чтобы бросить ком песку или копье и потом быстро увернуться, броситься в сторону или на землю или прыгнуть высоко и избежать тем копья, направленного в ноги. Трех- и четырехлетние мальчики участвовали в игре, которая очень интересовала и 14- и 15-летних юношей. Здесь, как и в других местах Новой Гвинеи, дети замечательно рано начинают упражняться в метании в цель: они бросают чем попало и во что случится и достигают в этом большой ловкости.

Имел с Давидом и Иосифом серьезный разговор. Я начал с того, что спросил их: побоятся ли они остаться здесь со мною, если я позволю урумбаю вернуться в Серам? Оба отвечали положительно, что боятся, потому что папуасы здесь готовы убить человека из-за пустой бутылки или старой тарелки. Они прибавили, что это — общее мнение, что на папуасов невозможно положиться и что серамцы, несмотря на общую выгоду сохранить мирные отношения, трусят каждую ночь, боясь неожиданного нападения. Если мы останемся здесь вчетвером, т. е. я, Давид, Иосиф и Ахмат, то нам не сдобровать. Затем оба при-

бавили, что у них есть жены и дети. Вследствие этого разговора я принужден был задержать урумбай.

Часов в 10 вечера пришла пирога с людьми Айдумы и с очень интересным известием, оправдавшим предположения моих людей и подтверждающим выраженное ими мнение, что здесь невозможно полагаться на туземцев. Известие состояло в следующем: на днях (кажется, вчера) около трехсот человек из горных деревень около Телок-Камрау приходило действительно в Айву с намерением убить меня и разграбить окончательно мои вещи. Эта экспедиция была очень разочарована, найдя в Айве одни обгорелые столбы вместо хижины и людей. Серамцы, как говорит Давид, очень встревожились этим известием и очень трусят. Давид просил меня не спать здесь, а вместе с моими людьми в урумбае. Я не согласился.

17 апреля

Опять тревога. Новое известие пришло к вечеру. Говорят, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на меня ночью или на рассвете, и, если придут, то, вероятно, в значительном числе. Мои люди так встревожены, что ожидают нападения непременно в эту ночь, — ведь у страха глаза и уши велики, а, главное, страх заразителен. Я, разумеется, постарался убедить своих людей и даже успел рассмешить их всех, спросив о том, каким образом они думают, что горные жители попадут сюда или же станут гоняться за урумбаем по морю, не имея пирог. Я наотрез отказался перебраться из хижины на урумбай. Приходится, однако, из-за общей тревоги и возможности нападения лечь спать одетым.

18 апреля

Рисовал портреты туземцев, выбрав не особенно красивые или безобразные физиономии, а те, которые подходят всего более к общему типу. Надо сказать, что вообще разнообразие физиономий вследствие разнородной примеси здесь гораздо значительнее, чем, напр., на берегу Маклая, даже у здешних горных жителей, как, напр., вуоусирау. У здешних папуасов (я разумею тех, которые не обнаруживают заметных признаков смешанной расы) можно встретить и плоские, приплюснутые носы, и прямые, и крючковатые, и, наконец, такие, кончик которых свешивается низко над верхней губой.

Видел сегодня и осмотрел родившегося на днях папуасского ребенка. Передняя часть тела, руки и лицо были значительно светлее сравнительно со спиной и лбом. Тело было желто-розоватое, с примесью сероватого тона. Волосы вьющиеся большими кольцами. Меня уверяла мать ребенка, что отец его — ее муж, но при отношениях здешних женщин к серамцам, макассарцам и другим посетителям антропологу, если он не желает ошибиться, не следует особенно доверять этим рассказам.

Давид и Иосиф сделали сегодня очень серьезное и далеко не приятное открытие. Оказывается, действительно, мои люди воспользовались грабежом моих вещей в Айве и вместе с людьми Наматоте и Мавары расхитили их, а также и вещи моих слуг (Давида и Иосифа) после того, как люди из Телок-Бичару ушли к себе. Некоторые из этих вещей были замечены сегодня в татумбу (род корзины) одного из серамцев, много других моих вещей были променяны ими на масой. Это наглядно

доказало, что мне нельзя довериться не только папуасам, но даже и своим людям.

21 апреля

Под утро был разбужен криками, которые произвели общую тревогу. Оказалось, однако, что причиной тому было небольшое прау, пришедшее из Горама. Анакода пришедшего прау и несколько человек горамцев пришли ко мне с визитом и сказали, что прибыли сюда, надеясь встретить на этом берегу анакоду Чечонэ, чтобы торговать его товарами, и, узнав, что падуакан Чечонэ уже покинул этот берег, они думают вернуться назад в Горам.

Мои люди снова перепугались. Множество пирог показалось у мыска. Сейчас же явилось предположение, что и люди Наматоте собираются напасть на нас, и когда все пироги снова, вместо того чтобы итти вперед, вернулись и скрылись за мысом, в этом обстоятельстве было найдено подтверждение тому, что это произошло вследствие неожиданного прихода прау из Горама. Все это, может быть, и правда, а, может быть, и даже вероятнее, — вздор. Серамцы так возбуждены, что во всем готовы видеть неминуемую опасность.

22 апреля

Охота дает мало,— меньше, чем на материке, в Айве. Присутствовал при браке Тагара с дочерью старого радьи Айдумы. Это был простой торг. Тагар купил невесту за ружье, ценность которого на о-вах Серам определяется в 10 флоринов; в придачу был дан кусок белой бумажной материи в 2½ флорина; итого 12½ флоринов. Тагар должен был, однако, ждать следующего муссона, чтобы взять жену в Серам. Она, впрочем, девица не слишком юная, на вид ей за 20 лет, что здесь далеко не первая молодость. До Тагара она уже, разумеется, имела не одну связь, и сегодня утром я был немало удивлен, получив приглашение на их свадьбу, так как я считал их давно мужем и женой, что и было de facto, а сегодня сделалось de jure.

23 апреля

Встал рано, думая отправиться на охоту с Давидом. Пока я пил кофе, любуясь видом гор при утреннем освещении, Иосиф рассказал мне, что ночью была снова большая тревога. Пришла какая-то пирога из Мавары. Когда ее окликнули, она хотела удалиться. Он, Иосиф, звал меня с урумбая, но я, видно, спал, так как ничего не ответил. Я, действительно, спал очень крепко, и все, что Иосиф рассказывал, было для меня новостью. Иосиф прибавил, что капитан Мавары — один из главных участников грабежа. Мои вещи из Айвы находятся именно в этой пироге, которая прибыла ночью.

— А радьи Наматоте там нет? — спросил я.

— Не видал, — отвечал Иосиф.

— Очень жаль, хорошо было бы захватить их обоих.

Иосиф посмотрел на меня вопросительно. Я сам не знал, что предприму, однако, решился не выпустить этого человека. Не следовало

терять времени: я послал Иосифа за Давидом, а сам допивал кофе, обдумывая, как удобнее все устроить. Давид явился, и я объяснил ему в двух словах, что решил взять капитана Мавары живым или мертвым, что нам не придется после этого долго оставаться здесь и чтобы он зарядил все ружья, пока я соберу свои бумаги и книги. Наша работа шла быстро; и когда двое из серамцев пришли с Иосифом, мои бумаги, книги и белье были уже мною уложены. Иосиф объявил, что не ошибся и что капитан Мавары находится в пироге. Я приказал Давиду остаться при ружьях, Иосифу — итти со мною и, обращаясь к Мойбериту, чистокровному папуасу, который почему-то всегда беспрекословно исполнял мои приказания, спросил: «А ты боишься со мною итти или нет?» — «Нет,— отвечал он, — если ты пойдешь первый». Я указал ему на крепкую веревку, надеясь, что можно обойтись без револьвера, и веревки будет достаточно для капитана Мавары. С веранды я мог видеть положение всех и каждого и невольно заметил весьма значительное число папуасов сравнительно с моими людьми. Хотя я их не считал, но полагаю, что их было раза в три больше нас. Промелькнула мысль: «А ну, если все кинутся защищать капитана Мавары». Хотя я не сомневался в исходе дела даже в таком случае, но мне жаль было допустить возможность резни, в которой все-таки я буду виноват. Но это была только минута; я припомнил вид моей разграбленной хижины в Айве, лужи крови несчастного ребенка на моем столе и кровавые следы ее матери, убитой также в моей комнате. «Жаль, что другого нет», подумал я, и вернулся в комнату. Приказав никому ничего не говорить, я вышел с Давидом и папуасом.

Большинство людей занималось приготовлением пищи; мои серамцы завтракали в урумбае, и только немногие были на берегу, любезничая с молодыми папуасками. Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге. «Где здесь капитан Мавары?» — спросил я не особенно громким голосом. Ответа не было, но все голоса затихли, и многие обернулись, как бы ожидая чего-то. «Капитан Мавары, выходи!» — повторил я громче. Общее молчание. Я подошел к пироге. «Выходи же!» — были мои последние слова. Тут я сорвал цыновку, служившую крышей пироги. В ней, действительно, сидел капитан. «Саламат, туан» — произнес он дрожащим голосом. «Так это ты грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау. Где теперь радья Н診матоте?» — «Не знаю», еще более слабым голосом произнес этот человек, который был вдвое или втрое сильнее меня, а теперь дрожал всем телом. Все папуасы и мои люди окружили нас. «Смотри за людьми», — шепнул я Иосифу, а сам схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбериту связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал: «Я беру этого человека, который грабил мои вещи, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину и который расхитил все, что было в ней, и допустил, чтобы в моих комнатах убили женщин и детей. Возьмите его сейчас же на урумбай; Мойберит и ты, Сангиль, будете отвечать за него».

Я решил, что следует покончить все дело как можно скорее, а, главное, не дать времени людям опомниться и не допустить какого-нибудь совещания. Видя, что мои серамцы убедились в необходимости меня слушаться и даже потащили моего пленника на урумбай, я положил револьвер обратно в чехол у пояса и сказал туземцам: «Я не сержусь на вас, а только на начальника, капитана Мавары, и радью Наматоте, которые были заодно и делали то же, что люди Телок-Камрау».

Заметив, что некоторые были вооружены, я предложил им оставить оружие в стороне, так как никто их не тронет, и помочь моим людям перенести мои вещи из хижины на урумбай. Мои слова произвели хорошее впечатление; серьезные лица приняли веселое выражение.

Все снова заговорили и принялись перетаскивать мои вещи из хижины на урумбай. Давид и Иосиф распоряжались очень расторопно. Мои люди, не полагаясь на мирный исход, оставались вооруженными, и все ружья на урумбае были заряжены. Я принял меры предосторожности и положительно запретил, чтобы какая-либо пирога покинула Унбурмету. Иосифу, Ахмату и радье Айдумы приказал следить за исполнением этого приказания. В какой-нибудь час все было перенесено на урумбай, и мы могли отправиться в путь каждую минуту. Я не забыл, однако, об интересном черепе, лежавшем недалеко от дома старого радьи и который я до сих пор не хотел трогать из нежелания показать туземцам, что я не уважаю гробниц их родственников. Теперь же, уходя, я не хотел оставить интересный антропологический предмет в добычу сырости и времени. Надо было ухитриться удалить всех с того места на несколько минут, так как даже и теперь я не желал сделать этого похищения открыто. Я послал поэтому серамцев на урумбай готовиться к уходу, других — за водой и, шепнув несколько слов Давиду, сказал туземцам, что иду успокоить женщин и проститься с ними. Я рассчитывал, что все мужчины пойдут со мною, в чем и не ошибся. Женщины, как только произошел арест капитана Мавары, вероятно, боясь насилия, сочли более благоразумным немедленно убраться и спрятались в старом доме радьи Айдумы. Может быть, они это сделали по приказанию мужчин. Я отправился к дому и вызвал женщин, которым сказал с помощью переводчика, чтобы они ничего не боялись, что я им ничего не сделаю, не убью и не увезу никого насильно с собою и чтобы они передали мои слова другим. Я велел им также передать жене капитана Мавары, что я его взял потому, что он вместе с другими грабил мои вещи, вместо того чтобы защищать их, но что я ничего с ее мужем не сделаю, а только отвезу его в Амбоину на суд резидента. Увидя жену Тагара, я позвал ее и подарил кусок красной бумажной материи, зеркало и табаку. Я думал, что застану ее в большом горе по случаю отъезда ее молодого мужа, но замечательно, как мало грусти выражала ее довольно миловидная физиономия при расставании со своим супругом, с которым она жила только 1 месяц, и который едва ли в такое короткое время мог уж ей надоесть.

Мне сказали, что одна из жен капитана Мавары находится между женщинами. Я сейчас же предложил ей сопровождать мужа, думая, что это ее обязанность. Но она не захотела и вовсе не казалась опечаленной участью мужа.

Простившись окончательно с туземцами, которым я роздал значительное количество табаку, я переехал на урумбай в одной из туземных пирог и, убедившись, что все в исправности, приказал поднять паруса и при легком южном ветре направился к о. Ади. Отойдя несколько миль от берега, я приказал развязать руки моему пленнику и дать ему есть. Он сделался очень послушным и старался подружиться с моими людьми. Он предлагал им, как я это узнал от моих амбоинских слуг, значительное количество продуктов, если они помогут ему бежать при первой возможности.

Чтобы помешать исполнению этого плана, я в продолжение восьми дней пути до о. Кильвару нигде не останавливался, несмотря на просьбы людей зайти куда-нибудь за свежей провизией и на то, что вода, взятая в Унбурмете, начала портиться. Раз мне даже пришлось пригрозить револьвером, чтобы сохранить дисциплину. Придя в Кильвару 29 апреля, я передал своего пленника радье Кильвару, сказав, что он будет отвечать перед резидентом Амбоины в случае побега капитана Мавары, и предупредил его, что он должен остерегаться людей Гессира, которые ради выгод, обещанных капитаном, пожалуй, будут склонны помочь ему.

Я послал Иосифа на небольшом прау с пятью туземцами на о. Банду с письмом к резиденту Амбоины, который, однако же, прибыл в Кильвару только 21 мая. Все это время я прожил на о. Кильвару и сделал ряд интересных наблюдений над малайско-папуасскими помесями и вообще над туземцами.

Капитан Мавары был взят резидентом на пароходе «Бали» в Амбоину, а затем переслан, кажется, в Тидор. Наказанием ему было поселение или, вернее, переселение с Новой Гвинеи, а не тюремное заключение.

СПИСОК НЕКОТОРЫХ СЛОВ ДИАЛЕКТОВ ПАПУАСОВ БЕРЕГА ПАПУА-КОВИАЙ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Во время своего пребывания на берегу Папуа-Ковиай (юго-западное побережье Новой Гвинеи) в 1874 г. я составил небольшой список слов туземных диалектов этого побережья.

На этом берегу, от п-ва Кумавы (Принца Оранского) до Тандьон Буру (к S от Лакахии), существует 5 диалектов.

1-й диалект употребляется туземцами, обитающими по р. Каруфа, в Телок-Камрау и Телок-Бичару.

На 2-м говорят обитатели о-вов Ади, Наматоте, Мавара, Айдума, Каю-Мера.

На 3-м — туземцы районов Телок-Лакахия и Телок-Кируру.

Горные племена: майраси (на Ламансиери) и вуоусирау (на Камака-Валлар) имеют также каждое свой диалект.

Я даю здесь маленький, составленный мною словарь, который является дополнением к словарю диалектов того же побережья, составленному Соломоном Мюллером, [1] чтобы избавить позднейших исследователей от необходимости тратить труд и время на составление подобного же дополнения и главным образом в надежде увидеть, что сбереженные таким образом труд и время будут употреблены на новые и ценные исследования и наблюдения в этой интересной области.

ДИАЛЕКТЫ ПАПУА-КОВИАЙ

	Серам-Кеффинг, Гессир, Кильвару, Кваус	Наматоте, Мавара, Айдума, Каю-Мера	Вуоусирау на Камака-Валлар	Район Телок-Лакахия	Район Телок-Кируру
солнце	ola	oromatawutl	unguru	aya	jauburawa
луна	ulan	wuran	angane	bura	—
звезда	wituan	om oma	onburi	mawena	imaru
земля	enara	tanome	mansa	imua	tin
вода	aru	wallar	kai	mura	mi
река	arsinul	wallar bisuera	kai ineme	joda	—
дождь	uran	omo	jamu	geta	kee
ветер	angin	lau	mabiu	ora	kemuru
огонь	afira	labi	iworo	ussia	uta
утро	saletletan	sinenera	koa	ewakera	kaimato-tschoko
полдень	olar-katoto	oro-nassusaz	tenda mundua	aiboa	—
вечер	olar-galiga	oro-tringi	tenda susugat	burawa	—
ночь	olar-nassun	momat	wuei	ewofa	—
свет	masir	bersitounai	naimi gomenai	aja	—
темнота	garagaran	mirumomat	namuwiemi	ewofa	buga

[1] Salomon Müller. Reizen en onderzoekingen in den Indischen Archipel, in de jaren 1828—1836; 1857, p. 113.

	Серам: Кеффинг, Гессир, Кильвару, Кваус	Наматоте, Мавара, Айдума, Каю-Мера	Вуоусирау на Камака-Валлар	Район Телок-Лакахия	Район Телок-Кируру
гора	ukara	wuor	wara	bugura	—
мужчина . . .	uranasa	murwana	taturobu	odacira	—
женщина . . .	wawinasa	merwine	ewei	jama	—
дитя	anakotscha	namtuti	tato	jabuna	—
отец	baba	jai	nani	jaja	—
мать	nina	nena	aja	ina	—
брат	kakali	naua	kanonbai	asia	—
сестра	niroro	jongu	omenaio	naua	—
голова	ilura, ilugura	umu	kotera	uwua	—
волосы	uka	mnogburu	kotenassur	uwua	—
глаза	matara	matatungu	obiatu	managa	—
уши	talingara	ztngangu	obiru	jawana	jawatscha
нос	isonini	ijaongu	ombi	onoma	unuga
рот	ilonini	uringu	omaeo	ifa	uru
зубы	nisiconini	zwiutiongu	oras	ifa	uru
язык	kealonini	jaeijongu	onsabi	mara	—
шея	toltolanini	garenongu	matugambu	umia	—
грудь	ricionini	gingongu	onsinu	bia	—
спина	farucoonini	josiongu	ototu	burunemeua	—
пупок	fusalonini	fusurongu	endumu	—	—
penis	utira, utini	utingu	katalasi	itini	—
vagina	fukira	wiimu	wum	fakira	—
рука	fmara	siussiongu	uadu	esurua	—
палец руки . .	imarangrang	mimangsi-soro	orowanda	mana	—
ноготь	imakasligiro	nimanglensi	fasabura	eika	—
кровь	rara	rara	kser	ita	—
колено	ikeuku	angwuu	woamboro	inifa	—
нога	ikianini, kera	jonglerwetu	oiereb	imika	—
большой . .	bobak	nbeti	kabuan	ukuia	—
малый	otaota	njaitou	kajaratu	sudua	—
белый	mafuti	raatu	kaarabur	taisia	—
красный . . .	mera	waanbatu	wita	enema	—
черный	metametan	metan	kasab	warofa	—
зеленый . . .	biroe	biroe	kingune	efia	—
красивый, хороший . . .	baban. gefin	negeebu	pansi	amaremivi	—
железо	mumumure	sinera	kaa	burusia	—
дерево	kajera	aju	uu	—	—
кокос	niura	mu	obo	wuina	—
саговая пальма	kela	anauriti	wete	ama	—
бамбук	karawatu	arawatu	karawatu	ifa	—
корица	aikorara	masso	massoi	sanatscha	—
табак	tabacura	tobacu	tambacu	tabacu	—
сахарный тростник	toura	tobu	mei	monifa	—
пизанг	fudira	fundi	wegi	owa	—

	Серам: Кеффинг, Гессир. Кильвару, Квaус	Наматоте Мавара, Айдума, Каю-Мера	Вуоусирау на Камака Валлар	Район Телок-Лакахия	Район Телок-Кируру
свинья	bura	boi	wembe	ufa	—
собака	kafuna	awuna	ansi	iwora	—
рыба	ikana	dondi	kuratu	nema	—
черепаха	fenura	saram	saab	rawea	—
змея	etis	aroi	ambere	iriwa	—
хижина	rumara	sarin	wata	jafa	—
лодка	anga	beri-beri	era	biga	—
весло	wosara	wosa	otom	boa	—
лук	usura	eua	usema	amuno	—
стрела	waunuka	lar-ai	joru	berea	—
копье	kasoariruri	irao	wueri	—	
нож	turito	turi	turie	—	—
паранг	pedara	beinda	parai	—	—
острый	matari	mangan	manga	—	—
браслет	tukera tikekera	tiea	jame	—	
купить	akufas	moguri	mangurian	—	—
продать	akutanak	isubera	keisumba	—	—
воровать	fakaleus	uarcus	wangata	—	—
бояться	mataku	matatu	inijan	—	—
сидеть	matoran	tomatoran	iomeran	—	—
стоять	mariri	tomariri	isemoi	—	—
лежать	luslusora	bamenan	tebian	—	—
спать	kefit	moenan	tebian	—	—
бегать	falaru	braru	soragan	—	—
ходить	tagi	mtangi	osoran	—	—
говорить	sabi	baibel	fawariri	—	—
петь	dawinajaan	boalalu	sewom	—	—
быть голодным	matawitjil	bitjil wuole	—	—	—
есть	kavanga	maua	amu	—	—
пить	dinu	mainu	amuwaru	—	—
да	mai-iwaria	msaa negewi	nant	—	—
не, нет	naite	marate	kaeru	—	—
быть больным	mansingat	sait	wuangi	—	—
умирать	namata	namatoroa	namajua	—	—
1	sa	samosi	anau	onaraw	—
2	roti	rueiti	amoi	aboma	—
3	tolo	toru	karia	torua	—
4	faat	faat	aivera	faat	—
5	lim	rim	woro	rim	—
6	onam	rimsamoti	iwor-tanau	rim-onarawa	—
7	fitu	rim rueiti	iwor-amoi	rim-aboma	—
8	alú	rim toru	— karia	rim-torua	—
9	sia	rimbat	— aiwera	rim	—
10	otchia	futsa	— toki tani	—	—

	Серам: Кеффинг, Гессир, Кильвару, Квауc	Наматоте, Мавара, Айдума, Каю-Мера	Вуоусирау на Камака-Валлар	Район Телок-Лакахия	Район Телок-Кирур у
11	otchia-resi-kasai	futsa samosi	toki-tani na-tare tanau	—	—
12	otchia-resi-roti	futsa-rueiti	toki tani amoi	—	—
20	utru	ombutueti	toki amoi	—	—
21	utru ressi-kasai	ombutuetisa-mosi	—	—	—
100	ratscha	ratsia	ratutanao	—	—
1000	riunsu	ribunsa	—	—	—

Март 1874 г.

Унбурмета, на о. Айдума, берег Папуа-Ковиай, Новая Гвинея

О ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПАПУАСОВ БЕРЕГА ПАПУА-КОВИАЙ

(Меморандум, представленный генерал-губернатору Нидерландской Индии)

Природные произведения Новой Гвинеи, которые с давних пор привлекали на ее берега малайских купцов, составляют и теперь для Ост-Индского архипелага важную отрасль торговли. Предметами вывоза являются, главным образом, корица, дикорастущие мускатные орехи, трепанг, черепаха, перламутр и жемчуг.

Прежде здесь была очень развита работорговля; она существует и теперь, но в меньших размерах и в других формах.

Юго-западный берег Новой Гвинеи посещают главным образом купцы из Макассара на своих падуаканах и жители Серама и о-вов Серам-Лаут на своих маленьких судах; они ведут на берегу Папуа-Онин преимущественно меновую торговлю.[1]

Последние годы прау избегают берег Ковиай из-за частых грабежей и нападений, которым там подвергаются торговые флотилии. Туземное население этого богатого естественными ресурсами, очень красивого по природе, но лишенного вполне безопасных гаваней побережья находится в отношении политическом и социальном в самом плачевном состоянии.

Географическое положение этого побережья, находящегося на расстоянии около одного дня пути от восточных Молуккских о-вов, его торговые сношения с Молуккскими о-вами и Макассаром и, хотя и номинальное до сего времени, господство Голландии над этой частью Новой Гвинеи, — все эти обстоятельства кажутся мне достаточно вескими, чтобы правительство Нидерландской Индии заинтересовалось положением этой, подвластной ему страны.

Я хочу поделиться здесь некоторыми своими наблюдениями над жизнью туземцев берега Папуа-Ковиай, который я только что посетил.

Население ведет там бродячий образ жизни и передвигается в своих маленьких прау из одной бухты в другую, оставаясь на одном месте только несколько часов и лишь изредка в течение нескольких дней; при этом редко можно встретить несколько прау вместе. Страх перед неожиданными нападениями со стороны соседних племен, которые не щадят ни женщин, ни детей и убивают или обращают в рабство всех захваченных ими, заставляет туземца Папуа-Ковиай кочевать в маленьком прау со своей семьей и имуществом, пробираясь из одного потайного места в другое, терпя голод и в постоянной тревоге.

Следы разрушенных и покинутых поселений, разбросанных в разных местах, а также покинутые плантации доказывают, что папуас может вести оседлый образ жизни. Папуасы часто говорили мне о своем желании иметь постоянное местожительство, и они на деле доказали это желание, начав, с тех пор как я построил себе хижину в Айве, селиться около нее и даже обрабатывать землю, полагая, что по соседству со мною они будут в большей безопасности.

Я сам могу констатировать, что боязнь неожиданных нападений была вполне обоснованной, потому что за время моего короткого, приблизительно 2-месячного пребывания на берегу Папуа-Ковиай было 3

[1] Папуа-Онин — название юго-западного берега Новой Гвинеи, между зал. Мак-Клюр и п-овом Принца Оранского; несколько севернее это побережье носит название „Папуа-Нотан", южнее — „Папуа-Ковиай".

таких опустошительных набега. Первым из этих нападений руководили жители зал. Камрау, и оно было направлено против папуасов о. Каю-Мера, причем только немногим из них удалось скрыться. Большинство их было убито или уведено в рабство. Когда я посетил о. Каю-Мера в марте 1874 г., я не нашел там ни одного человека. Те, которым удалось спастись, бежали в горы.

Второй набег был совершен на жителей Айдумы, поселившихся по соседству с моею хижиной в Айве. Жена радьи Айдумы была убита копьем, а его 6-летняя дочь изрезана на куски парангом; многие женщины и несколько мужчин были ранены; две девушки и один молодой мужчина были взяты в плен. Как раз тогда грабители опустошили мою хижину, расхитив почти все мои вещи и запасы продовольствия. Эти грабежи и убийства были совершены горными жителями зал. Бичару и людьми Наматоте и Мавары.

Третий из набегов был предпринят жителями гор Камака, носящими имя «вуоусирау», союзниками покоренных жителей Айдумы; они напали на горцев зал. Бичару и на людей Наматоте, чтобы отомстить за смерть жены и дочери радьи Айдумы. Исход этого набега остался мне неизвестным, но в наказание за ограбление своего дома я взял в плен капитана, или начальника, архипелага Мавары [1] и хочу его передать в руки резидента Амбоины. [2]

Кроме этих постоянных войн между соседними племенами, часто происходят еще и другие набеги, напр., «хонгии», как называются организуемые султанами Тидора и Тернате морские экспедиции для сбора дани, которые, посещая берег Ковиай, похищают туземцев и обращают их в рабство. Со своей стороны, туземцы Папуа-Ковиай не упускают удобного случая, чтобы обмануть купцов бугисов и серамцев и напасть на них в подходящий для этого момент. Здесь обман — в порядке вещей и является чем-то вроде торговой традиции.

Для того чтобы получить ценные новогвинейские продукты, которые выгодно продаются на рынках Серама и Макассара, купцы бугисы не боятся давать папуасам свои товары в кредит. Папуасы, со своей стороны, обещают им через несколько месяцев, — срок, необходимый для сбора продуктов лесов и моря, — возместить торговцам стоимость полученных товаров. Но это обещание часто не выполняется. Папуасы скрываются в горы; купцы не могут их там найти и часто ждут уплаты долга много лет. [3]

[1] Капитан — это титул, введенный малайцами, который папуасы дают начальникам, стоящим по своему рангу ниже радьи.

[2] Капитан Мавары не только вместе с радьей Наматоте руководил разграблением моей хижины в Айве, что могут подтвердить мои 6 слуг-серамцев, которым я поручил ее охрану, но еще до этого много раз грабил макассарские и серамские прау, совершая при этом убийства. Во время своего пребывания в Кильвару, Гессире и Макассаре мне пришлось говорить со многими очевидцами грабежей капитана Мавары. Передавая его в руки нидерландских властей, я надеюсь навсегда лишить его возможности совершать преступления, которые, несомненно, продолжались бы, если бы этот человек остался на Новой Гвинее.

Я надеюсь, что нидерландское правительство, собрав веские доказательства этих разбоев, в частности — разбоев капитана Мавары, сумеет принять благотворные меры для спокойствия и безопасности мореплавателей и туземных торговцев, посещающих берега Новой Гвинеи.

[3] Анакода одного прау из Макассара, с которым я встретился около о. Наматоте в мае 1874 г., рассказывал мне, что он ждал уплаты за свои товары шесть лет; больше того — в этом году он внезапно должен был покинуть берег Папуа-Ковиай из-за боязни, что на него нападут.

Когда я спрашивал при встречах папуасов берега Ковиай: «Куда ты идешь?» или: «Откуда ты пришел?» — мне обычно отвечали: «Я ищу» или «Я искал чего-нибудь поесть». Трудность содержания большой семьи при бродячем образе жизни и при постоянном страхе перед голодом оказывает, естественно, большое влияние на численность населения: жителей побережья Папуа-Ковиай можно считать только сотнями, а не тысячами. Наконец, разного рода другие обстоятельства, которые я не могу здесь перечислять, заставляют меня предполагать, что население этого берега постоянно уменьшается.

Из всего сказанного мною выше вытекает, что установление большей безопасности на этих берегах приведет к значительной и решительной перемене в жизни папуасов берега Ковиай и что эта перемена будет для населения источником благополучия. Но эта безопасность может быть достигнута только посредством основания здесь маленького европейского поселения, достаточно сильного для того, чтобы поддерживать справедливость и наказывать виновных. Малочисленность населения и слабое влияние вождей очень облегчили бы такое предприятие.

Я глубоко убежден в том, что основание такого рода военного поселения не представит никаких трудностей ни со стороны населения, которое даже хочет этого,[1] ни по климатическим условиям, — они здесь не так плохи, как об этом думали[2] после опыта с фортом Du Bus, для которого, надо признаться, было очень неудачно выбрано место, чего легко можно избежать в других частях этого берега.

В конце этой заметки я должен сказать еще несколько слов о хонгиях, или морских набегах, о которых я уже упоминал выше. Эти экспедиции, что бы там ни говорили, продолжают регулярно снаряжаться султаном Тидора под предлогом сбора дани. Хонгии и теперь опустошают берега Папуа-Онин и Папуа-Ковиай. Султан Тидора нашел способ производить эти грабежи тайно, таким образом, что резиденты Амбоины и Тернате (как я узнал от них самих) ничего не знают об этих фактах. Для того чтобы не привлекать внимания нидерландских властей, люди султана снаряжают экспедиции не на самом Тидоре, а в более отдаленных местах, где нечего бояться нидерландских резидентов. По этой же причине хонгии тщательно избегают таких мест, где они рискуют встретить много прау бугисов и серамцев, как, напр. Карас и Капур, которых они почти никогда не посещают.

В этом году хонгией командовал Себиар, радья Румасола (Мизоль), который наложил от имени султана Тидора тяжелую дань на селения Хати-Хати и Румбати Патипи на берегу Онин. От жителей требовали или рабов или эквивалентных ценностей в виде корицы, мускатных орехов, черепахи и других товаров. Я знаю эти факты от многих жителей Кильвару,[3] которые видели хонгии у берегов Новой Гвинеи и от которых начальник людей тидорского султана требовал дани под тем предлогом, что они ведут торговлю с папуасами.

[1] Я часто встречал на берегу Ковиай папуасов, которые серьезно выражали такое желание.

[2] За время своего пребывания на этом берегу я убедился на собственном опыте в том, что климат многих мест н берегу Папуа-Ковиай не хуже, чем на Молуккских о-вах.

[3] Мухаммед из Кильвару встретил, между прочим, кора-кора (род гребных прау) из Тидора в Румбати. Дань, наложенная на это селение составляла, по рассказу Мухаммеда, 15 рабов обоего пола или их эквивалент в туземных продуктах.

Жители окрестностей Лакахии (Папуа-Ковиай) еще и теперь с ужасом вспоминают об опустошениях, причиненных хонгией принца тидорского Амира,[1] который несколько лет тому назад обратил в рабство до ста папуасов. Эти разбойники не щадили ни людей, ни хижин; они срубили даже все немногочисленные кокосовые пальмы, которые там были.

Рабы-папуасы обоего пола очень ценятся на Сераме и на Молукских о-вах, молодые девушки — как хорошие хозяйки, а мужчины — как послушные и старательные работники;[2] большое их число ежегодно вывозится с юго-западного берега Новой Гвинеи; правда, теперь оно несколько меньше, чем прежде.[3] Кроме того, почти каждое прау из Макассара или Серама увозит с Новой Гвинеи детей, которые продаются там за бесценок. На основании того, что мне самому пришлось видеть и слышать в Кильвару и в Гессире, я могу удостоверить, что с бедными детьми, которых, в большинстве случаев, привозят на эти острова без родителей и в самом нежном возрасте, обращаются обычно плохо, а зачастую и жестоко. Это — малоценный товар, и его потеря не грозит особыми убытками. Вместе с тем этот товар становится ценным, когда дети достигают отроческого возраста, потому что тогда они стоят дорого. Так как эти берега Новой Гвинеи редко и только случайно посещаются европейскими чиновниками, все эти беззакония процветают там беспрепятственно; часто их даже не замечают или о них не беспокоятся.

Для меня было бы большим удовлетворением, если бы эти несколько строк могли содействовать хоть некоторому облегчению печальной участи туземцев; передавая настоящее сообщение в руки Вашего превосходительства, я твердо уверен в том, что оно не затеряется в архивах, не принеся пользы делу.

[1] Этот человек, ныне умерший, сопровождал в качестве переводчика пароход „Этна" на Новую Гвинею

[2] Серамцы считают папуасов (мужчин и женщин) лучшими работниками, чем своих соотечественников, и почти не могут обойтись без рабов-папуасов.

[3] Прежде многие рабы-папуасы вывозились бугисами, которые их перепродавали затем на о Бали.

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

ПОСЕЩЕНИЕ ЮЖНОГО БЕРЕГА НОВОЙ ГВИНЕИ

(январь — апрель 1880 г.)

Целью моего посещения южного берега Новой Гвинеи было желание ознакомиться с туземцами этого берега для сравнения их с теми, которых я уже знал и имел возможность наблюдать на берегу Маклая и на берегу Папуа-Ковиай, а также с прочими курчавоволосыми и темнокожими жителями разных групп и архипелагов Меланезии. Мне хотелось лично убедиться в верности разных сообщений о какой-то особенной «желтой малайской» расе, которая обитает на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи, — название, вошедшее в употребление в последние годы. Притти к окончательному решению этого вопроса мне казалось сто́ящим нескольких месяцев путешествия.

Имея в виду более продолжительное пребывание на этом берегу, я должен был оставить шхуну «*Saddie F. Caller*» на о. Базилаки (или о. Моресби), но, зная, что там мне навряд ли можно будет дождаться судна, я решил перебраться на о. Варе [о. Тесте (Teste) на картах], чтобы выждать там небольшой пароход «Элленгован», принадлежащий London Missionary Society (Лондонскому миссионерскому обществу). Оставив почти все свои вещи на шхуне для доставления в Сидней, я отправился на о. Варе, где в ожидании оказии поселился в доме миссионеров или «тичеров» (teachers),[1] туземцев о-вов Лоялти, у которых я нашел два письма на свое имя и известие, что военная шхуна «Бигль», заходившая сюда недель шесть тому назад, старалась разузнать место моего пребывания, так как имела несколько писем на мое имя, которые командир не захотел оставить здесь. Я устроился довольно удобно в небольшой хижине, принадлежащей миссионеру. Как только устроился, я отослал шлюпку и людей обратно на шхуну.

20 января

Узнал от миссионера, которого зовут Вауная, туземца о. Лифу, что здесь, на о. Варе, нет начальников в настоящем смысле этого слова, что

[1] Тичерами называются миссионеры-туземцы, помогающие белым миссионерам распространять христианство среди местного населения. Принадлежа часто к одной и той же расе, они чаще достигают доверия туземцев, лучше переносят климат и неудобства первого поселения. Тичеры были, можно сказать, главным орудием успешного распространения христианства среди туземцев о-вов Тихого океана.

покойников зарывают, и на могиле ближайший родственник спит ночей десять. Наш разговор был прерван множеством голосов. Мы вышли и направились к группе туземцев, собравшихся под одной из хижин.[1] При этом я убедился в верности того, что уже предполагал, а именно, что большие топоры, называемые туземцами «куне», собственно не употребляются как орудие или оружие, а главным образом служат средством обмена, вроде денег, как напр., на о-вах Микронезии сверток цыновок, на котором никто никогда не будет спать, служит денежной единицей. Под хижиной, на цыновке, вокруг которой собрались туземцы, были положены 12 новых, или кажущихся новыми, «куне». Это была уплата за пирогу умершего туземца, хозяина той хижины, под которой мы стояли. Вдова его, находившаяся в самой хижине, должна была ex officio выть в память покойника, пирогу которого она продавала. Мне сказали, что 12 куне не составляют всей платы за пирогу, так как вдове был уже дан прежде значительный задаток.

Я пошел осматривать деревню.

Видел замечательную ловушку для рыб. Внутренность хижин оказалась сходной с рисунком в книге Мак-Гилливрея;[2] в ней помещались три пары, т. е. трое мужчин, трое женщин и двое детей. В деревне я насчитал более ста хижин.

21 января

Около полудня показались два судна: одно из них был небольшой пароход, оказавшийся «Элленгован», другое — шхуна «Анни». Оба отправлялись на другое утро: шхуна — прямо в Куктаун, «Элленгован», заходя в разные местности вдоль южного берега Новой Гвинеи, возвращался обратно в дер. Ануапата. Мне предстоял выбор, но желание видеть туземцев южного берега, о которых я уже читал не раз, что они принадлежат к «малайской расе», превозмогло неудобство продлить еще на несколько месяцев уже и без того затянувшееся путешествие. Я решил, не долго думая, отправиться с «Элленгован» и посетить Новую Гвинею в четвертый раз.

На пароходе я познакомился с г. Чальмерсом, известным миссионером, прожившим много лет на о-вах Тихого океана и прибывшим на южный берег Новой Гвинеи, где он неутомимо продолжал свою деятельность миссионера. Чальмерс любезно согласился взять меня до Ануапаты (порт Моресби), и я с удовольствием узнал, что он имеет намерение посетить многие деревни по берегу, чтобы навестить живущих в них миссионеров (тичеров), по большей части туземцев о-вов Тихого океана.

Пришлось вернуться в хижину и снова уложить вещи, которые разложил, полагая, что придется прожить несколько недель на этом острове. Собрал все и был к 7 часам вечера на пароходе. Спал на палубе. Общество миссионеров (Чальмерса и Безвика) представляло большой контраст с тем обществом, с которым мне приходилось мириться на шхуне.

[1] Большинство хижин на о. Варе построено на сваях так, что под ними можно ходить.

[2] John Mac Gillivray. Narrative of the Voyage of H. M. Ship „Rattlesnake" during the years 1846—1850. London, 1852.

22 января

Снявшись с якоря в 6 часов, пришли в третьем к островку Самарай. Познакомился здесь с капитаном Редлихом, который, потеряв свое судно, занимается собиранием коллекций птиц. С ним был другой коллекционер, также немец, Хундштейн. Они оба попросили Чальмерса взять их с собою, на что и получили согласие. Между вещами, принадлежащими Хундштейну, находился небольшой темнокоричневый кенгуру, который был пойман туземцами на материке Новой Гвинеи против островка Самарай.

Встретился здесь с замечательным туземцем Джимми с Новой Каледонии, который был некогда в Австралии счастливым золотоискателем. Спустив все, он прибыл вместе с другими на Новую Гвинею искать золото, но, как и другие, ничего не нашел. Он, между прочим, сказал мне, что при промывке большой тарелки песку обыкновенно находилось несколько блесток, так называемых «следов золота» (colour of gold).

23 января

На якоре у дер. Бара-Бара. Измерял головы. Бритые головы женщин и детей представляют особенно подходящий материал для этих измерений. У некоторых женщин я нашел интересную деформацию головы вследствие ношения больших тяжестей в мешках на спине таким образом, что веревка мешка покоится на средней части головы. Так как женщины уже маленькими девочками начинают помогать матерям по хозяйству и очень рано подражают взрослым во всем, также и в ношении мешков, то от этого у них образуется поперек головы поперечное вдавление, которое легко нащупать у взрослых женщин; оно заметно на многих женских черепах этой местности.

На многих деревьях я заметил фигуры. Хижины были похожи на виденные на о. Базилаки, с такими же вогнутыми крышами. Проходя мимо группы туземцев, занятых приготовлением обеда, я увидел, как они резали на куски змею значительной длины. Я попробовал эту змею, когда она сварилась: мясо было очень бело, но жестковато.

У туземцев здесь нет барумов. Женщины не татуированы, но разрисовывают себя разными фигурами, употребляя для этого черную смолу «думу». Этой же смолой туземцы смазывают некоторые части своих пирог, полагая, что это будет иметь благоприятное действие при ловле черепах.

24, 25, 26 января

На якоре у островка Самарай. Лихорадка. Чувствовал себя очень неладно. Ничего не делал.

27 января

Снявшись рано утром, бросили якорь к 11 часам в проливе между материком Новой Гвинеи и о. Суоу, недалеко от дома миссионера. Съехав на берег, я получил здесь три письма, оставленные командиром канонерской лодки «Бигль». Все три были из Европы; одно из них было от сестры из Петербурга. Это было последнее, которое я получил от нее. (Вернувшись в Европу, я не застал ее в живых.)

28 января

Снял несколько фотографий. Татуировка женщин здесь отлична от виденной мною на о-вах Луизиады. Между туземцами видел женщину с прямыми волосами.

У одной из хижин увидел ловушку для рыб, называемую «мотабо», ту самую, которая заинтересовала меня на о. Варе. Имея время, я нарисовал ее, а затем, взяв ее с собою на пароход, убедился, что она действует хорошо.

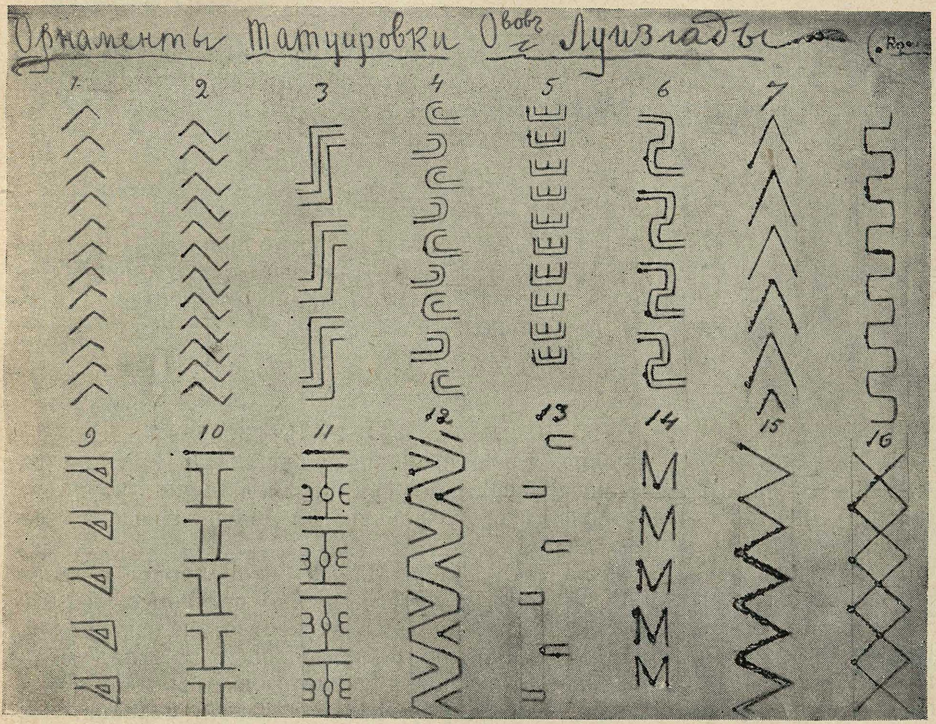

Рис. 34. Узоры татуировки. Архипелаг Луизиады.

Был с Чальмерсом в школе. Мальчики хорошо знали азбуку, и некоторые порядочно писали.

30 января

Пройдя под парами миль 25, зашли в совершенно замкнутый между холмами порт, названный «Дудфильд», по имени бывшего капитана парохода «Элленгован». В этом месте туземцы напали несколько месяцев тому назад на шлюпку капитана, причем один человек был убит и несколько, вероятно, ранено. Миссионерам, однако же, удалось восстановить мир, и сегодня много мужчин и женщин съехалось вокруг парохода и толпилось на палубе.

31 января

На якоре. После ночи и утра под парами пришли в эту большую удобную гавань. Матросы отправились рубить дрова. Несколько туземцев выехало к пароходу; ни на них, ни на их пирогах, ни на веслах я не заметил никаких украшений. Деревни расположены по холмам довольно высоко; они не видны с парохода, а на посещение их не было времени.

1 февраля

На якоре. Пришлось остановиться, чтобы нарубить дров. Якорная стоянка была совершенно открытой, так что сильно качало. Вдали виднелись невысокие горы. Жителей здесь нет.

2 февраля

Там же. Продолжали рубить дрова, которые привезли сегодня 8 шлюпок на пароход. Выгружать длинные тяжелые поленья при сильной качке — была тяжелая работа, но матросы, преимущественно туземцы с о. Лифу, работали хорошо.

4 февраля

На якоре у дер. Маупа. Бросили якорь у дер. Парамата около полудня. К нам выехал миссионер с рослым широкоплечим туземцем, который мне был представлен как начальник, по имени Квапена или Куапена.

Съехав на берег, я направился в дер. Маупа, но предпочел итти по лесной тропинке, а не более прямым путем, вдоль песчаного берега. Лес состоял почти весь из кокосовых пальм: множество спелых орехов, из которых уже большинство пустило ростки, было собрано и положено по обеим сторонам тропинки. После почти часовой ходьбы я пришел, наконец, к дому миссионера, стоящему у края большой деревни. Не только площадка около дома, но и самый дом, состоящий из двух больших комнат, был переполнен туземцами. Около почетного места — стола и единственного стула — на чистых цыновках, на полу сидели разные члены семьи Квапена. Так как Чальмерс думает итти далее завтра, то я воспользовался безотлагательно случаем и принялся мерить головы, рисовать портреты и татуировку. Мужчины мало татуированы, так как у них татуировка связана с убийством врага; женщины же все покрыты разнообразными и оригинальными фигурами, которые воспроизводятся на разных частях тела, сообразно их летам. Фигуры или орнаменты татуировки здесь отличны от виденных мною на о-вах Луизиады и в дер. Суоу.

Татуировка представляет значительный интерес для этнолога: во-первых, потому, что известные орнаменты переходят как бы по наследству, от одного поколения к другому, и характерны для известной местности; при переселении туземцы вместе с языком и физическими особенностями переносят также и татуировку в место своего нового жительства, почему на орнаменты татуировки и всю операцию, сопряженную

с нею, путешественник должен обращать полное свое внимание; во-вторых, именно против татуировки миссионеры ведут ожесточенную войну, и, по мере распространения христианства, обычай этот постепенно исчезает, а с ним вместе и важный этнологический материал. Я счел поэтому своей обязанностью делать точные наблюдения над нею, причем, разумеется, рисование орнаментов было необходимо. К величайшему моему неудовольствию, я еще ранее убедился, что татуировка, произведенная способом накалывания [причем узоры выходят синевато-серого цвета (как на о-вах Полинезии и здесь, на южном берегу Новой Гвинеи)], по-

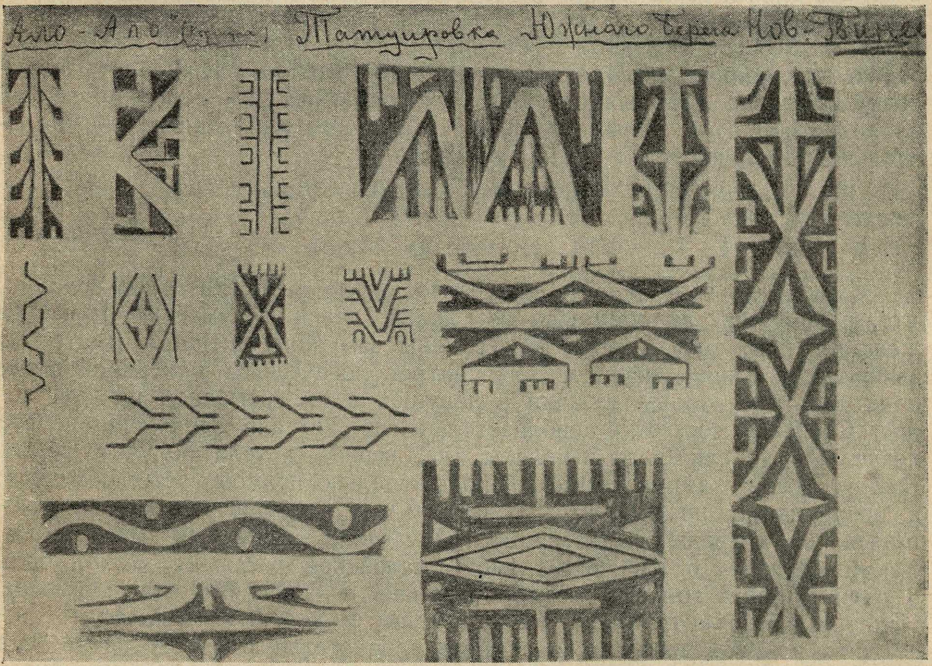

Рис. 35. Узоры татуировки папуасов южного побережья Новой Гвинеи.

ложительно не выходит на фотографии, так что для передачи ее остается утомительный и менее точный, но единственный способ — рисование. Поэтому я уже в марте принялся за рисование татуировки и очень аккуратно продолжал это делать при каждом удобном случае.

Я отправился в деревню с тичером. Она состояла, по словам последнего, из более чем трехсот хижин, расположенных по сторонам улиц, перекрещивающихся под прямыми углами; все хижины были на сваях, довольно похожи на те, которые строятся туземцами на южном берегу о. Адмиралтейства. Деревьев между хижинами не было; хижины стояли близко одна к другой; везде — на улицах и под хижинами — виднелся один песок. Нас сопровождала целая толпа девушек, от которых мы не могли иначе отделаться, как зайдя в хижину Квапена, начальника, к которому они не осмеливались войти за нами. Я вернулся в дом миссионера, где переночевал.

5 февраля

Дер. Маупа. Всю ночь дул сильный ветер; один шквал сменялся другим, более сильным. В 4 часа Чальмерс, который спал в том же доме, сказал мне, что по случаю ветра нам, вероятно, нельзя будет отправиться сегодня далее, чему я был рад, желая докончить несколько начатых рисунков. Когда рассвело, «Элленгован» оказался не на том месте, где был вчера, и неподвижен: его, вероятно, ночью подрейфовало, и пароход очутился на рифе. Чальмерс поспешил на пароход, и я отправился с ним. Необходимо было выждать высокую воду, чтобы сойти с рифа; это значило, что мы не снимемся ранее завтрашнего дня. Я вернулся на берег с Безвиком и Редлихом, и мы отправились назад в деревню, где только благодаря Безвику мне удалось нарисовать татуировку одной из молодых девушек, что оказалось не особенно легким предприятием. При посредстве Безвика и тичера мне удалось узнать несколько подробностей о жизни туземцев.

6 февраля

Смерил, по возможности аккуратно, около двадцати голов женщин, что, разумеется, не обошлось без крика, давки и суматохи. Я избрал женщин, а не мужчин, так как головы замужних женщин тщательно выбриты, и, таким образом, для антропологических измерений более подходят, чем головы мужчин и девушек с их громадной шапкой волос. Собрание состояло приблизительно из 300 или 350 женщин; все лезли, все хотели быть измерены или, вернее, хотели получить кусок табаку. Здесь я видел несколько положительно прямоволосых (которых, я предполагаю, не наберется более 2%); у большинства волосы вьющиеся, но курчавых — настоящих папуасских — будет не менее 25%. Таким образом, о так называемой «малайской расе» не может быть и речи. Можно говорить, самое большее, о «полинезийской примеси». Некоторые субъекты были очень светлы; у девушек, только что достигших половой зрелости, я заметил замечательную форму груди: вся часть, ограниченная ареолой, представляла одну полукруглую выпуклость, причем papilla mammae не была заметна; эту форму груди я много раз уже видел на о-вах Полинезии и на Новой Гвинее.

7 февраля

Дер. Карепуна, в доме миссионера. В 3 часа утра пришла с берега шлюпка. Чальмерс, тичер и я отправились в шлюпке под парусами в Карепуну, куда «Элленгован» должен был последовать после восхода солнца. Вначале ветер был ровный и благоприятный, но к рассвету он засвежел, а нам оставалось пересечь еще значительную бухту. Пришлось лавировать, и мы лавировали до 9 часов утра. Видя, что подвигаемся медленно и ветер сделался совсем противным, мы подошли близко к берегу, убрали паруса и, взяв весла, стали толкаться вдоль мелкого берега. Только к 11 часам, гораздо позже, чем предполагали, прибыли к дому тичера в дер. Карепуна. Деревня эта оказалась большой и интересной, со многими хижинами замечательной постройки, а также с очень оригинальными высокими заборами, называемыми «пири», построенными,

чтобы заградить хижину и улицу вдоль берега от NW, который дует у этого берега весьма сильно в продолжение нескольких месяцев. Заборы состоят из крепких свай, футов в 15 вышины; между ними укреплены перекладины, поддерживающие двойной или тройной слой «атапов» — особенным образом сплетенных цыновок из листьев разных видов пальм.

Туземцы здесь видели уже не раз европейцев, почему они менее застенчивы, и все женщины и мужчины, от мала до велика, при встрече с нами с разными интонациями голоса просили у нас «куку», т. е. табаку.

Одежда мужчин состоит здесь положительно из «одной веревочки», которой они придумали придавать себе такой вид, что при первом взгляде не знаешь, к какому полу принадлежит встреченный, или является мысль, что над ним была произведена какая-то операция. Женщины покрыты богатой татуировкой, которая здесь отлична от виденной мною в дер. Маупа.

8 февраля

Ночью был сильный ветер, и «Элленгован» не пришел. После завтрака я отправился к обедне, которая, так как церковь еще не построена, должна была происходить на веранде одной из больших хижин. Присутствовали большей частью дети, несколько женщин и весьма немного мужчин. Многие собрались посмотреть на белых и послушать пение тичера, который сказал длинную проповедь, видимо, надоевшую туземцам: они стали зевать, перемигиваться, хихикать; многие принялись за работу, но вообще не шумели. По окончании службы я зашел в несколько больших хижин: помещения просторные, но темные; постройки вообще солидные, на толстых сваях. Я нарисовал одну из больших хижин, которые называются «оге», между тем как обыкновенные — «нума». Я также принялся рисовать татуировку женщин, но было заметно, что присутствие миссионеров, которые были со мною, несколько стесняло девушек, почему я и отложил рисование до другого дня.

Имел довольно длинный разговор с г. Чальмерсом, который полагал, что туземцы здесь не папуасы, а принадлежат к какой-то особенной расе.

— Вопрос, к какой именно, решится, когда язык и мифология туземцев будут известны, — прибавил г. Чальмерс.

— Я допускаю, — отвечал я, — что полинезийская примесь здесь несомненна; почти что прямые волосы некоторых туземцев, более светлый цвет кожи, обычай татуировки и грамматические формы языка свидетельствуют несомненно, что сюда забралось каким-то образом несколько полинезийцев. Но я не допускаю, чтобы мифология могла считаться имеющей такой же вес, как наблюдения анатомического типа какой-нибудь расы. Предположите, что спустя несколько сот лет после вашей деятельности здесь какой-нибудь миссионер какого-либо другого вероисповедания, буддист, напр., прибыв в Карепуну, найдет следы христианской мифологии. Насколько будет справедливо его предположение, что туземцы здесь принадлежат к кавказской или семитической расе... Туземцы любят сказки, скоро их усваивают и хорошо помнят, хотя и примешивают много своего. Мифология поэтому никогда не может иметь одинакового значения с антропологическими наблюдениями, почему я повторяю, что основная раса здесь чисто папуасская с весьма небольшой примесью полинезийской крови.

Не знаю, насколько я убедил г. Чальмерса.

9 февраля

Продолжал осматривать деревню и рисовать то, что находил более интересным. Женщины, которым г. Чальмерс или, вероятнее, тичер делал какие-нибудь замечания относительно безнравственности татуировки и неприличия гордиться ею и выставлять ее напоказ, гораздо более церемонятся, когда я начинаю рисовать татуировку их тела, боясь появления миссионеров, почему я решил оставить их в покое до отъезда белых миссионеров, который состоится завтра. Результаты измерения голов показали, что у многих проявляется наклонность к брахикефальной форме головы. Заметил, между прочим, двух альбиносов, но видел их только мельком. Узнал, что отец и мать их были не светлее большинства.

10 февраля

Г. Чальмерс и Безвик отправились в шлюпке в дер. Хура или Хула; я же остался обождать прихода «Элленгована», но более для того, чтобы сделать несколько рисунков татуировки женщин. Я не ошибся: как только отъезд миссионеров стал известен в деревне, около дома, в котором я помещался, стали бродить девушки и женщины, прося куку. Впуская их по две в комнату, я мог без затруднения рисовать их татуировку, причем, если двери были закрыты, они нисколько не жеманились и даже без моего приказания развязывали свои юбки, чтобы показать мне татуировку на всех частях тела. Я отпустил первую с порядочным количеством куку за ее терпение, а затем без моего приглашения ко мне в течение всего утра являлись девушки разного возраста, готовые стоять натурщицами. При этом я заметил, что татуировка известных частей тела совпадает с известным возрастом. Так, напр., у девочек около десяти лет татуировка встречалась на лице, на руках, иногда — на предплечье, на нижней части живота, иногда и подмышками, где волосы, как и на mons Veneris, были выщипаны, находились вытатуированные фигуры. У девочек между десятью и пятнадцатью годами были татуированы нижняя часть спины, ягодицы и ноги спереди и сзади до колен. У девушек от пятнадцати до двадцати лет и у замужних женщин татуировка распространялась на груди, спину и ноги ниже колен. Фигуры татуировки повторялись на разных частях тела и имели особые названия. Я мог заметить, что девушки не мало гордились своей татуировкой, и многие, татуированные более других, приходили не только для того, чтобы получить табаку, но и для того, чтобы показать красивую татуировку. Видя, что я рисую их терпеливо, натурщицы стояли пока я не кончал, и непременно желали посмотреть мой рисунок и, не находя какой-нибудь характерной фигуры, они указывали на нее и готовы были стоять даже в неудобных положениях, чтобы дать мне возможность нарисовать ее. Одним словом, я мог видеть, что татуировка здесь имеет большое значение и что миссионерам не слишком легко будет вывести этот обычай.

Могу еще прибавить, что девушки, предоставляя даже с удовольствием рисовать татуировку, делали это без малейшего намека на стыдливость со своей стороны; они положительно не видели в этом ничего дурного и, я думаю, не могли понять убеждения миссионеров, что не следует выставлять на вид татуировку. Так как некоторые женщины, лет около двадцати пяти, были татуированы с головы до колен, я стал

сомневаться, чтобы операция эта могла быть сопряжена со значительной болью. Не умея спросить у них об этом, решил сам испытать эту операцию.

11 февраля

Я не только интересовался знать, сопряжен ли процесс татуировки с болью, но хотел видеть и инструменты, употребляемые при операции, а также и все церемонии, которые ее сопровождают. Я отправился в хижину, куда я обещал обратиться по этому делу. Хижина, куда я взобрался, оказалась просторной. Хозяйка позвала двух помощниц; кроме них, несколько других любопытных женщин собралось вокруг нас. Все были очень довольны, что белый захотел подвергнуться операции «алоало» (так здесь называют татуировку), несмотря на то, что миссионеры так восстают против этой процедуры. Они немного разочаровались, когда я им предоставил левое плечо, а не грудь, для татуировки и выбрал небольшой рисунок для этой цели, так как я не хотел провозиться слишком долго с этой операцией. Надо было высвободить руку из рукава рубашки, показать место, а затем предоставить себя в полное распоряжение операторов, которые все были женщины. Принесли цыновку и предложили мне лечь, причем одна из девушек показала на свои колени, чтобы я положил на них голову, на что я, однако, только тогда согласился, когда было постлано несколько свежих листьев хлебного дерева, на которые я мог положить голову; другие две схватили мою руку, а третья, сидя на противоположной стороне, т. е. за моей спиной (я лежал на правом боку, предоставляя левое плечо и левую руку для операции), обмакнув небольшую палочку в род чернил,[1] принялась выводить на руке указанный мною узор. Линии были в 2 мм толщиной. Пока операторша делала это, две или три женщины давали ей разные советы относительно рисунка, причем одна из них мягким листом стирала те линии, которые казались неподходящими. После нескольких исправлений рисунок был окончен, и когда все женщины, осмотрев его, выразили свое одобрение, операторша принялась за второй акт операции. Вооружившись так называемой «кини» — небольшой палочкой (собственно отрезок стебля одного вида *Dioscorea*, на конце которого был оставлен острый шип) — и взяв «беу», небольшой молоток, в правую руку, она приложила «кини» к черным линиям рисунка. После этого она обратилась к своим помощницам с несколькими словами; та из них, на коленях которой лежала моя голова, стала гладить мне волосы, напевая что-то, а две другие, державшие мою руку и плечо, стали сдавливать их, насколько могли. Быстро ударяя беу по кини, операторша стала вонзать острый шип в кожу, передвигая кини по линиям рисунка; боль при этом была далеко не так значительна, как можно было предполагать, хотя кончик шипа углублялся миллиметра на 2 в кожу. Скоро весь черный рисунок сделался красноватым от выступавшей при каждом уколе крови. Одна из помощниц острым ребром расколотого бамбука провела по рисунку, чтобы снять кровь и убедиться, действительно ли рисунок достаточно ясен. В некоторых местах линии не были достаточно видны, почему были снова выведены черной краской точкообразными

[1] Водяной раствор толченого угля, для добывания которого употребляется несколько известных растений; другие, обращенные в уголь, производят при татуировке большие опухоли.

наколами на коже. Моим операторшам один рисунок показался недостаточным; после первой и другая захотела показать свое искусство; еще один рисунок был нарисован, а затем нататуирован на другом месте руки. Этот раз татуировка вышла темнее, вероятно, потому, что вторая ударяла сильнее молотком по кини, и наколы были более часты, чем в первом случае. Заплатив операторшам, их помощницам, а также купив инструменты, употребляемые при татуировке, я вернулся домой, убедившись, что операция была сопряжена с сравнительно незначительной болью. Я понял, почему женщины стараются быть как можно более татуированы, считая татуировку действительным украшением. Я полагаю, что выщипывание волос подмышками и на mons Veneris, а не самая татуировка этих частей, главным образом сопряжено с болью.

В продолжение дня много туземцев — мужчин и женщин — приходило просить меня показать им татуировку.

12 февраля

К 5 часам был уже на пароходе. Снявшись в 6, часа через два «Элленгован» бросил якорь милях в трех от дома миссионера. Дер. Хура или Хула состояла из длинного ряда хижин, построенных на сваях в воде, в расстоянии четверти или полумили от берега; длинный ряд их был разделен на несколько групп. Когда мы проезжали мимо, большое число свай, на которых стояли хижины, а также кривизна и сучковатость их бросились мне в глаза. Перед хижиной был род веранды или платформы, обращенной, как и двери всех хижин, к берегу, с весьма примитивной лестницей, спускавшейся в воду. Все эти хижины казались наскоро построенными, причем главное внимание было обращено скорее на прочность, чем на красоту. Отправляясь в шлюпке на берег, мы встретили несколько туземцев, которые плыли от хижин к берегу, держа разные предметы в одной руке над головой, чтобы не замочить их. Между туземцами находилось несколько женщин с грудными детьми за спиной. На берегу стояли только две или три хижины и довольно большой дом миссионера, также построенный на сваях. Здесь жил г. Безвик. К дому примыкали довольно значительный сад и огород, так что вся усадьба миссионера занимала мысок бухты Кало, противоположный мыс которого был занят дер. Карепуна. По прямой линии расстояние между мысами небольшое, но судам, даже таким маленьким, как «Элленгован», приходится выходить далеко в море, чтобы обогнуть рифы около дер. Хура.

У дома миссионера собралась толпа туземцев, и, осматривая их, я заметил, что внешностью и татуировкой они не отличались от жителей Карепуны. Безвик представил мне одну из женщин как образец татуировки. У этой женщины, лет двадцати или двадцати двух, положительно вся поверхность тела, ото лба до ногтей ног, была покрыта разными фигурами; из частей тела, покрытых у взрослых волосами, единственно кожа головы была не татуирована. В этом отношении ее перещеголяла только одна женщина из той же деревни, которая сбрила себе волосы на голове, чтобы нататуировать и на ней несколько орнаментов. Так как волосы на голове не были выщипаны, как на других частях тела, то ей приходилось выбривать себе волосы, когда они подрастали. Безвик показал мне также очень курьезный инструмент, который туземцы употребляют во время войны, когда преследуют неприятелей; туземное название этого инструмента «коро»; он состоит из небольшого копья, к которому прикреплена петля из ротанга; оба конца

петли, связанные с копьем, образуют ручку. Преследующий старается накинуть на голову преследуемого коро и вонзить ему копье в затылок неожиданным толчком, а затем, притягивая к себе назад противника, он валит его, приканчивает и отрезает голову с помощью бамбукового ножа, который для этой цели туземцы носят за браслетом на руке. Мне захотелось посмотреть если не убийство, то по крайней мере употребление коро при преследовании, и за небольшое количество табаку я доставил себе эту забаву. Я отправился затем в одну из хижин и нашел ее почти пустой: кроме очага, состоящего из плоского ящика с землей, и нескольких сетей и оружия, ничего не было; пол из кривых

Рис. 36. Хижина в бухте Кало, на южном берегу Новой Гвинеи.

жердей разной толщины с множеством щелей был очень неудобен: по крайней мере в башмаках ходить по нему было не безопасно — того и гляди, провалишься; туземцы же ходят босыми ногами по этим жердям с большим проворством. На веранде я нарисовал одну из хижин. Длинный конек хижины выдвигается метра на полтора над верандой; к нему были прикреплены на длинной веревке разные предметы: листья, скорлупы сухих кокосовых орехов, перья и т. п. Движимые ветром, они производят разнообразный шум, сообразно силе ветра. Смотря на детей, не умеющих еще ходить, а ползающих по дырявой веранде без перил, я удивился, что несчастных случаев встречается, как говорят, очень мало.

Пока я рисовал, постоянное сообщение вплавь от хижин к берегу и обратно не прерывалось.

13 февраля

В 5 часов утра отправились далее. Часа через два дошли до деревни, также построенной на сваях, называющейся Тупузелей. Туземный

миссионер выехал к нам навстречу. Много пирог окружило пароход, и туземцы усердно продавали перья райских птиц, черепаховую скорлупу и каменные топоры, которые быстро выводятся здесь из употребления и заменяются железными; туземцы охотно отдавали топоры без ручки за кусок табаку.

Рисунки татуировки женщин здесь те же, как и в Карепуне.

Съезжая на берег, я насчитал 83 хижины. Чальмерс предложил мне посмотреть площадку, где туземцы в известное время года и при каких-нибудь чрезвычайных событиях устраивают свои пиршества и пляшут. По одну сторону площадки были воздвигнуты 4 «попокатубу», или платформы, где во время пиршеств туземцы развешивают и раскладывают свои съестные припасы. Собственно попокатубу соответствует так называемой барле на берегу Маклая; только бревна, из которых она была построена, очень толсты и покрыты резьбой.

Когда я кончил рисунок, представляющий попокатубу, один из туземцев подошел попросить куку (табаку), объясняя, что эта постройка принадлежит ему. Хотя это требование показалось мне курьезным, я, разумеется, не отказал ему.

Возвратясь в хижину тичера, где мы переночевали, любовался великолепным вечерним освещением, но, к сожалению, высокого хребта Owen Stanley, который бывает отсюда виден, мы не видали.

14 февраля

Вид при приближении к дер. Ануапата, главному селению порта Моресби, произвел на меня далеко не благоприятное впечатление: холмы кругом покрыты мизерной растительностью, очень напоминавшею мне Австралию, но никак не Новую Гвинею.

В этой деревне Чальмерс имел свою главную резиденцию, и я решил остаться его гостем на несколько недель, тем более, что из этой местности я без особенной трудности мог, при помощи парохода миссионеров, переезжать из одной деревни в другую.

25 февраля

Все это время мне надоедала лихорадка, возвращавшаяся регулярно каждый день, но в разные часы, вследствие чего я не мог почти делать экскурсий по окрестностям.

Небольшой кенгуру капитана Редлиха, о котором я уже упоминал, околел сегодня и был передан мне. Туземцы уверяют, что подобное животное водится и здесь — «говое» или «кове».

27 февраля

Сделал удачный портрет старого туземца из дер. Майвы, лежащей миль на 50 по берегу на NW. Лицо этого человека было характерное отчасти потому, что волосы головы, за исключением двух пучков, были выбриты. Портрет Мирия (так называли туземца из Майвы) вышел так похож, что многие туземцы Ануапаты предложили, чтобы я нарисовал и их, но так как я могу получить от г. Л., который занимается фото-

графией, портреты здешних туземцев, то я предпочел заняться рисованием татуировки женщин, которая не выходит на фотографии. Татуировка отличается здесь от виденной мною в Суоу, Ароме и Карепуне. Я выбрал девушку, лет шестнадцати, которая считалась миссионерами за какую-то «заблудшую овцу» (ее звали Макане — кенгуру), полагая, что именно по этому случаю мне не придется иметь особенных затруднений при рисовании татуировки, украшающей ее тело, даже тех частей его, которые обыкновенно бывают покрыты одеждой. Это занятие очень утомительно, почему я должен был ограничиться на первый раз одним лицом и грудью, отложив остальное до другого сеанса. Между желающими быть нарисованными находилась также одна девушка с Самоа, жившая давно уже с миссионерами и предназначавшаяся в жены одному из них. Когда я, усадив ее, растегнул на ней блузу и предложил спустить ее с плеча, заметив при этом, что у меня нет времени для рисования тряпок, она сделала это сейчас же, но при этом очень заметно покраснела, т. е. на несколько секунд лицо ее потемнело. Когда я кончил, ее сменила другая туземка этой местности; только рисуя ее профиль, я заметил, до какой степени она была некрасива. Устав рисовать людей, я принялся за рисование большой зеленой, очень интересной лягушки, которую мне принесли сегодня; если не ошибаюсь, она тождественна с теми, которых я собирал в большом количестве на берегу Маклая.

Рис. 37. Папуас из порта Моресби.

Рис. 38. Девушка из порта Моресби.

28 февраля

Мне принесли 3 экземпляра *Belideus ariel*, очень красивого животного, величиной с мышь, но кажущегося больше вследствие перепонок между передними и задними конечностями, дающих этим животным возможность как бы летать. Это выражение, однако, не совсем сюда подходит, так как при помощи этих перепонок они могут спускаться с высоких деревьев, но не подниматься на них. Они были светлосерого цвета, с черной полосой вдоль спины и большими глазами. Крик их был очень неприятен.

Вечером отправился в деревню, состоящую из хижин, построенных на высоких кривых сваях на самом краю песчаного берега, так что при приливе сваи находятся в воде; но и тогда при помощи подмостков в эти хижины можно пробраться, не

замочив ног. Вдоль по берегу тянется улица. Некоторые из хижин были в 2 этажа; нижний этаж не имел стен, а состоял только из пола, над которым собственно возвышалась хижина. За некоторыми хижинами стояла вторая, а иногда и третья, и все три были соединены мостками. Проходя по улице, я заметил около одной платформы место, покрытое цыновкой, и узнал, что это не что иное, как могила недавно умершего туземца.

Проходя из одной деревни в другую по берегу, я увидал несколько обрубков громадных стволов, наполовину выдолбленных, до 60 футов длиной и до 3 футов в диаметре. Туземцы связывают их по два и употребляют для плавания вдоль берега. Они направляются до Fresh Water Bay, где, кроме закупки саго, занимаются также рубкой этих стволов, долблением их и т. д., а затем возвращаются, связав выдолбленные стволы вместе. Эти неуклюжие суда со многими парусами и большой платформой, на которой построена одна или несколько хижин, называются «лакатой». В деревне мне был указан молодой туземец, Меа, которого я уже видел в Сиднее, куда он был завезен г. Л., коллекционером естественно-исторических предметов. Я еле-еле узнал своего старого знакомого, которого я измерял и с которого снимал фотографии. В продолжение года юноша этот очень возмужал. По его возвращении обратно в Ануапату для него была выстроена новая хижина, где он помещался с молодой женой.

29 февраля

Один из тичеров вернулся с охоты и принес несколько кенгуру, которые оказались отличными от приобретенного мною кове. Этот вид был описан проф. Петерсом и маркизом Дориа и назван *Macropus papuensis*. Я сохранил для своей коллекции молодой экземпляр и череп взрослого. Отпрепарировал также мозг большого новогвинейского голубя (*Goura*).

1 марта

Снова рисовал татуировку спины Макане. Разнообразие рисунков довольно значительное. Когда я дошел до пояса, Макане без всяких ужимок спустила свою юбку из бахромы ниже колен. Она это сделала, вероятно, зная, что г. Чальмерса нет дома (он отправился в Redscar Bay) и что тичер не войдет в мою комнату. Все тело Макане было татуировано до колен, которые, вероятно, со временем также будут украшены татуировкой.

Около 10 часов вошла в бухту большая шлюпка, в которой находился один только человек. Мне сказали, что он заходил за водой и свежей провизией. Человек этот, как я узнал впоследствии, должен был искать спасения жизни в бегстве и намеревался добраться в своем кутере до Суоу, где его еще не знают и откуда он при случае может на одном из проходящих судов отправиться в Австралию. Этот случай показал мне, как сравнительно безопасно здесь плавание вдоль берега, главным образом вследствие значительного числа хороших портов, в которых, в случае скверной погоды, можно укрыться. Единственную опасность представляют туземцы; последние, увидя, что человек один, легко могут убить его, чтобы завладеть шлюпкой ради ее паруса и железа, до которого туземцы здесь очень падки.

6 марта

В виду того, что вследствие лихорадки мне пришлось снова потерять несколько дней, я полагаю, что климат здесь не особенно благоприятный, почему и решил воспользоваться случаем и отправиться на пароходе «Элленгован», который уходит за лесом в Карепуну. Только известные деревья не трогаются белыми муравьями, причиняющими большой вред здесь деревянным постройкам. Сюда относится также и мангровое дерево, которое, будучи очень твердо и пропитано солью, не трогается муравьями. Для новой церкви в Ануапате требовались столбы из этого дерева, а ближайшее место, где их можно было достать, было Карепуна.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПРЕДМЕТОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ, СОБРАННОЙ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЕМ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

БЕРЕГ МАКЛАЯ

Орудия производства. Оружие

1 (168-1а). Клинок топора из диоритового порфира, отшлифованный, треугольный симметричный, с округленным рабочим концом. Длина 7.7 см, ширина 6.5 см.

2 (168-1б). То же. Длина 7.5 см, ширина 5.7 см.

3 (402-231). То же. Длина 7 см, ширина 5.3 см.

4 (402-235). То же; не отшлифованный, а лишь оббитый. Длина 10 см, ширина 6 см.

5 (402-236). То же. Длина 9 см, ширина 5.5 см.

6 (402-234). Камень (диоритовый порфир) — материал для топора — имеет форму неправильного овала. Большой диаметр 14.5 см, малый диаметр 6.5 см.

7 (402-239). То же; овальной формы. Большой диаметр 20 см, малый диаметр 7 см.

8 (402-291). Топорище каменного топора, в форме цифры 7. Длинное колено 46 см, короткое колено 23 см.

9 (402-292). То же. Длинное колено 44 см, короткое колено 23 см.

10 (402-294), То же. Длинное колено 42 см, короткое колено 20 см.

11 (402-298). То же. Длинное колено 40.5 см, короткое колено 13 см.

12 (168-2). Точильный камень — песчаник — с тремя продольными бороздами; употребляется для обтачивания каменных топоров и костяных орудий („донган“). Селение Бонгу. Длина 30 см, ширина (наибольшая) 24 см, высота 15 см.

13—24 (168-$^{42}/_{4}$, 168-54, 402-$^{333}/_{3}$, 402-336, 1234-$^{1}/_{3}$). Нар — небольшие осколки кремня, употребляемые для полировки наконечников копий и стрел, резьбы по дереву и бамбуку, также для обрезания юношей при инициации.

25—27 (168-$^{13}/_{3}$). Донган — костяные орудия. Имеется несколько видов донганов, обозначаемых особыми названиями в зависимости от материала, из которого они сделаны. Данные экземпляры принадлежат к виду „туй“, как называются донганы, сделанные из обточенной на коралловом известняке во время отлива бедренной кости свиньи. Длина каждого 14.5 см, ширина (наибольшая) 4.5 см.

28 (402-203). Туй, не отшлифованный. На этикетке, которая была наклеена на предмет, рукой Н. Н. Миклухо-Маклая написано: „Бугарлом, 1877 г.“ Длина 11 см, ширина 4 см.

29 (402-205). То же, отшлифованный. Длина 12 см, ширина 4.5 см.

30 (402-207). То же. Длина 15 см, ширина 4 см.

31 (402-208), То же. Длина 13.5 см, ширина 4.5 см.

32 (402-217). То же, с грубой резьбой на части, служащей ручкой. Длина 14 см, ширина 4 см.

33 (402-219). То же. Длина 13 см, ширина 4.5 см.

34 (402-220). То же. Длина 15.5 см, ширина 4 см.
35 (402-204). Нонотли — донган из берцовой кости свиньи. Длина 11 см, ширина 2.5 см.
36 (402-206). То же. Длина 11.5 см, ширина 2.7 см.
37 (168-14). Сурлау — обточенная и заостренная на конце кость казуара, употребляемая как шило, а также как вилка. Длина 18.5 см, ширина 2.5 см.
38 (402-214). То же. Длина 17 см, ширина 2 см.
39 (402-302). Топор из раковины *Mitra*. На топорище резное изображение человеческого лица. Остров Ямбомба. Клинок: 10 см длины, 6 см ширины; топорище: длинное колено 45 см, короткое колено 27 см.
40 (402-303). То же. Клинок: 9 см длины, 5.5 см ширины; топорище: длинное колено 43 см, короткое колено 25 см.
41—50 (168-$^{33}/_{2}$, 168-$^{37}/_{5}$, 402-189, 402-$^{190}/_{2}$). Ярур — створки раковин *Cardium* с вырезанными острым кремнем зубцами; употребляются как скребки. Диаметр 5—7 см.
51 (168-63). Удья-саб — земледельческое орудие — узкая лопата из ствола молодой арековой пальмы, употребляемая женщинами для размельчения земли. Длина рукоятки 76 см, длина лопасти 23 см, ширина (наибольшая) 7.7 см.
52 (168-49). Юр — копье, употребляемое при рыбной ловле. Древко бамбуковое; в него вставлен и укреплен при помощи ротанговой обмотки пучок гладких деревянных наконечников. Длина древка 129 см, окружность 12 см, длина каждого из наконечников 40 см.
53 (738-4). То же. Длина древка 249 см, окружность 13 см, длина каждого из наконечников 22 см.
54 (402-315). Саран — стрела на рыбу, с бамбуковым древком и пучком гладких деревянных наконечников. Длина древка 101 см, окружность 3.5 см, длина каждого из наконечников 17 см.
55 (168-61). Якорь для верш, также для небольших пирог. Сделан из прямой ветки дерева с отходящими от нее пятью сучьями, образующими лапы якоря; к нижней части стержня прикреплено посредством обмотки из расщепленного ротанга несколько тяжелых камней; к верхнему концу стержня привязана длинная лиана. Длина стержня 18 см, длина лап 16—24 см.
56 (168-27). Факел из сухих листьев кокосовой пальмы, употребляемый при ночной рыбной ловле с копьем. Длина 25 см.
57 (168-43). Хадга — метательное копье. Представляет собою заостренную на одном конце палку из ствола молодой арековой пальмы. Длина 269 см, окружность (наибольшая) 5 см.
58 (738-2). То же. Длина 261 см, окружность 4.5 см.
59 (738-1). То же, зубчатое. Длина 267 см, окружность 5 см.
60 (168-44). Серvirtual — метательное копье с древком из ствола арековой пальмы, на которое насажен бамбуковый ланцетообразный наконечник. Длина древка 189 см, окружность 9 см; длина наконечника 30 см.
61 (738-3). То же. Длина древка 267 см, окружность 4,5 см, длина наконечника 28 см.
62 (402-310). Араль — лук из ствола арековой пальмы, с утолщениями на концах для удержания тетивы; тетива из расщепленного ротанга, по концам завязана в петли, надеваемые на концы лука. Длина 77.5 см, ширина (наибольшая) 3.5 см.
63 (168-45). Древко лука. Длина 197 см, ширина 3 см.
64 (402-308). То же. Длина 75 см, ширина 4 см.
65 (402-309). То же. Длина 74.5 см, ширина 4 см.
66 (168-46). Палам — стрела с тростниковым древком, на которое насажен и укреплен при помощи ротанговой обмотки ланцетообразный бамбуковый наконечник. Длина древка 124 см, окружность 4.3 см, длина наконечника 32 см, ширина (наибольшая) 36 см.
67—76 (402-$^{314}/_{10}$). Десять таких же стрел. Длина древка от 93 до 122 см, длина наконечника от 32.5 до 42 см.

77 (168-47). Араль-ге — стрела с тростниковым древком и гладким деревянным наконечником, вставленным в древко и укрепленным ротанговым плетением. Длина древка 94.5 см, окружность 4 см, длина наконечника 65 см.

78—85 (168-$^{48}/_{6}$, 168-53, 402-316). Восемь таких же стрел. Длина древка от 92 до 94 см, длина наконечника от 60 до 62 см.

86—87 (402-$^{317}/_{2}$). Две стрелы с четырехгранным зубчатым наконечником. Длина древка 75 и 76.5 см, длина наконечника 43.5 и 40.5 см.

88 (1103-1). Хаярун (на диалекте Били-Били) — круглый деревянный щит, орнаментованный резьбой и раскрашенный в красный, черный и белый цвета; на задней стороне щита два продолговатых возвышения с отверстиями для продевания веревки, на которой щит носится за плечом. Диаметр 83 см.

Утварь

89 (168-28). Ваб — глиняный горшок для варки пищи, почти круглый, немного суживающийся книзу, с орнаментом (пунктирные линии) по краю, выдавленным ногтем. Остров Били-Били. Окружность (наибольшая) 64.5 см, высота 15 см, диаметр отверстия 11 см.

90 (402-76). То же. Окружность (наибольшая) 57 см, высота 15 см, диаметр отверстия 12 см.

91 (168-34). Шарообразный камень, употребляемый для формовки глиняных горшков. Окружность 27.3 см.

92 (168-35). Дощечка для формовки глиняных горшков. Длина 24 см, ширина 8 см, толщина 1 см.

93 (168-$^{29}/_{4}$a). Табир — долбленая деревянная миска овальной формы, окрашена изнутри и снаружи в черный цвет; с наружной стороны, по верхнему краю, кайма резьбы (глубокие борозды, вырезанные острым кремнем). Большой диаметр 39 см, малый диаметр 18 см, глубина 6 см.

94 (168-$^{29}/_{4}$b). То же. Большой диаметр 27 см, малый диаметр 14 см, глубина 6 см.

95 (168-$^{29}/_{4}$c). То же. Большой диаметр 36 см, малый диаметр 16 см, глубина 8 см.

96 (168-$^{29}/_{4}$d). То же. Большой диаметр 50 см, малый диаметр 33 см, глубина 19 см.

97 (402-66). То же. Большой диаметр 38 см, малый диаметр 20 см, глубина 8 см.

98 (402-67). То же. Большой диаметр 33 см, малый диаметр 19.5 см, глубина 7 см.

99 (402-68). То же. Большой диаметр 35 см, малый диаметр 18 см, глубина 7.5 см.

100 (402-69). То же. Большой диаметр 31.5 см, малый диаметр 22 см, глубина 8 см.

101 (402-70). То же. Большой диаметр 30 см, малый диаметр 19.5 см, глубина 8 см.

102 (402-71). То же. Большой диаметр 31 см, малый диаметр 19.5 см, глубина 8 см.

103 (168-30). Гамба — миска из скорлупы кокосового ореха. Окружность 51.5 см, диаметр 14.5 см, глубина 10 см.

104 (168-31). Кеу-гамба — чашка для кеу, с каймой резьбы по верхнему краю (глубокие борозды). Диаметр 9 см, высота 6.5 см.

105 (402-187). То же. Диаметр 8 см, высота 6 см.

106 (402-186). Кай — ложка из скорлупы кокосового ореха, овальной формы. Большой диаметр 12 см, малый диаметр 8 см.

107—112 (168-15, 402-186, 402-209, 402-215, 402-216a и b). Шилюпа — лопаточки из кости кенгуру и свиньи, с округленной лопастью, употребляемые как ложки при еде наскобленной мякоти кокосового ореха и т. п. Длина 15—26 см, наибольшая ширина лопасти 3—5 см.

113 (402-179). Серао — бамбуковый нож для разрезания мяса и плодов. Длина 14.5 см, ширина 1.3 см.

114 (168-9). Цилиндрическая бамбуковая коробка для извести, употребляемой при жевании бетеля, с вырезанным при помощи осколка кремня и зачерненным орнаментом. Длина 30 см, диаметр 20 см.

115 (168-10). То же, с лопаточкой из кости казуара для доставания извести. Рай-Мана. Длина 13.5 см, диаметр 19 см.
116 (168-11). То же. Длина 36 см, диаметр 17 см.
117 (402-7). То же. Марагум-Мана. Длина 35 см, диаметр 7 см.
118 (168-50). Бамбуковый мундштук с вырезанным и зачерненным орнаментом. Длина 15 см, диаметр 1 см.
119 (168-7). Ямби — вязаный кисет из кокосовых бечевок; употребляется также для хранения мелких вещей; носится мужчинами на груди. Длина 7.5 см, ширина 9.5 см.
120 (402-105). То же. Длина 5.5 см, ширина 8 см.
121 (168-8). Гун — вязаная сумка для хранения бамбуковых коробок для извести, употребляемой при жевании бетеля, орудий из кости и раковины и др.; носится мужчинами подмышкой, на вязаной ленте, надетой на левое плечо. Длина 21 см, ширина 25 см.
122 (402-106). То же. Длина 23 см, ширина 22 см.
123 (402-107). То же. Длина 22 см, ширина 24 см.
124 (168-25). Нангели-гун — вязаная сумка из кокосовых бечевок окрашенных в красный и синий цвета; употребляется женщинами для ношения овощей с огорода, а также грудных детей; носится закинутой за спину, на широкой вязаной ленте, надеваемой на лоб. Длина 64 см, ширина 68 см.
125 (168-26). Гамбор — корзина из влагалищ листьев кокосовой пальмы. Длина 37 см, ширина 16 см, глубина 15 см.

Одежда

126 (168-20). Маль — кусок обработанного луба хлебного дерева *(Artocarpus incisa)*, носится мужчинами как набедренная повязка, а иногда как плащ. Длина 176 см, ширина 76 см.
127 (168-21). То же. Длина 172 см, ширина 73 см.
128 (168-22). Нангели-маль — юбка; состоит из двух бахромчатых передников из банановых волокон, привязанных к шнурку. Длина спереди 45 см, сзади 52 см.
129 (168-23). То же, из волокон луба одного из видов *Abroma*, окрашенных в желтый и красный цвета. Длина спереди 31 см, сзади 38 см.
130 (402-80a). То же, из волокон листа саговой пальмы; окрашена в желтый цвет, орнаментована тремя рядами поперечных черных полос. Длина спереди 37 см, сзади 39 см.
131 (402-80b). То же, пестро окрашенная куркумой и отваром мангровой коры в черный, желтый и вишневый цвета. Длина спереди 45 см, сзади 52 см.
132 (402-83). То же, из банановых волокон, окрашенных в желтый и красный цвета, Длина спереди 45 см, сзади 55 см.
133 (402-84). То же, пестро окрашенная отваром мангровой коры и куркумой. Длина спереди 60 см, сзади 55 см.
134 (402-85). То же. Длина спереди 52 см, сзади 62 см.
135 (168-24). Юбка девочки, из окрашенных в желтый, черный и вишневый цвета банановых волокон. Длина спереди 18 см, сзади 28 см.

Украшения

136 (168-171). Гребень из междоузлия бамбука, с резным орнаментом. Энглам-Мана. Длина 18 см, ширина 7.5 см.
137 (168-172). То же. Длина 17 см, ширина 7 см.
138 (402-127). То же. Длина 14.5 см, ширина 5 см.
139 (402-128). То же. Длина 18 см, ширина 8 см.

140 (168-3a). То же. Длина 15.5 см, ширина 5.5 см.

141 (168-3b). То же, украшен пучком перьев попугая (*Eclectus polychlorus*). Длина 6 см, ширина 2.6 см.

142 (168-3c). То же, верхняя часть вырезана в виде двух петушиных голов, обращенных одна к другой и соприкасающихся клювами. Длина 21 см, ширина 4.5 см.

143 (402-154). Пучок белых петушиных перьев, носится на гребне старшими членами рода, молодые имеют право носить только одно перо.

144 (402-155). Белое петушиное перо, украшение к гребню.

145—147 (168-4, 402-125, 402-126). Дю — ленточки ажурного плетения от 6 до 7 мм ширины, которыми повязывают взбитые волосы.

148 (168-18). Меля — серьга, состоящая из двух колец — верхнего, из щита черепахи которое продевается в мочку уха, и нижнего, из раковины *Conus*, служащего привеском; носится мужчинами. Диаметр верхнего кольца 3.5 см, нижнего 2.5 см.

149 (402-144). Черепаховое кольцо от серьги меля. Диаметр 3 см.

150 (168-19). Даб-тумбу — бамбуковая палочка, носимая мужчинами в мочке уха, орнаментована резьбой. Остров Били-Били. Длина 12.3 см, диаметр 1 см.

151 (168-169). Ожерелье из собачьих зубов.

152 (168-173). То же, из белых раковинных дисков по 6 мм в диаметре, нанизанных на ленточку из расщепленного ротанга.

153 (168-5). Рормат-буль-ра — нагрудное украшение из двух кабаньих клыков, скрепленных посредством веревочной обмотки. Длина каждого клыка 18 см.

154 (402-134). То же. Длина каждого клыка 16 см.

155—156 (402-135, a и b). Кабаньи клыки; материал для нагрудного украшения рормат-буль-ра.

157 (168—6). Сюаль-боро — нагрудное украшение из двух колец, выточенных из раковины *Tridacna*, в виде неестественно загнутых кабаньих клыков: кольца скреплены веревочной обмоткой, к которой прикреплена цепочка из семян *Coix*, с привеском из собачьих зубов. Диаметр каждого кольца 11 см, ширина 3 см.

158 (168-16). Сагю — браслет из окрашенного в вишневый цвет расщепленного ротанга, с широкой, окаймленной по верхнему краю одним, а по нижнему — двумя рядами раковинок *Nassa*, полосой плетения из того же материала, но не окрашенной, спереди; такие браслеты имеют право носить только мужчины, прошедшие обряд инициации. Ширина 5 см.

159 (168-17). То же. Ширина 4 см.

160 (168-68). Браслет, выточенный из раковины *Trochus*. Ширина 1 см.

161—163 (168-67, 168-69, 169-70). Куски раковин *Trochus*, из которых изготовляют браслеты, в разных стадиях обработки.

Принадлежности общественных церемоний и объекты культа

164 (168-64). Сангин-оле — головной убор участника обрядовой пляски являющейся одним из моментов церемонии сель-мун; представляет собою отрезок бамбукового ствола, 16 см в окружности и 72 см длины, нижний конец которого расщеплен и привязан к обручу из того же материала, а в верхний вставлена бамбуковая палка 137 см длины с пучком перьев казуара на конце.

165 (168-55). Окам — барабан из выдолбленного древесного ствола, имеет форму неправильного цилиндра; верхнее отверстие затянуто кожей ящерицы *Monitor*, нижнее оставлено открытым. Длина 62 см, диаметр верхнего отверстия 16 см, нижнего 13 см.

166 (168-81). То же, с привесками из скорлуп орехов *Pangium edule* и нарезанных полосками листьев пандануса. Длина 62 см, диаметр верхнего отверстия 12.5 см, нижнего 13 см.

167 (168-56). Тюмбин — флейта из междоузлия бамбука, перегородки которого не уда-

лены; имеет два боковых круглых сквозных отверстия вверху и внизу. Длина 87 см, окружность 8 см.

168 (168-58). Холь-ай — труба из тыквы (один из дикорастущих видов *Lagenaria*). Длина 54 см, диаметр верхнего отверстия 7 см, нижнего 2 см.

169 (168-50). Ай-кабрай — труба; представляет собою отрезок бамбукового ствола, перегородки междоузлий которого удалены. Длина 2 м 31 см, диаметр 5.5 см.

170 (168-57). Орлан-ай — погремушка из нанизанных на шнурки скорлупок орехов *Pangium edule*, с резной деревянной ручкой (антропоморфные и зооморфные изображения). Длина ручки 41 см, окружность 17.5 см.

171 (402-78). То же; ручка представляет собою простой, согнутый под углом сучок дерева. Длинное колено 12 см, короткое колено 8 см.

172 (402-265). Ручка орлан-ай, с резным изображением головы крокодила, окрашена в черный цвет. Длинное колено 24 см, короткое колено 12.5 см.

173—182 (168—36/10). Вращательные дощечки, орнаментованные резьбой, с заполнением углублений известью и красной охрой, и неорнаментованные. Остров Били-Били. Длина 17—42 см, ширина 1.5—4 см.

183 (168-38). Телум — изображение умершего, из дерева. Мужская фигура. Корпус с передней стороны расчленен на две части: уплощенную узкую верхнюю часть — до пояса — и округлую нижнюю, тазовую. Голова отличается крупными размерами (1 : 3), трактовка скорее плоскостная, чем объемная; на ровной плоскости лица резко выступают нос и глаза; лоб несколько приподнят, нос удлинен, обозначено отверстие в septum для продевания носовой палочки. Губы и подбородок представляют отдельное добавление к голове; из приоткрытого рта высовывается длинный язык, имеющий, как и губы, зубчатые края. Мочки ушей проткнуты, обозначены серьги. На голове род шапки с рогообразными придатками по бокам. Руки опираются на бедра, четко расчленены на составные части. Обозначены все 5 пальцев, но большой палец вырезан, так же как все остальные, без выделения его из общей массы. Ноги покоятся на подставке, составляющей одно целое с фигурой. Пальцы ног исполнены так же, как и пальцы рук, благодаря чему ступня не отличается от кисти. На груди — красный треугольник с черной каймой (нагрудные украшения такого типа в районе зал. Астролябии не встречаются, как и шапка). На лице, голове и спине следы раскраски красной и черной красками. Высота 146 см.

184 (168-39). То же. Деревянная фигура, изображающая женщину. Ноги отпилены, вследствие чего трудно судить о первоначальной высоте фигуры; длина сохранившейся части изображения 1.02 м; длина головы — 47 см, т. е. приблизительно треть всей фигуры. Лицо вытянутое в длину, лоб слегка приподнят, нос очень длинный и тонкий, исполнен плоским рельефом; таким же рельефом исполнены глаза; губы опущены вниз, имеют вид треугольника; рот слегка раскрыт; изо рта торчит длинный язык, имеющий, как и губы, зубчатые края: уши вытянуты и просверлены, обозначены серьги. На лице как и на теле, сохранились следы раскраски в черный, белый и красный цвета. Туловище имеет вид тонкого прямого столба, обтесанного спереди в виде трех граней; сзади слегка закруглено. Тазовая часть шире туловища и имеет округлые очертания. Резко подчеркнут пол. Руки расположены строго фронтально и отделены от туловища, от плеча до кисти. Широкие и плоские кисти с расчлененными пальцами плотно прижаты к бокам.

185 (168-40). То же. Деревянное резное изображение человеческой головы с оттянутыми ушами, в головном уборе, не встречающемся в районе зал. Астролябии. Имеет собственное имя — Кария. Дер. Геньгум-Мана. Длина 20 см.

186 (168-41). То же. Погрудное изображение человеческой фигуры. Лицо, окрашенное в красный цвет, сильно вытянуто в длину; нос очень узкий, резко подчеркнуты ноздри; глаза исполнены плоским рельефом, брови имеют вид правильных дуг;

изо рта торчит очень длинный зубчатый язык; уши даны в виде дуг, в средней части отделенных от головы; на них имеются следы белой краски. На голове круглая шапочка. Верхняя часть туловища исполнена в виде простой дощечки, слегка закругленной внизу. Дер. Колику-Мана. Высота 27.5 см.

187 (402-3). То же. Изображение человеческой головы, с маленькой острой бородкой в круглой, низкой шапочке. Дер. Богадьим. Длина 16 см.

188 (402-17).То же. Поясное изображение мужской фигуры в высокой шапке; высунутый язык соединен с penis'ом. Высота 32 см.

189 (402-6). То же. Изображение двух человеческих голов, направленных в противоположные стороны и соединенных одна с другой теменными частями. Длина 33 см.

190 (402-18). То же. Изображение человеческой головы, насаженной на палку. Длина 33 см.

191 (402—19). Танцовальный жезл. Верхний конец в виде человеческой головы в круглой, низкой шапке, с сильно выпуклыми глазами, удлиненным носом и слегка приоткрытым ртом. Обозначены проткнутые и растянутые мочки ушей. Имеются следы красной краски. Длина 52 см.

192 (402-20). То же. Верхний конец в виде человеческой головы, исполненной объемно. Лицо очень удлиненное; лоб сильно выступает вперед; нос узкий и длинный, ноздри не обозначены; рот приоткрыт; глаза имеют вид выпуклостей; уши не обозначены. На голове шапка. Длина 46 см.

193 (168-51). Телум. Столбообразная глиняная фигура, закругленная вверху. Лоб, нос и глаза обозначены небольшими выпуклостями. Часть, изображающая голову, равна почти половине всей фигуры. Обозначена головная повязка в виде широкой ленты с узором в виде сетки и с бахромой по нижнему краю. Брови обозначены двумя врезанными линиями, сходящимися друг с другом и затем сливающимися в линию, изображающую удлиненный нос с широкими ноздрями. Глаза обозначены круглыми выпуклостями. Рот резко прочерчен и углублен. На туловище по бокам имеются неглубокие врезанные линии, вероятно, обозначающие руки. Penis обозначен двумя вертикальными линиями, сходящимися вверху и перечерченными внизу короткой горизонтальной чертой. На задней стороне фигуры изображение человеческого лица в опрокинутом положении. Ниже этого изображения находится второе изображение человеческого лица, также в опрокинутом положении; на этом изображении обозначены глаза и брови, нос не обозначен. Дер. Колику-Мана. Высота 30 см, наибольшая окружность 23 см.

194 (168-52). То же. Круглая глиняная фигура лепной работы (реставрирована в музее). Дер. Мале. Высота 26 см, окружность головы 27 см.

195 (402-15). То же. Глиняное изображение человеческой головы. Высота 16 см, окружность головы 23 см.

196 (402-221). Три кости казуара, по 14 см длины, просверленные на концах и связанные лианой, продетой сквозь отверстия на одном конце; вешаются перед входом в хижины как талисман или в воспоминание об удачной охоте. Дер. Теньгум-Мана.

Разное

197 (168-12). Орех арековой пальмы.

198 (168-32). Кусок корня *Piper methysticum.*

199 (168-66). Образец глины, употребляемой дла изготовления горшков.

200 (402-270). Куму — черная краска, употребляемая для окраски седых волос и для раскрашивания лица и тела в знак траура.

201 (402-330). Суру — красная охра, употребляемая для раскрашивания лица и тела.

ЮЖНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ НОВОЙ ГВИНЕИ

Орудия производства. Оружие

202 (168-79). Куне — большой каменный топор с орнаментованным топорищем (изображение фрегат-птицы), украшенным цепочками из раковинных дисков и черных косточек одного из дикорастущих видов банана (*Musa silvatica*); служит средством обмена. Клинок 20 см длины, 11.5 см ширины (наибольшей).

203 (402-241). Клинок топора куне. Длина 19.5 см, ширина 11 см.

204—213 (402-231, 402-245, 402-246, 402-248, 402-249, 402-250, 402-251, 402-252, 402-253, 402-255). Каменные клинки топоров. Длина 5.5—11.5 см, ширина (наибольшая) 4.5—7 см.

214 (402-254). Клинок топора, защемленный между двумя выдолбленными, суживающимися к одному концу кусками дерева, по 28 см длины, привязываемыми к топорищу, и укрепленный при помощи ротанговой обмотки.

215 (402-258). Два выдолбленных куска дерева по 29 см длины, между которыми защемляется клинок топора, скрепленные ротанговой обмоткой.

216 (402-304). Топорище топора куне с резным изображением фрегат-птицы. Длинное колено 67 см, короткое колено 17 см.

217 (402-279). Палица с дисковидным каменным набалдашником. Верхний конец оплетен ротангом; к древку привязана бечевка из кокосовых волокон для ношения палицы на плече. Длина древка 92 см, диаметр наконечника 15 см.

218 (168-74). То же, с пучком перьев казуара на верхнем конце древка. Длина древка 85 см, диаметр набалдашника 13.5 см.

219 (402-278). То же. Верхний конец древка оплетен ротангом, нижний конец раздвоенный, вилообразный; ниже набалдашника — широкое кольцо, сплетенное из ротанга. Длина 90 см, диаметр набалдашника 12.5 см.

220 (402-281). То же, с звездообразным каменным набалдашником. Длина 97 см, диаметр набалдашника 12 см.

221 (402-257). Дисковидный каменный набалдашник палицы. Диаметр 9 см.

222 (168-80). Деревянный меч, с резной ручкой, на конце округлен, с резным орнаментом, с заполнением углублений известью. Длина 76 см, ширина (наибольшая) 9 см.

223 (168-76). То же, на конце заострен. Длина 133 см, ширина 7 см.

224 (402-274). То же, зубчатый, с округленным концом. Длина 89 см, ширина 6.5 см.

225 (168-73). Копье. Представляет собою круглую полированную палку, заостренную на одном конце. Длина 273 см, окружность (наибольшая) 7 см.

226 (168-77). Коро — оружие, употребляемое при охоте за головами. Деревянное зубчатое копье, вставленное в бамбуковую петлю; к петле привязаны погремушки из ореховых скорлупок для устрашения врага их шумом. Hood Bay, селение Кало. Ддина копья 151 см, большой диаметр петли 63.5 см, малый диаметр 31 см.

227 (402-306). То же. Длина копья 149.5 см, большой диаметр петли 62 см, малый диаметр 30 см.

228—230 (402-212, 402-212, 402—272). Кинжалы из кости казуара, от 30 до 32 см длины и от 2.5 до 3.2 см наибольшей ширины.

Утварь

231 (168-93). Глиняный горшок для варки пищи, круглый, с вдавленным орнаментом (пунктирные линии). Окружность 55 см, диаметр отверстия 6.5 см.

232 (168-94). Круглая глиняная миска. Порт Моресби. Диаметр 16.5 см, глубина 7 см.

233 (402-60). Долбленая деревянная миска. Большой диаметр 46 см, малый 38.6 см, глубина 21 см.

234 (402-185). Ложка из скорлупы кокосового ореха, овальной формы. Верхняя часть, служащая ручкой, орнаментована резьбой и снабжена круглым отверстием для вешания ложки на крючок. Большой диаметр 6.5 см, малый диаметр 5 см, длина ручки 8 см, ширина 2 см.

235 (168-91). Калебаса для извести, употребляемой при жевании бетеля, с выжженным, орнаментом. Длина 17 см, окружность (наибольшая) 18 см.

236 (402-38). То же. Длина 15 см, окружность 5 см.

237 (402-39). То же. Длина 19 см, окружность 21 см.

238 (402-54). Лопаточка для доставания из калебасы извести, с резной ручкой (изображение головы фрегат-птицы). Длина 24 см, ширина (наибольшая) 3.5 см.

239 (402-77). То же. На ручке резной орнамент, с заполнением углублений известью. Длина 45 см, ширина 2.7 см.

240 (168-99). То же, ручка в виде головы рыбы. Длина 25 см, ширина 3.8 см.

241 (402-56). То же. Длина 18.5 см, ширина 2.5 см.

242 (402-57). То же. Длина 26 см, ширина 2 см.

243 (402-58). То же. Длина 19 см, ширина 2 см.

244 (168-83). Бамбуковая курительная трубка, с выжженным орнаментом. Длина 52 см. диаметр 4 см.

245—247 (168-90, 168-156, 168-167). Вязаные сумки, употребляемые женщинами для ношения овощей с огорода. Длина 23—31 см, ширина 29—45 см.

248—249 (168—$^{96}/_{7}$, 168-166). Листья пандануса, с тисненым узором, из которых изготовляются цыновки.

Одежда

250 (402-79). Пояс деревянный, с резным, окрашенным известью в белый цвет орнаментом (стилизованное изображение человеческого лица), носится молодыми мужчинами, причем туловище перетягивается неестественно туго. Длина 160 см, ширина 29 см.

251 (168-82). То же. Длина 195 см, ширина 12.5 см.

252 (168-88). Пояс вождя, сетчатого плетения из кокосовых шнурков, к которым привязаны пестрые перья попугая (*Eclectus polychlorus*), покрывающие всю поверхность плетения. Горы Оуэн-Стэнли. Длина 140 см, ширина 17 см.

253 (168-95). Женская бахромчатая юбка из окрашенных в желтый и вишневый цвета волокон листьев саговой пальмы, прикрепленных к веревке, сплетенной из нарезанных полосами листьев пандануса. Длина спереди 37 см, сзади 52 см.

Украшения

254 (402-173). Ожерелье из семян *Coix*, в три нити, с привеском из просверленного собачьего зуба.

255 (402-172). То же, в одну нить, из крупных черных косточек одного из дикорастущих видов банана (*Musa silvatica*), с привеском из раковины.

256 (168-100). То же, из собачьих зубов.

257 (168-101). То же, из белых и розовых раковинных дисков по 2.5 см в диаметре каждый.

258 (402-169). То же, из белых и розовых раковинных дисков и крупных черных банановых косточек.

259 (168-86). Нагрудное украшение из перламутра, в виде полумесяца, на шнурке из кокосовых волокон, на который нашиты раковинки *Nassa*; носится как мужчинами, так и женщинами. Дер. Карепуна. Расстояние между концами полумесяца 1.5 см, ширина (наибольшая) 4.5 см.

260 (168-85). Музикака — боевое нагрудное украшение. Представляет собою деревянную дощечку, вырезанную по краям в форме полумесяцев, привешенную к шнурку из человеческих волос с оторочкой из пестрых перьев по верхнему краю, облеплена при помощи смолы красными семенами *Abrus praecatorius* и белыми раковинными бляшками, по краям прикреплены расколотые по длине и просверленные кабаньи клыки; к концам нижнего полумесяца прикреплено по цепочке из семян *Coix* с кисточками из шкурки кускуса на конце; с задней стороны дощечка оклеена гапой. Во время боя держится в зубах как талисман, обеспечивающий победу. Длина 24.5 см, ширина (наибольшая) 14.5 см.

261—267 (402-150/2, 402-151/3, 402-159, 168-106). Носовые палочки, выточенные из раковины *Tridacna*, с кольцами из человеческих волос на обоих концах. Длина 12—15 см, окружность 3—3.5 см.

268 (402-157). То же, с привеском из бус европейского происхождения. Длина 18 см, окружность 3 см.

269—275 (168-97/7). Браслеты из раковины *Conus*, украшенные крупными черными зернами и маленькими розовыми дисками, выточенными из раковины *Spondylus*. Тробриановы о-ва. Ширина каждого браслета 3.8 см, диаметр 7—7.5 см.

276 (168-92). Браслет из человеческой челюсти с привесками из ореховых скорлупок.

277 (402-180). То же, с привеском из раковин.

278 (168-89). Украшение из плиссированного листа пандануса, затыкаемое за браслет. Длина 141 см, ширина (наибольшая) 13 см.

Разное

279 (402-162). Кини — инструмент для татуировки из отрезка стебля одного из видов *Dioscorea* с острым шипом. Дер. Карепуна. Длина ручки 10.2 см, длина шипа 3 см.

280 (402-163). Беу — палочка, обмотанная листьями, которой ударяют по кини, вонзая его таким образом в кожу татуируемого. Длина 18.5 см.

281 (168-107). Панова флейта из семи бамбуковых трубочек от 7.5 до 24 см длины и от 0.5 до 1 см в диаметре, связанных друг с другом при помощи расщепленного ротанга.

282 (402-328). Кусочек коры *Cinnamonum Kiamis*, носится на груди как амулет, предохраняющий от болезней.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ [1]

Перед текстом:

Николай Николаевич Миклухо-Маклай. С портрета работы К. Е. Маковского (Ленинград, Музей института этнографии Академии Наук СССР)

Рисунки в красках на отдельных листах:

Стр.

Участник обрядовой пляски в полном наряде 168
Невеста из Бонгу в свадебном наряде 174
„Ванг“ — парусные пироги (о-в Били-Били) 185
Буамбрамра — мужской дом — и таль — жилая хижина на берегу Маклая 227
Замаскированный участник празднеств „ай“ 254

Рисунки в тексте:

1. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси 24
2. Каин, туземец с о-ва Били-Били 95
3. Туземная парусная лодка с о-ва Били-Били 96
4. Парусная лодка. Деталь платформы, якорь, весло 97
5. Далу из дер. Бонгу 106
6. Дягусли из дер. Теньгум-Мана 110
7. Ален из дер. Теньгум-Мана 111
8. Способ погребения у папуасов 124
9. Боге из дер. Энглам-Мана 131
10. Авель из дер. Горенду 143
11. Марамай, житель о-ва Били-Били 146
12. Дерево с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси 160
13. Наму из дер. Марагум-Мана 165
14. Папуас с берега Маклая с характерными украшениями на нем 228
15. Могила папуаса под барлой хижины 239
16. Способ погребения детей 240
17. Папуас, играющий на флейте 251
18—25. Образцы орнамента папуасов берега Маклая 259—261
26. Папуасский мальчик Ахмат 282
27. Урумбай — малайское судно, на котором Н. Н. Миклухо-Маклай ездил на берег Папуа-Ковиай 284
28. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Айве 303

[1] Все иллюстрации в тексте и на отдельных листах — зарисовки Н. Н. Миклухо-Маклая за исключением №№ 37 и 38.

Стр.

29. Радья Айдумы 304
30. Мальчик-папуас. Берег Папуа-Онин. 307
31. Горные папуасы берега Папуа-Ковиай. 309
32. Папуас с берега Папуа-Нотан. 314
33. Капитан Мавары. 320
34. Узоры татуировки. Архипелаг Луизиады. 339
35. Узоры татуировки папуасов южного побережья Новой Гвинеи. 341
36. Хижина в бухте Кало, на южном берегу Новой Гвинеи 347
37. Папуас из порта Моресби (с фотографии). 349
38. Девушка из порта Моресби (с фотографии). 349

После текста:

Таблицы I — XVIII. **Фотографические снимки с предметов этнографической коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Значение исследований Н. Н. Миклухо-Маклая для этнографической науки (вступительная статья) . . . 3

Н. Н. Миклухо-Маклай. Важнейшие биографические даты . . . 12

Океания

Новая Гвинея . . .

Берег Маклая

Первое пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее (с сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.) . . . 17

Второе пребывание на берегу Маклая в 1876—1877 гг. . . . 163

Третье посещение берега Маклая в 1883 г. . . . 199

Антропологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее . 207

Этнологические заметки о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее . . . 221

Отношение числа женщин к числу мужчин у папуасов берега Маклая . . 257

О брахикефалии у папуасов Новой Гвинеи . . . 258

Следы искусства у папуасов берега Маклая на Новой Гвинее . . . 259

Об употреблении напитка кеу папуасами на Новой Гвинее . . . 263

Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов берега Маклая на Новой Гвинее . . . 265

Список растений, используемых туземцами берега Маклая на Новой Гвинее . . . 267

Диалект деревень Горенду, Бонгу и Гумбу (берег Маклая) . . . 273

Берег Папуа-Ковиай

Второе путешествие на Новую Гвинею в 1874 г. . . . 281

Дневник путешествия из Амбоины на берег Папуа-Ковиай (1874 г.) . . . 293

Список некоторых слов диалектов папуасов берега Папуа-Ковиай на Новой Гвинее . . . 328

О политическом и социальном положении папуасов берега Папуа-Ковиай . 332

Южный берег

Посещение южного берега Новой Гвинеи (январь — апрель 1880 г.) . . . 336

Приложение

Список предметов этнографической коллекции, собранной Н. Н. Миклухо-Маклаем на Новой Гвинее . . . 352

Список иллюстраций . . . 362

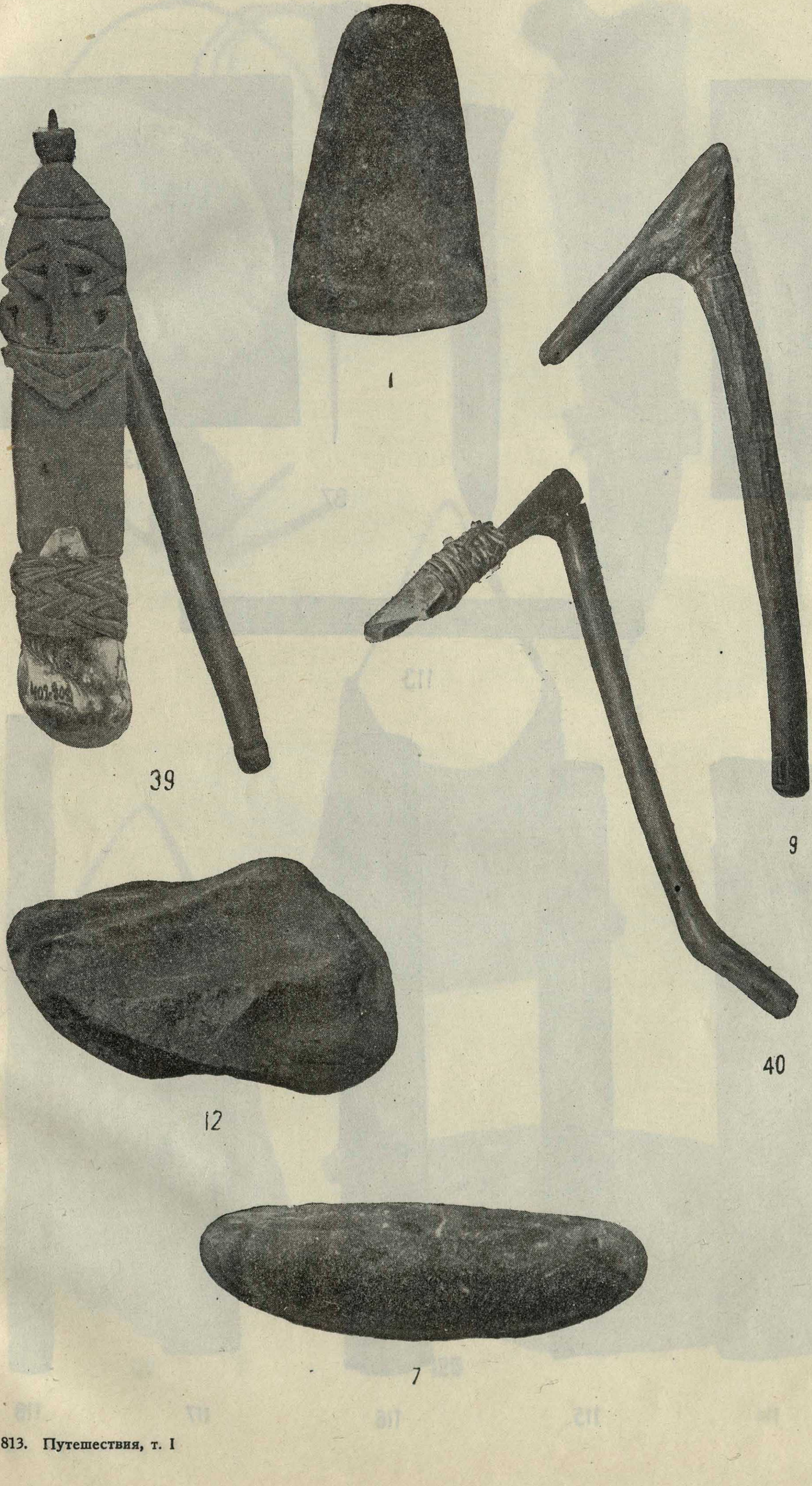

39
1
9
40
12
7

Таблица II

36

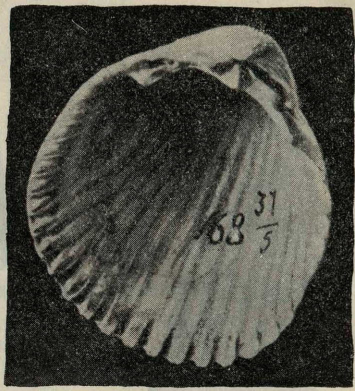
29

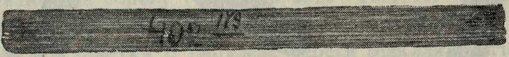
31

37

43

113

114

115

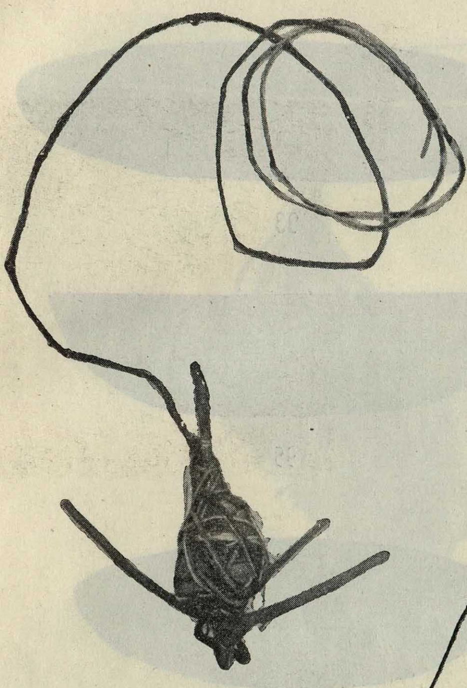
116

117

118

55

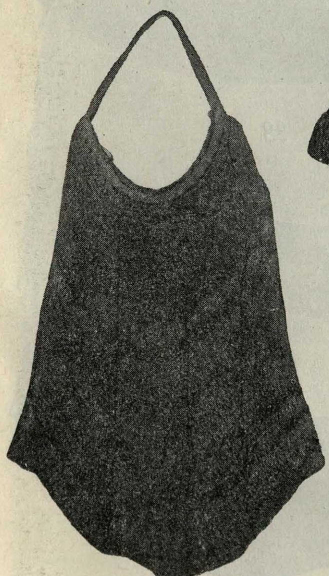
56

51

121

124

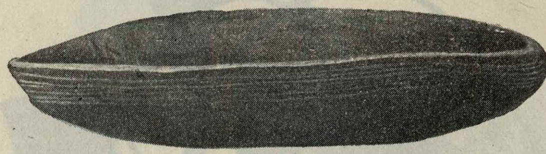

125

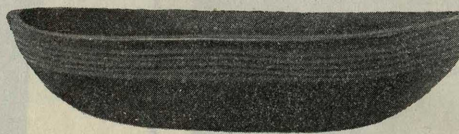
Таблица IV

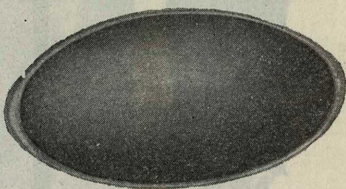
89

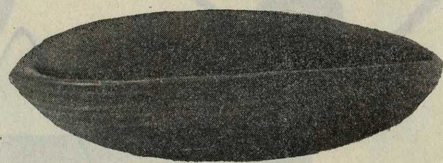
93

95

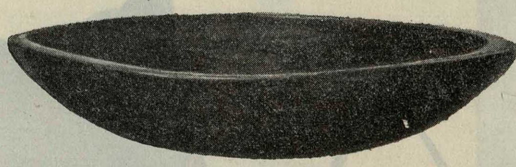
97.

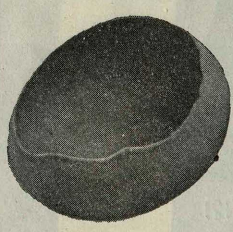
94

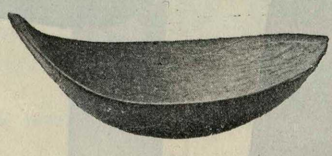
99

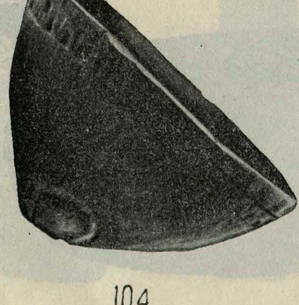
98

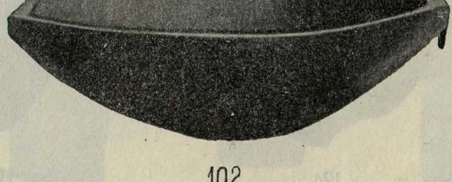
103

106

104

102

Таблица V

135

128

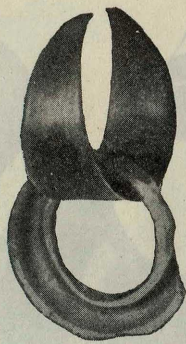

133

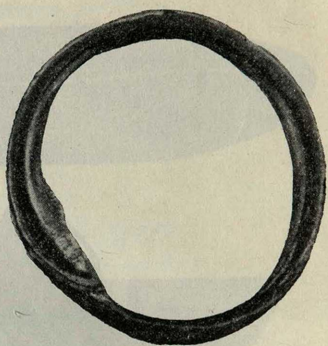
Таблица VI

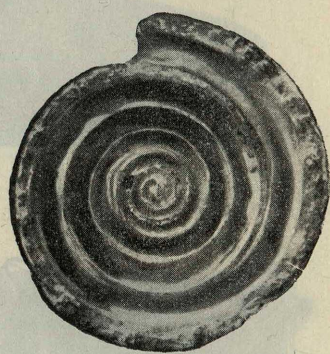
150

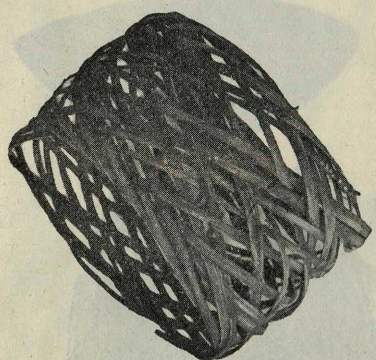
148

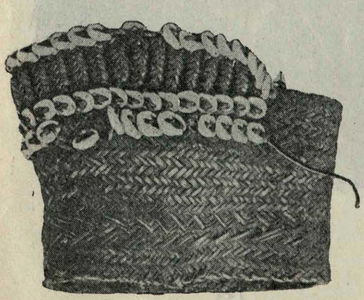
160

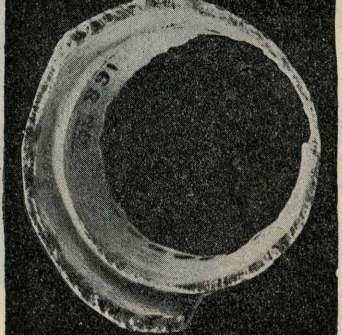
162

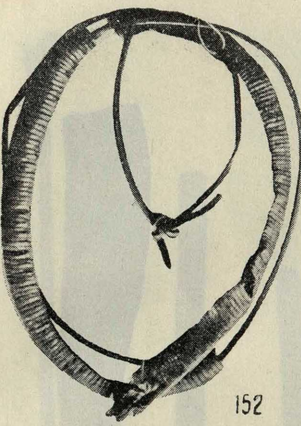
159

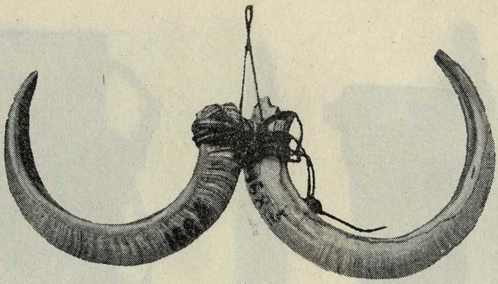
158

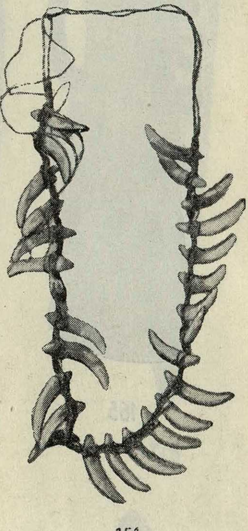
163

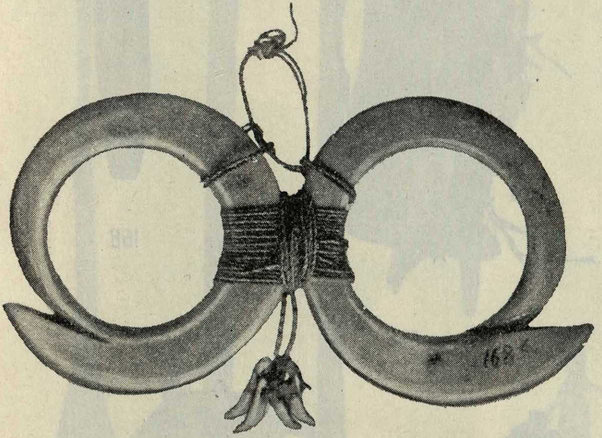
152

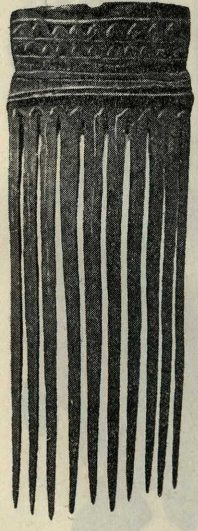
153

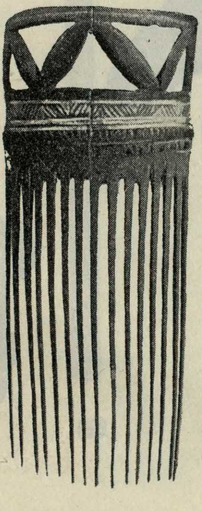
151

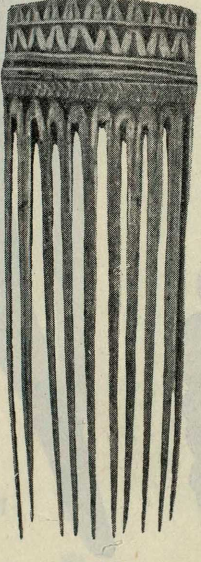
157

137

139

138

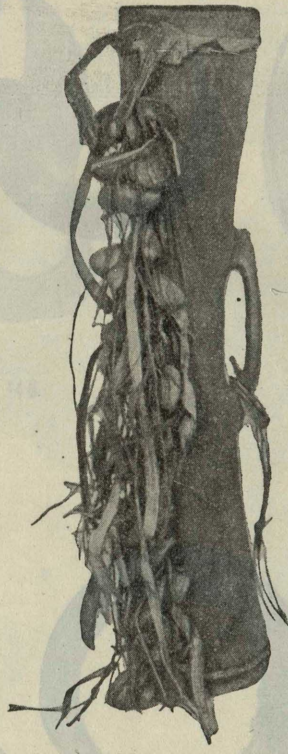

142

Таблица VIII

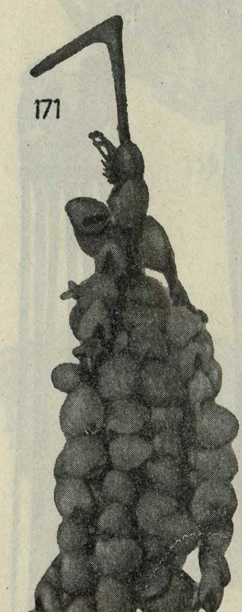
165

166

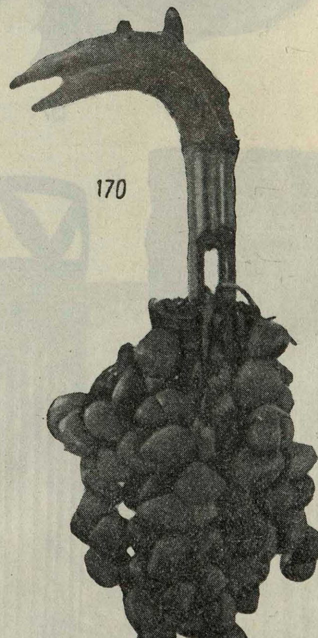
168

171

172

170

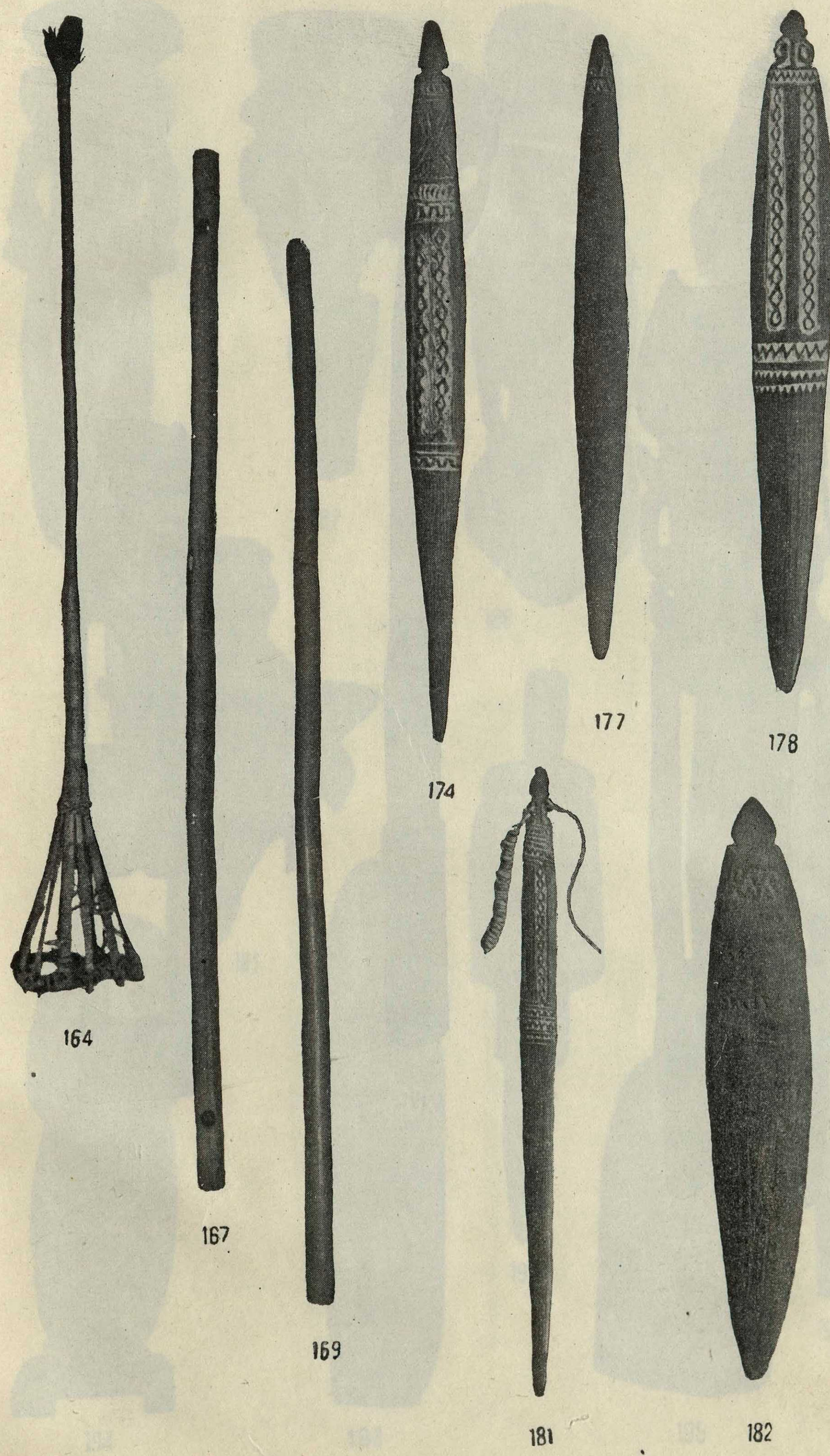
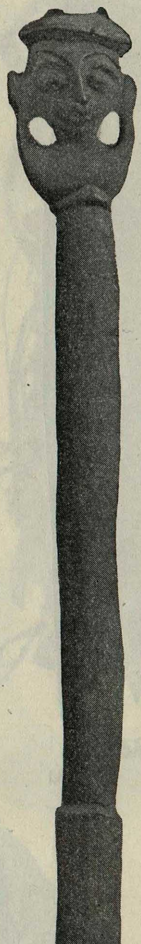

164
167
169
174
177
178
181
182

Таблица X

191

183

184

186

187

188

189

185

190

192

194

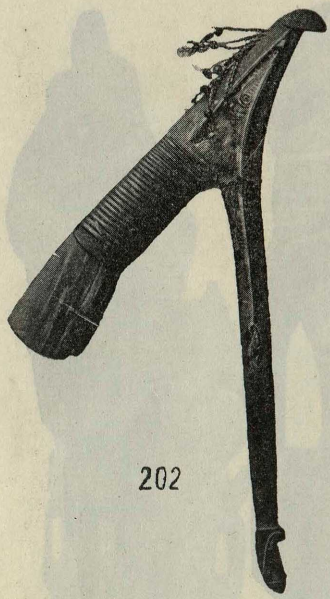

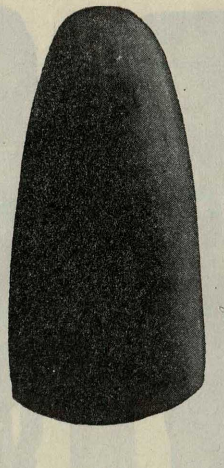
193

195

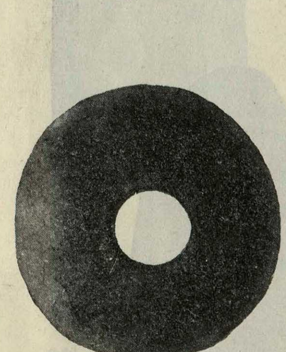
Таблица XII

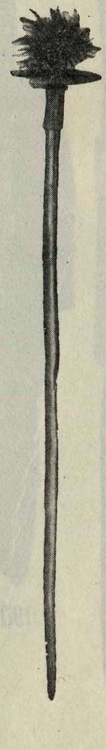

202

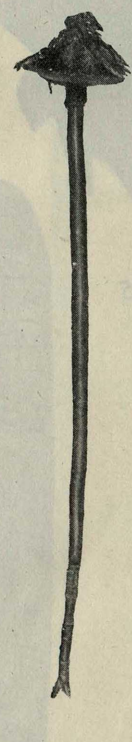

203

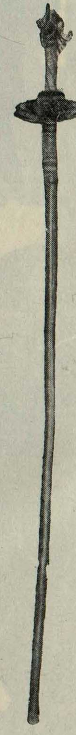

211

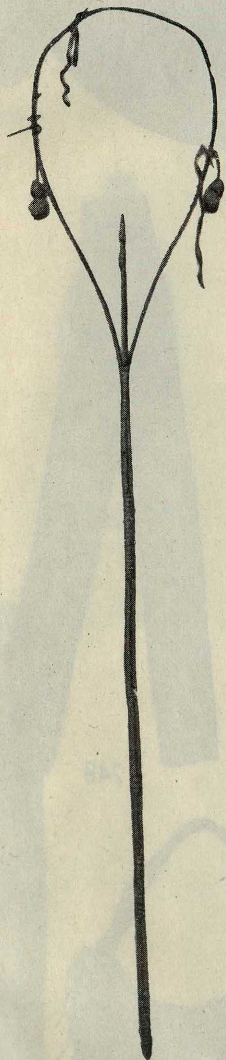

209

221

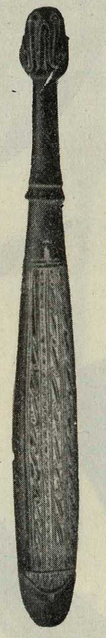

218

219

220

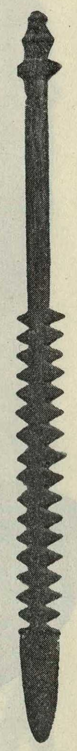
226

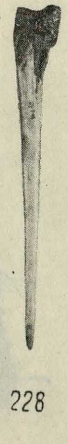
222

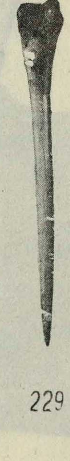
223

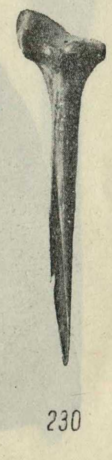
224

228

229

230

Таблица XIV

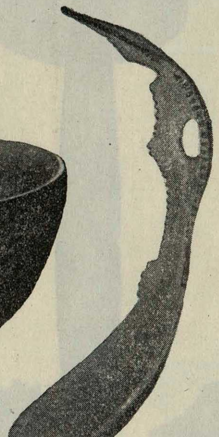
231

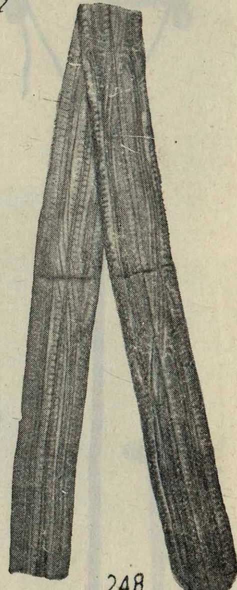
232

233

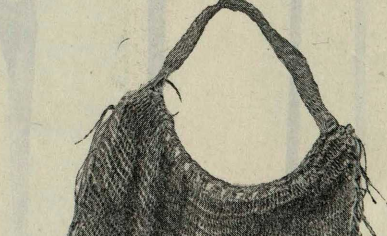
234

248

245

247

235

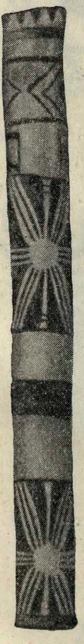

236

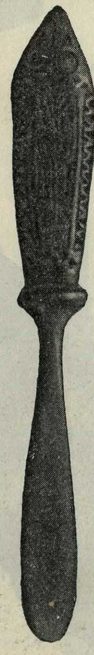

237

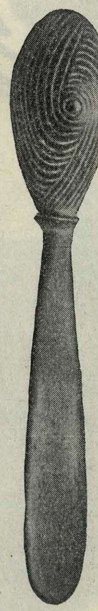

238

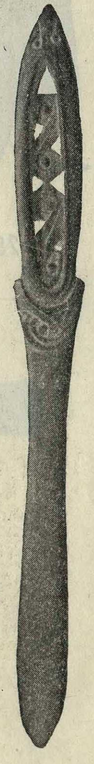

239

240

244

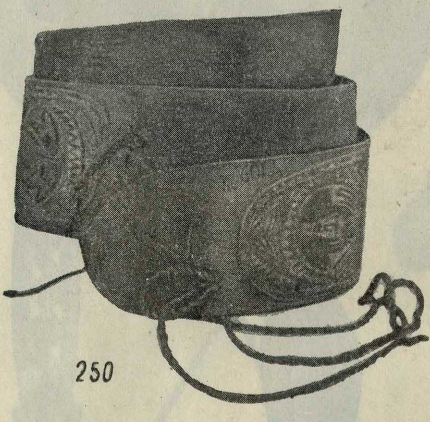

243

241

242

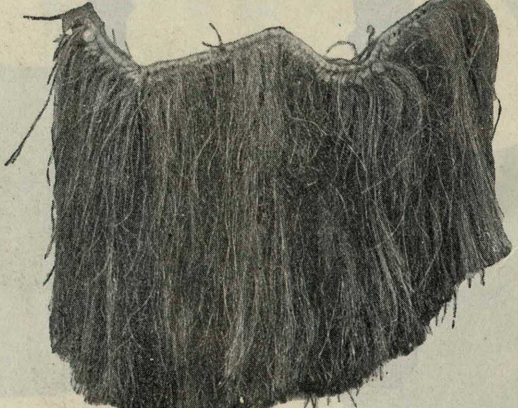
252

250

251

253

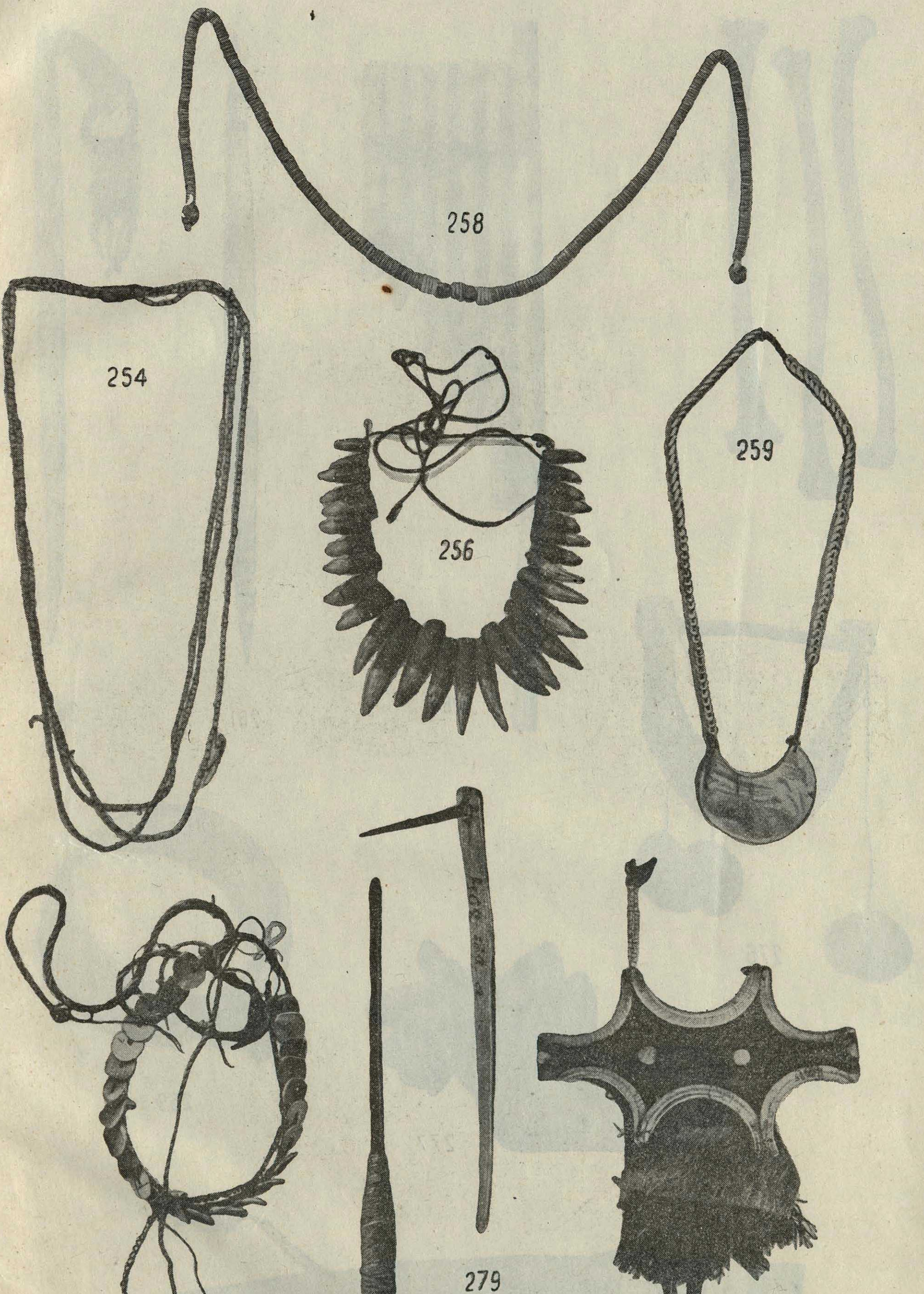
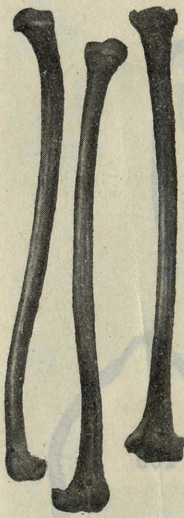
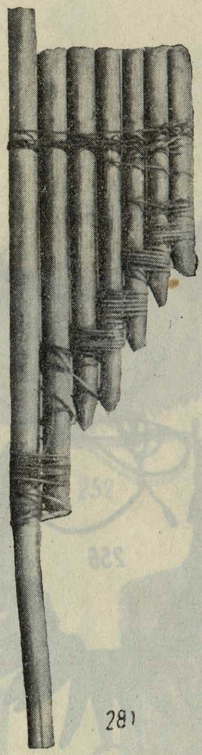

258
254
256
259
257
280
279
260

Таблица XVIII

196

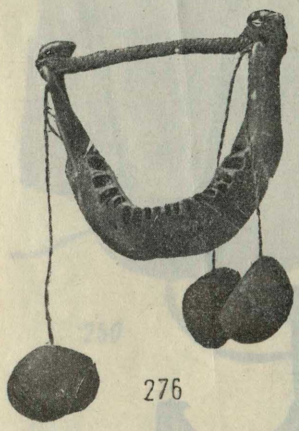
281

261

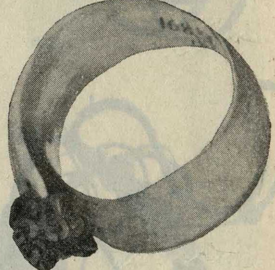
268

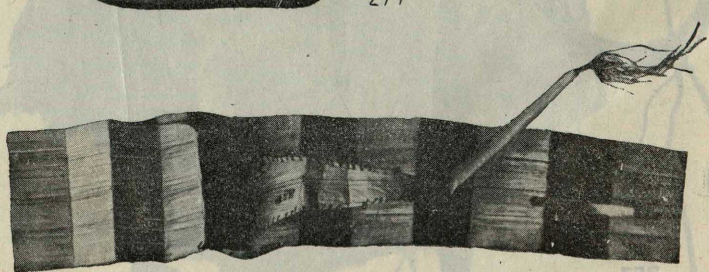
276

277

269

278

6 ил. + 9 таб.

2020084014